С. М. ДУБНОВ

ЕВРЕИ
В РОССИИ
И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

С. М. ДУБНОВ

ЕВРЕИ В РОССИИ
И
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В ЭПОХУ АНТИСЕМИТСКОЙ РЕАКЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
Москва 1923 Петроград

Главлит № 200. Напечатано 2000 экз.

ГОС. УЧЕБНО-ПРАКТ. ШКОЛА-ТИП. ИМ. ТОВ. АЛЕКСЕЕВА. ПЕТРОГРАД. КРАСНАЯ, 1.

ФГБУПБ-924

Голубакиной Анне
Михеевичу Мусатову от
издателей } Я. Брешко
Москва, 5/VI, 23. } Михеев=

и секретаря В. Ивин

КНИГА ПЕРВАЯ

ЕВРЕИ В РОССИИ

В ЦАРСТВОВАНИЕ

АЛЕКСАНДРА III

(1881—1894).

ГЛАВА I.

Российская реакция.

С начала 80-х годов XIX века политическая реакция прочно водворилась как в западных центрах еврейства—Германии и Австрии, так и в крупнейшем восточном центре—России. На Западе воскресла юдофобия в новой форме „антисемитизма“, а в России усилился режим, при котором гражданское бесправие сочеталось с уличными погромами. В Западной Европе антисемитская реакция была направлена против данной уже евреям гражданской эмансипации, а в России—против эмансипации, ожидаемой со времени либеральных реформ Александра II. Ожидания оказались напрасными. Как внезапно прервались общие реформы царя, освободившего крестьян от личного рабства, но не желавшего освободить Россию от рабства политического, так же быстро прекратились и частичные улучшения в положении евреев. Уже в 70-х годах ясно обозначились здесь черты контр-реформы [1]). Решительная победа реакции с момента воцарения Александра III сопровождалась таким взрывом юдофобии, какого еще не знала новая Россия. Наряду с бюрократией, решавшей еврейский вопрос в канцеляриях в полицейско-репрессивном духе, его стала решать темная народная масса на улицах: рядом с бесправием становился погром. И на Западе, и на Востоке в усилении юдофобии проявились определенные политические и социально-экономические причины, но в России причины и следствия были более примитивны, как и весь строй огромного полицейского государства, которое резко противопоставляло себя правовому государству Запада.

Социально-экономические причины нового антиеврейского движения в России имели сходство с западными только в одном от-

[1]) См. Дубнов, Новейшая история еврейского народа (1789—1881 г.) стр. 544—555, в издании 1914 г.

ношении: и здесь, и там недовольство вызывалось быстрым „вторжением“ евреев в христианское общество и в привилегированные профессии. Льготы, данные при Александре II еврейскому крупному купечеству, усилили конкуренцию в развившемся тогда российском грюндерстве—насаждении фабрично-заводской промышленности [1]), строительстве железных дорог, учреждении банков и разных акционерных предприятий. Льготы же евреям с высшим образованием вызвали конкуренцию их с христианами в области свободных профессий—врачебной, адвокатской, инженерно-технической и отчасти литературной, в ежедневной прессе. Под'ем некоторых групп еврейского общества по социальной лестнице встретил отпор со стороны однородных русских групп, и только лучшая часть русской интеллигенции охотно принимала образованного еврея в свою среду. Развилась юдофобская пресса, поощряемая казенными субсидиями. „Новое Время“ в Петербурге, „Виленский Вестник“, „Киевлянин“ и „Новороссийский Телеграф“ в провинции—вели бессовестную юдофобскую пропаганду. „Новое Время“ пустило в ход крылатое слово: „Жид идет!“—тревожный клич о социальном росте тех, которые еще недавно стояли вне гражданского общества. Эта же газета поместила на своих столбцах памфлет отца немецкого антисемитизма Марра о „победе еврейства над германством“ и предсказывала такое же победное шествие Израиля в России (1879).

Столкновению на верхах общества соответствовало более грубое столкновение в низах. Здесь, в особенности на юге России, экономическая борьба начинает проявляться в формах, напоминающих времена гайдамачины на Украине. После освобождения крестьян массовый еврей пришел в более близкое соприкосновение с крестьянином, так как между ними уже не стоял прежний властелин деревни—помещик. Те сельские и городские евреи, которые раньше кормились около помещика, „порица“, в качестве посредников по сбыту сельских продуктов, имели теперь дело непосредственно

[1]) Благосостояние еврейской буржуазии больше поднялось в южных, чем в северо-западных губерниях. По официальной статистике 1871 г., в трех юго-западных губерниях (Киевской, Волынской и Подольской) числилось 721000 евреев, из которых 86% жили в городах, а 14% в селах. В их руках находились 27 из 105 сахарных заводов, 619 из 712 винокуренных заводов, 5700 из 6353 мельниц. Ежегодное производство всех промышленных заведений, содержимых евреями, оценивалось в 70 миллионов. См. Нов. Ист. евр., указ. изд., стр. 549, примеч.

с мужиком-земледельцем, ставшим хозяином своего труда. Скупка сельских продуктов в деревнях и на городских рынках и обмен их на городские товары производились в Западной России преимущественно евреями, которые в своей массе, сдавленной в „черте оседлости“, были прикреплены к мелкой торговле и ремеслам. Между мелким производителем-земледельцем и торговым посредником не могли не возникать столкновения, которые приобретали особенно острый характер, когда сделки между ними совершались в содержимых евреями кабаках, и крестьянский хлеб обменивался на еврейскую водку,—позорное наследие польского панства и русского пьянства. Такие же столкновения возникали между евреями и русскими мещанами, их конкурентами по части мелкого базарного торга в городах черты оседлости. Эта знакомая картина Украины времен Хмельницкого и гайдамачины сохранилась на той же территории и в „эпоху великих реформ“, которые вовсе не коснулись культуры раскрепощенного крестьянина и оставили его коснеть в невежестве, пьянстве и грубости нравов. На почве, еще насыщенной вулканическими силами старых национально-религиозных страстей и предрассудков, всякая политическая смута на верхах общества должна была отозваться в низах грозными подземными колебаниями, предвестниками катастроф. И катастрофа разразилась в тот момент, когда революционный террор в России завершился цареубийством 1-го марта 1881 года.

Тут социально-экономические факторы сошлись с политическими, усплывшими официальную юдофобию того времени. Революционное движение, которое могло бы быть успокоено уступкою „правовому порядку“ или конституции, все более разгоралось. К концу 70-х годов оно натолкнулось на полицейский террор и перешло в красный террор. Непрерывные покушения на жизнь „царя-освободителя“ Александра II создали в народе крайне тревожное настроение. Участие группы образованной еврейской молодежи в революционном движении вызывало гнев в правящих кругах: возмущались тем, что одаренная „льготами“ еврейская интеллигенция бунтует, как будто борцы за равенство могли быть удовлетворены личными привилегиями, усугублявшими неравенство. Крепло убеждение, что реформы вообще вредны и развращают народ, который после одной уступки со стороны власти требует дальнейших. Колебавшийся между уступками и репрессиями Александр II в последний год своей жизни склонился к „умиротворению“, и назначенный

им министр-диктатор Лорис-Меликов должен был осуществить это примирение власти с обществом путем „диктатуры сердца“. Был намечен суррогат конституции, в форме привлечения земских гласных к участию в законодательных совещаниях. Но посреди этих приготовлений к уступкам произошла катастрофа 1-го марта 1881 г. В группе террористов, подготовивших убийство Александра II, оказалась одна еврейка—Геся Гельфман, игравшая второстепенную роль в деле: она содержала конспиративную квартиру, как сожительница одного революционера [1]). В полицейских сферах это заметили и сделали отсюда надлежащий вывод.

На обагренный кровью престол вступил Александр III, неограниченный монарх с самым ограниченным умственным кругозором. Человек старорусского склада, ревнитель православия и русской народности, он разделял обычные предубеждения своего круга против евреев. Еще будучи наследником, он выдал награду известному авантюристу Лютостанскому, который поднес ему свой гнусный памфлет „Об употреблении евреями христианской крови“. Черпая из подобных книг свои сведения об еврейской религии, будущий царь судил об экономической роли евреев по скандальному процессу поставщиков интендантства во время русско-турецкой войны [2]). Других сведений об еврействе не имел будущий властелин миллионов евреев. Свое общее политическое воспитание Александр III получил под руководством ярого реакционера Победоносцева, бывшего профессора московского университета, ставшего обер-прокурором „святейшего Синода“. Преподавая наследнику русского престола государственные науки, бывший профессор гражданского права успел укоренить в его уме начала гражданского бесправия. Победоносцев сумел внушить своему питомцу представление об идеальном церковно-полицейском государстве, где православный русский народ не „развращен“ просвещением и политической свободой, боится Бога и царя, чуждается инородцев

[1]) Приговоренная по процессу о цареубийцах (Рысаков, Желябов, Перовская) к смертной казни, Гельфман была оставлена в тюрьме вследствие ее беременности; после рождения ребенка, которого отняли у матери, она умерла в тюрьме. См. „Дело 1 марта 1881 г.“, Спб. 1906; „Былое“ 1906 г., № 3 (ст. „Далекое и недавнее“).

[2]) Там-же, стр. 554—555. Ср. судебный отчет „Дело Цедербаума с Лютостанским“ в „Рассвете“ 1880 г. №№ 39, 46—52. Защитник Лютостанского неоднократно ссылался в суде второй инстанции на подарок наследника с целью снять с подзащитного клеймо недобросовестности.

и иноверцев и поставлен в положение господствующей нации. Принцип „Россия для русских“ крепко засел в мозгу Александра III, и он потом неуклонно проводил его в своей политике. После события 1-го марта новый царь недолго колебался между противоположными советами своих сановников, из которых либералы предлагали дать стране умеренную конституцию, а реакционеры настаивали на сохранении строгого режима самодержавия и прекращении реформ. Победила партия „великого инквизитора“, Победоносцева: решено было всею силою власти поддерживать режим полицейского государства. Царский манифест 29-го апреля, написанный Победопосцевым, возвестил народу тоном небесного откровения: „Глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять“. Царь призывал всех верных подданных „к искоренению крамолы, к утверждению веры и нравственности“. Вместо европейской парламентской конституции, царь скоро даровал России конституцию жандармскую—знаменитое „Положение об усиленной охране“ (август 1881 г.). В силу этого акта, в столицах и многих провинциальных городах сатрапам—губернаторам и генерал-губернаторам—предоставлялась почти неограниченная власть: право издавать исключительные законы, отменяющие нормальный закон, арестовывать и ссылать в Сибирь всякого гражданина, подозреваемого в „политической неблагонадежности“, и вообще распоряжаться судьбой жителей по своему усмотрению. Эта великая хартия вольностей, дарованная полиции против граждан, впоследствии ежегодно возобновлялась особыми царскими указами, которые распространяли право административного произвола на все новые губернии. Полицейская конституция 1881 года пережила бумажную думскую конституцию 1905 года и регулировала жизнь России вплоть до весенней революции 1917 года.

Цареубийство 1-го марта естественно толкало на путь реакции не только правительство, но и большую часть русского общества, напуганного призраком анархизма. Послышался возглас: „Ищите еврея!“ Все враждебнее к евреям становился тон консервативных органов печати. Тотчас после события 1-го марта, „Новое Время“ и провинциальные газеты, субсидируемые правительством, стали намекать на участие евреев в этом террористическом акте, а вскоре в южных газетах появились тревожные слухи об ожидаемых нападениях на евреев. Какое-то зловещее брожение замечалось в низах рус-

ского народа, а сверху чьи-то невидимые руки толкали народную массу на большое преступление. Таинственные эмиссары из Петербурга появлялись в больших городах юга России (Елисаветград, Киев, Одесса) еще в марте и вели с высшими начальниками полиции секретные переговоры относительно возможного „взрыва народного негодования против евреев“ на почве экономической, причем намекали на нежелательность противодействия народу со стороны полиции. В вагонах и на станциях железных дорог стали попадаться фигуры великорусских торговцев и рабочих („кацапы“, как их называют на малороссийском юге), которые говорили с простыми русскими людьми о готовящейся расправе с евреями, читали им юдофобские статьи из газет и уверяли, будто есть „царский указ“, разрешающий бить евреев в дни ближайшей христианской Пасхи [1]). До сих пор не выяснено, какая именно организация вела в народе эту пропаганду погромов и насколько была причастна к делу петербургская тайная лига сановников, под именем „Священной дружины“, образовавшаяся в марте 1881 г. для борьбы с „врагами порядка“ (в этой лиге, просуществовавшей до осени 1882 г., участвовали, между прочим, Победоносцев и будущий министр внутренних дел Игнатьев); но что погромы были тщательно подготовлены и организованы в самой провинции, видно было из того, что они почти одновременно вспыхнули во многих местах юга России и везде совершались по одинаковому шаблону, в смысле однообразия действий толпы и бездействия властей [2]).

---

[1]) „Евр. Старина“, 1909 г. т. II, стр. 207 и сл.; ср. там же, т. I, стр. 92; Проект записки комиссии Палена, стр. 69 (см. ниже).

[2]) Chronique du mouvement socialiste en Russie, 1878—1887— записка Шебеко, цитируемая Богучарским в статье „Священная дружина“ („Речь“ 1909 г., № 307); ср. журн. „Былое“ 1907 г., кн. VI, стр. 305. В архиве Еврейского Историко-Этногр. Общества (коллекция Э. Б. Левина, Погромные дела, № 7) имеется документ, обозначенный в описи так: „Донесение агента Священной дружины, командированного для дознания по поводу происшедших погромов“; но из него не видно, чтобы дружина была причастна к организации погромов. Агент пришел к убеждению, что причина антиеврейского движения на юге кроется в „посторонней силе крамолы“, которая натравила народ на евреев с намерением приучить его таким путем к восстанию против правительства,—взгляд, которого и высшие сферы придерживались в начале погромов (см. дальше, гл. II). Ср. „Евр. Стар.“, 1909 г., т. I, стр. 91—93; „Рассвет“, 1881 г., ст. 846, 1255, 1257 и др.

ГЛАВА II.

Погромы 1881 года.

Гроза началась в Елисаветграде, большом городе Новороссии с 15-тысячным еврейским населением. Еще накануне русской Пасхи местные христиане на улицах и в магазинах говорили, что скоро „будут бить жидов“. Евреи встревожились. Полиция приготовилась к охранению порядка в первые дни Пасхи, вызвав для этого небольшой отряд войск. Первые дни праздника прошли спокойно, и на четвертый день, 15 апреля, войска были удалены с улиц. В этот-то момент и начался погром. Организаторы погрома подослали в содержимый евреем кабак какого-то пьяного русского мещанина, который произвел там скандал; когда хозяин кабака стал выталкивать скандалиста на улицу, поджидавшая там толпа русских мещан и рабочих закричала: „Жиды наших бьют!“—и бросилась избивать проходивших по улице евреев. Это был провокаторский сигнал к погрому. На базарной площади разбивались еврейские лавки, расхищались и уничтожались товары. Полиция при помощи войска с трудом рассеяла банду громил. Но на другой день погром возобновился с большей силой и планомерностью, при подозрительном бездействии войск и полиции. Вот как это описано, на основании официального расследования, в отчете правительственной комиссии, не предназначенном для опубликования и потому свободном от обычной официальной лжи [1]):

„В ночь с 15 на 16 апреля на окраинах города было сделано нападение на еврейские дома, преимущественно на питейные заведения, причем был убит один еврей. Около 7 часов утра, 16 апреля,

---

[1]) Проект общей записки высшей комиссии по пересмотру законов о евреях („Паленовской комиссии“), стр. 63—64. Том-фолиант был напечатан в 1888 г. в небольшом числе экземпляров.—Ср. „Рассвет“ и „Русский Еврей“ 1881 г. №№ 17—18, а также „Евр. Старина“, 1909 г., т. II, стр. 209 и сл.

беспорядки возобновились, разростаясь с необычайною силою по всему городу. Приказчики, служителя трактиров и гостиниц, мастеровые, кучера, лакеи, казенные деньщики, солдаты нестроевой команды—все это примкнуло к движению. Город представлял необычайное зрелище: улицы, покрытые пухом, были завалены изломанною и выброшенною из домов мебелью, дома с разломанными дверьми и окнами, неистовствующая толпа, с криком и свистом разбегающаяся по всем направлениям, беспрепятственно продолжающая свое дело разрушения, и в дополнение к этой картине—полное равнодушие со стороны местных обывателей не-еврейского происхождения к совершающемуся разгрому. Призванные для восстановления порядка войска не имели определенной инструкции, и при всяком нападении толпы на новый дом не знали, что делать, а выжидали указаний начальства или полиции. При таком отношении войска к делу, бушующая толпа, разбивая дома и лавки на глазах войска, не останавливавшего ее, не могла не прийти к заключению, что предпринятое ею разрушение есть дело не противозаконное, а разрешаемое правительством... К вечеру беспорядки усилились, благодаря прибытию в город целой массы крестьян из близлежащих деревень с целью поживиться еврейским добром. Противодействовать этим толпам было уже некому, войска и полиция выбились из сил. Все упали духом и пришли к убеждению, что с наличными средствами подавить беспорядки невозможно. Но поливший с 8 часов вечера дождь с холодным ветром в значительной степени содействовал рассеянию толпы. В 11 часов прибыло свежее войско, а 17 апреля утром еще батальон пехоты, и с этого дня порядок в Елисаветграде более не нарушался“.

Весть о легко доставшейся „победе“ над евреями в Елисаветграде пробудила потенциальную погромную энергию, дремавшую в темных русских массах. Во второй половине апреля во многих селах Елисаветградского уезда и в некоторых других городах и местечках Херсонской губернии (Голта, Березовка, Ананьев с уездом) произошли погромы. В деревнях большею частью ограничивались разорением содержимых евреями питейных домов, причем крестьяне верили, что исполняют этим какой-то указ. В городах и местечках разрушались все еврейские дома и лавки и расхищалось имущество. В городе Ананьеве подстрекал к погрому русский мещанин Лященко, который говорил в толпе: „Евреи убили царя, и высшее правительство приказало их бить, но наше начальство

скрывает этот приказ". Подстрекателя арестовали, но толпа отбила его у полиции и затем бросилась громить евреев. Было разгромлено около двухсот домов и лавок на окраинах города, где ютилась еврейская беднота; центр же, где жили более состоятельные, охранялся полицией и воинской командою, и потому уцелел [1]).

Движение разросталось,—инстинкты разнуздывались. Мать городов русских, древний Киев, где евреи на заре русской истории явились носителями культуры вместе с хазарами, сделался ареной разгула диких орд. Здесь погром тщательно подготовлялся тайною организацией, распространявшею в народе слухи, что евреи убили Александра II, что новый царь повелел бить их, что гражданские власти и войска будут в этом помогать народу, а уклоняющиеся от исполнения царской воли будут наказаны [2]). Местные власти и сам генерал-губернатор Дрентельн, ярый реакционер-юдофоб, знали о готовящемся погроме и даже о назначенном для того дне – воскресенье, 26 апреля. Полиция предупредила евреев, чтобы они в воскресенье не выходили из своих домов и не открывали лавок. Евреи недоумевали: в резиденции генерал-губернатора, где сосредоточено многочисленное войско, могущее по одному знаку начальства подавить любой беспорядок, велят прятаться мирным гражданам, на которых готовится нападение, вместо того, чтобы не допустить самаго нападения. Совет полиции был, конечно, исполнен, и в роковой день с утра евреев на улицах не было; но многочисленным бандам громил не препятствовали собираться на улицах и приступить к своему делу. Погром начался в густо населенной евреями части города—Подоле. „В 12 часов дня,—рассказывает очевидец [3]),—воздух вдруг огласился диким криком, свистом, гиканьем, ревом и хохотом. Шла громадная масса мальчишек, мастеровых и рабочих. Вся улица была запружена босой командой. Дело разрушения еврейских домов началось. Полетели стекла, двери, и вскоре после этого стали выбрасывать на улицу из квартир и магазинов решительно все, что попадалось под руки. В воздухе закружились облака перьев. Звон разбитых стекол и рам, плач, крик и отчаяние—с одной, и страшное гиканье и рев—с другой стороны дополняли картину, напоминав-

[1]) Проект общей записки etc., стр. 65—66; „Рассвет" 1881 г. стр. 788.

[2]) Проект etc., стр. 66. Ср. „Евр. Стар." 1909 г., т. II, стр. 212 и сл. (воспоминания очевидца).

[3]) „Рассвет" 1881 г. стр. 741 (описание, урезанное тогдашнею цензурою).

шую многим, бывшим на театре последней русско-турецкой войны, башибузуков, грабивших болгарские деревни. Скоро толпа накинулась на синагогу, и несмотря на крепкие запоры, замки и ставни, синагога мигом была разнесена вся. Надо было видеть то остервенение, с каким босая команда накинулась на свитки (Торы), бывшие в синагоге в большом количестве. Свитки рвались на клочья, топтались в грязь с чрезвычайным рвением. Улицы скоро переполнились трофеями разрушения. Везде валялись разбитая посуда, мебель, домашняя рухлядь и проч. Часа через два после начала погрома, большинство босой команды превратилось вдруг в порядочно одетых людей, причем многие уже казались черезчур толстыми. Дело в том, что когда разграбили магазины готовых платьев, большинство надевало на себя три, четыре костюма и, не довольствуясь еще этим, брало с собою под мышку все, что можно было запрятать. Многие уезжали на извозчиках с мешками награбленных вещей. Христианское население оградило себя от разрушительных действий босой команды тем, что на всех окнах выставило иконы, на ставнях и на воротах написало кресты. Во время погрома на улицах Подола двигались войска, раз'езжали казаки и расхаживали пешие и конные патрули. То здесь, то там показывались офицеры, проезжали генералы и высшее начальство. Вот помчалась конница к тому месту, откуда идет гул, окружила всех и предложила толпе разойтись. Толпа перешла на другое место. Дело разрушения продолжалось таким образом вплоть до трех часов ночи. Войска барабанили, оцепляли народ и предлагали разойтись, а толпа все ожесточеннее и яростнее нападала".

В то время, как одни шайки разбойников громили на Подоле, другие свирепствовали на центральных улицах. Везде дикая, пьяная толпа („между ними нельзя было встретить ни одного трезвого"—говорит очевидец) совершала свое гнусное дело в присутствии войск и полиции, которые лишь в редких случаях отгоняли громил, а большею частью сопровождали их, составляя для них как-бы почетный конвой. Иногда показывался на улицах сам генерал-губернатор Дрентельн, в сопровождении губернатора и полицеймейстера; представители власти „увещевали народ", который при них „сохранял гробовую тишину и пятился назад", а по уходе начальства возвращался к прерванному делу[1]). Не так бы, конечно,

[1]) Ibid., ст. 740, 742 и др. Антиеврейское движение в 1881 г., „Евр. Стар.", 1909 г. (из записки, представленной в Паленовскую комиссию).

действовали те же власти, если бы в толпе раздался хоть один революционный возглас: толпа моментально была-бы рассеяна несколькими выстрелами.

Местами вовсе не было ни войск, ни полиции, и там погромщики давали полную волю своим зверским инстинктам. В предместье Киева, Демиевку, шайка громил ворвалась ночью, разрушила прежде всего кабаки, напилась водки допьяна, а затем подожгла еврейские дома. Под покровом ночи тут творились ужасы: многих евреев избивали до смерти или бросали в огонь, а женщин насиловали. Позднейшее частное расследование установило более 20 случаев изнасилования громилами еврейских девушек и замужних женщин; из пострадавших две только заявили судебному следователю о своем несчастии, прочие же либо конфиденциально признавали свой позор, либо скрывали, опасаясь погубить свою репутацию [1]).

Только 27 апреля, когда погром возобновился, власти решили положить ему конец. Где только появлялась шайка буянов, ее немедленно окружали солдаты и казаки и разгоняли ее прикладами ружей; кое-где приходилось стрелять в озверевшую толпу, среди которой оказалось несколько раненых и убитых. Эта быстрота усмирения на второй день погрома еще яснее показала, что при желании власти могли прекратить эксцессы еще в первый день и подавить преступное движение в самом зародыше.

Благодаря пассивности властей, допущено было разгромление около тысячи еврейских квартир и магазинов, с причинением убытка на несколько миллионов рублей, причем было убито и ранено несколько десятков евреев и изнасиловано два десятка женщин. Это называлось на официальном языке мягко „беспорядками“, и обо всех киевских ужасах „Правительственный Вестник“ напечатал лишь следующую лаконическую телеграмму: „26 апреля в Киеве начались беспорядки, направленные против евреев. Нескольким евреям нанесены побои, лавки и магазины их разграблены. К утру следующего дня беспорядки, с помощью войск, приостановлены, а из числа буйствовавших задержано до 500 человек“. В дальнейших официальных сообщениях говорилось уже о 1.400 арестованных погромщиках и о нескольких

[1]) Архив Евр. Истор. О-ва (назв. коллекц. № 3: перечень имен пострадавших женщин).

раненых при усмирении (в том числе один гимназист и один студент), но не о еврейских жертвах [1]).

Пример метрополии заразительно подействовал на всю киевскую сатрапию. Жертвою погромной эпидемии в ближайшие дни (27 апреля—5 мая) сделались около 50 деревень и несколько местечек Киевской губернии и соседних Волыни и Подолии. В местечке Смела и окрестных деревнях 10-тысячное еврейское население пережило в миниатюре ужасы киевского погрома; только на второй день (4 мая) войска прекратили в местечке буйство и грабеж, сопровождавшиеся несколькими случаями убийства и причинения ран. В близлежащей деревне была изнасилована и до смерти замучена 30-летняя еврейка, а семилетний сын другой женщины, спасшийся бегством, был зверски убит за нежелание осенить себя крестным знамением [2]). Так повторились в 1881 г. ужасы старой гайдамачины на ее былой родине, хотя и не в былых размерах. Теперь к местному малорусскому населению примешивался пришлый великорусский элемент, т. н. „кацапы“. Великорусские рабочие и „босяки“ часто являлись зачинщиками погрома, а по окончании его они бесследно исчезали. Такая банда хулиганов прибыла по железной дороге в Бердичев, но в этом большом еврейском центре ее встретила на вокзале многочисленная еврейская стража, вооруженная дубинами, и не допустила гастролеров высалиться из вагонов, так что им пришлось уехать назад. Этот редкий случай самообороны был возможен лишь благодаря снисходительности местного полицеймейстера, который за крупную взятку разрешил евреям обороняться против громил [3]). Подобные попытки самообороны в других местах либо не допускались полицией, либо приводили к еще худшим последствиям. Так, в городе Конотопе (Черниговской губ.) оборона со стороны евреев заставила толпу громил перейти от грабежа к убийствам. В деревнях темные крестьяне исполняли „обязанность погрома“, будучи уверены, что сам царь возложил на них такую обязанность. В одной деревне Черниговской губернии сельский старшина стал увещевать собравшихся для погрома крестьян разойтись;

---

[1]) „Рассвет“ 1881 г., №№ 18—19. В „Проекте общей записки“ комиссии Палена говорится: „Меры к обузданию толпы (в Киеве) не были приняты своевременно и энергично, чем об'ясняются огромные размеры буйства толпы“ (стр. 67).

[2]) Проект, стр. 69—70; Архив Истор. О-ва (назв. колл. № 4).

[3]) „Евр. Старина“, т. I, 92.

крестьяне потребовали от старшины письменного удостоверения, что они не будут отвечать перед высшей властью за неисполнение повинности бить евреев, и такое удостоверение им было выдано. Тем не менее скептики не успокоились и хоть отчасти отбыли повинность, разорив шесть еврейских домов. В некоторых деревнях священники с трудом убедили крестьян, что „приказа бить жидов не было“[1]).

Завершением весенней погромной кампании был трехдневный погром в столице юга—Одессе (3—5 мая). В этом городе со стотысячным еврейским населением и огромным портовым сбродом эксцессы толпы приняли бы ужасающие размеры, если бы власти, наконец, не вспомнили, что они поставлены не для того, чтобы составлять почетную свиту для погромщиков, как было в Киеве. Одесская полиция и войска настигали банды громил, рассыпавшиеся по городу, и большею частью разгоняли их. Организованная еврейская самооборона, под руководством студентов местного университета, часто отгоняла разбойников от ворот еврейских домов. Но когда начались аресты в уличной толпе, полиция не отличала обороняющихся от нападающих, и в числе задержанных 800 человек оказалось 150 евреев, обвиненных в хранении „оружия“, которое состояло большей частью из дубинок и железных палок (револьверы оказались лишь у немногих). Всех арестованных посадили в три баржи, выведенные в море, и в этой плавучей тюрьме они содержались несколько дней. Одесский погром, выразившийся в разорении нескольких бедных еврейских кварталов, еще не удовлетворил аппетитов одичалой толпы, разгоряченной слухами о киевских „успехах“; чернь грозила новым нападением и даже резней. Паника в городе заставила многих уехать в более спокойные места или эмигрировать за границу[2]). Такой же характер незаконченности носили происходившие одновременно погромы в некоторых уездах Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний (Александровск, Николаев, Бердянск, Орехов и др.), причем нападению подвергались и некоторые еврейские земледельческие колонии этих губерний[3]). Погром-

---

[1]) „Проект“, 69—70; ср. „Рассвет“ 1881 г., ст. 772—773.

[2]) Бен-Ами, Одесский погром 1881 г. („Еврейский Мир“, 1909 г. кн. V), „Рассвет“, 1881 г. №№ 19—20; „Евр. Старина“, т. II, 216—218.

[3]) Такие „мелкие погромы“ сводились обыкновенно к простому грабежу. Крестьяне из окрестных деревень ходили в праздничные дни „на погром“ или посылали своих детей—часто малолетних, чтобы забирать еврейское добро. Одну деревенскую семилетнюю девочку, бродившую по улицам Мели-

ная энергия первого периода как-будто пошла на убыль в начале мая. В „военных действиях“ наступил перерыв, длившийся до июля того же года.

В начале мая 1881 г. на пост министра внутренних дел, вместо опального Лорис-Меликова, был назначен Н. П. Игнатьев. Бывший посол в Константинополе, втянувший Россию в турецкую войну, теперь перенес приемы дипломатических козней во внутреннюю политику. В своем программном циркуляре от 6 мая он возвестил, что главную задачу правительства составляет „искоренение крамолы“, то-есть борьба не только с революционным движением, но и с либеральным духом вообще. В связи с этим в циркуляре дана такая оценка начавшемуся на юге анти-еврейскому движению: „Движение против евреев, появившееся в последние дни на юге, представило печальный пример того, как люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушениям злонамеренных лиц, разжигающих дурные страсти в народной массе, впадают в своеволие и самоуправство и действуют, сами того не понимая, согласно замыслам крамольников. Подобные нарушения порядка не только должны быть строго преследуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долг правительства охранять безопасность населения от всякого насилия и дикого самоуправства“ [1]). В этих строках высказана намеками гипотеза, державшаяся на первых порах в петербургских высших сферах, относительно причины погромов, а именно, что анти-еврейское движение вызвано агитаторами из среды социалистов-революционеров, которые рассчитывали направить возмущение народных масс сначала против евреев, как класса преимущественно торгового, а потом против русского купечества, землевладельцев и чиновников. Правительство очевидно опасалось, что агитация „крамольников“ примешалась к агитации „людей, преданных престолу“, сторонников воинствующей национальной политики, с целью направить анти-еврейское движение „согласно замыслам крамольников“. Представитель еврейской общины в Петербурге барон Г. О. Гинцбург посетил великого князя Владимира Александровича и услышал от него сообщение, что анти-еврейские „беспорядки, как теперь обнаружено правительством,

---

тополя, спросили, что ей нужно в городе, и получили ответ, что бабушка послала ее из соседней деревни, сказав: „Говорят, в городе будут бить жидов, поди туда и захвати платочков“ (см. Проект записки комиссии Палена; стр. 72—73).

[1]) „Правит. Вестник“, 1881 г., № 98; „Рассвет“, 1881 г., № 19

имеют своим источником не возбуждение исключительно против евреев, а стремление к произведению смуты вообще“ [1]).

Через неделю после этой беседы, депутация от еврейского общества услышала такое же мнение и от самого царя. С трепетом готовились к этой аудиенции еврейские депутаты (барон Гинцбург, банкир Зак, адвокат Пассовер и др.). Ждали царского слова по поводу обрушившейся на евреев катастрофы. 11 мая в гатчинском дворце состоялась аудиенция. Барон Гинцбург выразил „беспредельную благодарность за меры, принятые к ограждению еврейского населения в настоящее тяжелое время“, и добавил: „еще одно царское слово—и смута исчезнет“. На эвфемизм о „принятых мерах“ Александр III так же правдиво ответил, что перед ним равны все подданные. Он высказал уверенность, „что в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом и что это—дело рук анархистов“. Эта успокоительная часть ответа была опубликована в газетах, но устная молва знала и вторую часть ответа, в которой царь высказал предположение, что источник вражды к евреям кроется в экономическом „господстве“ их и „эксплоатации“ ими коренного русского населения. На робкие возражения талантливого адвоката Пассовера и других депутатов царь ответил: „Изложите все это в особой записке“. Записка впоследствии была составлена, но не подана, ибо спустя несколько месяцев взгляд правительства на еврейский вопрос изменился к худшему: Игнатьев решительно выдвинул теорию „эксплоатации“ для оправдания погромов и репрессий, и ему удалось затормозить подачу царю записки в защиту евреев [2]).

Успокоительная часть царского ответа в аудиенции 11 мая была, может быть, вызвана и желанием успокоить общественное мнение Европы. За несколько дней до гатчинской аудиенции, в английской палате общин заговорили о преследованиях евреев

---

[1]) „Рассвет“, 1881 г., ст. 754.— О действительном отношении партии „Народной воли“ к погромам см. дальше, гл. III.

[2]) Ibid., ст. 764; ср. „Евр. Старина“, т. VI, стр. 340 (1913 г.); Архив Евр. Истор. О-ва, колл. Левина, № 8. Записку составил М. Г. Моргулис, и в декабре 1881 г. было написано прошение на имя Игнатьева о передаче ее по назначению, но—говорится в описи Архива—„ни прошение, ни записка не были поданы министру, так что аудиенция осталась безрезультатною“. Причина понятна: осенью 1881 г. уже действовали игнатьевские губернские комиссии, составлявшие обвинительные приговоры против евреев (см. дальше, гл. III).

в России. Депутаты-евреи, барон Вормс и Вольф, спросили товарища министра иностранных дел Дилька, намерено ли английское правительство сделать представление в Петербурге относительно притеснения евреев в России (в связи со случаями недопущения английских евреев к проживанию вне „черты“) и особенно эксцессов последнего времени. Дилк ответил, что правительство еще не выяснило себе, насколько такой протест может иметь успех. А спустя два дня после гатчинской аудиенции министр лорд Гренвилль, принимая депутацию от „Anglo-Jewish Association“, указал на неудобство вмешательства со стороны Англии в такой момент, когда само русское правительство принимает меры против погромов, причем сослался на „милостивый прием, оказанный русским монархом еврейской депутации“ [1]).

Действительность скоро показала, как далеки были царь и правительство Игнатьева от сочувствия жертвам погромов. Всем бросался в глаза тот факт, что правительство, обыкновенно ассигнующее помощь населению городов, подвергшихся стихийным бедствиям, не оказало ни малейшего денежного пособия пострадавшему от погромов еврейскому населению. Такое пособие имело бы большое значение не только материальное, но и нравственное, как официальное осуждение совершенных над евреями насилий, тем более, если бы крупное пожертвование для этой цели было сделано лично царем (как это часто делалось в случаях больших пожаров или наводнений). Не только не был сделан этот шаг со стороны власти, но даже самим евреям в Петербурге не разрешили открыть публичную подписку в пользу разгромленных. Одесский генерал-губернатор отказался даже принять от еврейских капиталистов крупное пожертвование для несчастных [2]). Зато местные власти ревностно позаботились, чтобы доказать свою солидарность с врагами еврейства. Тотчас после уличных погромов начались своеобразные погромы административные. Полиция города Киева еще в мае энергично приступила к выслеживанию евреев, „незаконно“ там проживающих, и тысячами изгоняла этих „преступников“ из города. Такие же массовые выселения производились в Москве, Орле и других пунк-

---

[1]) „Рассвет“, 1881 г., стр. 794 и сл., 834.

[2]) Архив Евр. Историч. Общества, назв. коллекция № 6 (Записка Э. Б. Левина, розданная саповникам в июле 1881 г., стр. 1); „Евр. Старина“, т. I, 98 (1909 г.).

тах вне „черты оседлости“ [1]). То был наглядный урок веротерпимости для простого народа, только что показавшего, во что он ценит неприкосновенность личности и собственности еврея.

Была еще надежда, что хоть реформированный суд, орган общественной совести, произнесет суровый приговор над героями погромов, но и в этом пришлось разочароваться. За открытый разбой и насилия над человеческою личностью судьи обыкновенно назначали ничтожные наказания (три месяца ареста и т. п.), как за мелкий уличный скандал или „нарушение общественной тишины“, причем наказанию подвергались также евреи, решившиеся на самооборону (как, напр., в Одессе). В Киеве же, при разборе в военно-окружном суде дела о местном страшном погроме (18 мая), прокурор суда, известный реакционер Стрельников (впоследствии убитый революционерами), произнес обвинительную речь не столько против погромщиков, сколько против пострадавших. Он доказывал, что эксцессы вызваны „еврейскою эксплоатацией“, захватом главных экономических позиций в крае, и в этом смысле задавал свидетелям-евреям коварные вопросы. Когда один из свидетелей возразил, что обострение экономической борьбы вызывается искусственною скученностью евреев в замкнутой черте оседлости, прокурор воскликнул: „Если для евреев закрыта восточная граница, то ведь для них открыта западная граница; почему же они ею не пользуются?“ [2]). Этот возмутительный в устах стража закона призыв к эмиграции, это грубое подталкивание в спину тех, которые под влиянием погромной паники уже готовились к „исходу“ из страны рабства, произвели крайне тяжелое впечатление на еврейское общество. Рухнула надежда на правосудие, ибо и оно стало орудием юдофобской политики.

Быстро испарилось моментальное успокоение умов, вызванное тою частью царского ответа в аудиенции 11 мая, которая сделалась достоянием гласности. Снова в душу еврея закралась тревога, а вдохновители погрома приободрились и решили, что пора кончить антракт в прерванном уличном спектакле. В первых числах июля началась вторая, летняя серия погромов. Очагом нового пожара был город с казацкими традициями — Переяслав (Полтавской губернии), куда после весеннего погрома в Киеве прибыло много беженцев из этого города. Увеличение еврейского населения Пе-

---

[1]) „Восход“, 1881 г., кн. V, стр. 83 (II отд.); „Евр. Старина“, I, 99.

[2]) „Рассвет“, 1881 г., ст. 812, 855; „Восход“, 1881 г., кн. V, стр. 82 (II отд.).

реяслава не понравилось местным христианам. Исполняя евангельский завет любви к страждущим, 420 мещан христианского общества составили приговор о выселении пришельцев из этого города, а в ожидании легальной расправы решили сами „проучить“ евреев. 30 июня и 1 июля в городе произошел погром по всем правилам, хотя и без человеческих жертв. Оригинален был только эпилог погрома. В городе образовался комитет для расследования причин беспорядков, состоявший из представителей администрации, четырех христиан и трех евреев. Этому комитету были пред'явлены следующие условия перемирия с евреями со стороны мещан-христиан: чтобы еврейские гласные местной городской думы и члены прочих городских учреждений добровольно сложили с себя эти почетные звания, „как люди, лишенные гражданской честности“ [1]); чтобы еврейские женщины не наряжались в шелк, бархат, золото; чтобы евреи не держали христианской прислуги, которая у них „портится“ в религиозном и нравственном отношениях; чтобы были немедленно выселены все иногородние евреи, спасшиеся бегством в Переяслав; чтобы евреям запретили закупать продукты в окрестных деревнях для перепродажи, торговать в воскресные дни и русские праздники, содержать кабаки и т. п. [2]). Таким образом, разоренным евреям пред'явили еще ультиматум с угрозой продолжения „военных действий“. По обыкновению, примеру города Переяслава последовал и его уезд—местечки и деревни. Разнузданность народа, приученного безнаказанно разрушать и грабить, не знала границ. Когда в м. Борисполе перепившаяся водкою толпа буянов, готовая перейти от грабежа к резне, была остановлена полицией и казаками, она в ярости бросилась на этих необычных защитников еврейского населения и стала их избивать, пока несколько выстрелов со стороны войска не обратили буянов в бегство. Во время погрома в Нежине (20—22 июля), после напрасных попыток властей остановить буйство, войско принуждено было стрелять

---

[1]) На это наглое требование темных мещан члены-евреи с достоинством ответили: „Какая горькая насмешка! Упрекают евреев в отсутствии честности представители тех именно людей, которые, с дубинами и топорами в руках, разбойническими шайками напали на своих мирных соседей, разграбляя их имущество!“ В таком же тоне составлены ответы на прочие требования мещан.

[2]) „Рассвет“ 1881 г., ст. 1093, 1137—38, 1295—96; Проект комиссии Палена, стр. 73 и сл.

в раз'яренную толпу, в которой оказалось несколько убитых и раненых. Тогда раздался клич: „Христианская кровь проливается; бей жидов!"—и погром возобновился с большей яростью; прекратился он только на третий день [1]).

В этих последних яростных попытках истощилась энергия июльских погромов. Разбойничьи банды увидели, что полиция и войска перестали шутить, и очень скоро отрезвились от своего погромного опьянения. К концу июля эпидемия вандализма прекратилась. Продолжалась только полоса пожаров во многих городах: лишенные возможности безнаказанно громить, струсившие буяны тайно поджигали еврейские кварталы. Это замечалось особенно в северо-западных губерниях (Литва и Белоруссия), где высшая власть, в лице виленского генерал-губернатора Тотлебена, с самого начала решительно заявила, что она погромов не допустит.

От погромов весенней и летней кампании пострадало свыше ста населенных евреями пунктов, преимущественно на юге России; но от паники, от ужаса ожидания диких насилий, страдало еврейское население повсеместно. И как в давние бедственные моменты, перед гонимым народом встал вопрос об эмиграции. Как будто для сопоставления конца XIX века с концом XV-го, на еврейское горе в России откликнулась страна, которая в 1492 г. изгнала евреев из своих пределов: испанское правительство заявило о своей готовности принять и приютить беглецов из России [2]). Старая католическая Испания протянула руку жертвам новой, православной Испании. Практическая ценность этого предложения тогда же была признана ничтожною, и на очереди стал вопрос: куда направить эмиграционное движение—в Соединенные Штаты Северной Америки, куда массу толкала нужда в хлебе и свободе, или в родную Палестину, как приют для оскорбленной души народной. Пока еврейские публицисты спорили о том, куда ехать [3]), сама жизнь указала линию эмиграционного движения: почти все эмигранты с юга России направлялись в Америку через западно-европейские центры. Движение шло стихийно, без всякой организации, и на первом этапе пути—в городе Бродах, близ русско-австрийской границы — скопилось к концу лета до десяти тысяч бедных переселенцев, увлеченных

[1]) Проект etc., стр. 74; „Рассвет", 1881 г., №№ 28—32.

[2]) „Рассвет", 1881 г., стр. 1105 и 1148 (письма испанских министров Сагасты и Кампоса).

[3]) Ibid. №№ 34—35, 38, 40.

слухами, что агенты парижского „Alliance Israelite“ дают средства на переселение в Америку. Неподготовленный к такой массовой эмиграции центральный комитет Alliance'а растерялся. Он рассылал воззвания, предостерегающие от массовой эмиграции в Америку через Броды (октябрь); но остановить движение было невозможно. Когда уполномоченные парижского „Союза“ (известный Неттер и др.) приехали в Броды, они увидели страшную картину: по улицам города бродили тысячи измученных нуждою людей, с голодными детьми на руках. „С раннего утра до поздней ночи делегатов окружала толпа, вопившая о помощи. Матери заграждали им дорогу, бросая под ноги своих младенцев и умоляя избавить их от голодной смерти“. Делегаты делали все, что могли, но число беженцев росло, между тем как отправка их в Америку шла крайне медленно [1]).

Не только погромы и вызванная ими паника гнали евреев из России, но и те новые удары, которые посыпались на них из щедрой руки министра Игнатьева.

---

[1]) Ibid., стр. 1655, 1694, 1816 и мн. др. В 1881 г. эмигрировало из России в Америку около 8000 евреев; позже число эмигрантов значительно увеличилось

ГЛАВА III.

Еврейство перед судом «губернских комиссий» и варшавский погром (август—декабрь 1881 г.).

После некоторых колебаний в еврейском вопросе, юдофобское правительство нашло, наконец, свой путь. Растерявшийся было в начале погромного движения министр Игнатьев сперва об'яснял это движение кознями „крамолы“ и революционной „анархии“, но потом решил, что для успеха реакционной политики правительства и для оправдания позорящих Россию эксцессов перед Европою выгоднее свалить всю вину на самих евреев. Создана была теория „эксплоатации коренного населения“ евреями. Эта теория состояла из двух положений: 1) еврей, как торговый класс по преимуществу, занимаются непроизводительным трудом и таким образом эксплоатируют производительные классы христианского населения, особенно крестьян; 2) еврей, „захватив в свои руки“ торговлю и промышленность (тут уже признавался и факт большого участия евреев в ремесленной и фабричной промышленности), конкурируют с христианскими городскими сословиями, которые расправляются со своими соперниками самосудом. Первая часть этой теории основывалась на примитивных представлениях о хозяйственной жизни, обычных в период перехода от натурального хозяйства к капиталистическому, когда все сложные посреднические формы труда признаются непроизводительными, эксплоататорскими. Мысль, выраженная во втором пункте, присуща природе полицейского государства, где любят говорить о „захвате“ тех или других экономических отраслей инородною частью населения и об обязанности государственной власти вмешаться в конкуренцию с целью склонить успех на сторону господствующей национальности. Правительство не смущалось ни примитивностью этой теории, ни ее внутренним противоречием (принцип защиты русской „эксплоатации“ насчет еврейской). Правительству

нужна была только точка опоры для того, чтобы снять с себя вину за погромы и доказать, что это был „народный самосуд“, месть евреям либо со стороны „эксплоатируемых“ ими крестьян, либо со стороны неудачных кандидатов в эксплоататоры из русского мещанства.

В этом духе был составлен в июле 1881 г. отчет графа Кутайсова, командированного царем на юг России для расследования причин „беспорядков“. С чувством облегчения сообщал этот сановник, что революционная пропаганда не была причастна к возникновению погромов, и лишь кое-где революционеры безуспешно пытались использовать уже возникший антиеврейский погром „для возбуждения анти-правительственного движения“. Причины погромов, по мнению Кутайсова, кроются в самих евреях, которые вызывают „ненависть народа“ тем, что они „захватили в свои руки всю торговлю и промышленность“ и „образовали крупную общественную единицу“. На юге „евреи на глазах одного поколения обращались из простых факторов в миллионеров, фабрикантов и земельных собственников и становились все более нахальными, требуя, чтобы коренное население относилось с уважением к денежной аристократии“. Столичный родовой аристократ, граф не мог мириться с таким ростом влияния денежной аристократии (конечно, ничтожной в сравнении с массою еврейского пролетариата) и с досадою отмечает, что в Одессе лучшие дома и лавки переходят в руки евреев. Однако, причину р а з в и т и я погромного движения и этот пристрастный ревизор видит в бездействии полиции и войск, которые могли везде прекращать буйства черни при самом их возникновении, но давали погромам разрастаться. „Взволнованная масса составила себе странное убеждение: если само начальство не останавливает нападения на евреев, следовательно оно дозволено; отсюда уже пошли толки, что оно разрешено самим царем“, а это „разрешение“ народ об‘яснял тем, что евреи—„непосредственные виновники события 1-го марта, что они убили царя“[1]).

Министр Игнатьев с радостью ухватился за подкрепленную Кутайсовым очень удобную теорию и сделал из нее самые смелые выводы, которые изложил в своем докладе, представленном Александру

---

[1]) Подробное изложение доклада Кутайсова—в „Проекте общей записки“ Паленовской комиссии, стр. 84—91; ср. Архив Евр. Истор. Общ., колл. Левина, №№ 6 и 39.

II. Игнатьев доказывал ошибочность прежней политики правительства, которое „в последние 20 лет (при Александре II) старалось способствовать слиянию евреев с остальным населением и почти уравняло евреев в правах (?) с коренными жителями“. Недавние погромы, по мнению министра, доказали, что „вредное влияние“ евреев нельзя устранить такими либеральными способами. „Главная причина столь несвойственного русскому народу движения (погромов) заключается,—об'яснял граф Игнатьев,—в обстоятельствах, имеющих исключительно экономический характер. Евреи за последние 20 лет мало-по-малу захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрели посредством купли и арендования значительную поземельную собственность, причем, благодаря своей сплоченности и солидарности, они за немногими исключениями направили все свои усилия не к увеличению производительных сил, а к эксплоатации коренных жителей и преимущественно беднейших классов населения, чем и вызвали с его стороны протест, высказавшийся в прискорбной форме—в насилиях... Подавив энергично (?) бывшие беспорядки и самоуправство, для ограждения евреев от насилия, правительство признает справедливым и неотложным принять не менее энергичные меры к устранению нынешних ненормальных условий, существующих между коренными жителями и евреями, для ограждения населения от той вредной деятельности евреев, которая, по местным сведениям, вызвала волнения“ [1]). Ловкому министру удалось убедить царя, что погромы были только народным самосудом над евреями и что правительство должно заменить этот самосуд своим законным судом, то-есть принять карательные меры не против погромщиков, а против погромленных.

В опубликованном „высочайшем повелении“ (22 августа) говорилось о „ненормальном отношении между коренным населением некоторых губерний и евреями“ и предписывалось: учредить в губерниях, имеющих значительное еврейское население, особые комиссии из представителей местных сословий и обществ, под председательством губернаторов. Эти комиссии должны выяснить, „какие вообще стороны экономической деятельности евреев имеют вредное влияние на быт коренного населения и какие следовало

---

[1]) Содержание доклада включено в циркуляр Игнатьева к генерал-губернаторам от 25 августа,—см. „Справка к докладу по еврейскому вопросу“ (изд. совета об'единенного дворянства, Спб. 1910 г.) ч. II, стр. 125—126; „Еврейская Энциклопедия“, I, 826—27.

бы принять меры законодательные и административные“ для ослабления этого влияния. Таким образом, в указе об учреждении комиссий заранее был дан ответ на поставленный вопрос: „выяснить вредное влияние“ евреев на экономическую жизнь; то, что еще нужно было доказать, предполагалось уже доказанным и поручалось только подогнать фактический материал под заключение готового обвинительного акта. Еще более резко выразил эту мысль Игнатьев в своем циркуляре к генерал-губернаторам от 25 августа, где он воспроизвел свой вышеупомянутый доклад царю и твердо установил догму о „вредных для христианского населения последствиях экономической деятельности евреев, их племенной замкнутости и религиозном фанатизме“ [1]).

Так совершилось невероятное: разоренное, ограбленное еврейское население, которое имело право пред'явить иск к незащитившему его правительству, само было предано суду этим же правительством. Судьями были агенты правительства, губернаторы (в том числе и виновные в допущении погромов), и представители христианских сословий, городских и сельских, большею частью назначенные по усмотрению губернаторов. В каждую комиссию допускались в качестве экспертов, без права голоса, два представителя еврейского общества, игравшие как бы роль подсудимых, ибо им приходилось выслушивать сплошные обвинения против евреев и постоянно оправдываться. Всего таких комиссий было 16— в 15 губерниях черты оседлости (без Царства Польского) и в Харьковской губернии. Комиссиям был дан двухмесячный срок для окончания своих работ и представления результатов министерству. В сентябре и октябре повсюду происходили заседания этих „губернских комиссий“, призванных судить еврейский народ на основании официального обвинительного акта—августовского указа, с комментарием министерского циркуляра. Вот как описывает эти заседания хорошо осведомленный современник в официальном меморандуме [2]):

„В каждой комиссии первое заседание открывалось чтением министерского циркуляра от 25 августа. Чтение это везде одина-

---

[1]) Справка etc., стр. 125; „Рассвет“, 1881 г. № 36; „Восход“ 1881 г., кн. X („Внутр. Обозр.“)

[2]) „Евр. Старина“ 1909 г., т. II, 102—103 (записка, поданная в Паленовскую комиссию). Ср. воспоминания участника киевской комиссии, д-ра Мандельштама, в сборнике „Пережитое“, т. IV, стр. 53 и сл.

ково производило сильное впечатление в двух направлениях: на членов из крестьянского сословия и на членов из евреев. Первые выносили из слышанного убеждение во враждебном настроении правительства к еврейскому населению и в снисходительном отношении его к виновникам беспорядков, вызванных, по заявлению циркуляра, единственно еврейскою эксплоатацией коренного населения. Убеждение это, подкрепленное в последующих заседаниях никем неудерживаемыми огульными нападками членов-юдофобов, они (крестьяне), конечно, не преминули передать своим обществам. Впечатление министерского циркуляра на членов из евреев было потрясающее. Они увидели в лице своем трехмиллионное еврейское население посаженным на скамью подсудимых, одну часть населения страны преданною суду другой части. И кто же были эти судьи? Не представители, свободно избранные всеми сословиями населения, вроде земских собраний, а агенты самой администрации, должностные лица, более или менее подчиненные губернатору. Самый же суд был негласный, при отсутствии достаточной защиты обвиняемых или, лучше сказать, наперед осужденных. Положение, принятое председательствовавшими губернаторами, речи преобладавших своим большинством членов-юдофобов, полные нападок, глумлений и утонченных оскорблений, заставляли еврейских членов переносить мучительную нравственную пытку и отнимали у них всякую надежду сделать что-либо в пользу спокойного, беспристрастного, всестороннего обсуждения вопроса. Голос их в большом числе комиссий был совершенно подавлен и заглушен. Это заставило еврейских членов прибегнуть к письменной защите интересов своих соплеменников, ко внесению записок и особых мнений. Однако, эти записки и протесты редко где удостоивались прочтения в заседаниях".

При таких условиях не было ничего удивительного в том, что комиссии составляли свои „приговоры" в духе обвинительного акта, присланного высшею властью. Чиновники-юдофобы упражнялись в невежественных рассуждениях о „духе пуданизма", Талмуде и национальной обособленности евреев—и предлагали искоренить все это путем полицейских репрессий: уничтожить автономию еврейских общин, закрыть все специальные еврейские училища, подвергать контролю правительства все стороны внутренней жизни евреев. Представители русского мещанства и крестьян, из которых иные недавно еще содействовали или по крайней мере сочувствовали погромам, доказывали экономическую „вредность" евреев и требо-

вали для них ограничений в городских и сельских промыслах, а также в праве жительства вне городов. Однако, пять комиссий высказали еретическую для русского правительства мысль о необходимости предоставить евреям право жительства во всей империи, с целью разредить слишком густое еврейское население в „черте“ [1]).

Одновременно с губернскими—вернее, губернаторскими—комиссиями посылали свои отзывы в Петербург и верховные сатрапы черты оседлости. Генерал-губернатор киевский, Дрентельн, который за допущение погрома в своей резиденции сам подлежал-бы уголовному суду, в своем отзыве строго осудил весь еврейский народ и требовал мер для „ограждения христианского населения от столь надменного племени, религией своею отрицающего сближение с христианами“; нужно противопоставить репрессии „умственному превосходству еврея“, которое дает ему перевес в борьбе за существование. Дрентельн предлагает, „с целью уменьшения возрастающего еврейского населения, способствовать выселению евреев из империи“. Столь же резко осудили еврейство в теории и прочие генерал-губернаторы (одесский, виленский, харьковский), но они расходились между собою относительно размеров репрессий. Виленский правитель Тотлебен, не допустивший погромов в Литве, соглашался на запрещение евреям вновь селиться в деревнях, но приэтом великодушно указал, что не находит удобным „лишать всю еврейскую нацию возможности добывать своим трудом средства к жизни“. Чувствовалось, что воинствующая юдофобия хочет отнять у еврея даже право на добывание куска хлеба [2]).

Правительство было заранее уверено в желательном ему результате работ губернских комиссий, и поэтому, не дожидаясь их записок с резолюциями, оно учредило в Петербурге „Центральный комитет для рассмотрения еврейского вопроса“ (19 октября). Комитет состоял при министерстве внутренних дел из нескольких чиновников, под председательством товарища министра Готовцева. Чиновники уже стали сочинять проект „временных мер“ в духе своего патрона, Игнатьева, а по мере получения решений губернских

---

[1]) Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу (офиц. изд., два тома, Спб., 1884 г.); обширное извлечение из них - в „Проекте общей записки“ комиссии Палена, стр. 166—249; ср. „Евр. Старина“ I, 107 и сл. См. „Рассвет“ 1881 г., № 40 и сл.

[2]) Проект общей записки, стр. 199, 229, 249 и др.

комиссий подводили фундамент под этот проект. В начале 1882 г. машина по изготовлению репрессий пошла полным ходом [1]).

Этому организованному походу юдофобов, которые готовили административные погромы после уличных, еврейское общество не могло противопоставить никакой организованной силы. Жалкую картину представлял собою маленький, келейно заседавший с'езд еврейских нотаблей в Петербурге (сентябрь 1881 г.). Приглашенные бароном Гинцбургом провинциальные гости обсуждали вопросы об эмиграции, о борьбе с юдофобской прессой и т. п., затем представились Игнатьеву, который дипломатически уверял их в „благожелательности правительства", и раз'ехались по домам [2]). Единственную общественную силу представляла собою еврейская печать (особенно три ее органа на русском языке: „Рассвет", Русский Еврей" и „Восход"), но и в ней еще замечалась растерянность. В то время только возникали эмбрионы политических систем, развитие которых предстояло в будущем. Свою задачу борьбы за право русско-еврейская печать исполняла весьма ревностно, но ее голос не был слышен в тех кругах русского общества, где широко разливалась отрава юдофобии со столбцов таких газет, как полуофициозное „Новое Время" или славянофильская „Русь". Выражая мнение правящих кругов, газета „Новое Время" в разгар летних погромов серьезно поставила гамлетовский вопрос относительно евреев в такой парафразе: „Бить или не бить?" (начальная фраза одной из статей газеты)—и решила, что бить нужно, но что в России, как монархически-консервативной стране, эту функцию должно исполнять не население, а правительство, которое системою репрессий может нанести еврейству более чувствительные удары, чем толпа на улицах. Редактор московской „Руси", Иван Аксаков, нападал на либеральную прессу, выразившую сочувствие разгромленным евреям, и доказывал, что русские люди разрушали еврейские дома под влиянием „справедливого гнева" (который почему-то проявлялся также в грабеже еврейского имущества и насилиях над женщинами). Смешав в одну кучу доводы средневековой церкви и нового германского антисемитизма, Аксаков утверждал, что иудаизм по

---

[1]) „Евр. Старина" 1909 г., I, 265 и сл.—„Рассвет" 1881 г., стр. 1719—1720, 1924.

[2]) „Рассвет" 1881 г., ст. 1485 и сл. Кроме этого фельетонного описания, мы не нашли другой характеристики келейного с'езда.

природе враждебен „христианской цивилизации“, а еврейский народ стремится к „миродержавству посредством силы денег“.

Антисемитический червяк из Германии прополз даже в некоторые круги русской радикальной интеллигенции. Среди „народников“, идеализаторов крестьянской земельной „коммуны“, совершенно незнакомых с еврейским бытом, также носились с представлением об еврее-эксплоататоре, с тем лишь отличием, что его приобщали к сонму русских эксплоататоров из буржуазии—„кулаков и мироедов“. На этой почве возникло одно очень печальное недоразумение. Некоторая часть социалистов-революционеров из партии „Народной Воли“ решила, что если крестьяне и рабочие громят евреев, как представителей буржуазии инородной, то их легко можно повернуть и на разгром своих родных эксплоататоров из командующих классов. Во время весенних и летних погромов были кое-где попытки таинственных лиц—путем прокламаций и устной пропаганды—направить движение также против русских дворян и чиновников [1]). В конце августа 1881 г. появилась прокламация исполнительного комитета партии „Народной Воли“, в которой развита мысль, что царь поработил свободный украинский народ и роздал крестьянские земли панам и чиновникам; последние покровительствуют еврею (?), который наживается вместе с ними. Поэтому народ должен идти против евреев, господ и царя. „Помогите же нам“—говорится в прокламации:—„восстаньте, рабочие! Отомстите господам, грабьте евреев и убивайте чиновников!“ Эта прокламация была издана лишь частью членов революционного исполнительного комитета, находившеюся тогда в Москве, но не была одобрена ни другими членами комитета, ни партией в целом, а потому—как акт, компрометирующий партию—была взята назад и уничтожена, после того как часть ее экземпляров уже распространилась. Тем не менее, в ближайшее время народовольцы продолжали еще теоретически оправдывать использование антиеврейского движения для целей общей социальной революции [2]). Только

---

[1]) Эти случаи послужили поводом к первоначальным предположениям правительства относительно участия революционеров в антиеврейском движении (выше, гл. II).

[2]) Тун. История революционного движения в России (русск. изд. 1906 г.), стр. 260—262; „Литература Народной Воли“ (Женева, 1905 г.), т. II, стр. 386 и сл., 423 и сл. Ср. „Die Judenpogromen in Russland“ („Jüdischer Verlag“, Köln, 1910 г.), Bd. I, 46—66 (подробное изложение).

позже они убедились, что такая тактика и преступна, и ошибочна, ибо жизнь показала, что антиеврейское движение является верным орудием в руках черных реакционеров для отвлечения народного гнева от источника всех зол, общего режима, в сторону наиболее угнетенных жертв этого режима.

После июльских погромов казалось, что эта эпидемия затихла и не скоро повторится. И поэтому впечатление полной неожиданности произвела в декабре 1881 г. весть о трехдневном погроме в столице Царства Польского—В а р ш а в е. Менее всего ожидали погрома в Варшаве, где в ту пору еще не было обостренных отношений между поляками и евреями; но организаторы погрома, командированные извне, сумели приспособиться к местным условиям,— и злое дело совершилось. В день католического праздника Рождества Христова, 13 (25) декабря, в переполненном молящимися костеле Святого Креста, в центре города, вдруг послышался крик: „Пожар!“ Публика бросилась к выходам, и в страшной суматохе было задавлено на смерть 29 человек, и много изувечено. Тревога оказалась ложною: никакого пожара в церкви не было, и все поняли, что это была обычная проделка опытных варшавских воров с целью очистить карманы публики во время давки. Но тут же, среди собравшейся у церкви толпы, с ужасом смотревшей на трупы задавленных, какие-то неизвестные агитаторы пустили слух (впоследствии не оправдавшийся), что в костеле поймали двух евреев—виновников тревоги. Мигом откуда-то раздались свистки, послужившие сигналом к погрому. Городская чернь стала бить проходивших по улицам евреев, а затем начался обычный разгром еврейских лавок, трактиров и жилищ на прилегающих к церкви улицах. Шайки грабителей шли под командою известных в городе воров и неизвестных лиц, которые по временам давали сигналы свистками, направляя толпу на те или другие улицы. Полиции и войска оказалось очень мало, как всегда там, где опасность не грозила непосредственно самому начальству, и это поощрило разбойников к дальнейшей деятельности. На другой день они уже работали на многих улицах, в центральных и окраинных частях города, кроме улиц, густо населенных евреями, где боялись серьезного отпора (в некоторых местах евреи защищались, и в драке оказались раненые с обеих сторон). Полиция и солдаты арестовывали многих буянов и отправляли их в участок, но разгонять толпу не решались, и погромщики часто делали свое преступное дело

*

на виду стражей общественной безопасности. По заведенному шаблону, власти только на третий день вспомнили, что пора приступить к усмирению, ибо „урок“ уже кончен. 15 декабря появился приказ варшавского генерал-губернатора, которым город был разделен на четыре участка, и во главе каждого поставлен командир гвардейского полка. Войска были расставлены на улицах и не допускали скопления погромных банд, и в тот же день безобразия прекратились. Это было сделано слишком поздно, после того как в городе было разрушено и разграблено около 1.500 еврейских квартир, торговых помещений и молитвенных домов и ранено 24 еврея; убыток простирался до нескольких миллионов рублей. Было арестовано свыше 3.000 громил, среди которых оказалось очень много малолетних [1]).

Громили вообще подонки польского населения, но среди них часто попадались и какие-то незнакомцы, говорившие по-русски, которые, может быть, сыграли роль организаторов погрома. Газета „Новое Время“ отметила дружелюбное отношение громил-поляков к русским офицерам и солдатам,—отношение весьма подозрительное, если принять во внимание обычную ненависть поляков к русским, особенно же к военным и чиновникам. Иногда сами солдаты напивались водки в разгромленных кабаках и участвовали в разграблении еврейского имущества. Польские патриоты из высшего общества возмущались инсценированием дикого „русского“ погрома в Варшаве. В обращенном к народу воззвании представители польской интеллигенции уже на второй день погрома резко протестовали против мерзких сцен, позорящих столицу Польши; то же сделал варшавский архиепископ, а ксендзы во время буйства часто ходили с крестами по улицам и увещевали толпу расходиться по домам. Характерно, что варшавский генерал-губенатор в дни погрома отказал в ходатайстве собранию польских обывателей, просивших о дозволении учредить гражданскую стражу с ручательством восстановить спокойствие в городе за один день [2]). Официальный обряд погрома не допускал ни малейших отступлений: „беспорядки“ должны были происходить в определенном порядке, согласно за-

---

[1]) „Расвет“ 1881 г., стр. 2006 и 2043; 1882 г., стр. 16, 24, 58; „Хроника Восхода“ 1882 г., стр. 9, 23, 61; Проект общей записки, стр. 75—78; рукописное сообщение очевидца в архиве Евр. Истор. Общества, колл. Левина. № 9.

[2]) Вышеуказанные источники, особенно архивный.

поведи: два дня громи, а на третий прекращай. Кому-то, повидимому, было нужно, чтобы польская столица повторила опыт Киева и Одессы, чтобы „культурные поляки“ не отстали от „русских варваров“, чтобы показать Европе, что погром не есть исключительно русское изобретение. Достигнут был, однако, обратный результат: позорные варшавские события, завершившие погромный цикл 1881 года, произвели на Европу и Америку более сильное впечатление, чем все предыдущие погромы, так как Варшава была тесно связана с Западом широкими торговыми оборотами, и ее разорение непосредственно отозвалось на европейском рынке.

Так закончился страшный 1881 год—родной брат критических дат еврейской истории: 1096, 1348, 1648, 1768. Больше ста лет прошло со времени последней вспышки гайдамачины, и снова над полями той же Украины и степями бывшего Запорожья пронесся старый клич: „Бить жидов!“ От Киева до Тавриды пылал пожар новой гайдамачины, местами вызванный великорусскими поджигателями. Малоросс бил еврея, слишком близкого к нему и сталкивавшегося с ним на экономической почве; пришлый великоросс бил еврея далекого, чуждого ему, и потому загадочного, героя темных суеверных легенд. Как в былые века, в ненависти к еврейству и теперь слились мотивы религиозные, национальные и экономические; но тут впервые к ним примешался элемент гражданско-политический. В 1881 г. волна варварства поднялась навстречу еврейскому обществу, устремившемуся в короткую эпоху реформ к гражданскому равноправию и требовавшему себе места в государственной жизни России. Подувший после 1-го марта резкий ветер политической реакции погнал эту анти-еврейскую волну с особенною силою, и дикая стихия проявилась в формах средневековых. Это было в тот самый год, когда в соседней Германии бушевал антисемитизм модернизованный. И там, и здесь не желали видеть равноправного, свободного еврея на месте прежнего униженного, порабощенного. Еврей поднял голову — и получил первый погромный удар, за которым последуют еще многие, более страшные.

ГЛАВА IV.

Эмиграция и балтский погром (январь—апрель 1882 г.).

Под впечатлением варшавского погрома и тревожных слухов о готовящихся репрессиях встретило еврейское общество наступление нового гражданского года. Бедствия еврейских масс не утоляли, а только еще более разжигали юдофобскую ярость правительства. „Вас бьют, следовательно, вы виноваты“—такова была логика правящих сфер. Официальный историограф гой эпохи сознается, что при усмирении погромов „вынужденная роль защитников евреев от русского населения тяготила правительство“. На представленном царю отчете варшавского генерал-губернатора за 1882 год, где говорится о подавлении антиеврейских „беспорядков“ военною силою, Александр III написал: „Это-то и грустно во всех этих еврейских беспорядках“ [1]). Царь печалился не об избиваемых евреях, а только об усмиряемых русских людях. Дальновидные в еврейском обществе понимали, к каким последствиям могут привести эти грозные веяния в правящих кругах, а менее чуткие обращались за предсказаниями к самому правительству и получали недвусмысленные ответы. В январе 1882 г. министр Н. П. Игнатьев заявил д-ру Оршанскому (брату известного публициста) и разрешил опубликовать следущее: „Западная граница для евреев открыта. Евреи уже широко воспользовались этим правом, и переселение их не было ничем стеснено. Что касается до возбуждаемого вами вопроса о переселении евреев внутрь империи, то правительство будет, конечно, избегать всего, что может еще усложнить отношения

[1]) Исторический обзор деятельности комитета министров (Спб. 1902), т. IV, стр. 183; ср. „Восход“, 1903 г. кн. III, стр. 154, и поправку к этому в „Еврейск. Энциклопедии“, I, 826 и 832, примеч. Пометка царя была написана, повидимому, в начале 1883 г., но настроение, в ней выраженное, несомненно существовало и раньше.

евреев к коренному населению. А посему, сохраняя ненарушимою черту оседлости евреев, я уже предложил еврейскому комитету (при министерстве) указать на те местности, мало населенные и нуждающиеся в колонизации, в коих можно допустить водворение еврейского элемента... без вреда для коренного населения“ [1]). Опубликованный в еврейском журнале ответ министра усилил панику среди еврейского населения. Евреям публично заявили, что правительство хочет от них избавиться, что им предоставляется лишь одно „право“—право эмиграции, что на расширение черты оседлости надежды нет и лишь в крайнем случае правительство допустит группы евреев колонизировать необитаемые степи Средней Азии или тундры Сибири. Осведомленные люди знали и нечто худшее: что в „еврейском комитете“ при министерстве внутренних дел готовится чудовищный проект о сокращении территории самой черты оседлости, путем изгнания евреев из деревень и сосредоточения их в переполненных городах.

Душа народа была переполнена горечью, а кричать, публично протестовать было невозможно. Пришлось прибегнуть к старой, средневековой форме национального протеста—излиянию своих чувств в синагоге. Многие еврейские общины сговорились назначить на день 18 января всенародный пост с богослужением в синагогах, по чину траурных дней. В Петербурге эта траурная демонстрация вышла особенно внушительною. В назначенный день в главной синагоге и в других молельнях собралась вся еврейская колония столицы со своей многочисленной интеллигенцией. Читались гимны векового мученичества—„селихот“; в главной синагоге раввин произнес речь о переживаемых народом бедствиях. „Когда проповедник,—пишет очевидец [2]),—прерывающимся голосом нарисовал то положение, в котором ныне находится еврейство, протяжный стон, как будто из одной груди, вырвался внезапно и разлился по синагоге. Плакали все: старики, молодые, длиннополые бедняки, изящные франты, одетые по последней моде, чиновники, доктора, студенты,—о женщинах нечего говорить. Минуты две-три под-ряд продолжались эти потрясающие стоны, этот вырвавшийся наружу крик общей горести. Раввин не мог продолжать. Он стоял на амвоне, приложив руки к лицу, и плакал, как ребенок“.

---

[1]) „Рассвет“ 1882 г. № 3 (экстренное прибавление) и № 4, стр. 125.
[2]) Ibidem, стр. 137 и сл.

Такие же политические демонстрации перед Богом совершались в те дни во многих других городах, причем местами назначался даже трехдневный пост. Везде учащаяся молодежь участвовала в общем трауре, как бы предчувствуя, что ей предстоят еще десятилетия горя и слез впереди... [1]).

Политический протест, невозможный в России, раздался в Англии. В те самые дни, когда русские евреи плакали в своих синагогах, английские их соплеменники, вместе с выдающимися политическими деятелями из христиан, устраивали „митинги негодования“ против ужасов российской юдофобии. Еще раньше, тотчас после варшавского погрома, в газете „Times“ появилась серия статей, под заглавием „The persecution of the Jews in Russia“, с ужасающим описанием всех погромов 1881 г. Статьи произвели огромное впечатление. Перепечатанные в отдельной брошюре, в короткое время выдержавшей три издания, они распространялись далеко за пределами Англии. В обществе и прессе раздавались голоса о необходимости дипломатического заступничества за угнетенных и организации материальной помощи жертвам погромов. Русские дипломаты были чрезвычайно смущены этим ростом антирусского настроения в стране, правительство которой (кабинет Гладстона, сменивший руссофобский кабинет Биконсфильда) поддерживало с Россией дружественные отношения. В органе русского министерства иностранных дел „Journal de St.-Petersbourg“ появились две статьи, в которых сделаны попытки опровергнуть наиболее возмутительные факты в описании „Times“ (русский официоз отрицал случаи изнасилования женщин и уверял, что „убийства были очень редки“ [2]); „Journal“ имел смелость заявить, что „правительство уже приступило к обсуждению новых законодательных мероприятий“ относительно евреев, не упомянув, конечно, о репрессивном характере этих мероприятий. Орган русской дипломатии с раздражением спрашивал, не хотят ли агитаторы-юдофилы „поссорить русское общество с английским“, испортить хорошие отношения России с Англией, установившиеся после замены каби-

---

[1]) Ibid., стр. 222, 259—261, 298 и др.

[2]) В отчете „Times“ встречаются некоторые преувеличения лишь в определении количества пострадавших и вообще размера бедствий, но общая картина верна, а случаи убийств и изнасилований большею частью точно указаны (напр., в Киеве).

нета Биконсфильда кабинетом Гладстона [1]). Но вся эта дипломатическая полемика не удержала политических деятелей Англии от осуществления подготовленной демонстрации.

После целого ряда митингов протеста в различных городах Англии, состоялся 1-го февраля н. ст. (20-го января) грандиозный митинг в Лондоне, в зале Mansion House (городской дом), под председательством лорд-мэра. Весь цвет английского общества был представлен здесь: члены обеих палат парламента, епископы, сановные лорды, ученые. Были оглашены письма многих влиятельных лиц, которые не могли прибыть на митинг, но выразили горячее сочувствие его цели (поэт-лавреат Тэннисон, натуралист Дж. Леббок и др.). Первый оратор собрания, лорд Шефтсбюрп, указал, что английское общество не требует вмешательства во внутренние дела России, но желает воздействовать на нее „нравственным оружием“, во имя принципа „солидарности наций“. По поводу опровержений русской официозной газеты он заметил, что если верна даже десятая доля английских сообщений о погромах, то и тогда митинг протеста необходим. Нужно, по мнению Шефтсбюри, аппелировать к царю и просить, чтобы он стал для евреев в России Киром, а не Антиохом Эпифаном. Епископ лондонский в своей речи напомнил, что несколькими годами раньше Англия содрогнулась при слухах о насилиях турецких башибузуков над болгарами, которых Россия защищала, и она теперь в праве требовать от христианской России того, что раньше требовалось от мусульманской Порты. Наиболее сильную речь произнес католический кардинал Маннинг. Он напомнил, что русские евреи являются не только об'ектом временных погромов, но что они постоянно стонут под гнетом позорного законодательства, говорящего еврею: „Не смей селиться в таком-то городе, тебе нельзя приблизиться на несколько миль к такой-то границе“. При громком смехе и возгласах негодования оратор цитировал пресловутый циркуляр Игнатьева о созыве „губернских комиссий“, в котором после страшных погромов над евреями министр „оплакивает печальное состояние христианского населения южных губерний“. Свою яркую речь кардинал Маннинг окончил словами, в которых звучал пророческий пафос: „Есть книга, составляющая общее достояние наше—израильского народа и христиан. Эта книга образует связь между нами. И в этой книге

---

[1]) „Хроника Восхода“ № 3, стр. 53; № 4, стр. 76, 87 и сл.

читаю я, что Израиль—древнейший народ на земле, между тем, как русские, австрийцы и англичане суть только народы вчерашнего дня. И живет этот народ силою своего неугасимого духа, своих неизменных традиций, своей непоколебимой веры в Бога и божественные законы,—народ, рассеянный по всему миру, прошедший сквозь огонь и не погибший, поверженный в прах, но не смешавшийся с прахом". После целого ряда других речей (историка церкви Фаррара, профессора Брайса и др.), была принята резолюция, в которой говорилось: что насилия, которым подвергались евреи в разных местах России, составляют прискорбное нарушение начал цивилизации; что собрание, не имея ни права, ни охоты вмешиваться во внутренние дела чужой страны, тем не менее считает долгом высказать свое убеждение, что законы России в отношении к евреям унижают последних в глазах христианского населения и поощряют грубые насилия против них; наконец, что лорд-мер приглашается передать копию этой резолюции премьер-министру Гладстону и министру иностранных дел Гренвилю, с пожеланием, чтобы „при благоприятном случае было оказано дружеское влияние в духе предыдущих пунктов резолюции". Было также принято решение собрать денежный фонд для оказания помощи потерпевшим от погромов русским евреям и для улучшения их положения путем эмиграции или иными способами. В комитет, избранный для этой цели митингом, вошли: лорд-мэр, архиепископ кэнтербэрийский, кардинал Маннинг, епископ лондонский, Натаниэль Ротшильд и др. [1]).

Спустя несколько дней английское правительство откликнулось на резолюцию митинга. В русских газетах появились следующие телеграммы из Лондона от 28-го января (9-го февраля н. ст.): „В нижней палате Гладстон отвечал Симону, что донесения консулов о преследовании евреев в России получены. Дело это должно внушать чувства сожаления и отвращения, но оно составляет явление внутренней жизни другого государства и не может стать предметом официальной переписки или расследования со стороны Англии. Возможны разве только дружеские представления при случае; всякие другие действия по вопросу об отношениях русского правительства к евреям скорее повредят, чем помогут еврейскому населению".

[1]) Die Londoner Rathausversammlung für die verfolgten russischen Juden. Berlin, 1882; „Рассвет", 1882 г., стр. 92, 182; „Хроника Восхода", 1882, стр. 76, 109 и др.

Затем лондонская телеграмма от 14-го февраля гласила: „В нижней палате Гладстон, отвечая Вормсу, заявил, что человеколюбивые цели нельзя осуществить парламентскими прениями о русских евреях. Такие прения скорее способны возбудить враждебное настроение известной части русского населения против евреев, а потому дня для дебатов по запросу Вормса назначено не будет“[1]).

Эти заявления в палатах несколько смягчили неприятное впечатление, произведенное лондонским митингом на русские правящие сферы, но некоторое беспокойство еще ощущалось. Перспектива „дружественных представлений при случае“ со стороны Англии не улыбалась русскому правительству, и оно старалось всячески отвратить этот нравственный удар. 30-го января в „Правительственном Вестнике“ появилось очень сердитое официальное сообщение по поводу „слухов о том, что готовится английское заступничество за евреев“[2]). „Еврейский вопрос,—говорится в этом сообщении,—безусловно принадлежит к числу вопросов внутренних, в которых каждое государство распоряжается по своему усмотрению и никогда не потерпит постороннего вмешательства или совета в какой бы то ни было форме. Придерживаясь само строгого невмешательства во внутренние дела других государств, русское правительство тем более не могло бы допустить подобного нарушения международных обычаев, что всякое заступничество иностранной державы за еврейскую народность могло бы только посеять неудовольствие в массе населения и неблагоприятно отразиться на положении евреев“. Рядом с этой угрозой „Правительственный Вестник“ старался доказать, что меры правительства против погромов „не были слабы“, как видно из значительного количества лиц, арестованных полицией после „беспорядков“ (3,675 на юге и 3,151 в Варшаве). Такие заявления со стороны русского правительства, которые несомненно делались и в дипломатической переписке, заставили кабинет Гладстона воздержаться от „дружественных представлений“ в Петербург в пользу русских евреев. Гладстон отказался даже принять, для передачи русскому правительству, петицию представителей английского еврейства, с бароном Ротшильдом во главе. Граф Игнатьев мог успокоиться: неприятности с дружественным правительством были устранены, а пламен-

[1]) „Рассвет“ 1882 г., стр. 218, 228; „Хрон. Восх.“, стр. 129, 130, 154, 161 и сл.

[2]) „Хрон. Восхода“ 1882, стр. 123-124.

ные протесты на митингах его мало смущали. Он продолжал делать то, что возбуждало чувство „отвращения“ во всем цивилизованном мире.

Большой „митинг протеста“ состоялся в феврале и в Нью-Йорке, куда уже стали прибывать первые беглецы из России. Была принята резолюция протеста против „средневековых гонений, возобновленных в России“, с требованием энергичных представлений в Петербурге от имени народа и правительства Соединенных Штатов. Один из ораторов нью-иоркского митинга, судья Дэвис, сказал при восторженных кликах публики: „Если, вопреки урокам политической мудрости, положение евреев в России не будет улучшено законодательным путем то у американцев, кроме дружеских увещаний, есть достаточно долларов, чтобы переселить на свободную американскую территорию и пристроить там все три миллиона граждан, не имеющих пока отечества“ [1]). Черезчур увлекшийся оратор выразил в этих словах затаенную думу многих мечтателей русского гетто.

В России тогда возникали многочисленные эмиграционные кружки, члены которых готовились к переселению в Соединенные Штаты Северной Америки, страну свободы, с надеждою на какую-то чудесную помощь извне, со стороны еврейских организаций Европы и Америки. С того момента, как Игнатьев заявил д-ру Оршанскому об открытии для евреев западной границы, корреспонденции еврейских газет запестрели известиями из сотен городов, особенно юга России, о формирующихся эмигрантских группах. „Наш бедный класс только и живет надеждою на эмиграцию. Эмиграция, Америка—вот девиз наших братьев“—таковы стереотипные фразы тогдашних корреспонденций [2]). Многие интеллигентные люди мечтали об устройстве еврейских земледельческих или фермерских колоний в Соединенных Штатах, где некоторые группы эмигрантов 1881 года уже успели пристроиться при сельских фермах. Часть молодежи увлеклась идеей колонизации Палестины и развила сильную пропаганду этой национальной идеи среди масс выходцев из нового Египта. Чувствовалась настоятельная потребность в об'единении всех этих рассеянных по черте оседлости

---

[1]) „Рассвет“ 1882, 265 сл. Ср. „Хрон. Восхода“ 1882, стр. 166 и сл.

[2]) „Рассвет“ 1882, № 9 (корреспонденции из Бердичева и Киева), и вообще все №№ этого журнала и „Хрон. Восхода“ за первые месяцы 1882 года.

эмигрантских кружков, в учреждении центральных переселенческих комитетов, которые регулировали бы стихийное народное движение. Но тут у еврейских общественных деятелей не оказалось единодушия. В то время, как стоявшая ближе к народу интеллигенция (популярный в Киеве окулист проф. Мандельштам и др.) и часть прессы (особенно „Рассвет“) непрестанно требовали организации переселения, как важнейшей задачи момента,—еврейская общинная олигархия в Петербурге боялась, что ее обвинят в „нелойяльности“, в недостаточной привязанности к России, если она окажет деятельную поддержку эмиграции. Другая радикально настроенная часть общества усматривала в поощрении массовой эмиграции как бы уступку правительству Игнатьева, косвенный отказ от борьбы за равноправие в самой России (органом этой группы был журнал „Восход“). К весне 1882 г. вопрос об организации переселения настолько назрел, что пришлось созвать в Петербурге с'езд провинциальных деятелей для его обсуждения. Но не успели еще с'ехаться в столицу делегаты, как на юге опять показалось зловещее зарево: вспыхнул страшный погром в Балте, значительном еврейском центре Подолии, где незадолго до катастрофы образовался еврейский переселенческий кружок.

Еще до наступления русской Пасхи, погромного haute saison, все обратили внимание на странное извещение „Правительственного Вестника“ (конец марта), что впредь газета будет аккуратно сообщать обо всех случаях „еврейских беспорядков“ по официальным донесениям губернаторов, как будто правительство наперед знало, что погромы будут. Даже консервативные „Московские Ведомости“ отозвались по поводу этого неосторожного извещения чрезвычайно иронически: „Правительственный Вестник“ утешил публику извещением, что будет своевременно и обстоятельно сообщать обо всех случаях избиения евреев. Подумаешь, что это—заурядные явления, требуемые чином природы, о которых остается только уведомлять публику своевременно. Неужели нет средств прекратить этот вопиющий скандал?“ [1]). События тотчас показали, что не было желания прекратить „скандал“, как мягко называла газета подвиги разбойничьих банд. Власти на местах заранее предупреждались еврейским населением о готовящихся погромах. С половины марта в Балте и ее районе об этом открыто говорили. Когда евреи заявили

[1]) „Рассвет“, 1882, 510; „Хрон. Восх.“, 381.

о своих опасениях балтскому полицеймейстеру, они получили от него двусмысленный ответ. В городе, где еврейское население втрое превышало христианское, нетрудно было устроить самооборону, но жители знали, что такая организация строго запрещена начальством, и пришлось ограничиться тайным уговором между некоторыми семействами—постоять друг за друга в минуту опасности. На второй день русской Пасхи (седьмой день еврейской), 29-го марта, начался погром, превзошедший зверствами черни и преступным поведением властей все вакханалии 1881 года. Вот что пишет об этом современник на основании специального расследования [1]):

„В начале погрома сбежавшиеся евреи заставили шайку буянов отступить и укрыться в здании пожарной команды. Но с появлением полиции и солдат буйствующие вышли из своего убежища. Вместо того, чтобы разогнать эту шайку, полиция и войска стали бить евреев прикладами и саблями. Это было сигналом к погрому. В этот момент кто-то ударил в набат, на колокольный звон стала стекаться городская чернь; но, опасаясь, что в этой части города она будет подавлена численностью еврейского населения, толпа направилась через мост на так называемую Турецкую сторону, где живет меньше евреев. Толпу эту сопровождали местный начальник, полицеймейстер, городской голова и часть солдат местного батальона, что однако не помешало толпе, проходя Соборную улицу, разбить одну лавку и окна в доме еврея, гласного городской думы. По переходе толпы на Турецкую сторону, власти поставили на всех трех мостах, служащих сообщением Турецкой стороны с 1-ю частью города Балты, военную цепь, с приказанием: евреев не пропускать,—что и было исполнено. Зато христиане прочих частей города и деревни Александровки были пропускаемы беспрепятственно. Благодаря такому распоряжению, Турецкая сторона была разгромлена в течение 3—4 часов, так что к первому часу ночи грабителям уже нечего было там делать. В ночь полиция и военные власти арестовали 24 грабителей и далеко большее число евреев,—последних за то, что они осмелились стоять при своих квартирах. На следующее утро христиан освободили, и они усилили собою ряды грабителей, а евреев продержали под арестом

[1]) „Еврейская Старина“ 1909 г. I, 93—97; ср. подробные описания в „Рассвете“ и „Хрон. Восхода“ 1882 г. №№ 15—16, и „Alte Zoros“ в журн. „Jüdische Welt“ (Пет. 1912), № 2.

с ночи 29-го до утра 31-го марта и освободили лишь по приезде губернатора".

„На другой день, 30-го марта, с 4-х часов утра, стало стекаться в город множество крестьян, вызванных исправником из соседних сел, числом около 5000 человек, вооруженных дручками. Прибытие этих людей обрадовало евреев. Они полагали, что крестьяне вызваны для их защиты, но тут же убедились в своей ошибке: крестьяне заявили, что они прибыли с целью бить и грабить евреев. Одновременно с прибытием крестьян, к собору стали стекаться массы местной черни и около 8 часов утра начали давать сигналы к возобновлению погрома. Сперва им это не удалось, потому что офицеры местного баталиона, ходившие по городу патрулем, оцепили солдатами толпу и продержали ее без малого час времени, в продолжение которого протоиерей Радзиоповский увещевал буйствующих, убеждая, что подобные деяния противны законам церкви и государства. Но тут к собору прибыли: полицей-мейстер, воинский начальник и исправник, цепь раздвинулась—и освобожденная толпа бросилась на близ-стоящий склад питей, разбила его, напилась там вдоволь водки и пошла разбивать и грабить при содействии вызванных исправником крестьян, а также солдат и полицейских. Тут-то разыгрались те страшные, дикие сцены убийства, насилия и грабежа, описание которых в газетах есть только бледная тень действительности"... „Балтский погром,—заключает свое описание современник,—вызван не бейздействием, а прямо действиями местных властей".

Об этих „диких сценах", о которых не позволяла распространяться тогдашняя цензура, мы узнаем из неопубликованных источников и позднейших судебных отчетов [1]). Кроме разрушения 1250 домов и магазинов, уничтожения или разграбления имущества и товаров („все состоятельные люди превратились в нищих, пущено по миру не менее 15.000 человек"—извещал местный раввин), в Балте убивали, увечили людей и насиловали женщин. Было убито и тяжело ранено 40 евреев, легко ранено около 170; многие, особенно женщины, от перепуга сошли с ума. Случаев изнасилования было больше 20. 17-летняя дочь бедного шлифовщика (Эйда Малис) была изнасилована бандою озверелых парней

[1]) Архив Еврейского Истор. Общества (погромная колекция Левина, №№ 10, 12, 13, 15); „Судебная хроника" в „Рассвете" и „Восходе" (ежемесяч.) второй половины 1882 г.

на глазах брата; мать несчастной выбежала на улицу и позвала на помощь стоявшего вблизи городового; последний вошел за женщиной в ее домик и, вместо оказания помощи, тут же изнасиловал ее. В дом Боруха Шляховского ворвались разбойники и убили хозяина. Его жена и дочь убежали и спрятались в соседнем огороде, но здесь русский сосед заманил их в свой дом, под предлогом защиты их чести от погромщиков, и там на глазах матери обесчестил дочь. Солдаты местного гарнизона нередко наносили побои евреям, показывавшимся на улице во время „военных действий“ черни. Согласно полицейскому ритуалу, войска для усмирения людей-зверей были вызваны из соседнего города лишь на третий день, когда приехал и подольский губернатор для расследования. Тотчас обнаружилось, что местные власти (полицеймейстер, исправник, воинский начальник, городской голова, предводитель дворянства) были прямо или косвенно причастны к погрому. Многих арестованных погромщиков полиция скоро выпустила из тюрьмы, так как они грозили в противном случае указать высшему начальству на подстрекателей из местных властей и представителей русского общества. Евреям же чернь еще долго грозила резней и полным истреблением, если те посмеют уличать на суде своих палачей.

Балтский погром вызвал только слабое подражание в соседних местах: в некоторых городках Подольской и Херсонской губерний (Летичев, Дубоссары и др.) [1]). Вся энергия разрушения и зверства как будто истощилась в балтских подвигах. Вообще, весенняя погромная кампания 1882 года охватила небольшой район в сравнении с кампанией 1881 г., но зато превзошла последнюю в качественном отношении: деяния Балты являлись уже солидным задатком на позднейшие ужасы Кишинева и октябрьских погромов 1905 года.

Под свежим впечатлением балтского погрома заседал в Петербурге, от 8-го до 27-го апреля, с'езд делегатов еврейских общин, созванный бароном Г. Гинцбургом с разрешения министра Игнатьева [2]). В состав с'езда вошли около 25 делегатов из провинции

[1]) „Хрон. Восхода„ 1882 г., ст. 373, 440 и сл.

[2]) Протоколы с'езда напечатаны позже в „Хрон. Восхода“ 1882 г., №№ 31—36; ср. ibid. стр. 420, 433, 481—482; „Рассвет“, 587. Рукописная копия протоколов — в архиве Евр. Истор. О-ва. В рукописи (гектографическая копия) приведены не прения, а только постановления с'езда; зато даны подробные сведения о личном составе с'езда и порядке занятий, а также приведены записки и прошения, связанные с ним.

(между ними д-р Мандельштам из Киева и рабби Ицхак-Элханан из Ковны) и 15 нотаблей петербургских (барон Гинцбург, железнодорожный финансист Поляков, профессор Бакст и др.). Главное место в программе с'езда занимал вопрос об эмиграции, но в связи с ним развернулись прения об общем положении народа. Смесь трагизма и гражданского малодушия проявилась на этом маленьком конгрессе. С одной стороны говорились такие волнующие речи о безвыходном положении евреев, что один из делегатов (Шмерлинг из Могилева) по окончании своей речи впал в обморок и через несколько часов умер. С другой стороны наиболее влиятельные делегаты, особенно столичные, трусливо озирались в сторону правительства и опасались, как бы не возбудить подозрения в недостатке патриотизма. Некоторые видели в эмиграции непозволительную форму протеста, „бунт", и оставались на этой точке зрения даже после того, как с'езду было сообщено, от имени министерства внутренних дел, что с'езд должен обсудить вопрос, как „разредить еврейское население в черте его оседлости, имея в виду, что во внутренние губернии России евреи допущены не будут". На втором заседании с'езда петербургский раввин д-р Драбкин сообщил членам о своей последней беседе с Игнатьевым. На заявление раввина, что евреи ждут царского слова о подавлении погромов и желают расширения своих прав, министр ответил, что это „общие места", и прибавил с раздражением: „Евреи сами виноваты в погромах: примыкая к нигилистам, они отнимают у правительства возможность оградить их от насилий". Этому явному софизму противоречило сделанное тут же министром признание, что поводом к балтскому погрому послужил „ложный слух, будто евреи подвели подкоп под православную церковь", т. е. что причина лежит вне еврейства, в агитации злоумышленников.

В том же заседании обсуждение вопроса об эмиграционном движении опять было отклонено в сторону новою инспирацией со стороны министра-хамелеона. Приближенный к Игнатьеву финансист Самуил Поляков высказал мнение в духе крайнего сервилизма: работа с'езда будет бесплодна, если она не будет вестись на основании „инструкции от правительства". Приэтом он сообщил, что в беседе с министром он выразился о поощрении эмиграции, как о „подстрекательстве к бунту", ибо „для русских граждан эмиграция не существует"; на вопрос же министра, как разредить густое еврейское население „черты", Поляков ответил: „расселением по России", но министр

заявил, что он мог бы дозволить переселение евреев только в Среднюю Азию и в ново-завоеванный оазис Ахал-Теке. И услужливый финансист, высказываясь резко против заграничной эмиграции, рекомендовал с'езду серьезно обсудить положение Игнатьева. Против этого предложения горячо высказался д-р Мандельштам, видевший в нем новое издевательство над евреями; даже профессор Бакст, принципиальный противник эмиграции, заявил, что такое расселение евреев есть в сущности „ссылка в отдаленные места“ и равносильно официальному „признанию евреев преступниками“. Проект „ссылки“ был отвергнут, но вместе с тем большинство с'езда высказалось против учреждения переселенческих комитетов для урегулирования заграничной эмиграции, ибо это породило бы представление, будто евреи хотят уйти из России.

После продолжительных дебатов были приняты следующие резолюции: 1) „Совершенно отвергнуть мысль об устройстве эмиграции, как противоречащую достоинству русского государства (!) и исторически приобретенным евреями правам на их настоящее отечество. 2) Указать, как на единственное средство урегулирования отношений еврейского населения к коренному, на необходимость уничтожения действующего исключительного законодательства о евреях. 3) Довести до сведения правительства о явно обнаружившемся во время беспорядков бездействии власти. 4) Ходатайствовать пред правительством об изыскании им средств к вознаграждению еврейского населения, пострадавшего от погромов вследствие недостаточной полицейской охраны“. Вместе с тем с'езд решил опровергнуть старое обвинение, вновь повторенное в „губернских комиссиях“, будто среди евреев сохранилась еще старая автономная организация общин (кагалов), действующая тайно и поддерживающая обособленность евреев во вред другим слоям населения. Резолюция съезда гласила: „Нижеподписавшиеся представители разных центров еврейской оседлости в России, раввины, члены духовных и синагогальных правлений считают своим священным долгом, призывая в свидетели всеведущего Бога, заявить всенародно, перед лицом всей России, что никакого ни явного, ни тайного кагального управления среди русских евреев не существует, что жизнь евреев совершенно чужда какой-нибудь подобной организации и всех злонамеренно приписываемых такой организации аттрибутов.“ Подписавшие эту торжественную декларацию не сознавали, сколько национальной трусости кроется в этом акте гражданской

лойяльности, в заявлении, что евреи, поневоле утратившие значительную часть своей общинной автономии, сами не хотят ею пользоваться, ибо считают такое выделение в самоуправляющуюся группу чем-то преступным, антигосударственным, подлежащим каре в виде лишения гражданских прав. Результат принятых с'ездом решений выразился в том, что делегаты его в разных сочетаниях представлялись членам комитета министров (в том числе и Победоносцеву), и было составлено прошение на имя царя в духе принятых резолюций. Прошение не было подано, так как правительство поспешило дать ответ на него раньше, чем оно поступило: 3-го мая были опубликованы знаменитые „Временные правила".

ГЛАВА V.

„Временные правила“ и начало легальных погромов.

В промежуток времени от варшавского погрома до балтского министерство Игнатьева готовило для евреев систему легальных погромов. В тайниках канцелярий, в лабораториях полицейского деспотизма, выковывалась цепь репрессий законодательных и административных, которые должны были „регулировать“ жизнь евреев в духе полнейшего гражданского рабства. Учрежденный при министерстве внутренних дел центральный комитет по еврейскому вопросу (выше, гл. III), который для краткости назывался „еврейским комитетом“, но с полным правом мог бы носить эпитет „антиеврейский“, положил в основание своих работ отзывы игнатьевских „губернских комиссий“ и готовил какой-то чудовищный кодекс бесправия. Новый проект был построен на следующей теории. Старое русское законодательство всегда относилось враждебно к евреям, как обособленной иноверной и инородной группе. Отступление от этой системы было сделано в царствование Александра II, когда были расширены права евреев известных категорий и „наступил период терпимости“; но жизнь выяснила непригодность такой терпимости, что доказано и недавним возникновением „антиеврейского движения за границей“ (германский антисемитизм), и „народным самосудом“ под видом погромов в России. А так как Россия ныне вступает на путь русской „народной политики“, то нужно в еврейском вопросе „обратиться к старине“, отказаться от непринесших пользы новшеств и строго придерживаться выработанных „всей предшедшей историей государства начал“, по которым евреи считаются „инородцами“ и не могут пользоваться полною терпимостью. Эта дикая теория, возвращающая страну к старомосковским традициям, была подробно изложена в журнале заседания еврейского комитета, в качестве вступления к проекту. Варшавский погром застал членов комитета

за этой работой и доставил им большую радость; они не преминули отметить в журнале, что „беспорядки“, происшедшие в Царстве Польском, „где евреи пользуются равноправием“ (т. е. правом повсеместного жительства), подкрепляют теорию о „вредности“ еврейского народа [1]). Быстрее заскрипели перья, и к весне 1882 г. был готов проект жестокого наказания евреев за совершенные над ними же насилия.

У ограбленного еврейского населения решено было отнять большую территорию внутри и без того тесной „черты оседлости“. Проектировалось запретить евреям селиться вне городов и местечек, в деревнях, а уже живущих там — либо выселить по приговорам крестьянских обществ („предоставить обществам выселять по приговорам“), либо лишить их куска хлеба путем запрещения покупать или арендовать недвижимость и торговать вином. Игнатьев внес этот проект в комитет министров, с предложением провести новые репрессии не в законодательном порядке (через Государственный Совет), а под видом высочайше утвержденных чрезвычайных „временных мер“, имеющих целью „устранить обостренные отношения между евреями и коренным населением“. Проект Игнатьева смутил даже членов реакционного комитета министров, где он обсуждался. Комитет полагал, что нельзя провести такую массовую экспроприацию личных и имущественных прав вне законодательного порядка; что разрешить крестьянским обществам выселять из деревень евреев—значит отдать последних на произвол темных масс, которые тогда еще более укрепятся в убеждении, что евреев можно выгонять и громить, и таким образом вместо успокоения получится еще худшее „обострение отношений“. Но с другой стороны комитет министров высказал мнение, что меры строгости против евреев необходимы, дабы крестьяне не подумали, „что царская воля в деле избавления их от еврейской эксплоатации не приводится в исполнение“. После некоторых уступок со стороны Игнатьева, достигнут был компромисс: пункт о выселении из деревень уже живущих там сотен тысяч евреев был исключен из проекта, и решено было запретить только вновь селиться вне городов и местечек [2]). За то комитет

---

[1]) „Евр. Старина“, 1909 г., I, 265—267; „Евр. Энциклопедия“, I, 829.

[2]) История комитета министров, т. IV, стр. 20—21, 183; Справка к докладу совета об'единенного дворянства, т. II, стр. 1—22; ср. „Восход“ 1903 г. кн. III, 155.

министров уступил требованию Игнатьева, чтобы проект был проведен спешно, без обсуждения его в Государственном Совете.

Так возникли знаменитые „Временные правила", утвержденные 3-го мая 1882 г. Освобожденные от канцелярской риторики, эти правила сводятся к следующему лаконическому тексту: „1) воспретить евреям вновь селиться вне городов и местечек, 2) приостановить совершение на имя евреев купчих крепостей и арендных договоров на недвижимые имущества вне городов и местечек, 3) воспретить евреям производить торговлю в воскресные дни и двунадесятые христианские праздники" [1]). В первых двух пунктах этих, с виду скромных, „правил" содержится жестокий карательный закон, отнявший у евреев $^9/_{10}$ прежде доступной им территории, запе-ревший миллионы людей в душной черте городов и местечек Западного края, которую они отныне не могли переступить даже на одну милю, и лишивший даже сельских старожилов права вновь покупать и арендовать недвижимость. И такой закон был издан вне законодательного порядка, под вывескою „временных правил", которые, однако, действовали с неумолимою строгостью в течение десятилетий.

Установив тяжелую кару для разгромленного еврейства, правительство сочло своим долгом пригрозить карою и виновникам антиеврейских погромов. В тот же роковой день 3-го мая, царь утвердил решение комитета министров о необходимости об'явить торжественно, что „правительство твердо решилось непреклонно преследовать всякие насилия над личностью и имуществом евреев, находящихся под охраною общих законов". В этом смысле был разослан губернаторам сенатский указ (10 мая), где они предупреждались, что „на ответственность губернских начальств возлагается своевременное принятие мер для отвращения поводов к подобным беспорядкам и для устранения беспорядков в самом начале, и что за всякое в сем отношении небрежение административных и полицейских властей виновные будут подлежать устранению от должностей". Далее следует признание такого рода: „А как из бывших прискорбных примеров видно, что в беспорядках принимало участие местное население, возбуждаемое неблагонамеренными людьми из корыстных или иных целей, то на обязанность губернского начальства возлагается раз'яснить местным общественным управлениям, что и они обязаны принимать меры для раз'яснения жите-

---

[1]) „Рассвет" и „Хр. Восхода" 1882 г. № 20.

лям всей преступности своевольного насилия над чьей бы то ни было личностью и имуществом“ [1]).

Публикуя в один и тот же день „временные правила“ против евреев и циркуляр против погромов, правительство как бы говорило русскому народу: вот мы сами расправляемся с евреями путем закона,—следовательно, вам незачем громить их на улицах. Авторы „Временных правил“ не могли не понимать, что эти правила составляют лишь модификацию тех „насилий над личностью и имуществом евреев“, которые они на будущее время запрещали уличной толпе, ибо лишение свободы передвижения есть насилие над личностью, а лишение права покупки земли или дома есть насилие имущественное. Даже тогдашняя подцензурная пресса заметила, что сила антипогромного циркуляра правительства значительно ослаблена одновременно опубликованными „Временными правилами“.

Из вышеприведенного циркуляра видно, что после зверского погрома в Балте в высших правящих кругах начали сознавать, как позорит Россию и подрывает внутренний порядок та система снисхождения к погромам, которая практиковалась целый год. И как только такое сознание возникло, со сцены должен был сойти тот фатальный министр, который творил российскую политику этого страшного года. 30 мая граф Игнатьев был уволен, и на пост министра внутренних дел был назначен граф Дмитрий Толстой—суровый реакционер, цербер самодержавия и полицейского государства, а вместе с тем противник всякого рода эксцессов толпы, подрывающих авторитет власти. Через несколько дней после своего назначения новый министр опубликовал циркуляр (9 июня), в котором, подтверждая недавнюю декларацию о „решимости правительства преследовать всякие насилия над евреями“, особенно энергично заявил, что „всякое проявление беспорядков будет иметь своим неминуемым последствием немедленное привлечение к ответственности всех должностных лиц, на обязанности которых лежала забота о предупреждении беспорядков“ [2]). Эти решительные заявления правительства возымели магическое действие: все провинциальные администраторы почувствовали, что в Петербурге перестали шутить с попустителями погромов, и погромная эпидемия тотчас прекратилась. Начиная с июня 1882 г., погромы принимают все более спорадический характер:

---

[1]) Там же.
[2]) Там же, № 24.

кое-где еще вспыхивают искры былого пожара—и быстро гаснут. В течение 20 лет, до кишиневской резни 1903 г., можно насчитать не более десятка значительных погромов в разных местах; но это были совершенно разрозненные движения с чисто местным колоритом, без тех признаков общей организации или эпидемической силы, которыми отличались погромные кампании 1881—82 и 1903—1905 годов.

Последствия принятых Толстым строгих мер сказались вскоре и в судебных процессах, вызванных погромами. Раньше местные власти обыкновенно старались не предавать суду погромщиков, которые в своих показаниях могли компрометировать и местную администрацию, а когда дело доходило до суда, виновным назначались большею частью легкие наказания. После июньской декларации правительства, суд стал строже относиться к погромщикам [1]). Летом 1882 г. разбиралось много дел о погромах в Балте и других городах, и часто суд выносил вполне заслуженные насильниками суровые приговоры (ссылка на каторжные работы, в исправительные арестантские роты и т. п.). В одном случае двое солдат, обвиненных в грабеже и убийстве, были приговорены военно-окружным судом к смертной казни [2]). Когда этот приговор был представлен на конфирмацию киевского генерал-губернатора Дрентельна, балтский раввин, по уполномочию еврейского общества, отправился в Киев с целью поддержать ходатайство осужденных о помиловании. Странно было слышать этот призыв к помилованию насильников и убийц из стана их жертв, из разгромленных домов, где еще не умолкли стоны раненых, плач о погубленной жизни, о поруганной женской чести. Это было бы, однако, очень трогательно, еслибы тут проявился порыв всепрощения; в действительности же тут скорее заговорило чувство страха, опасение мести за казнь разбойников со стороны их единомышленников, оставшихся на свободе.

Скоро балтские евреи убедились, как ценят их покорность высокопоставленные вдохновители разбоя. В начале августа в Балту прибыл генерал-губернатор Дрентельн. Он был крайне раздражен

---

[1]) Впрочем, не везде. Черниговский суд, вынужденный осудить участников погрома в м. Карповиче, постановил ходатайствовать перед высшей властью о помиловании осужденных, в виду недовольства народа „эксплоатацией“ со стороны евреев.

[2]) „Восход“ (месяч.), 1882 г., кн. 6—12, судебная хроника; „Рассвет“, 1882, № 26.

и недавним циркуляром Толстого, угрожавшим ответственностью также лично ему в случае дальнейшего попустительства погромов в киевской сатрапии, и теми шагами, которые в свое время предприняли в Петербурге представители балтской еврейской общины для разоблачения вдохновителей местного погрома. Прибыв в разоренный город, начальник края, который даже ex officio должен был выразить свое соболезнование пострадавшим, призвал к себе раввина и представителей еврейской общины и, в присутствии чиновников, обратился к ним с речью, полною исступленной злобы. Он говорил, что евреи своими поступками „вооружают всех против себя“, что их никто не любит, что им „нигде не живется так хорошо, как в России“, что они напрасно посылали в Петербург депутацию с жалобами и „оклеветали начальников и представителей города в подстрекательстве бушевавшей толпы против евреев“. В заключение, он назвал „лицимерием“ ходатайство общины о помиловании погромщиков, осужденных на смертную казнь, и об'явил с торжеством, что лица эти помилованы „не по просьбе евреев“ [1]). Речь генерал-юдофоба, которому место было на скамье подсудимых, вызвала погромную панику во всей киевской сатрапии. Боевой орган еврейской прессы („Восход“) заявил: „После речи генерал-ад'ютанта Дрентельна, наша надежда на невозможность повторения погромов решительно поколеблена. Что тут помогут министерские циркуляры, когда на месте высшие администраторы живою речью публично парализуют их действия?“—Опасения не сбылись. Министр Толстой не мог предать суду за преступную речь всесильного генерал-губернатора, но грозный министерский циркуляр держал все-таки в узде свирепых администраторов, которые не прочь были каждую Пасху тешить себя погромным спектаклем.

Властным словом была остановлена в России машина погромов, но машина репрессий работала со всей силой. „Временными правилами“ 3-го мая была санкционирована система легального преследования евреев, как „экономически вредных“, и тут открывалось широкое поле для грубейшего произвола. Внутри „черты оседлости“ сразу захлопнулись все выходы из переполненных городов в деревни; сократились, а местами вовсе прекратились, все отрасли сельскохозяйственной промышленности, связанные с еврейским землевладением вне городов. Из многих деревень стали выселять и ранее

[1]) „Хрон. Восхода“ 1882, № 31; следующая цитата—там же, ст. 925.

живших там евреев, пользуясь правом крестьянских общин по особым приговорам подвергать остракизму „порочных членов“. Как указано выше, Игнатьев предполагал официально поощрить крестьян к пользованию этим оружием против евреев, но комитет министров отверг его предложение. Теперь нашлись администраторы, которые делали это неофициально. Заинтересованные лица из местных русских торговцев-„кулаков“, при помощи сельских старшин, созывали сход крестьян, обильно угощали собравшихся водкою, и пьяные полуграмотные мужики подписывали „приговор“ о выселении живущих в данной деревне евреев; приговор быстро утверждался губернатором и немедленно вступал в законную силу. Такие выселения происходили особенно часто в губерниях, подчиненных киевскому генералу-губернатору Дрентельну, и не было никакого сомнения, что этот свирепый юдофоб дал по своей сатрапии определенный лозунг в этом направлении. Хозяйственное разорение толкало людей за пределы „черты“, во внутренние губернии, но тут их встречали бичи закона, усугубленные скорпионами административного произвола. Из Петербурга, Москвы, Киева, Харькова и других запретных центров выселяли евреев массами. Это так вредно отражалось на торговом обороте, что русское крупное купечество в Москве и Харькове ходатайствовало о смягчении ограничений относительно приезда евреев в эти города [1]).

За преследование евреев принялось и военное ведомство. В русской армии служило немало врачей-евреев, из которых многие отличились во время предшествующей русско-турецкой войны Правительство реакции не могло примириться с этим странным зрелищем еврея-медика, пользующегося правами офицера в армии, где еврейский солдат не мог подняться выше унтер-офицерского ранга. И вот, 10-го апреля 1882 г., военный министр Ванновский издает приказ: а) ограничить численность еврейских врачей и фельдшеров в военном ведомстве пятью процентами общего числа медиков; б) в военные округа западной России больше не назначать на врачебную службу евреев, а весь излишек сверх 5% перевести в восточные округа; в) назначать еврея врачем лишь в те части войск, где по штату полагается не менее двух врачей, с тем, чтобы другой врач был непременно христианином. Этот приказ

---

[1]) „За прошлый год“ в „Восходе“, 1883 г., кн. I; „Хрон. Восхода“, 1882 г., стр. 541, 561 и сл.

мотивирован в крайне оскорбительной форме: „Необходимо устранить постепенное увеличение в военном ведомстве числа врачей Моисеева закона, в виду невполне добросовестного исполнения ими обязанностей и вследствие их неблагоприятного влияния на санитарную службу в войсках“. Это возмутительное оскорбление побудило многих врачей-евреев немедленно подать прошения об отставке. Прошение одного из этих врачей, известного беллетриста Ярошевского, было написано в таком смелом тоне, с таким достоинством отражало нанесенный еврейской интеллигенции моральный удар, что военное министерство сочло нужным привлечь автора к суду. „До тех пор,—говорилось в прошении,—пока с евреев-врачей не будет снята так безжалостно наброшенная на них тень, каждая лишняя минута, проведенная ими на службе в этом ведомстве приносит им только лишний позор. Во имя своего человеческого достоинства, они не должны оставаться там, где ими гнушаются“ [1]).

Так совершалась та государственная монополизация юдофобской практики, которая началась с майских правил 1882 г. и выразилась в том, что уличные погромы были превращены в канцелярские репрессии. Улица не сразу уступила свою привилегию канцелярии. В 1883 и 1884 г. были еще попытки со стороны улицы конкурировать с правительством. 10 мая 1883 г., накануне коронации Александра III, произошел погром в большом южном городе Ростове на-Дону: было разрушено и разграблено около ста еврейских квартир и лавок, все удобоносимое из еврейского имущества толпа расхищала, а прочее уничтожала. „Усилия полиции и войска“, как водится, „не могли прекратить беспорядок“, и только по окончании трудового дня громилы разбежались, гонимые ударами и выстрелами казаков. Об этом погроме цензура совершенно запретила писать в газетах, чтобы не испортить торжественности дней коронации (появились лишь намеки о „тревожных слухах“, которые даже отразились на берлинской бирже), и только через год можно было публично упомянуть о ростовском событии [2]). Возникло опасение не открывается ли на юге новая серия погромов; но прошло больше двух месяцев после ростовской вспышки, и отклика нигде не было.

---

[1]) „Рассвет“, 1882 г. стр. 1073 и сл.; „Хрон. Восхода“, 1881 г., стр. 1125—26, 1417.

[2]) „Нед. Хрон. Восх.“, 1883 г., №№ 19 — 20; „Восход“, 1884 г., кн. VI, стр. 30 и сл. (II отд.).

Вдруг, в православный праздник Илии пророка (20 июля), русские люди стали громить потомков древнего пророка в Екатеринославе. Память великого библейского назорея, считавшего винопитие преступлением, екатеринославские его почитатели отпраздновали тем, что выпили огромное количество спирта и опьянели до степени, требуемой для учинения самых смелых разбойничьих подвигов. Главными зачинщиками были пришлые рабочие из великороссийских губерний, работавшие близ Екатеринослава по постройке железной дороги. Они, по выражению современника, исполняли „военную часть предприятия“, предоставив „гражданские функции“ местным русским жителям: „в то время, как рабочие и более здоровая часть мещан разбивали дома и лавки и выбрасывали все вещи и товары, женщины и дети подхватывали все и немедленно уносили или увозили домой“. Разгром и грабеж продолжались и на другой день, 21 июля, — пока не прибыли войска. Упоенная разбоем толпа вступила в бой с войсками и, разумеется, потерпела поражение. Вид десятков убитых и раненых громил отрезвил толпу. Погром прекратился после того, как было разорено 500 еврейских семейств и поругана еврейская святыня: из одной разрушенной синагоги негодяи выбросили 11 свитков Торы и частью разорвали их в клочки, частью гнусно осквернили священные писания с заповедями: „не убий, не укради, не распутничай“, которые явно противоречили глубоким убеждениям громил. Пример Екатеринослава подействовал заразительно на его округ: в нескольких городах и местечках Екатеринославской губернии произошли в августе и в сентябре погромы, из которых самый жестокий был в Новомосковске (4 сентября там были разгромлены почти все еврейские дома [1]).

1884 год внес в погромную хронику нечто новое: погром вне черты еврейской оседлости — в старорусском Нижнем Новгороде, где жило всего два десятка еврейских семейств. Малый по количеству разрушенных домов, этот погром был ужасен по числу человеческих жертв. В отчете, основанном на официальных донесениях и, следовательно, несколько ослабляющем яркость страшного события, оно описано так: „Начались они („беспорядки“) 7-го июня около 9 часов вечера, вследствие подстрекательства нескольких

---

[1]) Оршанский, За прошлый год („Восход“, 1884 г., кн. II, стр. 40—49—описание современника, расследовавшего дело на месте; ср. „Нед. Хрон. Восх“. 1883 г., № 30 и сл.

рабочих в нетрезвом виде, которые слышали, как мать-христианка, заметила дочери своей, игравшей с девочкой-еврейкой, чтобы она прекратила игру, а то евреи ее зарежут. Разгром начался с еврейской молельни, переполненной молившимися, после чего были разбиты еще пять домов, в которых проживали евреи; в этих домах толпа уничтожала все, что попадалось ей под руку, разбивала двери, окна, выбрасывая оттуда вещи. Убито при этом 6 человек и один мальчик, сильно ранено 5 евреев, из коих двое вскоре умерли. По отзыву нижегородского губернатора, момент возникновения беспорядков предвидеть было невозможно, но подготовленность, до известной степени, народа к произведению их отрицать нельзя. Мотивом к беспорядкам в Нижнем, как свидетельствуют полицейские сведения и данные из следственного дела, если не единственным, то по меньшей мере одним из главных, было стремление к грабежу. Во всех разрушенных домах не уничтожалась ни одна вещь, имеющая какую-либо ценность и которую возможно было унести; не только деньги, но и все годное к употреблению расхищалось. Беспорядки в Нижнем произошли 7-го июня совершенно случайно, но направлены были против евреев потому, что в народе сложилось убеждение о полной почти безнаказанности самых тяжких преступлений, если только таковые направлены против евреев, а не других национальностей, и потому что большая часть еврейских семейств были известны, как зажиточные. Следствием вполне выяснено, что перед нападением на дом, в котором помещалась контора Дайцельмана, толпа руководилась криками: „Идем к Дайцельману, там есть чем поживиться!“ [1])

Убийство Дайцельмана—крупного московского коммерсанта, любимого русскими рабочими—и других евреев было результатом не мести, а какого-то бесцельного зверства. Распущенный вожаками разбойничьей банды слух о похищении христианского ребенка евреями не мог двинуть толпу на преступление, тем более, что в самом начале погрома полиция показала толпе мнимо похищенного ребенка целым и невредимым. Действовала тут прежде всего зверская натура грубых, темных людей, получившая возможность широко развернуться при том убеждении в полной безнаказанности, на которое указано в донесении губернатора. Нижегородская варфоло-

---

[1]) Проект общей записки высшей комиссии (Палена), стр. 78—79 (по донесению нижегородского губернатора Баранова).

меевская ночь испугала даже высшую администрацию. По ходатайству губернатора Баранова, убийцы были преданы военному суду и понесли тяжелую кару [1]).

Однако, тот же губернатор счел нужным, для успокоения русской народной совести, распорядиться о высылке из Нижняго тех евреев, которых полиция признает живущими вне черты „без законного основания“. Таким образом администрация опять противопоставила легальный погром уличному, не сознавая, что расправы черни над евреями являются только грубой копией официальных расправ, что незаконность положения евреев есть источник беззакония и насилия улицы, знающей юдофобское настроение правящих сфер. Кровавый нижегородский погром повел только к тому, что правительство, боясь распространения пожара вне „черты“ и вне еврейства, окончательно решило не допускать вперед никаких эксцессов. И действительно этот погром был последним в погромной хронике 80-х годов (если не считать нескольких мелких случаев в разных местах). На шесть лет „земля успокоилась“, и монополия „тихого погрома“ — в форме систематического лишения прав — упрочилась в руках правительства графа Толстого и Победоносцева.

---

[1]) Там же; ср. „Хрон. Восх.“, 1884 г. № 24 и след.; „Восход“, 1885 г., кн. III, 22—27 (II отд.). В беллетрической форме нижегородский погром описан Максимом Горьким — если не ошибаемся, очевидцем его — в сборнике „Помощь евреям, пострадавшим от неурожая“ (1901), стр. 426—431.

ГЛАВА VI.

Паленовская комиссия и усиление бесправия (1883—1889 гг.).

Издав „Временные правила“ 1882 года, как чрезвычайную меру, правительство сознавало, однако, что ему раньше или позже придется поставить еврейский вопрос в обычном законодательном порядке — перед Государственным Советом. Для этой цели надо было подготовить материал более доброкачественный, чем те „труды“ игнатьевских губернских комиссий и „еврейского комитета“, которые составляли только часть погромной работы уволенного министра. Еще накануне издания „Временных правил“, комитет министров указал царю на необходимость учреждения „особой высшей комиссии“ по еврейскому вопросу, которая подготовила бы законопроект для Государственного Совета [1]). Эта мысль была осуществлена 4 февраля 1883 г., когда царским повелением была учреждена „высшая комиссия для пересмотра действующих законов о евреях“. Председателем ее был назначен бывший министр внутренних дел Маков, а вследствие его скорой смерти — бывший министр юстиции граф Пален, который руководил занятиями комиссии во все пять лет ее существования (отсюда обычное название — „паленовская комиссия“). В состав комиссии вошли шесть чиновников различных департаментов министерства внутренних дел и по одному чиновнику от министерств финансов, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ и иностранных дел, а также некоторые временно приглашенные „сведущие люди“. Новому бюрократическому учреждению не был назначен определенный срок для окончания своих работ; ему, повидимому, дали понять, что порученное ему дело терпит отлагательство. Первое заседание высшей комиссии

[1]) Справка к докладу по еврейскому вопросу, вып. II, стр. 20—21 (изд. совета об'един. дворянства).

состоялось только спустя десять месяцев после указа об ее учреждении, а затем занятия подвигались крайне медленно, под покровом канцелярской тайны. В течение ряда лет высшая комиссия разбиралась в печальном наследии бывших „губернских комиссий“ — ворохах бумаг с самыми дикими проектами решения еврейского вопроса — и старалась систематизировать эти материалы. Она принимала также записки по еврейскому вопросу со стороны и, между прочим, от еврейских общественных деятелей (главным образом через барона Г. Гинцбурга), старавшихся правильно осветить различные стороны вопроса. Только после четырех лет изучения материала, комиссия приступила к составлению своего заключения, которое так и не вылилось в форму законопроекта — по причинам, о которых речь будет дальше [1]).

Пока комиссия „пересматривала“ законы о евреях, то-есть повторяла сизифову работу десятков прежних однородных созданий бюрократии, реакционное правительство Д. А. Толстого производило свою энергичную работу разрушения еврейской жизни путем бесконечного умножения ограничительных законов, издававшихся обыкновенно „вне закона“, без предварительного обсуждения в Государственном Совете, в виде „высочайше утвержденных мнений комитета министров“. Правительство не считало нужным дожидаться результатов им же предпринятого пересмотра законодательства о евреях и продолжало ковать новые цепи для порабощенного народа. Таким образом, высшая комиссия в течение ряда лет служила лишь ширмою для прикрытия жестоких экспериментов власти: там высшие сановники и чины министерств предавались размышлениям о еврейском вопросе и придумывали способы его решения в будущем, а тут министры уже решали его на практике в духе крайней юдофобии.

Сверху шли веяния, безусловно неблагоприятные. Запоздалая коронация Александра III в мае 1883 г., принесшая в традиционном манифесте льготы и облегчения разным слоям населения, ничего не принесла евреям. В высших сферах внимательно прислушивались к голосам тех усердных губернаторов и генерал-губернаторов, которые в своих „всеподданнейших отчетах“ развивали модную идею о „вредности“ еврейства; часто царь делал на этих отчетах пометки, имевшие значение приказов. Одесский генерал-

---

[1]) Проект общей записки высшей комиссии по пересмотру действующих о евреях в империи законов, стр. 175, 251 и сл. Ср. „Евр. Стар.“ I, 88 и сл. (1909 г.).

губернатор Гурко доносил в начале 1883 г. о чрезмерном росте числа учеников-евреев в гимназиях и о „вредном влиянии“ их на товарищей-христиан, причем предлагал установить ограничительную процентную норму для приема евреев; царь на этом отчете написал: „Я разделяю это убеждение, на это необходимо обратить внимание“ [1]). Комитет министров „обратил внимание“, но медлил рассмотрением вопроса по существу, полагая подготовить его для законодательного решения в обычном порядке. Когда же провинциальные администраторы (одесский генерал-губернатор и харьковский губернатор) и в отчетах следующего года напомнили о необходимости введения учебной пормы, царь сделал более решительную пометку: „Вопрос, который желательно было бы решить окончательно“ [2]). Тогда и комитет министров окончательно проникся убеждением, „что возрастающий наплыв в учебные заведения нехристианского элемента оказывает самое вредное, в нравственно-религиозном отношении, влияние на христианских детей“. Вопрос был передан для обсуждения в высшую комиссию графа Палена; министра народного просвещения заставили наскоро изготовить проект в духе упомянутой резолюции, и скоро поспел новый плод бюрократического творчества—„учебная норма“, занявшая впоследствии видное место в системе репрессивных мер против евреев в России [3]).

В центре этой системы по прежнему оставались запреты, касающиеся жительства и передвижения, часто равносильные запрещению жить, лишению источников существования. В эту область майские „Временные правила“ внесли большое разнообразие юридических пыток. Правила запрещали евреям на будущее время „вновь“ селиться вне городов, но оставляли на местах жителей, поселившихся до 1882 года. Эти-то деревенские старожилы мозолили глаза юдофобам, мечтавшим о внезапном исчезновении еврейского элемента из русской деревни,—и вот пошли в ход административные меры выживания евреев из деревень. Выше уже говорилось (гл. V) о стараниях властей и конкурентов-христиан выселять евреев, как „порочных членов“ сельской общины, силою крестьянских приговоров. Был придуман еще способ вытеснения: деревенского еврея,

---

[1]) Исторический обзор деятельности комитета министров (офиц. изд. 1902 г.), т. IV, стр. 435.

[2]) Там-же. Ср. Познер. „Евреи в общей школе“ (Спб. 1914 г.) стр. 58—59.

[3]) О ходе дела см. Георгиевский, „Доклад по вопросу об образовании евреев“ (Спб. 1886; офиц. издание).

отлучившегося на некоторое время в город, полиция часто не пускала обратно в деревню, как „вновь поселяющегося“. Бывали примеры, что еврейские семейства, уезжавшие по обычаю из деревни в соседний город на большие праздники для участия в синагогальном богослужении, встречали препятствия при возвращении домой. которое истолковывалось как „новое водворение“. В киевской сатрапии юдофоба Дрентельна администрация раз'яснила „Временные правила“ в том смысле, что евреям запрещается переселение из одной деревни в другую и даже из одного дома в другой в пределах родной деревни (циркуляр черниговского губернатора, 1883 г.). Полиции было еще предоставлено право выселить из деревень всех евреев, которые не имели там собственных домов на собственной земле, так как такие лица по истечении срока найма должны были бы заключить с владельцем новый арендный договор, что запрещено правилами 3-го мая. На основании таких заведомо ложных толкований закона, подлежало выселению в Черниговской и Полтавской губерниях до 10 тысяч евреев, которые в деревнях обыкновенно проживали в наемных домах или в своих, построенных на крестьянской земле. Вопль несчастных, которым грозило изгнание в зимнее время, был услышан не в близком Киеве. а в далеком Петербурге, куда они обратились с жалобою в сенат. Указом сената (янв. 1884) этот административный разгром был прекращен: выселение приостановилось после того, как значительное число семейств было уже изгнано и разорено [1]).

Однако, другие репрессии, построенные на фундаменте „Временных правил“, остались в силе,—между прочим и запрещение переселяться из одной деревни в другую, хотя бы соседнюю, вследствие чего сельские евреи оказались прикрепленными к местам жительства. Эта жестокая практика администрации была закреплена законом 29 декабря 1887 г. „Это означало, — говорит современник, — что если выгорит село, в котором жили евреи, или закроется фабрика, на которой они работали, евреи обязательно должны перебраться в города и местечки, не имея права искать себе пристанища и заработка в других сельских местностях. Точно так же дети лишены возможности приютить у себя овдовевшую мать или одряхлевших родителей, живущих в другом селе; сын, проживающий не в одном

[1]) „За прошлый год“ — годовые обзоры в первых книжках „Восхода“ за 1884 — 1889 гг., — в частности: 1884 г., кн. 1 стр. 27, 30 — 31, 36 — 37; 1885 г. кн. 1, 47 и сл.

селении с отцом, не может вступить в заведывание оставленным им торговым или промышленным заведением. Еврей лишен даже права управления домом, доставшимся ему от родителей, проживавших в другом селении, в пределах черты“ [1]). Вся эта сеть ограничений, разорявшая еврея, приносила обильные доходы полицейским властям, от высших до низших. Только взятка—российская конституция—спасала гонимого еврея от произвола и насилия администрации при применении ограничительных законов, и власти цепко держались за еврейское бесправие, как за свою бенефицию. Ненависть к евреям во все времена соединялась с любовью к еврейским деньгам.

Сеть репрессий для ловли еврея была еще шире раскинута вне черты оседлости. На всем пространстве России, вне 15 западных губерний и Царства Польского, была разбросана горсть привилегированных евреев, допускавшихся на жительство „вне черты“: лица с высшим образованием, купцы первой гильдии после долгого купеческого стажа в „черте“, и ремесленники, занимающиеся только своим ремеслом. Напор „бесправных“ евреев в эту запретную область сдерживался самыми суровыми мерами. Пример усердия в этом отношении показала столица—„окно в Европу“, прорубленное Петром I. В Петербург, где легально жили два десятка тысяч привилегированных евреев, стремились массы „нелегальных“ с самыми преступными намерениями: заниматься скромной торговлей без уплаты тысячных гильдейских пошлин за право жительства, заниматься учительством, наукой или литературой без диплома высшего учебного заведения в кармане. Число таких бесправных, легализовавшихся только фиктивно в качестве ремесленников или служителей у „привилегированных“, было весьма значительно, и на яростную борьбу с ними полиция тратила много сил. Прославившийся своей полицейской жестокостью петербургский градоначальник Грессер сделал своей специальностью охоту на евреев. Журнальный обозреватель событий за 1883 год так изображает подвиги столичной полиции: „Поход был предпринят в самом начале нового года и продолжался непрерывно до конца его. Было сделано в начале марта распоряжение по городской полиции о строжайшей проверке документов и квартир еврейских, при участках (полицейских) заведены особенные для евреев книги, и началось очищение

[1]) „Восход“ 1891 г., кн. II, стр. 40 (II отд.).

*

Петербурга от докучливого племени. Приемы употреблялись уже не новые, хорошо испытанные и в других городах. Делались облавы по всем правилам, захваченные евреи с сомнительными правами на пребывание в столице, нередко семействами, препровождались прямо на вокзал соответственной железной дороги под конвоем полицейских чинов... Время и сроки выезда отмерялись на часы: давалось то 24 часа, то 48 и т. д., точно речь шла о приведении в исполнение приговора военно-полевого суда. А между тем высылались большею частью лица, уже много лет жившие в Петербурге, успевшие обзавестись хозяйством и делами, которые никак нельзя было ликвидировать в 24 часа... Последствием подобной спешной высылки из столицы были многочисленные случаи перехода в христианские вероисповедания... Забавны ходившие по городу рассказы о том, как лица, пожелавшие перейти в лоно церкви, испрашивали разрешения оставаться в столице в течение одной или двух недель, которые по закону необходимы для предварительного наставления в истинах новой веры, и как полиция ни за что не соглашалась, находя, вероятно, что получать наставления можно и в пределах черты оседлости"... [1])

Фиктивное крещение, позорное само по себе, являлось сравнительно редким средством в борьбе с насилием. Обыкновенно „обход закона" совершался путем фикций безвредных, но унизительных и трагических. Многие приезжие привозили с собою в Петербург ремесленные свидетельства и прописывались в качестве подмастерьев при мастерской какого-нибудь „полноправного" еврея-ремесленника; но стоило полиции зайти в мастерскую и не застать там фиктивного подмастерья за работою—и он подвергался немедленному изгнанию, причем и хозяину мастерской грозила большая опасность. Некоторые, для получения права жительства, зачислялись лакеями при евреях-врачах или адвокатах (по закону еврей с университетским дипломом первой степени мог держать при себе двух „домашних служителей" из своих соплеменников). Этих служителей часто призывали в полицейский участок и допрашивали, каков род их службы, на что приходилось отвечать: „чищу сапоги барину, ношу за ним портфель в суд" и т. п. На таких „лакейских" правах долго жили в Петербурге некоторые выдающиеся еврейские писатели,—среди них и молодой поэт С. Г. Фруг, певец еврейского

---

[1]) „Восход", 1884 г., кн. I, 33 („За прошлый год").

горя, сразу занявший тогда видное место и в еврейской, и в русской литературе[1]). Положение таких лиц было, конечно, крайне шатко: в любой день на их паспорте мог появиться полицейский красный штамп с приказом о выезде из столицы в 24 часа. Всю Россию обошел тогда рассказ о молодой еврейке, которая, приехав в Петербург или Москву для поступления на высшие женские курсы, вынуждена была для получения права жительства фиктивно записаться проституткой и взять „желтый билет“; когда полиция обнаружила, что молодая девушка занимается наукою, а не своим официальным ремеслом, ее изгнали из столицы. При расправе с евреем не останавливались и перед актом международного неприличия. В 1886 г. в Англии произвела очень дурное впечатление высылка полицией из Москвы известного члена английского парламента, банкира Самуила Монтэгю. Знатный иностранец был выдворен из русской столицы „в 24 часа“, как уличный бродяга.

Таким образом вся энергия властей уходила на борьбу с естественною — а по русскому кодексу „противозаконною“ — борьбою евреев за свое существование, со священным правом человека на свободное передвижение. Нарушающий это священное право, беспощадный lex-crimen заставлял гнать людей из одних городов в другие, из деревень в города. В гнезде украинской юдофобии, Киеве, не прекращались „облавы“ на бесправных. За один 1886 год из города были изгнаны более двух тысяч семейств. Это усиление репрессий об'ясняли местью со стороны генерал-губернатора, который поссорился с местным богачом-евреем (Бродским). Не довольствуясь выселением евреев из запретных городов, правительство придумывало способы расширения запретной полосы и включало в нее такие места, которые раньше входили в район еврейской оседлости. В 1887 г. большие южные города Ростов-на-Дону и Таганрог были по „высочайшему повелению“ перечислены из губерний черты оседлости в закрытую для евреев Область Войска Донского, причем ранее жившим там евреям разрешалось оставаться, но вновь селиться было строжайше запрещено [2]).

---

[1]) Фруг. Два генерала. Страничка воспоминаний (еженед. журн. „Еврейская Жизнь“ 1915 г., № 14). См. „Воспоминания о С. Г. Фруге“, „Евр. Стар.“ 1916 г.

[2]) Годовой обзор „Восхода“ 1887 г., кн. I, 39—40; Собр. узакон. 1887 г., № 57, стр. 498.

Все более суживая территорию, где задыхалось еврейское население, правительство принимало также непосредственные меры к сужению *экономической* сферы егодеятельности. Здесь откровенно выставлялась средневековая сословно-цеховая догма: нужно отнять данную профессию у еврея для того, чтобы она досталась христианину. При Александре II правительство поощряло распространение среди евреев ремесл насчет торговли и предоставило ремесленникам право повсеместного жительства. А при Александре III издается указ (1884) о закрытии в Житомире еврейского ремесленного училища, просуществовавшего 23 года. Этот акт мотивируется с поразительною откровенностью: „Так как в городах и местечках юго-западного края евреи доставляют большинство ремесленных рук и этим мешают развитию ремесленного труда среди коренного населения края, эксплоатируемого ими, то специально-еврейское ремесленное училище, при отсутствии подобных училищ у христиан, является лишним орудием в руках евреев для эксплоатации коренного населения края“ [1]). Тут изучение ремесла об'явлено орудием „эксплоатации“, что ярко освещает истинный смысл этого изобретенного правительством страшного слова: еврей является „эксплоататором“, поскольку он занимается тою профессией, хотя бы честной и производительной, которою мог бы заниматься христианин на его месте.

Закон неумолимо преследовал еврея за малейшую попытку расширения своей экономической деятельности. Ремесленник, живший вне черты, имел право торговать только изделиями своего ремесла; за продажу других товаров, не им изготовленных, он подвергался конфискации товара и немедленной высылке из мест жительства (известная 1171-я статья уложения о наказаниях). Конкуренты-христиане и полиция зорко следили, не продает-ли еврей-портной кусок материи, часовщик—новые часы фабричного изделия или цепочку к ним (он имел право лишь на починку часов), булочник—фунт муки или чашку кофе; обнаружение такого преступления влекло за собою казнь бедного ремесленника по упомянутой 1171 статье [2]).

Характерную черту той мрачной эпохи контр-реформ составляло стремление правительства вытеснить евреев из свободных профессий, а в связи с этим—из высшей и средней школы, фабрикую-

---

[1]) Мыш. Руководство к законодательству о евреях в Россіи, стр. 348. (Спб. 1892).

[2]) Мыш. Руководство, стр. 190 и сл.; „Восход“, 1887 г., кн. I, 44 и сл. (II отд.).

щей интеллигентных работников. Хотели сократить число „привилегированных“ евреев, которые, по закону Александра II, награждались правом повсеместного жительства за окончание высшего учебного заведения. Теперь находили полезным не поощрять образование, а противодействовать ему. Сановные обскуранты твердили, что учащиеся евреи вредно влияют на своих товарищей-христиан в религиозно-нравственном отношении, а политическая полиция отмечала, что студенты-евреи „легко примыкают к революционным деятелям“.

В стране, где вдохновитель внутренней политики Победоносцев считал светское просвещение вообще силою разрушительною, опасною для трона и алтаря, естественна была боязнь перед образованным иноверцем. Этим „великим инквизитором“ были несомненно внушены царю вышеупомянутые резолюции о необходимости сократить число евреев в русских учебных заведениях. Как ни противилось такой репрессивной мере большинство членов „Паленовской комиссии“, не забывшее еще просветительных традиций эпохи Александра II, вопрос был решен в духе тех повелительных резолюций. И тут, как при издании „Временных правил“, решили провести репрессию в порядке чрезвычайных мер, без участия Государственного Совета, в котором могли бы возникнуть нежелательные прения относительно целесообразности запрета на просвещение. 5 декабря 1886 г. Александр III, по предложению комитета министров, поручил министру народного просвещения Делянову принять меры к ограничению приема евреев в высшие и средние учебные заведения. Полгода министр, призванный по своей функции поощрять просвещение, колебался между различными проектами сокращения просвещения среди евреев. Чиновники министерства и попечители учебных округов предлагали различные способы сокращения: одни полагали, что нужно закрыть доступ в школу только детям евреев низших классов, в которых особенно проявляются „несимпатичные черты еврейского характера“; другие требовали установления ограничительной процентной нормы для учащихся евреев без различия классов; некоторые рекомендовали умеренность в репрессиях, опасаясь, что чрезмерное ограничение доступа в русские университеты заставит еврейскую молодежь учиться в заграничных университетах, откуда она будет возвращаться в Россию „более опасной“, в смысле тяготения к свободным формам политического быта. Наконец, в июле 1887 г. министр народ-

ного просвещения, по поручению свыше, издал свои знаменитые два циркуляра об ограничении приема евреев в университеты и в средние учебные заведения. Была установлена следующая норма: в черте оседлости евреи принимаются в школу в размере 10% числа поступающих туда христиан, вне черты—5%, а в столицах (Петербург и Москва)—3% [1]). Эта учебная норма, установленная перед самым началом учебного года, стала применяться в гимназиях, реальных училищах и университетах немедленно; в специальных же высших школах (технологические, ветеринарные и агрономические институты) ограничения либо практиковались еще раньше, либо вводились постепенно после издания циркуляра [2]).

Так возникла школьная „процентная норма“, источник горя и слез для двух поколений русских евреев, ибо в течение 30 лет сквозь строй нормы прошли уже и отцы, и дети. Ежегодно в июле и августе в двери гимназий и университетов стучались тысячи еврейских детей, а попадали лишь десятки и сотни. В городах черты оседлости, где евреи составляли от 30% до 80% всего населения, их дети допускались в гимназии и реальные училища только в размере 10% общего числа учащихся, а большая часть отлучалась от среднего образования. Особенно трагично было положение окончивших среднюю школу и лишившихся возможности продолжать свое образование в высших учебных заведениях. Многие из этих несчастных обращались с личными просьбами к министру просвещения Делянову, и тот—реакционер, но человек не злой по натуре—иногда разрешал принимать просителей в школу сверх нормы. Большинство же юношей, оставшихся вне стен высшей школы, вынуждено было искать образования за границей, где материально необеспеченные из них переносили крайние лишения. Жестокие законы не могли подавить в старой культурной нации потребность в просвещении. Не попадавшие в гимназию проходили курс ее дома, под руководством частных учителей, а часто и самоучкою, и после надлежащей подготовки держали экзамен на „аттестат зрелости“ в качестве экстернов, подвергаясь всем трудностям такого тернистого пути; недопущенные потом в высшую школу, эти „мученики науки“ тоже пускались в дальний путь—

---

[1]) В средних учебных заведениях норма распространялась только на мальчиков, а не на девочек, но на практике она нередко применялась и в женских гимназиях.

[2]) Георгиевский, Доклад etc., 204—242; Позпер, н. с. 59—89.

за границу. Ежегодно из России на Запад тянулись два рода эмигрантов: одни уезжали за океан искать хлеба и гражданской свободы, а другие уходили в Германию, Швейцарию и Францию искать высшего образования. Людей гнала из родины interdictio aquae et ignis, в физическом и духовном смысле.

Закрыв для многих источники высшего образования, правительство скоро додумалось до экспроприации прав у тех, которые с великими трудностями приобрели образовательный ценз. Оно не довольствовалось тем, что не допускало дипломированных евреев на государственную и академическую службу, оставляя для врачей, юристов и техников только область частной практики, а стремилось еще сузить и эту область. Не имея возможности применять свои знания на государственной службе, даже в специальной сфере судебной магистратуры, евреи-юристы шли в адвокатуру, где они успели занять видное место и количественно, и качественно. Это мозолило глаза и юдофобам по принципу, и юдофобам по профессиональному интересу в адвокатском сословии. Было обращено внимание на обилие присяжных поверенных из евреев в составе петербургской адвокатуры,—что об'яснялось и естественным тяготением к главному административно-судебному центру страны, и тем, что при приеме в сословие присяжных поверенных евреям в столице не чинились со стороны судебных властей те препятствия, которые часто практиковались из мотивов профессиональной конкуренции в провинциальных судебных округах. Министр юстиции, реакционер Манасеин, успел убедить верховную власть в необходимости преградить евреям дальнейший доступ в адвокатуру, но из дипломатических соображений решили провести это ограничение не под антиеврейским флагом, а как меру против лиц „нехристианских вероисповеданий“ вообще. В сеть ограничений попали таким образом и мусульмане, и привилегированная горсть караимов,—что придавало этой мере еще более яркий характер чисто-религиозной нетерпимости. 8-го ноября 1889 г. последовало высочайшее повеление: „чтобы принятие в число присяжных и частных поверенных лиц не-христианских исповеданий подлежащими судебными установлениями и советами присяжных поверенных, впредь до издания особого по сему предмету закона, допускалось не иначе, как с разрешения министра юстиции, по представлениям о сем председателей означенных установлений и советов“. Само собою разумеется, что министры юстиции широко использовали свое

право—не допускать евреев в сословие присяжных и частных поверенных. Давая такие разрешения мусульманам и караимам, министры всегда отказывали в своей санкции молодым еврейским адвокатам, как ни лестно рекомендовали их судебные учреждения и советы присяжных поверенных (за пять лет, до 1895 года, не был утвержден ни один еврей [1]). Таким образом многие талантливые юристы, которые могли бы украшать любую университетскую кафедру или занять видное положение в судебном ведомстве, были выбиты из колеи, лишались возможности служить родине своим трудом, устраивать свою личную жизнь так, как они к этому готовились в университете, и пополняли собою кадры лиц, экспроприированных неправедным законом.

„Мы будем вас лишать элементарнейших прав человека и гражданина: права жительства, свободы передвижения и промыслов, будем подвергать вас голоду физическому и духовному, будем извергать вас из гражданского общества,—но вы не смейте ни в малейшей степени уклоняться от своих гражданских обязанностей“— таков был односторонний договор, который правительство хотело установить с еврейством. Эту своеобразную взаимность услуг правительство особенно ярко демонстрировало в области отбывания евреями воинской повинности. Русский закон уже давно умудрился создать и здесь тяжелые ограничения для евреев: их принимали на военную службу с такими физическими недостатками, которые христиан освобождали от службы (при меньшем росте и об'еме груди); при недоборе рекрутов среди еврейского населения, на службу принимались даже единственные сыновья, кормильцы семьи или матерей-вдов, которые у христиан безусловно освобождались от воинской повинности. Служа в армии, еврей всегда оставался „нижним чином“ и никогда не мог дослужиться до офицерского чина. Как бы в насмешку над евреями-солдатами, их после окончания службы лишали права жительства даже в тех местах вне черты оседлости, где они служили, и выгоняли обратно в губернии гетто. Тут были превзойдены в жестокости времена Николая I: отставным солдатам, служившим по старому рекрутскому уставу, и их потомству прежний закон давал право повсеместного жительства; уволенным же солдатам, служившим по новому воинскому уставу 1874 г.,

[1]) Мыш. Руководство, 378 и сл.; „Восход“, 1895 г., кн. 1, 52; „Еврейская Библиотека“, т. IX, 469 (Спб. 1901).

эта льгота за верную службу не предоставлялась, и сенат подтвердил в 1885 г. это бесправие людей, пожертвовавших несколько лет своей жизни на службу отечеству. Еврей из Бердичева, Вильны или Одессы, прослуживший 5—9 лет в войсках в Петербурге, Москве или Казани, должен был покидать эти запретные города и возвращаться на родину в тот самый день, когда снимал с себя солдатскую шинель [1]).

При таком „поощрении" патриотизма, правительство имело смелость постоянно обвинять евреев в „уклонении от воинской повинности". Что тенденция к такому уклонению существовала в еврействе—не подлежит никакому сомнению. Было бы противно человеческой природе, если бы люди, подвергающиеся погромам снизу и сверху, имеющие право жить только на одной двадцатой части территории своего отечества, лишаемые пристанища, воздуха и хлеба, не имеющие надежды даже путем военной службы достигнуть равенства прав с последним русским мужиком,—если бы эти люди чувствовали глубокую потребность жертвы ради отечества и не уклонялись бы от самой тяжелой государственной повинности в большей степени, чем привилегированное русское население, где случаи уклонения также были нередки. На деле, однако, и жалобы на недобор рекрутов из евреев оказались до крайности преувеличенными. Статистические исследования выяснили, что вследствие неправильной разверстки от евреев требовали ежегодно большее число рекрутов, чем полагается по процентному отношению их к общему населению (в среднем евреев принимали на службу в количестве 12% общего числа новобранцев, между тем как еврейское мужское население „черты" составляло лишь 11% всего населения). Правительство не обращало внимания и на то, что в списках призывных часто числились лица давно умершие, но вследствие неправильной регистрации не исключенные из списков, а также эмигрировавшие в чужие страны. Ежегодная эмиграция евреев из России, вызванная непрерывными гонениями, уменьшала и число молодых людей призывного возраста; но власти полагали, что остающиеся обязаны служить в русской армии за своих братьев, ставших гражданами свободной американской республики. Целые томы бумаги исписывались канцелярскими проектами о способах пресечения евреям возможности уклоняться от воинской повинности.

---

[1]) Мыш, стр. 197—199, 387—395.

И в один апрельский день 1886 года правительство додумалось до следующей меры: „Семейство еврея, уклонившегося от исполнения воинской повинности, подвергается денежному взысканию в размере 300 руб.; взыскание сие налагается постановлением подлежащего воинского присутствия, приводится в исполнение полицией и не подлежит замене арестом в случае несостоятельности лиц, обязанных платежом оного“ [1]). Приэтом было установлено денежное вознаграждение за поимку еврея, не явившегося к призыву по воинской повинности.

Началась расправа на основании древнего обычая круговой ответственности, ибо в законе штраф устанавливался для *семейства* уклонившегося, а полицейская практика широко истолковала термин „семейство“, подводя туда родителей, братьев и близких родственников провинившегося. Установился такой порядок. Ежегодно осенью, в дни призыва новобранцев, в воинском присутствии вызывают по списку молодых людей, которым исполнился 21 год; если вызванный еврей не явился в тот же день, присутствие тут же делает постановление об оштрафовании его семейства. Приходит полиция к родителям неявившегося, чтобы взыскать штрафные 300 рублей; если наличных денег не оказывается, описывают имущество бедняков и продают с аукциона; совершенных же бедняков, с которых нечего взять, обязывают подпискою о невыезде из города, отбирают у них паспорта и часто заставляют голодать, ибо не дают возможности отлучаться на заработки. В случае смерти или отсутствия родителей, отвечают своим имуществом братья и сестры оштрафованного, затем его дед или бабка [2]).

В то время, как бюрократы-исполнители предавались азарту репрессий, их товарищи, которым было поручено обсудить еврейский вопрос, пришли к заключению, что репрессивная политика вредна и опасна. Вопреки ожиданиям, высшая комиссия графа Палена, состоявшая из старых сановников и чинов различных министерств, отнеслась в большинстве к еврейскому вопросу более серьезно, чем двигатели активной политики, которым некогда было думать, а приходилось действовать безоглядно, под напором реакционной энергии. В течение пяти лет Паленовская комиссия всесто-

---

[1]) Там же, стр. 396—397 (указ 12 апреля 1886 г.).

[2]) „Восход“, 1887 г., кн. I, 46 (II отд,); 1891 г. кн. III, 41 сл. (II отд.); Усов. Евреи в армии (Спб. 1911), стр. 19—92.

ронне рассмотрела еврейский вопрос, изучила и обработала множество материалов псторических, юридических и экономико-статистических, соображаясь с трудами игнатьевских губернских комиссий, тенденциозность которых она сразу установила, и со всем ходом прежнего законодательства о евреях,—и пришла к заключению, что вся столетняя система ограничительного законодательства не привела к цели и должна быть заменена системою реформ, хотя и постепенных и крайне осторожно проводимых. Таково было мнение большинства членов комиссии, с ее председателем Паленом во главе, изложенное в ее обширной „Общей Записке"—в начале 1888 года.

„Может-ли государство,—говорится в этой записке—относиться к пятимиллионному населению [1]), к одной двадцатой части всех своих подданных, хотя и принадлежащих к чуждой большинству расе, которых оно само приобщило вместе с обитаемой ими территорией к русскому государственному телу,—иначе, чем ко всем остальным своим подданным?... С государственной точки зрения еврей должен быть полноправен. Не давая ему одинаковых прав, нельзя собственно требовать и одинаковых государственных обязанностей... Стеснения и лишения свободы, неравноправие и гонения не делали человеческие общества лучшими и более преданными своим повелителям. Неудивительно, что и евреи, воспитанные на столетнем репрессивном законодательстве, остаются в категории подданных менее исправных, уклоняющихся от исполнения государственных повинностей и не приобщившихся вполне к русской жизни. *Число исключительных для евреев законов в нашем Своде простирается до 650*, и устанавливаемые ими стеснения и ограничения имеют естественным своим следствием то, что огромному большинству евреев живется до сих пор в России крайне тяжело.

---

[1]) В официальных документах и публицистике 80-х годов численность еврейского населения в России определялась то в три, то в пять миллионов. Обе эти крайние цифры основаны только на предположениях, так как точной статистики тогда не было. Впервые количество еврейского населения было установлено всеобщею переписью 1897 года: во всей империи жило тогда свыше пяти миллионов (5.189.400) евреев на 125 миллионов всего населения, так что евреи составляли свыше 4%. Принимая во внимание, что в 70-е годы еврейское население исчислялось в три миллиона, следует для 80-х годов определить среднюю цифру приблизительно в 4 миллиона при тогдашнем стомиллионном общем населении, что составляло также 4% или $^1/_{25}$.

„Значительное влияние на недоброжелательство к евреям имеет живущее до сих пор в народе тайное нерасположение к ним, как к нехристианам. „Нехристь“ и „христопродавец“— можно часто услышать, в качестве бранных эпитетов еврея, в устах русского простолюдина. Иначе относится к еврейской религии наша церковь и закон государственный, которые, хотя называют еврейскую религию „лжеучением“, узаконяют тоже религиозную терпимость в самых широких размерах, не прибегая к насильственной и официальной миссионерской пропаганде.

„В течение последнего 25-летия возникло новое обвинение против евреев в России, а также и за пределами ее. В составе сторонников анархических и революционных доктрин оказался значительный процент евреев, по преимуществу недоучек, успевших отстать от одного берега и не успевших пристать к другому. Из этого крайне печального факта выводят заключение, что само еврейство носит в себе разрушительную силу, что оно таким образом сугубо опасно для государства и общества. Сами прогрессисты и социалисты из евреев много толкуют о призвании их к пересозданию мира, о врожденной их любви к человечеству... Показаниям этим доверять не следует, ибо настоящее еврейство, по самому глубочайшему существу своему, исповедует начала строго консервативные, даже в значительной степени эгоистические и лично-практические. Толкование свойства еврейского духа в смысле совершенно обратном составляет лишь неудачную попытку со стороны анархистов (?)-евреев, желающих прославить себя апостолами новой, придуманной ими, национальной миссии. Значительный их процент в составе враждебного общественному русскому строю лагеря об'ясняется искусственным привлечением в средние и низшие учебные заведения массы учащихся из низменных слоев еврейского населения, безвсяких средств к жизни, озлобленных тяжким личным своим положением...

„Около 90% всего еврейского населения составляют вполне ничем необеспеченную массу, напоминающую отчасти пролетариат, массу, живущую со дня на день, в нищете и при самых тяжелых гигиенических и бытовых условиях. Против этих пролетариев возникают иногда и буйные восстания народа; масса живет под страхом погромов, под страхом насилия... В самом законодательстве евреи причислены к разряду „инородцев“, наравне с самоедами-язычниками. Одним словом, ненормальность теперешнего положения евреев в России очевидна.

„Отнюдь не с точки зрения защиты или симпатии к евреям, но с точки зрения государственной справедливости, высшего беспристрастия и правосудия, нельзя не признать, что евреи имеют право жаловаться на свое положение... Сколь ни покажется это неприятным для врагов еврейства, но нельзя отрицать ту аксиому, что все пятимиллионное население евреев в России (как ни будь оно антипатично массам или единицам)—тоже составная часть России, и что вопросы, до них касающиеся—тоже вопросы чисто-русские. Дело не идет об иностранцах, при приеме которых в подданство могли-б возникать вопросы о том, пригодны ли они будут для России или нет. Евреи в России—не иностранцы, а уже в течение более ста лет составляют часть той же самой России, вместившей в свое лоно десятки других племен, из которых весьма многие числятся в составе целых миллионов. Сама история законодательства, несмотря на то, что она слагалась большею частью под влиянием самого сурового взгляда на евреев, учит нас, что существует лишь один исход и один путь—освободительный, об'единяющий евреев со всем населением под сенью одних и тех же законов. Обо всем этом свидетельствует не теория или доктрина, но живая столетняя практика. Конечная цель законодательства о евреях, таким образом, не что иное, как его упразднение, вызванное требованием жизни, ходом просвещения и образованием народных масс.

„Полная гражданская правоспособность евреев, достигнутая постепенно, после ряда долгих лет, будет заключительной целью реформы, будет развязкою векового узла, что, впрочем, отнюдь не обозначает, что к тому времени евреи потеряют или преобразуют в себе все те вредные стороны, которые вызывают теперь на борьбу с ними. Но так же, как и в Европе, борьба эта может закончиться только полным освобождением и равноправием. Ставить на этом пути препоны было бы только бесплодным стремлением задержать ход развития человеческого общества и русской государственности. Как ни мало симпатичны евреи для массы, но с этою аксиомою нельзя не согласиться.

„Обращаясь же к исполнению своей задачи, высшая комиссия могла совершить в настоящее время лишь весьма немногое из этой программы. Тому препятствовали та постепенность и осторожность, которые признаются ею за необходимое условие всякой реформы в положении евреев... Главная задача законодательства о евреях заключается в возможно большем об'единении евреев с общим

христианским населением. Не следует формулировать нового законодательства в виде особого „Положения“ или „Устава“, как нечто принципиально противоречащее усилиям правительства снять с евреев их особленность. *Система репрессивных и исключительных мер должна быть заменена системою постепенных освободительных и уравнительных законов.* При разрешении еврейского вопроса должны быть соблюдаемы величайшая *осторожность и постепенность*“.

При всей умеренности и осторожности выводов Паленовской комиссии, участники которой, убежденные консерваторы, должны были считаться с юдофобским настроением правящих кругов, в этих выводах заключалась уничтожающая критика той репрессивной политики, которую вело правительство, учредившее эту комиссию. Из среды самой бюрократии восстал противник ее в еврейском вопросе. Однако, решение комиссии не было единодушно: за постепенные реформы высказалось большинство членов, меньшинство же стояло за продолжение репрессивной политики. Вследствие этих внутренних несогласий, комиссия медлила представлением своих заключений правительству. Сделана была еще попытка затянуть дело. В конце 1888 г. комиссия созвала группу еврейских „экспертов“, с целью выслушать „последнее слово подсудимого“. Экспертами явились те петербургские общественные деятели которые обнаружили слишком мало гражданского мужества еще на с'езде 1882 г. (выше, гл. IV); приглашен был еще М. Моргулис из Одессы. Их преимущественно допрашивали относительно внутренней организации еврейства: нет-ли „тайного кагала“, каково назначение „коробочного сбора“ и т. п. Ответы давались, конечно в смысле апологии: от автономной организации общин отрекались, но просили о допущении ограниченного общинного самоуправления под строгим контролем властей. Экспертам предложили еще и некоторые вопросы о правовом положении, но все это делалось только для декорации. Было известно, что мнение большинства комиссии о необходимости „осторожных и постепенных“ реформ, не имеет в высших сферах столько шансов на успех, как мнение юдофобского меньшинства, стоявшего за продолжение системы репрессий. Наихудшие опасения скоро сбылись. Реакционное ведомство графа Толстого, министерство внутренних дел, затормозило дальнейшее направление проекта Паленовской комиссии, который должен был-бы поступить в Государственный Совет. Определенно говорили, что

император Александр III „присоединился к мнению меньшинства“ Паленовской комиссии. По другой версии, вопрос был затронут в Государственном Совете, где противники реформы также оказались в меньшинстве, и царь дал перевес голосу юдофобского меньшинства. Проект, не гармонировавший с политикой правительства, не дошел даже до подробного обсуждения в законодательном порядке. Труд пяти лет похоронен был в канцелярских архивах[1]).

Евреи не обманывали себя насчет возможных результатов работ высшей комиссии: они понимали, что если бы правительство искренно хотело „пересмотреть“ конституцию бесправия, оно бы хоть на время приостановило производство новых законодательных бичей. В России царила темная, полярная ночь реакции 80-х годов. Конца не видно было этому празднику ночных сов — Победоносцевых и Толстых, стремившихся воскресить дикость старой Московии, державших народ в тисках невежества, пьянства и политического застоя. Все в стране притихло, притаилось; прогрессивные элементы русского общества были придавлены прессом реакции, печать стонала под игом свирепой цензуры. Евангельская проповедь Льва Толстого— морального антипода одноименного министра—о „непротивлении злу“ отвечала настроению многих, сложивших оружие в политической борьбе. Притихло все в еврейской жизни, притупилась острая боль первого погромного года, и только сдавленные стоны вызывал непрерывный „тихий погром“ репрессий. То были годы, о которых еврейский поэт писал (1886 г.):

Все поникло кругом, помертвело,
Как средь диких пустынных равнин.
Зарыдал бы хоть кто-нибудь смело,
Застонал бы хоть громко один!
Эти ночи без звезд и без бури,
Эти дни без теней и лазури,—
Мой народ, как похожи они
На печальные годы твои!

(Фруг.)

---

[1]) Моргулис. Из воспоминаний („Еврейский Мир“, 1909 г., кн. VI). „Евр. Энциклопедия“, I, 833–84; „Восход“, 1895 г., кн. I, 50 (II отд).

ГЛАВА VII.

Внутренний кризис 80-х годов.

Катастрофы начала 80-х годов застигли передовое еврейское общество врасплох, неподготовленным к духовной самообороне. Еще живы были в интеллигенции впечатления недавней эпохи реформ: первые шаги правительства Александра II по пути к эмансипации, призывы русских либералов к сближению, светлые надежды на обновленную Россию. На скупые дары власти еврейское образованное общество ответило таким порывом благодарности и преданности, который граничил с сервилизмом. Еврейская молодежь, прошедшая через русскую школу, устремилась не только к сближению, но к полному культурному слиянию с русским обществом. Ассимиляция, „обрусение" стали лозунгами дня. Литературные идеалы молодой России стали священными заповедями для еврейской интеллигенции... И вдруг тот русский народ, с которым прогрессивные евреи готовы были слиться, показал себя в образе зверином, выдвинув из своей среды банды громил и насильников, правительство стало на путь реакции и самой ярой юдофобии, а русское либеральное общество выразило очень мало сочувствия разгромленной и униженной нации. Громко звучал голос враждебной прессы („Новое Время", „Русь" и др.), слабо защищала евреев пресса либеральная, сдавленная тисками цензуры („Голос", „Порядок" и др.). Даже публицисты радикального лагеря (группировавшиеся главным образом вокруг журнала „Отечественные Записки") смотрели на погромы лишь как на дикую форму экономической борьбы, и вообще всю сложную еврейскую проблему с ее вековым трагизмом они трактовали как второстепенный социально-экономический вопрос [1]). Только один из их среды, русский сатирик Щедрин-Салтыков, испытал душевное потрясение

---

[1]) „Рассвет", 1882 г., стр. 506, 1301 и сл.; „Хр. Восх." 1882, стр. 615.

перед зрелищем новых мук старого народа, и он излил свое чувство в нейсвойственной ему лирической тираде в статье, написанной летом 1882 г., после завершения первого цикла погромов. „История,—писал Щедрин,—никогда не начертала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский. История человечества вообще есть бесконечный мартиролог, в то же время она есть бесконечное просветление. В сфере мартиролога еврейское племя занимает первое место, в сфере просветления оно стоит в стороне, как будто лучезарные преспективы истории совсем до него не относятся. Нет более надрывающей сердце повести, чем повесть этого бесконечного истязания человека человеком". Сатирик остроумно противопоставляет беспощадного русского Дерунова жалкому еврейскому „эксплоататору"-торговцу, которого в свою очередь все эксплоатируют [1]). Щедрин был единственный из крупных русских писателей, откликнувшийся на еврейское горе: Тургенев и Толстой молчали, хотя от них ждали слова протеста, между тем как с горячими протестами выступили литературные корифеи Запада — Виктор Гюго, Ренан и многие другие. Холодно отнеслась русская интеллигенция к жгучей муке еврейства. Болезненно почувствовало эту холодность еврейское образованное общество; началась полоса разочарования в идеалах ассимиляции.

Сначала это разочарование прорывалось в грустных жалобах кающихся ассимиляторов. „Просвещенные еврейские силы—исповедуется один из них еще в первые месяцы погромов—отшатнулись от своей истории, забыли свои традиции, презрели все то, что могло им дать понятие о себе, как о членах вечного народа. Без определенных идеалов, влача за собою еврейство, как бежавший каторжник свою тяжелую цепь, чем могли эти люди оправдать свою принадлежность к племени „христопродавцев" и „эксплоататоров?".. В каком плачевном положении очутились эти „сливавшиеся" вчерашние проповедники самоотречения! Жизнь потребовала самоопределения; положение меж двух стульев стало теперь невыносимо. Логика событий приводит к альтернативе: или открыто об'явить себя ренегатом, или же принять на себя долю в страданиях всего народа". Другой представитель еврейской интеллигенции пишет в конце 1881 года редактору русско-еврейского журнала: „Когда

---

[1]) „Отечественные Записки", 1882 г., август („Июльское веяние").

подумаю о том, что с нами сделали, как нас учили полюбить Россию и русское слово, как нас заманили и заставили ввести в семейство русский язык и все русское, как наши дети другого языка не знают, кроме русского, и как нас теперь отталкивают и гонят,— то сердце переполняется самым едким отчаянием, из которого, кажется, нет исхода. Эта великая обида так и снедает меня. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что еслибы даже удалось переселиться в такую благодатную страну, где все люди равны, где нет дневных грабежей и ночных „еврейских комиссий“, я бы все-таки остался убитым духом до конца жизни,—до того меня измучил этот проклятый год, это общее умопомрачение, обуявшее наше любезное отечество“ [1]).

Русско-еврейская литература того времени полна такими жалобами разочарованных интеллигентов. Не всегда это покаянное настроение приводило к положительным результатам. Одни, сроднившиеся с русскою культурою, не нашли уже пути возврата к еврейству и потонули в волне полной ассимиляции, доходившей иногда (правда, очень редко) до крещения; другие стояли на распутьи между ассимиляцией и национальной идеей; третьи полученным ударом были отброшены далеко назад и провозгласили лозунг „домой“, в смысле отречения от свободной критики и от всяких стремлений к внутренним реформам. Но в здоровой части еврейского общества перемена настроения вызвала определенный поворот идеологии в сторону национального возрождения на новых началах. Идея борьбы за национальное возрождение в самой России тогда еще не созрела (она проявилась, как активная сила, только в следующее десятилетие); в погромные же годы спасение еврейства связывалось главным образом с идеей эмиграции. Сторонники американской эмиграции не без основания видели в ней начало создания нового, свободного центра диаспоры. Поэт Л. Гордон, после балтийского погрома, обращается к „дочери Якова, изнасилованной сыном Хамора“ (намек на Бытие гл. 34, с игрою слов „бен-Хамор“ — сын осла), со следующим призывом: „Встань, сестрица моя,

---

[1]) „Без иллюзий“—анонимные статьи рано умершего представителя петербургской еврейской интеллигенции, адвоката М. С. Варшавского, в „Рассвете“ 1881 г. №№ 31, 32, 35; „Из частной переписки“ („Хрон. Восхода“) 1882 г. №№ 1—2 (автор цитированного в тексте письма—д-р Э. Мандельштам, известный окулист, позже один из лидеров сионистов); см. еще в „Рассвете“ 1881 г. стр. 1988—89 и 1882 г. стр. 152 и сл.

пойдем туда, где свет свободы сияет над всякой плотью, озаряет всякую душу; где дорог всякий созданный по образу Божию; где человека не унижают за его народность и его Бога. Там не будут тебя грабить негодяи, там не будут над тобою надругаться, Рухама, сестра моя!“ Многие из идеологов американской эмиграции мечтали о концентрации значительных масс в малонаселенных штатах, где впоследствии можно добиться широкого самоуправления [1]).

Наряду с этой идеей *перемещения центров* внутри диаспоры, родилась в муках погромной эпохи идея *отрицания диаспоры* во имя возрождения национального центра в Палестине. Первым идеологом нового „палестинофильства“ был *М. Л. Лилиенблюм*, писатель-радикал, раньше выступавший с проповедью реформы иудаизма. Уже осенью первого погромного года появились статьи этого писателя, имевшие целью обосновать едва зародившуюся идею колонизации Палестины, как задачу общенациональную. Лилиенблюм доказывал, что корень всех исторических бедствий еврейского народа в том, что он во всех странах — чужой, инородный элемент, в целом не сливающийся с народом-хозяином данной территории; хозяин терпит своего жильца, пока это ему выгодно, а при малейшей конкуренции стремится выпроводить его. В средние века нас преследовали в силу религиозного фанатизма, теперь начинают преследовать по причинам национальным и социально-экономическим, и эта „вторая глава нашей истории будет иметь еще немало кровавых страниц“. Положить конец еврейскому горю может только устранение его причины: нужно перестать быть чужими в разных странах и утвердиться в стране, где мы могли бы быть хозяевами. Такою страною по историческому праву является для нас древняя родина—Палестина. „Мы должны стремиться к колонизации Палестины так, чтобы в течение одного века евреи могли бы почти окончательно оставить негостеприимную Европу и переселиться в близкую к ней страну наших предков, на которую мы имеем право“ [2]). Эти мысли, развитые с тою упрощенною логич-

---

[1]) Gordon, Kol Schire... I, 115—116 (Спб. 1884); Дубнов, Вопрос дня („Рассвет“ 1881 г. №№ 34—35); Гамзефон (Заменгоф), Что же наконец делать? („Рассв.“ 1882, №№ 2—5), и другие статьи в тогдашней журналистике.

[2]) „Общееврейский вопрос и Палестина“ („Рассвет“, 1881 г., №№ 41—42), см. также брошюру Лилиенблюма: „О возрождении еврейского народа на земле его древних отцов“, Москва, 1886.

ностью аргументации, которая многим казалась неотразимою, вполне отвечали и тогдашнему настроению масс, стоявших с „препоясанными чреслами“, готовясь к исходу из нового Египта. В эмиграционных кружках, возникших в начале 1862 года, было немало сторонников палестинской колонизации; между „американцами“ и „палестинцами“ кипели идейные споры. Молодой поэт С. Фруг пропел следующий восторженный марш исхода, озаглавив его библейским эпиграфом: „Скажи сынам Израиля—пусть идут!“ (Исх. XIV, 15):

И зорок глаз, и крепки ноги, и посох цел... Народ родной,
Чего-ж ты стал среди дороги, поник седою головой?
. . . . . Взгляни: толпой к тебе твои вернулись дети . . .
Прими же их, и всей семьей, сквозь строй народов и столетий,
Чрез бездну мук, чрез цепь невзгод, ступай вперед!
Вперед—под звуки старой песни! Века грядущие зовут.
И громы нам кричат: воскресни! И бури гимны нам поют.

Этот марш исхода, аккомпанируемый „громом“ погромов, выражал настроение всех, мечтавших об „обетованной земле“—на берегах-ли Иордана, или Миссисипи. Родившаяся в грозе и буре идея эмиграции, как средства национального возрождения, нашла своего вдумчивого теоретика в лице д-ра Л. Пинскера, бывшего редактора „Сиона“ в Одессе, некогда видевшего разрешение еврейской проблемы в ассимиляции. В глубоко-продуманной анонимной брошюре „Auto-emancipation“ (Berlin, 1882) Пинскер ярко выразил весь тот ужас, который он испытал перед зрелищем материального рабства евреев в России и духовного рабства эмансипированных евреев Запада. Для него еврейский народ в диаспоре не живая нация, а призрак нации, бродящий по земле и пугающий собою все живые народы. Спасение еврейства в том, чтобы превратить этот призрак в реальность путем воссоздания еврейского народа на его собственной территории, которая усилиями всей нации и при содействии международном должна быть приобретена где-нибудь в пригодном для того месте, будь то Палестина или Америка. Это и есть путь „самоэмансипации“, в отличие от гражданской эмансипации, милостиво даруемой евреям народами-хозяевами и не гарантирующей их от антисемитизма и унизительного положения граждан второго сорта. Еврейский народ может возродиться, если вместо многих убежищ на всей поверхности земного шара он сосредоточится в одном убежище, политически обеспеченном. Для этой цели должен быть созван общееврейский

конгресс, который взял бы на себя финансовую и политическую реализацию дела. Нынешнее поколение должно сделать первый шаг на пути национальной реставрации, потомство сделает дальнейшие шаги. Брошюра Пинскера, изданная заграницей на немецком языке для воздействия на западных евреев, не имела успеха в этой ассимилированной среде, но в России она стала катехизисом палестинофильства, а позже сионизма и территориализма. Развитая в ней теория сильно действовала и стройностью логической аргументации, и яркостью скорбного настроения, всех тогда охватившего. Слабая ее сторона заключалась в неверной *исторической* ее предпосылке и слишком узком определении термина „нация“ в смысле территориально-политического организма; на самом деле диаспора в целом не переставала быть нацией особого типа, а в новейшей политической истории Европы нации этого „культурного“ типа все более выступают на сцену. Выдвинутая Пинскером идея территориализма, вследствие неопределенности своего практического плана, должна была приспособиться к тому палестинскому колонизационному движению, которое по своим скромным размерам далеко не соответствовало грандиозному замыслу автора „Самоэмансипации“.

К идеям Лилиенблюма и Пинскера примкнули в последние годы своей жизни и старый националист П. Смоленскин, и старый ассимилятор Леванда. Журналы „Haschachar“ и „Hameliz“ на древнееврейском языке и „Рассвет“ на русском стали литературными органами нового движения. „Восход“ (ежемесячник и еженедельник) был органом прогрессивной интеллигенции, стоявшей на почве борьбы за эмансипацию и внутренних реформ. Между этими двумя течениями стояли еженедельники „Русский Еврей“ в Петербурге и „Hazephira“ в Варшаве, державшиеся умеренных взглядов эпохи „гаскалы“ с явным наклоном к национальному течению.

В то время, когда „призыв“ Пинскера еще печатался в Берлине, в России уже организовались первые группы пионеров колонизации Палестины. Весною 1882 года в Харькове образовался кружок еврейской молодежи, преимущественно студентов, под именем „Билу“ (по инициалам девиза: „Бет Иакоб леху унелха“—уйдем, потомки Якова!), поставивший себе целью основать в Палестине образцовую земледельческую колонию и повсеместно пропагандировать идею заселения древней родины. Несколько сот адептов примкнуло к кружку „Билу“, но в Палестину двинулась только пара десятков пионеров (июнь—июль 1882). Сначала вожди организации пытались вступить

в переговоры с турецким правительством относительно уступки большого участка земли для колонизации, но это ни к чему не привело. Горсти пионеров пришлось работать в качестве простых пахарей в земледельческих колониях близ Яффы (в колонии парижского еврейского союза—„Микве Исраэль“ и в только что основанной по частной инициативе колонии „Ришон Лецион“). Молодым идеалистам пришлось вынести много невзгод в непривычной им обстановке и чуждой сфере труда: большая часть интеллигентных пионеров вскоре сошла со сцены, уступив место физически более призванным колонизаторам.

Таким образом основание палестинской колонизации было положено, хотя и в очень скромных размерах. В дальнейшем национальная идея возрождения Палестины имела сама по себе большее общественное значение, чем практическая колонизация страны, привлекавшая незначительное число работников. В годины российских ужасов взоры страдальцев обращались на Восток, к маленькой полоске на берегу Средиземного моря, где грезилась новая жизнь на возрожденных развалинах седой древности. С каждым годом росло палестинское движение, принимая организованные формы. В России возникали повсюду кружки „Друзей Сиона“ (Ховеве Цион), центром которых была Одесса, где действовал организационный комитет под руководством Пинскера и Лилиенблюма, идеологов движения. В конце 1884 года делегаты этих кружков устроили с'езд в пограничном прусском городе Каттовиц (в России, по полицейским условиям, такой с'езд был невозможен). Был создан фонд „Мазкерет Моше“, в честь английского филантропа-палестинофила Моисея Монтефиоре, и туда стекались все пожертвования на нужды палестинских колоний; этим фондом заведывали два центра палестинофилов—в Одессе и Варшаве. К движению, поднятому новой интеллигенцией, примкнули и некоторые представители раввинской ортодоксии (белостокский раввин Самуил Могилевер и др.), что значительно ослабило оппозицию ортодоксальных масс, видевших в новом интеллигентском мессианстве конкуренцию традиционному догмату пришествия мессии. Действуя нелегально, палестинофильские кружки в России не могли развить широкую деятельность, и средств их фонда едва хватало на поддержку пары колоний в Иудее. Тогда было решено (на Друскеникском с'езде 1887 г.) ходатайствовать перед русским правительством о легализации комитета помощи палестинским колонистам, что было достигнуто позже,

в 1890 году. Соединенными усилиями „Друзей Сиона“ в России и деятелей колонизации в других странах (барон Ротшильд в Париже) был создан в Иудее и Галилее ряд земледельческих колоний. составивших ядро еврейского центра на исторической родине [1]).

Рядом с маленьким ручьем палестинской колонизации, эмиграция в Америку представлялась широким потоком, но это было движение стихийное, неорганизованное. Тут сказались печальные последствия трусливой политики петербургского с'езда нотаблей 1882 года. Отказавшись из-за русского „патриотизма“ от создания центрального органа для урегулирования эмиграции, с'езд оставил огромное массовое движение на произвол стихии, что неминуемо вело к катастрофам. Балтский погром вызвал новую вспышку панической эмиграции, и летом 1882 года на границе, в Бродах, опять скопились два десятка тысяч беженцев, не имевших средств на переселение в Америку и ждавших помощи от еврейских обществ западной Европы. Учрежденные в европейских столицах комитеты помощи эмигрантам занялись эвакуацией Брод от бедствовавшей массы беженцев. В течение лета и осени эта работа была с трудом закончена. Большая часть эмигрантов была отправлена в американские Соединенные Штаты, остальные же рассеялись по разным странам Западной Европы. В следующие годы, когда эпидемия уличных погромов пошла на убыль, сократились и размеры эмиграции (вместо 17 тысяч эмигрантов в 1882 г.,—7 тысяч в 1883 г.), но упрочившиеся затем систематические легальные погромы—сужение черты оседлости и прочие репрессии—снова усилили эмиграцию, которая с тех пор постепенно возрастала (в трехлетие 1884—86 по 15—17 тысяч выходцев ежегодно, а в трехлетие 1887—88 по 30 тысяч в среднем ежегодно). Оставление России усилилось после установления воинского штрафа и учебной нормы,—двух новелл, ярко осветивших соотношение прав и обязанностей в российском гетто: здесь лишали права жить и учиться и гнали на военную службу, а там, в Америке, давали все гражданские права и бесплатное обучение, при необязательности военной службы. Получая легко гражданскую свободу, эмигранты, однако, не так легко добывали свой хлеб на новых местах: им приходилось на первых порах

[1]) Хисин. Из дневника палестинского эмигранта. „Восход“, 1889 г. (во всех книжках); Письма билуйца, „Евр. Стар.“ 1915 г.

выдержать жестокую борьбу за существование. Среди эмигрантов первого периода было немало интеллигентных людей, отказавшихся от свободной профессии в стране рабства и мечтавших о простом земледельческом труде в свободной республике. Они увлекали за собою часть переселенческой массы и с неимоверными трудами, при содействии благотворительных учреждений, основали ряд фермерских колоний в разных штатах Северной Америки. Идеализм пионеров-интеллигентов с течением времени уступил место трезвому реализму, более подходящему к условиям американской жизни. Главная эмигрантская масса направлялась в города, преимущественно в Нью-Йорк, где постепенно вырастал огромный еврейский центр [1]).

Сокращение четырехмиллионного еврейского населения России на несколько десятков тысяч не разрешало, конечно, народной проблемы в стране исхода ни с материальной, ни с духовной стороны. Оставшиеся дома миллионы должны были думать о том, как бороться с установившимся в России режимом средневековья. Вся тяжесть этих дум легла на чуткую интеллигенцию, не утратившую связи с народом. Были еще верующие, догматики прогресса, надеявшиеся на скорую перемену во внутренней политике России и считавшие своим долгом продолжать борьбу и за гражданскую эмансипацию, и за внутренние реформы в еврействе. Наиболее независимые представители этого .направления в печати группировались вокруг крупнейшего периодического издания того времени—„Восхода“, выходившего в Петербурге в форме публицистического еженедельника и научно-литературного ежемесячника. После прекращения двух других русско-еврейских органов („Рассвет“ и „Русский Еврей“ перестали выходить в 1883 и 1884 г.), „Восход“ был единственным выразителей мнений прогрессивной интеллигенции, проникнутой западноевропейскими идеалами. Под гнетом свирепой цензуры журнал боролся против юдофобской реакции в правительстве и русском обществе и не раз подвергался тяжелым цензурным карам. Он долго служил цитаделью, где после поражения прежних борцов за эмансипацию укрепились последние „зилоты прогресса и равноправия“. В ежемесячных книжках „Восхода“ печаталось лучшее из того, что могла дать еще неокрепшая мысль интеллигенции, захваченной кризисом той эпохи. Здесь печатались произведения и

---

[1]) Прайс, Еврей в Америке. Спб. 1891 (ср. „Восход“, 1890—91 гг.).

писателей предыдущей просветительной эпохи (Леванды, Богрова и др.), и новых писателей, стоявших на распутьи [1]).

Печать скорби и мучительных колебаний лежит на произведениях писателей 80-х годов, как завершавших тогда свою деятельность, так и начинавших ее. Раненая душа Леванды изливалась в сарказмах „Летучих мыслей недоумевающего", где писатель сжигал те кумиры ассимиляции и обрусения, которым раньше поклонялся. Разочарованый Леванда не нашел полного душевного успокоения в идеале возрождения Палестины, к которому он под конец склонился, и свет ума погас в нем раньше, чем потухла последняя искра жизни (1887). Лучший поэт того времени Семен Фруг (1860—1916), уроженец еврейской земледельческой колонии, вышедший с бодрой песней из простора южнорусских степей, столкнулся с первых же шагов с катастрофою 1881 года, и его песнь стала сплошной иеремиадой. Было нечто от древнего пророка Иудеи в этом непрерывном плаче над долей народной, раздававшемся на языке новых вавилонян, в святом гневе против угнетателей, в поэтических видениях прошлого и мечтах о возрождении еврейского пахаря на родной ниве Востока. Поэт сам охарактеризовал главный мотив своего творчества в словах:

Я арфа Эолова доли народной, я эхо народных скорбей.
Что взял у народа я гневом и ядом, я песней ему отдаю.

В гармоничных стихах Пушкина и Некрасова Фруг выражал чувства истинного национального поэта, говорил сердцу новой еврейской интеллигенции, будил в ней высшие эмоции в годы уныния и упадка духа. В Петербурге, где бесправный поэт должен был жить под маскою „домашнего служителя" у адвоката, люди власти могли услышать слова гневного укора от певца гонимых. Когда появился в свет первый сборник стихотворений, раньше печатавшихся в „Восходе" (1885), литературная критика поспешила причислить автора к лучшим представителям новой *русской* поэзии, но он, при всех уклонениях в разные стороны, оставался в общем верен своему истинному призванию—еврейского национального поэта, хотя и пишущего не на национальном языке (позже Фруг стал писать прекрасные стихи и на народном языке „идиш"). Его библейские перепевы являются лучшим украшением к вечной книге, которую

---

[1]) Дубнов, Смена направлений в русско-еврейской журналистике—в „Письмах о еврействе", Спб. 1907.

он любил так же глубоко, как природу. Но главная заслуга Фруга заключается в том, что он дал блестящее поэтическое выражение скорбным думам своего поколения. Уже стала крылатым словом его фраза:

Два достоянья дала мне судьба: жажду свободы и долю раба.

Люди, пережившие перелом 80-х годов, глубоко испытывали то чувство, которым были продиктованы слова поэта о России:

Этот край, где зажглась нашей жизни заря, где текли наши лучшие годы,
Эти нивы, где часто бродил я один, упоенный отрадной мечтою,
И грядущего счастья ряд светлых картин рисовался вдали предо мною,—
Все покрылось густой непроглядною тьмою...

Из старых писателей, участников ренессанса национального языка, завершал в эти годы свой литературный путь поэт Л. Гордон, который откликался на новые злобы дня уже не в стихах (кроме вышеупомянутого стихотворения „Сестра Рухама“), а в публицистической прозе, на столбцах „Гамелица“, который он временно редактировал. Обличитель старой ортодоксии, глашатай реформ и европейского просвещения, Гордон не нашел своего пути среди новых направлений национальной мысли, а пытался только спасти, что можно, из тонущего корабля прошлого. Он умер в самый разгар гонений (1892). Наряду с „дедушкою“ народной литературы С. Абрамовичем, творчество которого в области бытописания все более углублялось, появились новые бытописатели—Перец и Шолом-Алейхем, деятели „жаргонного“ ренессанса, результаты которого сказались несколько позднее, к началу XX века.

Буря погромного года (1881) сломала много ветвей на дереве „просвещения“, расцветшем в предыдущую эпоху, а некоторым, еще неокрепшим, ветвям придала уродливую форму. В таком непривлекательном виде предстала в начале 80-х годов идея религиозных реформ в иудаизме. За две недели до весенних погромов 1881 года газеты оповестили, что в городе Елисаветграде, где вскоре произошел первый погром, появилась еврейская секта под именем „Духовно-библейское братство“, члены которой отрицают религиозные догматы и обряды и признают только нравственное учение Библии, осуждают занятие торговлею и стремятся жить физическим трудом, преимущественно земледелием. Основателем „Братства“ оказался местный учитель и журналист, Яков Гордин,

находившийся тогда под влиянием южнорусской секты „штундистов“ (евангелистов) с одной стороны и русских народников-социалистов—с другой. К „Духовно-библейскому братству“ примкнуло сначала всего два десятка человек. В газетном воззвании, появившемся вскоре после весенних погромов 1881 г., вождь секты, скрывшийся за подписью „Брат-библеец“, призывал евреев отказаться от тех черт характера и видов экономической деятельности, которые возбуждают против них ненависть коренного населения—от погони за наживою, ростовщичества, мелкого торгашества. Этот призыв, звучавший в унисон с голосами юдофобов и раздавшийся в момент, когда еще не зажили раны разгромленных, вызвал глубокое негодование в еврейском обществе. „Духовно-библейское братство“ скоро распалось, и некоторые члены его присоединились к возникшей в начале 1882 г. в Одессе новой однородной секте под именем „Новый Израиль“, основателем которой был местный учитель, Я. Прилукер.

Цель „Нового Израиля“ состояла в том, чтобы путем радикальных религиозных реформ в духе рационализма облегчить сближение евреев с христианами и на этом основании добиться гражданского равноправия. Двойственная религиозно-социальная программа секты гласила: секта признает только учение Моисея и отвергает Талмуд, законы о пище, обряд обрезания, старый чин богослужения; вместо субботы днем покоя должно быть воскресенье; русский язык признается „родным“ и обязательным в повседневной жизни; занятие ростовщичеством и другими неблаговидными профессиями воспрещается. В награду за все эти добродетели, творцы секты считали себя в праве исходатайствовать у русского правительства для членов „Нового Израиля“ гражданское равноправие, разрешение вступать в брак с христианами, а также право носить особый значок для отличия от „евреев-талмудистов“; в знак благодарности за ожидаемую милость правительства, члены обязуются называть своих детей, имеющих родиться в ближайший год, именами Александр и Александра, по имени русского царя. Если первая, регилиозная половина программы „Нового Израиля“ могла еще привлечь к нему некоторых идейных адептов, то вторая, „деловая“ часть программы раскрыла всем глаза на истинныя вожделения „реформаторов“, стремившихся добиться гражданского равноправия путем торга религией, совестью и честью, не гнушавшихся проявить такой низкий сервилизм в дни, когда еще не засохла кровь жертв балтского погрома.

Так была скомпрометирована и эта попытка внутренней реформы, изуродованная тлетворным духом реакционно-юдофобской эпохи. Оба движения скоро заглохли, и творцы их впоследствии ушли заграницу: Гордин уехал в Америку и, отрекшись от грехов молодости, сделался популярным еврейским драматургом, а Прилукер переселился в Англию и поступил на службу к миссионерам, распространяющим христианство среди евреев путем покупки душ за фунты стерлингов. „Новый Израиль“ всплыл потом (1884—85 г.) в Кишиневе в виде ничтожной „Общины новозаветных израильтян“, руководитель которых И. Рабинович поставил себе целью „слить иудейство с христианством“. В молельне этой общины, состоявшей из десятка членов, читал проповеди и протестанский пастор. Спустя несколько лет прекратилась и эта миссионерская затея. В миазматической атмосфере тогдашней русско-еврейской жизни могли вырасти только такие ядовитые цветы „религиозной реформы“, здоровое семя которой зачахло после крушения идеалов просветительной эпохи [1]).

---

[1]) „Рассвет“, 1881 г., ст. 574 и 972 и сл.; Бен-Сион (Прилукер). Еврей-реформаторы. Спб. 1882; ср. „Еврейск. Энциклопед.“ т. VII, 389 и XI, 769 и сл. Н. Н. (Л. Гордон). Попытки религиозных реформ („Восход“, 1882 г., кн. VII—VIII). Критикус. Среди крайностей, „Восход“, 1885 г. кн. XII. (Еще в 1883 г. автор этих строк, тогда приверженец религиозной реформы в чистом ее виде, осудил южно-русские попытки реформ ради выгоды в своей статье „Какая самоэмансипация нужна евреям“).

ГЛАВА VIII.

Накануне новой грозы (1890 г.).

Ядовитая бацилла юдофобии росла в высших правящих кругах Петербурга. Ярость политической реакции вообще усилилась после „чудесного спасения“ Александра III и его семьи при крушении поезда на железнодорожной станции Борки (17 октября 1888 г.). Под покровом церковно-мистического тумана, которым окружили это событие Победоносцев и клерикальная клика, в уме царя окончательно окрепло убеждение, что перст Божий указует ему спасти Россию от реформ и повернуть на путь древнего благочестия. На этой почве выросли контр-реформы последних лет царствования Александра III, имевшие целью укрепить полицейско-клерикальный режим: сокращение земского и городского самоуправления, усиление власти дворянства и духовенства, выразившееся в создании института земских начальников и размножении церковно-приходских школ насчет светских; на ней же пышным цветом распустилась юдофобия, получающая отныне какой-то зловещий оттенок именно в высших сферах. В 1890 г. царю была представлена каким-то сановником записка о бедствиях евреев и о необходимости приостановить репрессивную политику; царь сделал на полях записки пометку в средневековом духе: „Но мы никогда не должны забыть, что евреи распяли нашего Господа и пролили Его драгоценную кровь“ [1]) Представители придворного духовенства публично заявили, что христианин не может быть в приязненных отношениях с евреями

[1]) Я вынужден цитировать эту резолюцию по английскому ее переводу в книге H. Frederic'a, The new exodus: a study of Israel in Russia, London 1892 (p. 173: «But we must never forget, that it was the Jews who crucified our Lord and spilled his priseless blood»). Автор книги, английский журналист Фредерик, посетил Россию в 1891 г. и слышал о резолюции царя от лица, видевшего этот документ.

и не должен дружить с ними, ибо таков завет Евангелия: „ненавидеть убийц Спасителя“ [1]).

Фанатически-реакционное министерство Дурново-Плеве (первый был министром внутренних дел с 1889 года, после смерти Толстого, а второй—его товарищем) вносило в управление все инквизиторские приемы департамента полиции, где оба эти сановника раньше состояли шефами. Пресса была приручена или сделалась орудием правительственной политики. Наиболее распространенные петербургские газеты (кроме умеренно-либеральных „Новостей“, уцелевших после разгрома либеральной печати) были явными или скрытыми официозами. Продажное „Новое Время“, заклейменное в сатире Щедрина эпитетами: „Помойная яма“ и „Чего изволите“, стало в это время исполнять свою прежнюю миссию—травлю евреев—с таким рвением, которое свидетельствовало о повышении спроса на юдофобию в официальных сферах. Не было той дикой клеветы, которую не взводила на евреев эта газета Суворина, вдохновляемая одновременно святейшим синодом и департаментом полиции. Выражая в общем взгляды правительства, „Новое Время“ служило для царя и его советников источником государственной мудрости. Министры, губернаторы и вся подчиненная им армия чиновников справлялись о политическом курсе по этой „осведомленной“ газете, которая в еврейском вопросе поставила себе один, откровенно ею выставленный, лозунг: „сделать евреям жизнь в России невыносимою“. Кроме „Нового Времени“, травлею евреев усердно занимался еженедельник „Гражданин“, редактор которого, князь Мещерский, пользовался личным расположением Александра III и казенною субсидией. Эти столичные органы задавали тон всей официальной и официозной прессе в провинции, и общественная атмосфера систематически отравлялась микробами юдофобии.

Когда Паленовская комиссия по еврейскому вопросу закрылась и царь „присоединился к мнению меньшинства“ в Государственном Совете, требовавшего усиления репрессий вместо реформ (выше, глава VI), правительство стало обдумывать способы осуществления одобренного царем мнения. План, разработанный в министерстве внутренних дел под руководством фатального шефа полиции фон-

[1]) Об этой проповеди протопресвитера придворного духовенства Янышева, духовника Александра III, и протоиерея Автономова писалось в русской прессе летом 1891 г. (см. „Новое Время“ и—с другой стороны—„Хронику Восхода“ за август и сентябрь 1891 г.).

Плеве, хранился в строгом секрете, как подобает плану военных действий, направленных против „враждебной державы“. Но сохранить секрет было трудно. Министерство разослало генерал-губернаторам копии проекта для отзыва, и вскоре, благодаря усердию иностранных корреспондентов, списки проекта стали циркулировать в Лондоне, Париже и Вене. Весною 1890 г. в России и за границей носились тревожные слухи о каких-то „40 пунктах“ проекта, наметившего ограничение торговой деятельности евреев, усиление строгости „временных правил“ в черте оседлости и сокращение льгот для некоторых категорий евреев вне ее, образование средневековых „еврейских кварталов“ в Петербурге, Москве, Киеве и т. п. Заграничная пресса подняла сильный шум по поводу ожидаемых новых актов варварства. Особенно шумели в Англии, где „Times“ резко обличал реакционную политику России (в Лондоне тогда издавался специальный для этой цели орган русской политической эмиграции—„Darkest Russia“—„Темная Россия“). Русское правительство слабо опровергало эти слухи через своих дипломатических агентов, но не возбраняло хорошо осведомленным „Новому Времени“ и „Гражданину“ сочувственно цитировать известия о проектах репрессий и самим рекомендовать свирепые мероприятия против евреев с целью „устранения их из всех отраслей труда“. Эта комедия была отлично понята за границей. В конце июля и начале августа (н. ст.) в обеих палатах английского парламента были сделаны запросы правительству относительно возможности дипломатических представлений в защиту гонимых русских евреев, о которых Англии придется иметь попечение, если они массами будут эмигрировать туда. Премьер Салисбюри в верхней палате и министр иностранных дел Фергюсон в нижней ответили, что они очень сожалеют о „фактах, вызвавших запрос“, но не могут входить в обсуждение русско-еврейского вопроса, касающегося внутренних дел России. Когда же вслед за тем в Лондоне стали делать приготовления к митингу протеста, русское правительство поспешило через великобританского посла в Петербурге заявить, что никаких новых мер против евреев оно не замышляет,—и митинг был отменен. Говорили, что лорд-мэр Лондона Генри Айзекс, как еврей, не соглашался на этот митинг, где ему, по обычаю, пришлось бы председательствовать [1]). То было проявление „такта“, но с при-

[1]) Persecutions of the Jews in Russia, with a report of the Guildhall Meeting etc.; (London, 1891), pp. 9–10, 35, Frederic, l. c. 168—172; „Хроника Восхода“,

месью несомненной трусости, присущей ассимилированным евреям Запада.

Заботясь об успокоении общественного мнения за границей, русское правительство в то же время делало все, чтобы поддерживать тревожное настроение среди евреев в России. Секретные проекты и циркуляры, которые рассылались из Петербурга, встретили живейшее сочувствие среди провинциальной администрации. На основании полученных из столицы инструкций, многие губернаторы и градоначальники стали проявлять чрезвычайное усердие против евреев в определенном направлении. Усердие проявлялось в мелочных, грубых придирках к евреям. В одно и то же время (май-август 1890), как будто по данному сигналу, в разных местах появились циркуляры представителей местной администрации, обращавшие внимание чинов полиции на „дерзкое поведение“ евреев, которые при встрече с чиновниками не снимают шапок и не кланяются. Могилевский губернатор потребовал от полицейских агентов своей губернии, чтобы они внушили местному еврейскому населению „мягкость нравов“ в смысле почтительного отношения к властям. Во исполнение этого циркуляра, уездные власти заставляли раввинов призывать прихожан в синагогах к чинопочитанию, а в одном городе (Мстиславль) предводитель дворянства собрал почетных членов еврейской общины и пригрозил, что в случае неисполнения губернаторского циркуляра полиция будет подвергать виновных публичному телесному наказанию. Одесский градоначальник, известный деспот Зеленой, издал приказ по полиции об „обуздании наглости, проявляемой евреями в местах скопления публики и особенно в вагонах пригородных железных дорог“, где они не уступают мест и вообще оказывают неуважение „лицам преклонного возраста или носящим форму, свидетельствующую об их высоком положении“. Такую же грубую выходку позволил себе высший сановник—виленский генерал-губернатор Каханов: в своем ответе на приветственную речь местной еврейской депутации он указал не только на „обособленность“, но и на „распущенность“ еврейского населения, которая выражается в массовых скоплениях на улицах и т. п. Одновременное появление подобных официальных деклараций в разных местах свидетельствовало о каком-то общем источ-

---

1890 г., №№ 21 (стр. 528), 23 (стр. 569), 30 (стр. 745, 752), 32 (стр. 805 и сл.), „Книжки Восхода“, 1891 г., январь, стр. 63 (2-ой отдел).

нике, о секретной инструкции, данной из Петербурга. Но агенты власти, повидимому, переусердствовали в исполнении возложеной на них миссии „обуздания евреев“: сведя эту миссию к „абсурду“— к незаконному требованию снятия шапок пред начальством или уступки места в вагонах трамваев,—они вызвали только трагикомические столкновения в обществе и вопли негодования в печати [1]). О декларациях помпадуров, желавших перевоспитать еврейскую массу в духе чинопочитания и страха пред начальством, заговорила и русская, и заграничная пресса. Чувствовалось, что за этим комическими выступлениями диких администраторов кроется большой запас злобы, стремления оскорбить, унизить еврея, и что такие администраторы в любой момент могут перейти от нравоучения к расправе. Это усиливало тревогу.

Между тем, в приготовлениях к чрезвычайному штурму, правительство не забывало и о нормальной осаде гетто. Изобретательность администрации довела технику репрессий до совершенства. Теперь уже не ограничивались хитроумными поводами к выселению евреев-старожилов из деревень (бывали случаи, что в деревню не пускали обратно солдат, возвращавшихся домой по окончании срока службы, как „вновь поселяющихся“), а заботились о сужении самой городской черты, где в тесноте задыхалось еврейское население. В 1890 г., опять как будто по сигналу, провинциальные власти стали переименовывать многие мелкие местечки в селения, чем превращали поселения городского типа в деревенские, где евреям вновь водворяться запрещено. Из таких мест принялись выгонять евреев, поселившихся там после „Временных правил“ 1882 года, и даже тех из старожилов, которые не могли документально доказать факт своего проживания в местечке до 1882 года. Стали вновь гнать из запретной для евреев 50-верстной полосы вдоль западной границы империи (особенно в Бессарабии). Все эти выселения загнали в переполненные города черты еще десятки тысяч разоренных людей. А тем временем бесправных толкали также из городов вне черты, особенно из крупных центров—Киева, Москвы, Петербурга. Киевский генерал-губернатор запретил женам еврейских ремесленников, имевших там право жительства, заниматься продажею с'естных припасов на базаре, ибо ремесленники могут торговать

---

[1]) „Хроника Восхода“, 1890 г., №№ 24, 36 и др.; Persecutions etc., p. 22.

*

только предметами своего изделия. Таким образом сытый сатрап вырвал лишний кусок хлеба изо рта бедняка-труженика, которому жена хотела помогать своим честным заработком для прокормления семьи [1]).

Политическим ударом для евреев была статья реакционного «Положения о земских учреждениях» (12 июня 1890), в силу которой еврей, плательщик земских налогов, совершенно устранялись от участия в выборах гласных в органы земского самоуправления. Эта статья была внесена в проект закона тремя столпами тогдашней политической инквизиции — Победоносцевым, Дурново и Плеве, которые мотивировали это ограничение следующим образом: цель нового закона—превратить земское дело в государственное, в „государево дело“, усилить там административное управление насчет местного самоуправления; следовательно, евреи, „будучи вообще элементом анти-государственным“, непригодны для участия в земстве. Государственный Совет с этим полицейским силлогизмом согласился, и позорная статья вошла в закон [2]).

Систематическое издевательство над евреями вызвало, наконец, потребность протеста в прогрессивной части русского общества. Христианский философ Владимир Соловьев, друг еврейства, основательно изучивший его историю и литературу, задумал опубликовать протест выдающихся русских писателей и общественных деятелей против антисемитского движения „в русской печати“ (последнее выражение представляло собою вынужденный полицейскими строгостями эвфемизм, под которым подразумевалось русское правительство с его наемными агентами в прессе). С большим трудом удалось ему собрать под протестом 66 подписей в Москве и свыше 50 в Петербурге; среди них были подписи Льва Толстого, В. Короленко и других литературных знаменитостей (май-июнь 1890). Как ни мягок был по форме составленный Соловьевым протест, его запретили печатать. Об этом позаботились юдофобы. Московский профессор Иловайский—сомнительный историк, но патентованный юдофоб—донес в Петербург о собираемых в Москве подписях под „юдофильской петицией“, и главное управление по делам печати

---

[1]) „Восход“, 1891 г., кн. II, 42—47 (2-й отдел); Judenpogromen in Russland (Köln, 1910), Bd. I, 119; Persecutions etc. pp. 12—13, 15.

[2]) Справка к докладу по еврейскому вопросу, ч. II, 137—40 (изд. союза об'единенных дворянских обществ, Спб. 1910); Мышь, Руководство к законодательству о евреях, стр. 372 (изд. „Восхода“ 1892 г.).

запретило редакциям всех газет печатать какое-либо коллективное заявление по еврейскому вопросу. Соловьев обратился по этому поводу с горячим письмом к Александру III, но получил через министра внушительный совет—не поднимать шума из-за евреев: иначе его ждут административные кары. Так как от публичного протеста [1]) пришлось отказаться, то прибегли к следующей хитрости. Учитель Соловьева по еврейской литературе (Ф. Гец) решил издать смиренную апологию еврейства, под заглавием „Слово подсудимому“. Соловьев написал для этой книжки предисловие, а также передал автору для опубликования в ней письма Толстого и Короленко в защиту евреев. Но как только книжка была напечатана, цензура ее конфисковала и, несмотря на все ходатайства, предала сожжению все экземпляры этой невинной апологии [2]). Так затыкали рот немногим защитникам еврейства, давая в то же время полную свободу слова разжигателям вражды к нему.

Задушенный в России вопль негодования против угнетения евреев раздался за границей. Еврейское общество в Англии взяло на себя инициативу протеста. 5 ноября (н. ст.) в „Times“ появи-

---

[1]) Вот несколько отрывков из этого более чем умеренного „протеста“: „Движение против еврейства, распространяемое русской печатью, представляет небывалое прежде нарушение самых основных требований справедливости и человеколюбия. Мы считаем нужным напомнить русскому обществу эти элементарные требования... Во всех племенах есть люди негодные и зловредные, но нет и не может быть негодного и зловредного племени, так как этим упразднялась бы личная нравственная ответственность... Несправедливо возлагать ответственность на еврейство за те явления в его жизни, которые вызваны тысячелетними преследованиями евреев в Европе и теми ненормальными условиями, в которые этот народ был поставлен... Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувство справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала нашей жизни. Вот почему, уже из одного чувства национального самосохранения, следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России“.

[2]) Письма В. С. Соловьева, т. II (Спб. 1909; цит. по отдельному оттиску „Письма В. Соловьева к Ф. Гецу“, стр. 27—40, 55 и сл. Ср. „Евр. Старина“ 1915, стр. 415—416; „Восход“ 1905 г. № 24, библиография (на обложке); Frederic, l. c., 180. О московской агитации Иловайского и К° см. „Хрон. Восхода“ 1890 г. № 46, где перепечатана статья „Нового Времени“ под заглавием „Политика московской синагоги“.

лось письмо секретаря Russo-Jewish Commitee в Лондоне, Н. Джозефа, с горячим призывом к политическим деятелям Англии заступиться за гонимых. В письме указывалось, что хотя русское правительство официально опровергает факт подготовления новых репрессий против евреев, но фактически оно применяет все прежние репрессии так широко и с такой жестокостью, что еврей в черте оседлости уподобился узнику в клетке, стенки которой постоянно сдвигаются, так что несчастный остается замурованным. „Русский закон говорит: еврей может проживать здесь, а не там, но где бы он ни проживал, он не должен жить, не должен иметь средств к жизни. Это—смертный приговор, спокойно произнесенный над сотнями тысяч человеческих существ, приговор коварный, прикрытый хитроумными формулами законов". Автор кончает свое письмо восклицанием: „Может-ли цивилизованная Европа, могут ли христиане Англии смотреть на эту медленную пытку, на это бескровное убийство, и молчать?" Этот призыв русско-еврейского комитета и новые мрачные вести из России, появлявшиеся в „Times", побудили английских политических деятелей созвать тот митинг протеста, который полугодием раньше был отложен; 83 представителя высшего английского общества обратились к лорд-мэру с просьбой организовать это собрание. Теперь лорд-мэром Лондона был христианин, Joseph Savory, у которого не было опасений, стеснявших его робкого еврейского предшественника. Немедленно по вступлении в должность, Савори дал согласие на созыв митинга.

10 декабря (н. ст.) 1890 г. состоялся в огромном зале городского дома Guildhall этот митинг, привлекший более 2000 человек. Председательствовавший лорд-мэр старался в своем вступлении смягчить горечь протеста для официальной России. „Я не могу себе представить, — говорил он, — чтобы русский император, как добрый супруг и нежный отец, не относился с добрым расположением ко всем своим подданным. Надежды русских евреев в настоящее время сосредоточены на его величестве императоре России. Одним росчерком пера он может уничтожить те законы, которые так жестоко давят их". Лорд-мэр выразил пожелание, чтобы Александр III стал „эмансипатором" евреев, как его отец был освободителем крестьян. В следовавших затем речах гражданское рабство русских евреев было изображено с достаточною яркостью. Горячий поборник эмансипации евреев, кардинал Маннинг,

который еще в 1882 году выступал с протестом против российской юдофобии, не имея возможности по болезни присутствовать на митинге, прислал длинное письмо, которое было прочитано собранию. Довод о невмешательстве во внутреннюю политику чужого государства — писал кардинал — впервые выражен в библейском Каиновом восклицании: разве я страж брата моего? Существует единая „еврейская раса“, рассеянная по всему миру, и боль, причиненная российской части этой расы, чувствуется и английскою ее частью. Нельзя молчать, видя, как шесть миллионов людей приравнены к преступникам, особенно, когда эти люди принадлежат к племени, имеющему „почти четырехтысячелетнюю священную историю“. Первый оратор митинга — герцог вестминстерский, перечислив бедствия евреев в России, предложил собранию вынести резолюцию протеста, не смущаясь тем, что „великий протест 1882 года“ остался без результата: „Мы читаем в истории еврейского народа, что Бог ожесточил сердце фараона, и тот не хотел освободить Израиля, но ведь спасение все-таки потом явилось через Моисея“. После блестящих речей епископа Рипона и графа Миса (Meath), была принята резолюция, в которой выражалось „глубокое сожаление по поводу возобновившихся страданий евреев в России, — страданий, вытекающих из суровых исключительных законов“. Вместе с тем было принято решение представить русскому императору от имени граждан Лондона и за подписью лорд-мэра мемориал с просьбою отменить все исключительные и ограничительные законы, угнетающие его еврейских подданных, и уравнять их в правах со всеми прочими гражданами. Вот главное содержание этого мемориала, который в России, конечно, не мог быть опубликован:

„Мы, граждане Лондона, почтительно обращаемся к вашему величеству и покорно просим милостивого дозволения заступиться за дело угнетенных. Крики отчаяния донеслись до нас от тысяч евреев, страдающих в вашей обширной империи, и мы, англичане, с состраданием в душе ко всему страждущему, обращаемся к вашему величеству с мольбою о царском милосердии и помощи для них. Пять миллионов подданных вашего величества стонут под игом исключительных и ограничительных законов. Остатки нации, откуда вышли все религии — наша и ваша, и вообще всякая религия на земле, признающая единого Бога,—люди, всею силою души привязанные к своей древней вере и своим формам

культа, евреи в вашей империи подчинены таким законам, при которых жить и преуспевать невозможно... Сдавленные в тесных пределах внутри вашей обширной империи, они даже в этих пределах принуждены жить главным образом в городах, кишащих бедняками и несчастными; им запрещено всякое передвижение; всякое торговое предприятие их наталкивается на ограничительные законы; им запрещено арендовать землю и вообще всякое касательство к земле; их средства к существованию так ограничены, что жить им почти нечем. И не только в праве жительства и промыслов они стеснены. Им отказывают в высшем образовании, допуская их в школы лишь в ничтожной пропорции, не соответствующей их нуждам и стремлениям. Они не могут заниматься свободными профессиями подобно другим подданным вашего величества, не могут получить повышения по военной службе, как бы ни были велики их заслуги... Государь, мы, привыкшие уважать всякие религии, считающие допущение свободы веры признаком истинной религиозности, просим вас отменить эти законы, угнетающие евреев. Дайте им благодеяние равенства! Во всех странах, где евреи равноправны, народы благоденствуют. Мы просим вас уничтожить эти специальные законы и репрессии, давящие и сковывающие ваших еврейских подданных... Государь, ваша царственная сестра, наша императрица и королева (Виктория), основывает свою власть на любви своего народа, видя в его счастии свое собственное. Пусть же и ваше величество почерпнет в любви своих подданных силу и счастие, усиливая тем еще более мощь вашей могущественной империи“ [1]).

Мемориал, подписанный лорд-мэром Савори, был отправлен в Петербург в сопровождении письма (от 24 декабря н. с.) на имя генерал-ад'ютанта Рихтера, заведующего царской канцелярией по приему прошений, с просьбою передать документ Александру III [2]). На этот трогательный призыв к справедливости прямого ответа, конечно, не последовало. Носились слухи, что лондонская петиция очень рассердила царя,—и будущие придворные мемуаристы вероятно расскажут, какие сцены разыгрались во дворце при чтении

---

[1]) Persecutions ot the Jews, with report of the Cuildhall meeting. London, 1891.

[2]) Ibidem, в конце; „Хроника Восхода“, 1890 г., № 50; „Восход“, 1891 г. кн. I, 2-й отдел, 63—64.

этого документа. Однако косвенно ответ был дан через рептильную прессу. Заграничный оффициоз русского правительства, брюссельская газета „Nord“, профессия которой состояла в обелении черной политики своих покровителей, выступила со статьей („Последнее слово о семитизме“), в которой излилось все раздражение петербургских правящих сфер. „Никогда семитам не жилось так легко на Руси, как в настоящее время,—нагло писал оффициоз,—а между тем никогда они еще так сильно не жаловались. Какая же тому причина? Это—особенность семитизма: семит никогда ничем не доволен. Чем более ему дают, тем более он требует“. Явно стремясь одурачить свою публику, „Nord“ заявлял, что напрасно лондонский митинг требует „религиозной свободы“ (конечно, в смысле гражданской свободы для последователей иудаизма): ведь свободу еврейского культа никто не стесняет в России; гражданские же ограничения ничуть не стесняют евреев, которым в России так хорошо, что даже их эмигранты в Америке мечтают о возвращении на родину.“

В те самые дни, когда русское правительство, пристыженное лондонским митингом и силясь обелить себя перед Европой, опровергало правду в своей заграничной прессе, одна петербургская газета, далекая от юдофильства („Русская Жизнь“), решилась опубликовать несколько потрясающих фактов о мытарствах бесправных евреев в Москве. Один молодой, талантливый еврей, содержавший семью сотрудничеством в московской газете, не имея права жительства в городе, спасался от ночных полицейских „облав“ на евреев тем, что по сигналу своего хозяина он всякий раз при появлении полиции прятался в платяной шкаф. Многие честные труженики безжалостно изгонялись полицией при малейшей неточности в документах, дающих им условное право жительства. В виде иллюстрации к „религиозной свободе“ в тесном смысле, газета сообщила о распоряжении полиции, по которому с открытием в Москве общественной синагоги, вмещающей 500 человек, должны быть закрыты разбросанные в разных частях города частные молельни, вмещавшие около 10.000 человек.

В Петербурге градоначальник Грессер превратил издевательство над евреями в спорт. Он издал приказ, чтобы на вывесках магазинов и мастерских, принадлежащих евреям, писались не только фамилии владельцев, но и полностью имена их и отчества, как они значатся в паспортах, „в видах устранения возникающих недоразумений“. Цель этого злостного приказа заключалась в том, чтобы

христианская публика не покупала в таких магазинах и могла вдобавок потешаться над именами владельцев, которые в русских метрических записях и паспортах обыкновенно искажались безграмотными писарями до смешного („Сруль Ицкович“—вместо „Израиль Исаакович“ и т. п.). Это распоряжение было сделано 17 ноября 1890 г., а так как через несколько дней состоялся лондонский митинг, и русскому правительству приходилось уверять Европу, что евреям живется в России отлично, то полицейская новелла Грессера в газетах не появилась, а применялась по секретному приказу. Понимая злостную цель приказа, владельцы магазинов старались ослабить ее вред и писали свои имена на вывесках мелкими буквами, чтобы они не бросались в глаза прохожим. Тогда градоначальник приказал чинам полиции следить, чтобы еврейские имена на вывесках обозначались „четко и на видном месте, согласно утвержденным рисункам“, а в случае нарушения „доносить немедленно“ ему, градоначальнику [1]). Так реагировали в Петербурге на вопли негодования, раздававшиеся в Европе и Америке [2]).

---

[1]) „Хроника Восхода“, 1890 г., № 50—51, и 1891 г., № 10, ст. 259.

[2]) Одновременно с лондонским митингом был внесен запрос о положении русских евреев в вашингтонскую палату депутатов. Палата одобрила резолюцию, где высказывалось сожаление, что „в дружественной стране, освободившей крепостных и заступившейся за турецких христиан, проявляется настроение, не соответствующее современной цивилизации, противное чувствам человеколюбия и напоминающее предрассудки давно минувшего времени“. См. „Восход“, 1891 г., кн. I, отд. 2-й, стр. 64.

ГЛАВА IX.

Московское изгнание (1891 г.)

Наступил 1891-й год. Что-то зловещее носилось в воздухе. В тиши петербургских канцелярий усердно работали заговорщики юдофобии, готовя новый удар измученному народу. Тайное совещание при министерстве внутренних дел, под председательством Плеве, вырабатывало какой-то чудовищный проект, направленный к фактической отмене тех льгот, которые даны были некоторым категориям евреев при Александре II. Имелось в виду захлопнуть ту дверь во внутренние губернии, которую чуть приоткрыли законы 1859 и 1865 г.г., допустившие туда на жительство евреев-купцов и ремесленников [1]). Заговорщикам реакции захотелось прежде всего выжить таких „привилегированных“ евреев из обеих столиц. В Петербурге к этой цели были направлены вышеупомянутые приказы Грессера, за которыми должны были последовать новые распоряжения в том же роде. В феврале 1891 г. градоначальник приказал полиции „проверить род торговли“ всех еврейских ремесленников в Петербурге для изгнания оттуда с конфискацией товара тех, у которых обнаружится запретный товар, не изготовленный самими ремесленниками [2]). Это повлекло за собою массовые выселения из столицы. Но главный удар подготовлялся в Москве.

Старая столица готовилась к крупным переменам. На пост московского генерал-губернатора, занятого князем Долгоруковым,

---

[1]) Темные намеки на работы совещания, о котором в прессе открыто нельзя было говорить, можно найти в „Хронике Восхода“ 1891 г. № 11 (ст. 288) и № 12 (ст. 315). Ср. „Восход“, 1895 г. кн. 1, 50 (2-й отд.); Frederic, 1, c., 21—22. (Здесь хронология несколько спутана, но то, что автор сообщает о виденной им копии тайного проекта, не подлежит сомнению).

[2]) „Хрон. Восх.“, 1891 г., № 9, стр. 224.

был назначен брат царя, великий князь Сергей Александрович (февраль 1891). Один из сквернейших представителей дома Романовых, деспот и кутила, Сергей не имел сознательных политических идеалов, но тем крепче держался он политических и религиозных предразсудков своего круга, среди которых видное место занимала слепая вражда к еврейству. В обществе миссии царского брата в Москве придавалось чрезвычайное значение: говорили, что он призван подготовить акт перенесения царской резиденции из Петербурга в Москву—символ возвращения „домой“, к старомосковской политике,—а в связи с этим надлежало, конечно, очистить старую столицу от еврейского элемента. Еврейская община в Москве, насчитывавшая до 30 тысяч членов, легально или полулегально живущих, в то время мозолила глаза некоторым влиятельным тамошним дельцам. Московский городской голова Алексеев—грубый купец, с весьма темной репутацией—был раздражен финансовым влиянием местного еврейского капиталиста, директора земельного банка Лазаря Полякова, с которым имел какое-то коммерческое столкновение. После назначения Сергея, городской голова стал доказывать, что необходимо сократить в Москве число евреев, которые „переполнили“ ее, благодаря юдофильству прежнего генерал-губернатора Долгорукова. Реакционеры Москвы и Петербурга подали друг другу руку в деле искоренения еврейства, с благословения главы духовного ведомства Победоносцева. Этот генерал-инквизитор перевел своего фактотума в канцелярии св. синода, Истомина, на пост правителя канцелярии нового московского генерал-губернатора, и таким образом имел в Москве деятельного агента, фактически управлявшего второю столицею. В совете юдофобов было решено положить начало эвакуации евреев из Москвы еще до торжественного в'езда великого князя Сергея в город, для того-ли, чтобы расчистить дорогу „его императорскому высочеству“, или—чтобы не связать с его именем первый жестокий акт изгнания. До его приезда управление Москвою было поручено начальнику московского военного округа Костанда, и этому ловкому греку предстояло открыть военные действия против еврейского населения [1]). Первый

[1]) Frederic, стр. 185 и сл., 197—98, 205, 239; Архив Еврейск. Истор. Общества, коллекция Левина, № 27 (разговор барона Гинцбурга с министром финансов); Weber et Kempster, La situation des juifs en Russie: rapport adressé au gouvernement des Etats-unis, p. 17 (Paris, 1892).

удар был приурочен к празднику освобождения Израиля от египетского рабства, как будто вечному народу хотели напомнить о новых фараонах.

Был первый день еврейской Пасхи 1891 года (29 марта ст. ст.). В синагогах, где молились московские евреи, пронесся тревожный шопот: получен царский указ о выселении евреев из Москвы. Скоро взволнованные люди прочли в газетах царское повеление от 28 марта [1]): „Воспретить евреям-механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам переселяться из черты еврейской оседлости, а равно переходить из других местностей империи в Москву и Московскую губернию". Но это запрещение вновь селиться в Москве составляло только одну половину приговора; вторая половина, более страшная, была опубликована на следующий день: „Предоставить министру внутрених дел, по соглашению с московским генерал-губернатором, озаботиться принятием мер к тому, чтобы выше упомянутые евреи постепенно выехали из Москвы и Московской губернии в местности, определенные для постоянной оседлости евреев" [2]). При первом взгляде трудно было догадаться, что под этой благообразной внешностью указа, при двусмысленной его редакции, скрывается жестокий эдикт об изгнании десятков тысяч людей; но исполнители этого писанного закона получили опре-

---

[1]) „Хрон. Восх" 1891 г., № 11, ст. 286.

[2]) Византийское коварство этой редакции заключалось в формуле „вышеупомянутые евреи", которая как будто относилась к „переселяющимся из черты" или вновь поселяющимся в Москве, между тем как на самом деле имелось в виду изгнать всех евреев „вышеупомянутых" категорий—ремесленников и мастеровых, хотя бы они законно жили в городе десятки лет. То была незаконная—ибо проведенная вне Государственного Совета—отмена закона 1865 года о праве повсеместного жительства ремесленников, с придачею новому эдикту обратной силы,—на что не отважились даже творцы „Временных правил" 1882 года. В отличие от последних, новая мера не была даже проведена через комитет министров, где все-таки потребовалось бы хоть некоторое обсуждение, а была экстренно принята по предложению министерства внутренних дел Дурново-Плеве, как значится в заголовке указа („Министр внутренних дел всеподданнейше испрашивал высочайшее соизволение на принятие следующих мер"). Этот ряд беззаконий хотели прикрыть завесою двусмысленной редакции и старой оговоркой „впредь до пересмотра в законодательном порядке постановлений о евреях".

деленные негласные инструкции, которые были исполнены по всем правилам стратегического искусства.

Прежде всего взялись за евреев, проживавших в Москве нелегально. На них была произведена внезапная ночная облава. Атакою руководил свирепый казачий генерал Юрковский, московский обер-полицеймейстер. В ночь после опубликования указа большие отряды полиции и пожарных появились в квартале Зарядье, где ютилось большинство бесправного еврейского населения, особенно в огромном Глебовском подворье, бывшем московском гетто. Полицейские чины врывались в еврейские квартиры, поднимали перепуганных жильцов с постелей и полуодетых—мужин, женщин, детей—гнали в полицейский участок. Арестованных продержали сутки и больше в грязных камерах участка, а затем одних отпустили с обязательством немедленно выехать из города, а других отправили по этапу, через пересыльную тюрьму, как преступников. Многие семьи, предупрежденные раньше о предстоящей ночной облаве, решили провести эту ночь вне дома, чтобы избегнуть ареста и издевательства со стороны полиции. Члены таких семейств скрывались в предместьях, на кладбищах, ходили или ездили всю ночь по улицам города; некоторые почтенные люди были вынуждены прятать своих жен и детей, окоченевших от ночной стужи под открытым небом, в номерах публичных домов, открытых всю ночь. Но и беглецы часто попадали в руки полицейской стражи. Такими способами „очищали“ Москву от „бесправных“ евреев в течение целого месяца, до приезда великого князя Сергея. Вслед за ним прибыл проездом из Крыма и сам царь с семейством (май). Один отставной солдат-еврей подал царю прошение, где в трогательных выражениях умолял не высылать из Москвы бывших еврейских солдат, которым начальство внушало, что „за Богом молитва, а за царем служба не пропадает“. Молитва была услышана: евреи отправили в тюрьму и затем выслали из Москвы [1]).

После водворения новой высшей власти в Москве, началось предписанное указом „постепенное“ выселение той огромной массы

[1]) Weber-Kempster, назв. соч., стр. 17—18 (записи со слов очевидцев и пострадавших); Frederic, н. с., стр. 199—221, 287—289 (яркое, но хронологически непоследовательное описание); „Хрон. Восх.“, 1891 г., № 11, ст. 286—287.

ремесленников и мастеров, которым закон в течение многих лет давал право жительства, а произвол внезапно отнял это право. К категории обреченных на изгнание местная администрация причислила и так называемых „циркулярных“, т. е. пользовавшихся правом жительства в силу давности поселения, на основании министерского циркуляра 1880 года. Вся эта масса честных тружеников—ремесленников, торговцев, конторщиков, учителей – должна была по распоряжению властей покинуть Москву в три срока: прожившие в Москве не более трех лет, холостые или бездетные, обязаны выселиться в срок от 3 до 6 месяцев; прожившие не более 6 лет, имеющие детей или подмастерьев, должны выехать через 6—9 месяцев, а старожилам, имеющим большие семьи и значительное число рабочих в мастерских, дается срок для выезда от 9 до 12 месяцев. Эти максимумы и минимумы внутри каждого срока были как будто специально придуманы для того, чтобы доставить огромный доход полицейским чиновникам, которые за приличную взятку могли продлить обреченному срок ликвидации дел на три месяца. По окончании же сроков, несчастным не позволяли оставаться даже один день в Москве, а задержавшихся выдворяли с беспощадною жестокостью. Вот описание очевидца, обобщающее материал, детали которого производят еще более потрясающее впечатление:

„Люди, прожившие в Москве 20—30—40 лет, должны были в короткие сроки распродать свое имущество и уехать. Кто не успевал, по бедности, исполнить требование полиции, кто не успевал за бесценок продать свою рухлядь,—а были случаи продажи всей обстановки за 1—2 рубля бедняками,—тот подвергался аресту, заключался в пересыльную тюрьму наравне с преступниками и всяким сбродом, ожидавшим очереди для отправки по этапу. Здесь эти люди, всю жизнь кровавым потом добывавшие хлеб насущный, очутились под властью тюремных надзирателей, которые сразу уравняли их в правах с приговоренными к каторге преступниками. В такой обстановке они проводили иногда по несколько недель и затем толпами отправлялись на „родину“, которой многие никогда не видали. Перед зданием тюрьмы лицам непривилегированных сословий, ремесленникам и мещанам, надевали деревянные наручники... Трудно сказать в точности, сколько народу прошло через эти пытки без суда,—некоторые так и умерли в тюрьме, не дождавшись этапа. У кого были хотя бы самые жалкие средства, тот отправлялся в черту оседлости на свои средства. Помощи, на скорую руку организованной единоверцами,

не взирая на всю значительность собранных средств, доставало только на избавление многих от тюрьмы, этапа и наручников. Но что можно сделать, когда внезапно срываются с насиженных гнезд тысячи семейств, когда беда несется такой лавиной, что даже раскрытое беде еврейское сердце не вмещает горя!... Люди прятались в морозы (в зиму 1891—92 г.) на кладбищах, чтобы избегнуть тюрьмы и этапа; женщины рожали в вагонах; было много случаев выселения больных, которых на вокзал привозили в каретах, а в вагон переносили на носилках... В тех редких случаях, когда полицейский врач признавал передвижение опасным, администрация ссылалась на хроническую болезнь—и больного перевозили в мученьях на вокзал, так как нельзя же было ожидать выздоровления от хронической болезни. Особенно памятна очевидцам морозная январская ночь (1892). Остатки домашнего скарба, толпы евреев, нищенски одетых, с женами, детьми и стариками, заполнили Брестский вокзал. Перед угрозой этапа и пересыльной тюрьмы они решились уехать, несмотря на 30-градусный холод, не добившись отсрочки. Судьбе угодно было над ними подшутить: по представлению обер-полицеймейстера, генерал-губернатор распорядился о приостановке выселения до прекращения сильных морозов, но распоряжение это было объявлено после выселения. Таким образом, около 20.000 евреев были насильственно водворены в черту еврейской оседлости"... [1])

Обо всех этих ужасах, напоминающих изгнание евреев из Испании в 1492 г., русская пресса хранила полное молчание. Репрессивная и реакционная пресса не хотела, а либеральная не могла писать о подвигах правительства в войне с евреями. Цензура в то время совершенно запретила либеральной печати касаться еврейского вопроса. Единственный русско-еврейский орган, который раньше даже под гнетом цензуры боролся с официальной юдофобией—„Восход"—был приостановлен на полгода еще в марте, незадолго до опубликования московского эдикта, „за крайне вредное направление". За пару сочувственных статей о евреях была тогда же временно закрыта и большая петербургская газета „Новости". Так

[1]) Гольдовский. Евреи в Москве, по неопубликованным документам („Былое" 1907 г. кн. IX, 153—4); ср. Weber Kempster, н. с., 18—29 (рассказы пострадавших); Frederic, н. с., 123 и сл. (на переплете книги снимок наручников, которые надевались арестованным); „Хрон. Восх.", 1871 г. № 18, ст. 510—512.

заткнули рот свободной печати накануне нападения на московское еврейство, дабы все совершилось без шума, под покровом государственной тайны. Тайна была разоблачена лишь в заграничной прессе. Правительство американских Соединенных Штатов, ввиду крайнего усиления иммиграции из России, послало туда (в июне 1891 г.) своих двух комиссаров—Вебера и Кемпстера, которые посетили Москву в разгар выселения, об'ехали главные города черты оседлости и собрали строго-проверенные, документальные сведения о том, что тогда творилось в стране исхода.

Изгоняя евреев, русское правительство не хотело, чтобы крики жертв были услышаны за границей. Оно вело в это время переговоры о внешнем займе, в котором главное участие принимал дом Ротшильда в Париже. Невыгодно было России в такой момент предстать пред Европой в образе средневековой Испании. Ради этого была придумана вышеуказанная смягченная и двусмысленная редакция мартовского указа, и систематически умалчивалось обо всем, что делалось потом. Но крики жертв все-таки раздались в Европе. Русская цензура не была властна над прессою Запада. Первые изгнанники из Москвы, переселившиеся в Берлин, Париж и Лондон, рассказали о том, что творится в России. Уже в апреле 1891 г. в немецких газетах („Börsen-Courrier“ и др.) заговорили о том, что „еврейское население в России совершенно незаменимо в ее торговле и является существенным элементом, содействующим благосостоянию страны, а потому выселение евреев крайне смущает тех владельцев русских ценностей, которые заинтересованы в экономическом преуспеянии России“. Скоро стало известно, что глава парижского банкирского дома Альфонс Ротшильд отказался от участия в реализации полумиллиардного русского займа [1]). Этот первый протест финансового короля против юдофобской политики Александра III произвел тем большее впечатление, что он раздался во Франции в то время, когда дипломатия готовилась к торжеству франко-русского сближения, состоявшемуся спустя несколько месяцев. Петербургские сановные юдофобы были крайне раздражены солидарностью евреев. „Новое Время“ ругало „жидовских“ финансистов; но все-таки правительству пришлось на короткое время остановить

---

[1]) Frederic. 185, 218–219; „Восход“ 1891 г., кн. IV—IX, статья „За границей“, стр. 5–6.

поток репрессий. Как уже сказано выше, первоначально имелось в виду сократить еврейский элемент и в Петербурге, где полицейская ярость Грессера уже проявилась в ряде циркуляров. После первого нападения полиции на евреев в Москве, Грессер приказал своим жандармам ловить на петербургских вокзалах тех беглецов-евреев из Москвы, которые осмелятся приехать в Петербург, и немедленно высылать их. В апреле носились упорные слухи, что готовится постепенное выселение евреев из Петербурга, ибо твердо решено сделать обе столицы России „judenrein". Финансовый удар из Парижа несколько охладил рвение инквизиторов на берегах Невы; массовое выселение из Петербурга было отложено, и юдофагам оставалось удовлетворять свои аппетиты только пожиранием московских евреев, беспощадное изгнание которых продолжалось под покровом полицейской тайны [1]).

Перед этими яркими официальными погромами как-то стушевался уличный погром, вспыхнувший 29 сентября 1891 г. в городе Стародубе (Черниговской губернии),—отголосок бурь 80-х годов. Здесь погром, вызванный экономическими причинами, получил религиозную окраску. В Стародубе русские купцы давно уже точили зубы на своих еврейских конкурентов. Русские купцы, с старообрядцем-фанатиком Гладковым во главе, провели через городскую думу обязательное постановление, запрещавшее всем торговать в воскресные дни и христианские праздники. Этим имелось в виду заставить евреев, которые не торговали по субботам и своим праздникам, прекращать торговлю на два дня в неделю и в многочисленные православные праздники, что совершенно разорило бы еврейских купцов, вынужденных праздновать вдвое больше дней, чем христиане. Евреи возбудили перед губернатором ходатайство об отмене или смягчении этого постановления. Спор был разрешен отчасти в пользу евреев: в христианские праздники дозволялось открывать лавки от полудня до 5 час. вечера. Тогда местные юдофобы подготовили погром. В воскресенье, накануне Иом-Кипура, когда евреи на несколько часов открыли свои лавки, наемная толпа буянов из русской городской черни напала на эти лавки и стала уничтожать и грабить находившиеся там товары; когда лавки были закрыты, погром-

[1]) Frederic, 217—218, 248 и сл.—В это время, впрочем, был выселен из Петербурга поэт С. Фруг. (см. „Евр. Стар.", 1916 г., стр. 449).

щики ворвались в дома евреев, разрушая имущество, наполняя улицы обломками мебели и перьями от разорванных подушек. На подмогу грабителям прибыли крестьяне из окрестных деревень. Вечером пьяная толпа подожгла на базаре много еврейских магазинов и домов, причинив владельцам миллионный убыток. То было в святую ночь на Иом-Кипур. Не смея молиться в синагогах и даже оставаться в своих домах, евреи с женщинами и малыми детьми прятались по чердакам, огородам и русским домам, а многие провели эту ночь на поле, за городом, дрожа от холода; отсюда несчастные видели зарево пожара, истреблявшего все их достояние. Малочисленная полиция была бессильна против больших банд грабителей. На другой день погром прекратился, так как дело было уже сделано: евреи были разорены. Судебное следствие выяснило вскоре, что погром был организован Гладковым и его компанией, о чем местные власти не могли не знать. Гладков бежал из города, но впоследствии вернулся и весьма мало поплатился на суде за свое чудовищное преступление [1]).

Правительство, впрочем, было крайне недовольно появлением страшной тени 1881 года, которая придавала еще более зловещую окраску политике легального погрома, тревожившей западную Европу. И действительно, в октябре официозному „Гражданину“ пришлось уже сообщить: „Вчера (15 октября) на бирже (заграничной) господствовало угнетенное настроение, и наши ценности были в понижении вследствие вновь появившихся слухов о готовящихся будто бы новых мерах против евреев“. Газета заявляет, что эти слухи совершенно ложны, ибо „в настоящее время на шее наших правительственных ведомств висят такие неотложные вопросы первостепенной государственной важности [2]), что им едва ли есть время заниматься такими вопросами, как еврейский, требующими зрелого обсуждения и постепенности в действиях“ [3]). Тон смирения, взятый журналистом-царедворцем князем Мещерским, соответствовал действительности лишь от-

[1]) Скудные сведения (в виду цензурных стеснений) в „Хрон. Восхода“ 1891 г., №№ 14—15. Более подробные документальные данныя—в архиве Еврейск. Истор. О-ва, погромная коллекция Левина, №№ 23—26: письма из Стародуба и подробное донесение киевского прокурора министру юстиции.

[2]) Речь идет о бедствиях, вызванных неурожаем того года и голодом в большей части России.

[3]) „Хрон. Восх.“, 1891., № 15, ст 411.

*

части: перед лицом народного бедствия—неурожая 1891 года – ископреители еврейства вынуждены были приостановить исполнение своей программы в полном ее об'еме, но тот пункт ее, который уже начал осуществляться—московское изгнание—исполнялся с неумолимою жестокостью. Вызванная этим изгнанием огромная эмиграционная волна приносила на берега Европы и Америки отголоски стонов из страны рабства. Скоро изумленный мир узнал о небывалом в истории факте, что русское правительство ведет переговоры с еврейским филантропом бароном Гиршем о постепенном выводе из России в Аргентину трех миллионов евреев.

ГЛАВА X.

Санкция исхода и репрессии (1892—1894 г.).

Оставленная со времени ухода Игнатьева мысль о поощрении эмиграции евреев из России вновь привлекла внимание правящих сфер в конце 80-х годов. На отчете подольского губернатора за 1888 год, где указывалось, что „выселение из государства еврейского пролетариата было бы весьма желательно“, царь сделал пометку: „и даже очень полезно“. На предложение одесского градоначальника лишить эмигрировавших евреев права возвратиться в Россию царь решительно ответил резолюцией: „да“. Официальный историограф признается даже, „что отчасти имелось в виду побудить евреев (как и немецких колонистов) к выселению более строгим применением к ним воинской повинности“, признание криминально-политического характера, проливающее свет и на происхождение жестоких штрафов для „уклоняющихся“ евреев. „Понятно,—прибавляет тот же откровенный историограф,—с каким сочувствием правительство отнеслось к предложению „Еврейской Колонизационной Ассоциации“ в Лондоне, основанной в 1891 г. бароном Гиршем, выселить в течение 25 лет из России 3.250.000 евреев“ [1]). Имя барона Морица Гирша было тогда уже знакомо русскому правительству, с которым он раньше вел переговоры, менее приятные для юдофобского сердца. Этот германско-еврейский филантроп, решивший пожертвовать сотни миллионов для поднятия экономического и культурного уровня своих соплеменников в Восточной Европе, ассигновал в 1888 г. 50 миллионов франков на устройство в России профессиональных школ, ремесленных мастерских и земледельческих ферм для евреев. Он был уверен, что русское правительство с радостью примет это громадное пожертвование,

---

[1]) Исторический обзор деятельности комитета министров, т. IV, стр. 184 (изд. комитета министров. Спб. 1902).

имеющее целью поднять производительный труд в стране и благосостояние бедствующих масс; но он ошибся: ведь речь шла об улучшении жизни еврейского пролетариата, который, по катехизису юдофобии, подлежал „выселению из государства“. В Петербурге поставили уполномоченным барона Гирша неприемлемое условие: чтобы деньги были переданы не еврейским общественным учреждениям, а русскому правительству, которое употребит их по своему усмотрению. По чьему-то позорному совету, уполномоченные попытались умилостивить Победоносцева, пожертвовав миллион франков на нужды его детища—церковно-приходских школ; „дар“ был принят, но еврейское предложение было отклонено. Таким образом русские евреи лишились сети образцовых школ и культурных учреждений, а миллион еврейских денег пошел на умножение тех клерикальных школ, которые насаждали в русских массах грубое невежество и ненависть к евреям. Гиршевские миллионы, предназначенные для России, пошли частью на учреждение еврейских школ в Галиции, чему австрийское правительство оказало всяческое содействие [1]).

Щедрому филантропу стало ясно, что его помощь русским евреям может выразиться в устройстве их не на родине, а вне ее—в организации эмиграционного движения. Гирш обратил внимание на начавшееся в 1886 г. переселение некоторых групп русско-еврейских эмигрантов в Аргентину, где им после неимоверных бедствий удалось основать пару земледельческих колоний. Барон послал в Аргентину экспедицию, под руководством швейцарского профессора-гигиениста Левенталя, для исследования страны и приискания пунктов колонизации. Экспедиция вернулась в марте 1891 г., и Гирш решил приступить к закупке намеченных в Аргентине участков. Это было в те самые дни, когда разразилась московская катастрофа, вызвавшая паническое бегство из России в Северную и Южную Америку и частью в Палестину. Барон Гирш убедился, что ему придется заняться прежде всего урегулированием эмиграционного движения из России, и решил вступить в переговоры об этом с русским правительством. Для этой цели он послал в Петербург своего уполномоченного, англичанина Арнольда Уайта (White), члена парламента, принадлежавшего к группе анти-алиенистов, т.-е. противн-

---

[1]) Persecutions etc. 17—18; Frederic, l. c. 159; „Хрон. Восхода“ 1898 г., № 2 и др.; 1889 г., № 1; „Jewish Encyclopedia“ t. VI, 415; „Евр. Энциклоп.“ изд. Ефрона, XI, 564.

ников чужестранной иммиграции в Англию, вредящей интересам туземных рабочих. Кроме переговоров в Петербурге, Уайту было поручено об'ехать черту оседлости и убедиться, имеется ли там пригодный элемент для земледельческой колонизации в Аргентине. В мае Уайт прибыл в Петербург и был принят Победоносцевым и некоторыми министрами. Это было в разгар московского мучительства над евреями, когда в Европе и Америке раздавались негодующие крики по адресу русского правительства, а последнее было раздражено и этими протестами, и недавним отказом Ротшильда от участия в займе. Всю свою досаду петербургские юдофобы излили в беседах с делегатом барона Гирша. Уайт рассказывал, что в этих кругах ему рисовали тип русского еврея как „смесь мошенника и ростовщика“ (a compound of thief and usurer). В беседе с Уайтом Победоносцев злобно заметил: „Еврей—паразит; удалите его из живого организма, внутри которого и насчет которого он живет, и пересадите его на скалу,—и он погибнет“. Оправдав таким образом перед знатным иностранцем свою систему измора пяти миллионов „паразитов“, русские министры охотно из'явили готовность содействовать их удалению из России, но приэтом ставили условием, чтобы в течение 12 лет было выведено из страны большое число евреев (в конфиденциальной беседе фигурировала цифра в три миллиона выходцев). Затем Победоносцев и министр внутренних дел дали Уайту рекомендательные письма к губернаторам в провинции, куда лондонский делегат отправился для ознакомления с живым материалом экспорта. Он посетил Москву, Киев, Бердичев, Одессу, Херсон и еврейские земледельческие колонии юга России. Присмотревшись к еврейскому быту, англичанин убедился, что нарисованный ему в Петербурге мерзкий тип еврея „существует только в сознании некоторых православных государственных деятелей, но не имеет реального бытия“. Везде встречал он людей трезвых, трудолюбивых, предприимчивых торговцев, хороших ремесленников, среди которых физическая слабость является только результатом недоедания; посещение южных колоний убедило его в способности евреев к земледелию. „Если—писал он в своем отчете—нравственное мужество, надежда, терпение, умеренность составляют хорошие качества, то еврей—отличный народ. Такой народ, при мудром руководстве, предназначен всякую хорошо организованную колонизацию превратить в плодотворную, все равно—будет-ли она въ Аргентине, Сибири или южной Африке“. В таком смысле Уайт, по возвращении

в Лондон, представил доклад барону Гиршу, причем заявил, что содействие русского правительства делу эмиграции должно выразиться в разрешении устроить в России переселенческие комитеты, центральный и местные, в освобождении эмигрантов от паспортной подати и предоставлении им дарового проезда до границы [1]).

Весть о готовности русского фараона отпустить евреев из своей страны произвела сильное впечатление за границей. Доклад Уайта, обсужденный бароном Гиршем вместе с крупнейшими еврейскими деятелями западной Европы, привел к решению учредить Еврейское Колонизационное Общество, призванное заниматься заселением Аргентины и других стран Америки русскими евреями в больших массах. Осенью оно было учреждено в Лондоне под именем Jewish Colonisation Association (J. C. A.), в виде акционерного общества с капиталом в 20 миллионов рублей, из которых почти на всю сумму подписался барон Гирш. Уайт снова поехал в Петербург, чтобы исходатайствовать открытие переселенческих комитетов в России и льготы для эмигрантов. Зная настроение русских правящих сфер, английский делегат раскрыл перед ними следующий грандиозный план барона Гирша: колонизационное общество намерено вывести в Аргентину в 1892 г. 25 тысяч евреев, а затем ежегодно прогрессивно увеличивать число выселенцев с таким расчетом, чтобы в течение 25 лет было выведено из России $3^1/_4$ миллиона евреев. Эта блестящая перспектива исхода Израиля сильно обрадовала египетских сановников; у них разыгралась фантазия. Когда вопрос обсуждался в комитете министров, морской министр Чихачов предложил приплачивать колонизационному обществу по несколько рублей за каждого эмигранта, с тем, чтобы в течение первого же года переселено было не менее 130 тысяч человек, так, чтобы намеченное число $3^1/_4$ миллиона было поровну разверстано на 25 лет. Говорили еще о выселении евреев на еврейские же деньги—остатки коробочного сбора, но эти предложения не встретили сочувствия, как несбыточные. Официальный историограф свидетельствует, что „заманчивое предложение барона Гирша казалось правительству едва-ли осуществимым“,—тем не менее, в надежде на уход хотя бы части намеченных миллионов людей, правительство разрешило учредить комитет

[1]) A. White. Jewish Colonisation and the Russian persecution (New Review 1891, № 27, August, pp. 97—105); Летописец. За границей („Восход“ 1891, кн. IV -IX); „Хрон. Восх.“ 1891 г., №№ 16—17 („Хроника эмиграции“).

еврейского колонизационного общества (ЕКО) в Петербурге с отделениями в провинции. Эмигрантам были обещаны выдача бесплатных выходных свидетельств и освобождение от воинской повинности, но с условием, что они покидают Россию навсегда [1]).

Устав деятельности колонизационного общества был утвержден Александром III в мае 1892 г., после того как эмиграционная горячка предыдущего года несколько улеглась. Наибольшего напряжения бегство из России в Северную и Южную Америку достигло летом и осенью 1891 г. С одной стороны московское изгнание и тревожная молва о новых гонениях, а с другой преувеличенные слухи о планах барона Гирша — срывали с мест десятки тысяч людей. Эмигранты огромными массами скоплялись в Берлине, Гамбурге, Антверпене, Лондоне, и умоляли об отправке их в Соединенные Штаты или в аргентинские колонии. Повсюду учреждались комитеты помощи бедствующим выходцам, но отправлять всех не было никакой возможности, особенно в Аргентину, где купленные Гиршем большие пространства земли еще не были готовы к приему колонистов. Барон Гирш вынужден был обратиться ко всем общинам с воззванием—остановить на время этот беспорядочный людской поток. Скоро выяснилась полная неосуществимость мечты Гирша—при помощи миллионов рублей постепенно переселить из России миллионы людей. Когда, после долгих сборов, началась отправка колонистов в Аргентину, предположенная для первого года цифра переселенцев превратилась из 25.000 приблизительно в 2.500. Вообще за первые три года (1892—94) аргентинская эмиграция дала до 6.000 человек, из которых около половины осталось в столице республики Буэнос-Айресе, а другая половина устроилась в колониях (Морициа, Мозесвиль, Клара и др.), претерпев все бедствия, связанные с земледельческой колонизацией новой страны и с новыми климатическими условиями. Спустя еще несколько лет выяснилось, что гора родила мышь: вместо миллиона евреев общество за первое десятилетие переселило лишь 10 тысяч, распределившихся по шести колониям Аргентины. Главный поток эмиграции шел по-прежнему стихийно в Северную Америку—в Соединенные Штаты и Канаду. В одни Соединенные Штаты тревожный 1891 год выбросил свыше 118 тысяч эмигрантов, из которых 42 ты-

[1]) Истор. обзор деят. комитета министров, т. IV, 184—187; „Хр. Восх.“; 1892, № 23.

сячи успели переехать в том же году, а 76 тысяч, застрявшие в пути в разных центрах Европы, переселились в следующем году. Лишь в следующие два года восстановилась прежняя годовая норма эмиграции: 30—35 тысяч [1]).

Тот же 1891 год—année terrible для русских евреев—вызвал колонизационную горячку даже в тихой Палестине. Еще в начале 1890 года русское правительство легализовало палестинскую организацию в России под видом благотворительного „Общества вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине," с комитетом в Одессе. Первым председателем комитета был д-р Л. Пинскер, идеолог „самоэмансипации", до своей смерти в конце 1891 г. Это дало возможность рассеянным в стране палестинофильским кружкам („Ховеве Цион") об'единиться вокруг легального центра и открыто производить сбор денег для своего дела. Палестинская пропаганда оживилась, а когда к ней присоединилась эмиграционная паника „страшного года", в России образовалось множество групп с целью закупки земли в Палестине. Уполномоченные этих групп толпой нагрянули в Палестину весною 1891 года. Началась лихорадочная скупка земель у арабов при содействии представителя палестинского общества в Яффе, появилась спекуляция, искусственно поднявшая цены на землю. Турецкое правительство переполошилось и запретило массовый въезд из России—и в результате получился финансовый крах. Попытка массовой колонизации в запущенной, патриархальной Палестине потерпела неудачу, и в следующие годы заселение страны выходцами из России опять пошло медленным темпом. Медленно вырастали одна колония за другой. Большая часть старых и новых колоний находилась под опекою администрации барона Ротшильда, и только две-три колонии поддерживались одесским палестинским обществом [2]). Было ясно, что при таком медленном ходе колонизации ее политическое и экономическое значение для миллионных масс евреев в России будет ничтожно и что единственное ее преимущество перед американской эмиграцией заключается в духовной

[1]) Jewish Colonisation Association: Rapports de l'administration centrale 1891—894, Paris; Лапин. Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине, Спб. 1894; Форнберг. Еврейская эмиграция (Киев, 1908).

[2]) M. Kahan, Meereb ab oreb, t. II, 55—118 (Wilna, 1904); Беркенгейм, Колонизационное движение русск. евреев („Восход" 1895 г., кн. 1, 4, 5, 8, 11) „Хрон. Восх.", 1891 г., №№ 11—14 („Хроника эмиграции").

ее роли, в том, что на исторической родине еврейства возникнет маленький центр с более чистой национальной культурой, чем в диаспоре. Эту идею развил в своих статьях идеолог нео-палестинства Ахад-Гаам, выступивший в 1891 г. и вскоре занявший видное место в еврейской литературе.

А в стране исхода дела шли своим чередом. Московская трагедия близилась к концу, но в последних ее актах попадались сцены из времен инквизиции. Изгнав из Москвы около половины ее еврейского населения, генерал-губернатор Сергей Александрович решил низвести оставшуюся там небольшую еврейскую общину до такого состояния, чтобы существование ее было незаметно в православной столице. Властям мозолило глаза новое красивое здание московской синагоги, законченное постройкою к роковому году изгнания. Сначала было приказано снять с крыши здания большой, увенчанный „щитом Давида“ купол, привлекавший внимание прохожих, а затем полиция просто закрыла синагогу, где уже началось богослужение, впредь до получения особого разрешения на ее открытие. Местный раввин Минор и староста синагоги подали генерал-губернатору прошение о дозволении евреям молиться Богу в этом здании, постройка которого была в свое время разрешена начальством, ссылаясь на то, что иудейская религия считается в России терпимою. На это получился из Петербурга следующий грозный ответ (23 сентября 1892): „Государь император, по докладу министра внутренних дел о самовольном открытии раввином Минором и старостою Шнейдером синагоги в Москве, высочайше повелеть соизволил: 1) московского раввина Минора уволить от сей должности с водворением его на жительство в черте еврейской оседлости, 2) старосту Шнейдера удалить из пределов Москвы на два года, 3) об‘явить еврейскому молитвенному обществу, что если к 1 января 1893 г. здание синагоги не будет продано или обращено в благотворительное заведение, то, оно будет продано с публичных торгов московским губернским правлением“. Раввин и староста пошли в изгнание, а труп убитой синагоги—ее здание—спасли от публичного поругания тем, что еврейская община перенесла туда одно из своих училищ. Но борьба полиции с упраздненной синагогой возобновилась спустя несколько лет, уже в царствование Николая II.

Вследствие закрытия главной синагоги, московские евреи вынуждены были молиться в тесных молельнях, в частных домах; их

было 14 в разных частях города, но накануне еврейской пасхи 1894 года генерал-губернатор приказал закрыть 9 таких молелень и для религиозных нужд многотысячной общины были оставлены только 5 молелень в тесных антисанитарных помещениях. Цель была достигнута: синагога повержена в прах, и вид ее уже не оскорблял взора ревнителей церкви в старой православной столице. Где-то на задворках, в духоте частных квартир, изливали душу перед Богом московские евреи. В торжественные дни Рош-гашана и Иом-киппур туда тайно приходили—как во времена испанской инквизиции—московские „марраны“, те, которые притворным переходом в христианство спаслись от бывшего массового изгнания, и горячие покаянные молитвы невольных отступников неслись к небу, как некогда в подземных синагогах Севильи, Толедо и Сарагоссы... [1]).

Мало-по-малу юдофобский штурм начала 90-х годов уступил место прежней правильной осаде, имевшей целью взять евреев измором. Большой удар был нанесен еврейскому населению м у н и ц и п а л ь н о ю контр-рефсрмою 1892 года. По прежнему закону, число евреев-гласных в городском управлении ограничивалось одною третью общего состава гласных, даже в местах численного преобладания еврейских жителей, и кроме того запрещалось избирать еврея на должность городского головы. Несмотря на эти ограничения, евреи в черте оседлости играли очень видную роль в городском самоуправлении и выдвинули из своей среды крупных муниципальных деятелей. Это не нравилось инквизиторам из министерства Дурново-Плеве; они решили совершенно устранить евреев от участия в городских выборах. Реакционное „городовое положение“ 1892 года возвестило об этой новой экспроприации прав еврейского населения. Новый закон совершенно лишил евреев права избирать гласных и быть избираемыми в городские думы, предоставив только местной администрации право н а з н а ч а т ь по своему усмотрению гласных-евреев в числе, не превышающем $^1/_{10}$ части всего состава думы, причем эти гласные „полицейскою милостью“ не могут быть членами исполнительных органов думы—управы и различных комиссий. Таким образом даже там, где евреи составляли до 80%

---

[1]) К а ц н е л ь с о н, Из мартиролога московской общины („Евр. Старина“, 1909 г. т. I, 175—186); Г о л ь д о в с к и й, Еврей в Москве („Былое“, 1907 г., кн. IX, 161—163)., F r e d e r i c, п. с. 177—178; W e b e r-K e m p s t e r, н. с. 44 и сл.

всего городского населения, они могли иметь в городском управлении лишь мнимых представителей из лиц, угодных администрации, да и то в размере не более 10% общего числа гласных. Так создался закон обратной пропорциональности представительства: $^4/_5$ населения могли иметь не более $^1/_{10}$ числа гласных, а $^1/_5$ населения—$^9/_{10}$ гласных в городском управлении. Закон говорил евреям: вы в данном месте составляете большинство плательщиков городских податей, но распоряжаться городским хозяйством будет христианское меньшинство жителей, которое может с вами делать, что ему угодно. И меньшинство, нередко враждебное еврейству, действительно управляло в ущерб интересам большинства; податные суммы, поступавшие главным образом от евреев, распределялись между общими учреждениями, которыми евреи менее всего пользовались, а на содержание еврейских общинных учреждений приходилось изыскивать специальные средства путем самообложения [1]). Это было совершенно в духе средневековых канонов церкви: в христианском государстве еврей не может ничем управлять, а должен быть в рабском подчинении у христиан.

Исключительно желанием оскорбить, унизить еврея, прикрепить к нему средневековый отличительный знак—был вызван целый ряд законов того времени. Закон „об именах“ (1893) установил уголовное наказание для евреев, называющих себя в общежитии „не теми именами, какими они означены в метрических книгах“. Усвоенный многими образованными евреями обычай переделывать свои имена на русский лад (Гирш—Григорий, Вольф—Владимир и т. п.) мог теперь привести на скамью подсудимых; даже исправление искаженного в метрической записи имени не допускалось: нельзя именоваться вместо Іосель—Іосиф, вместо Сруль—Израиль и т. п. Полиция в некоторых городах возбуждала преследование против евреев, „присвоивших себе христианские имена“ в газетных публикациях, на визитных карточках и дверных дощечках [2]). Какой процесс-монстр могло бы возбудить еврейство против христианского мира, который присвоил себе не только библейские имена,

---

[1]) „Хрон. Восхода“, 1892 г., № 29, „Восход“, 1895 г., кн. 1,53 (2-й отд.); Зайденман, Правовое положение евреев в России, стр. 47—54 (Спб. 1905); „Евр. Старина“, 1911 г., стр. 109 и сл.; Дубнов, Новейшая история еврейского народа, стр. 552 (изд. 1914 г.).

[2]) „Хрон. Вос.“, 1893 г., № 25, ст. 672; „Восход“, 1894 г. кн. I, 47, и 1895 г. кн. I, 53 („За прошлый год“).

но и самую Библию, ввел еврейские псалмы в свое церковное богослужение и считал своим Спасителем человека с еврейским именем!..

Новый паспортный устав 1894 года предписывал обозначать во всех еврейских паспортах наружные приметы их владельцев, хотя бы последние были грамотны и могли помещать на паспорте свою подпись, между тем как грамотные христиане освобождались от обозначения примет. Тут сквозило оскорбительное недоверие к евреям, как лицам подозрительным. Полицейская практика в некоторых местах придумала специальный знак для еврейских паспортов: в них вероисповедание владельца обозначалось красными чернилами, чтобы оно бросалось в глаза властям при регистрации [1]). Даже в редких льготных законах правительство умудрялось проводить враждебную тенденцию. Закон о хедерах (1893), положивший конец полицейским гонениям на эту традиционную школу, закрепил за нею исключительно религиозный характер и тем изъял из нее преподавание общеобразовательных предметов. Бывали примеры привлечения к суду содержателей хедеров, „меламедов“, за обучение детей русскому языку и арифметике [2]).

Самым страшным бичом в руках правительства оставалось, конечно, выселение из внутренних губерний. Этот бич ударил по тысячам еврейских семейств в 1893 г., когда циркуляром министра внутренних дел Дурново был отменен льготный циркуляр 1880 года, узаконивший в силу давности пребывание вне черты оседлости ранее поселившихся там евреев. Для новых Гаманов утратил значение старый мотив этой льготы—не подвергать полному разорению людей, уже осевших на известном месте и основавших там промышленные предприятия,—мотив, с которым считалось даже министерство Толстого. Изгнание грозило многим тысячам семейств, прожившим десятки лет вне черты оседлости. И только выяснившаяся на практике крайная трудность выполнения такой массовой казни во многих областях заставила правительство идти на уступки: в Прибалтийском крае высылка старожилов была отменена, а в великорусских губерниях она была отсрочена на год или два [3]). Как чувствовали себя

---

[1]) „Хрон. Восх.“, 1894 г. № 27, стр. 738; „Восход“, 1895 г. кн. I, 62—63.

[2]) „Хрон. Восх.“, 1893 г. № 17, ст. 455; „Восход“, 1894 г. кн. I, 44 и сл. („За прошлый год“).

[3]) „Восход“, 1894 г. кн. I, стр. 36 и сл., 1895 г. кн. I, 60 („За прошлый год“); Зайдеман, Правовое положение, стр. 9—10.

приговоренные пред наступлением последнего срока, излишне говорить.

Личная юдофобия царя сказалась в указе об исключении крымского курорта Ялты из черты еврейской оседлости и о выселении оттуда сотен семейств, не приписанных к местному обществу (1893 г.) Новая репрессия не была официально мотивирована, но все знали, чем она вызвана: близ Ялты находилась царская вилла Ливадия, где Александр III любил проводить осень, и число евреев нужно было там низвести к незаметной величине. Во избежание полного разорения выселяемых многим были даны отсрочки, но по истечении срока обреченных беспощадно изгоняли. Последние партии изгнанников оставили Ялту в октябре и начале ноября 1894 г., в дни траура по Александре III [1]). Царю суждено было умереть (20 октября) близ того городка, который для него очищался от евреев. В те дни, когда останки покойного везли по железной дороге в Петербург, по тем же рельсам катились поезда с еврейскими изгнанниками из Ялты в черту оседлости. Так символически кончилось 14-летнее царствование Александра III. Начавшись погромами, оно завершилось изгнаниями. Измученный народ стоял перед новым царствованием и спрашивал: что дальше?

---

[1]) „Хрон. Восхода“, 1893 г. № 30, стр. 808; „Восход“, 1894 г. кп. I, 43—44, 1895 г. кн. I, 60—61 (указ. место).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

ГЛАВА I. Российская реакция 7

» II. Погромы 1881 года. 13

» III. Еврейство пред судом „губернских комиссий“ и варшавский погром (август—декабрь 1881 г.) 27

» IV. Эмиграция и балтский погром (январь—апрель 1882 г.) . 38

» V. „Временные правила“ и начало легальных погромов . . . 52

» VI. Паленовская комиссия и усиление бесправия (1883—1889) . 63

» VII. Внутренний кризис 80-х годов 82

» VIII. Накануне новой грозы (1890 г.). 95

» IX. Московское изгнание (1891 г.). 107

» X. Санкция исхода и репрессии (1892—1894 г.) 117

КНИГА ВТОРАЯ

ЕВРЕИ В РОССИИ

В ЦАРСТВОВАНИЕ

НИКОЛАЯ II

(1894—1914).

Главлит № 455. Напечатано 2000 экз.

ГОС. УЧЕБНО-ПРАКТ. ШКОЛА-ТИП. ИМ. ТОВ. АЛЕКСЕЕВА. ПЕТРОГРАД. КРАСНАЯ, 1.

ГЛАВА I.

Политический гнет и гражданское бесправие (1894—1902 гг.).

В течение XIX века смена царствований в России происходила под знаком перемены политического курса. Каждое новое царствование являлось, по крайней мере, вначале, антитезою предыдущему. Поворотом к либерализму начались царствования Александров I и II, поворотом к реакции—царствования Николая I и Александра III. После смерти последнего должна была бы при таком чередовании наступить очередь либерализма, но тут действительность обманула ожидания оптимистов в русском и еврейском обществе. Самым мрачным и реакционным оказалось царствование Николая II, ограниченного, слабоумного человека, который сильно верил в свое „божественное" призвание сохранить в России самодержавие и бороться с освободительным движением. В первые месяцы нового царствования (ноябрь 1894—январь 1895) либеральные земские собрания девяти губерний осмелились подать Николаю II верноподданнические адреса, в которых выражалась надежда, что царь допустит представителей земства к участию в государственном законодательстве. На это первое робкое требование конституции последовал резкий и грубый ответ. В речи, обращенной к депутатам дворянства, земства и городов, явившимся с приветствиями в Зимний дворец 17 января 1895 г., молодой царь сказал: „В последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся *бессмысленными мечтаниями* об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я буду охранять начало *самодержавия* так же твердо

и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель". Этот грозный окрик испугал робких конституционалистов. Почувствовалось, что еще крепок режим деспотизма, что в России остается незыблемою старая конституция „усиленной охраны", эта хартия вольностей полиции против подневольного народа. Снова рухнула надежда превратить Россию из полицейского государства в правовое.

Почувствовали скоро и евреи, что 14-летняя война с ними правительства Александра III будет продолжаться. На свои приветственные адреса по случаю бракосочетания молодого царя еврейские общины получали официальные выражения благодарности и не дождались упрека в „бессмысленных мечтаниях" только потому, что в этих адресах не было даже намека на ожидание равноправия (1895). Не было повода для таких ожиданий. У власти оставались те же сановники, которые при Александре III вели ярую юдофобскую политику: глава духовного ведомства Победоносцев, министр внутренних дел Дурново (который в конце 1895 г. сменился не менее реакционным Горемыкиным), двуличный министр финансов Витте, тогда усердно приспособлявшийся к реакционному курсу. О чем думал Победоносцев в начале нового царствования, видно из его отчета царю о делах православной церкви в 1895 г. „Великий инквизитор" сокрушался о том, что евреи будто бы оказывают вредное в религиозном отношении влияние на проживающую у них христианскую прислугу. „Малолетние, прожив у евреев несколько лет, совсем забывают православную веру. Расшатываются верования и у взрослых. Духовники с ужасом выслушивают исповеди еврейских слуг, те неистовые хулы на христианство, Спасителя и Божью Матерь, которые извергают евреи и которые через прислугу могут распространяться в народе" [1]). Такими донесениями, как бы прямо заимствованными из злобных писаний средневековых стражей церкви, подготовлял молодого монарха к пониманию еврейского вопроса обер-прокурор святейшего синода, — тот самый, который своими гонениями на русских диссидентов вскоре заставил сектантов-евангелистов („духоборов") эмигрировать в Канаду.

Не добившись своей заветной цели—выселения евреев из России при помощи миллионов барона Гирша (в 1891 и 1892 г.).

[1]) „Восход", 1896 г., кн. I, стр. 38 („За прошлый год").

Победоносцев снова принялся за свою миссию—прокурора-обвинителя еврейства от имени св. синода, этого Sactum officium воинствующей православной церкви. Кроме ржавого меча церковного, он оперировал еще, когда было нужно, и светским оружием против ненавистного ему народа. Когда в 1898 г. в Петербург прибыла делегация от парижского совета Jewish Colonisation Association (JCA—Еврейское Колонизационное общество) и обратилась к правительству с просьбою разрешить Обществу колонизировать русских евреев в качестве земледельцев в самой России, Победоносцев ответил: „Nos cadres ne sont pas prêts pour vous recevoir“ (в наших рядах для вас нет свободного места). Приэтом он об'яснил делегатам, что евреи—народ очень способный, умственно и культурно превосходящий русских, и потому именно опасный для них: „Евреи нас вытесняют, а это нам не нравится“. На вопрос, что будет с евреями в России при системе непрерывных преследований, Победоносцев однажды откровенно ответил: одна треть вымрет, одна треть выселится из страны, одна треть бесследно растворится в окружающем населении [1]).

При таких взглядах правящих сфер на еврейский вопрос не могло быть и речи о каком-нибудь улучшении положения. Облегчение участи евреев не допускалось даже там, где оно диктовалось юдофобскими мотивами. Когда в 1895 г. виленский губернатор в своем „всеподданнейшем отчете“ высказал мнение о желательности упразднения черты оседлости ради „ослабления вредного влияния еврейства“, составляющего большинство в городах Западного края, царь в своей резолюции написал: „Я совсем не разделяю этого взгляда губернатора“. Еврейские общественные деятели знали, какой ветер дует в придворных сферах, и надежды их очень скоро сменились унынием. В записке о положении евреев, которую предполагалось тогда представить одному из высших придворных сановников, петербургские деятели писали: „Русские евреи лишены того могучего рычага к умственному и нравственному прогрессу, который называется надеждою на лучшее будущее. Им хорошо известно, что верховная власть, вследствие систематического представления ей извращенных сведений о евреях сановниками, действовавшими из корыстных или других личных видов, относится

[1]) „Еврейская Старина“, 1914 (т. VII, стр. 400); Judenpogromen in Russland, Bd. I, 98 (Köln, 1910). О юдофобской работе Победоносцева при Александре III см. „Евр. Стар.“, т. X (1919 г.), стр. 49—50.

к евреям крайне неблагосклонно. Им приходится мириться с тем, что нет фактически никакой возможности обратить внимание государя императора на истинное положение дел, что даже те сановники, которые сами относятся к евреям справедливо и толерантно, боятся замолвить за них слово, чтобы не подвергнуться обвинению в пристрастии" [1]).

Дядя царя, великий князь Сергей Александрович, издевался над евреями в Москве, где он занимал пост генерал-губернатора. Оставшаяся в Москве после жестокого изгнания 1891 года малочисленная еврейская колония была лишена права молиться в своей большой синагоге, закрытой указом Александра III. Когда приближались весенние торжества 1896 года по случаю коронации Николая II в Москве, представители еврейской общины подали великому князю Сергею просьбу об исходатайствовании „высочайшего" разрешения на открытие синагоги хотя бы на дни коронации, „в виде особой милости, дабы московские евреи имели возможность с достойною торжественностью праздновать радостное событие". Но великий князь, маниак юдофобии, велел об'явить евреям через обер-полицеймейстера, что он признает эту просьбу „дерзким нарушением высочайшей воли" и потому неподлежащей удовлетворению [2]).

Наследие минувшего царствования ярким пятном выделялось и на челе нового царствования. По упомянутому указу 1892 года, здание закрытой московской синагоги подлежало продаже с публичных торгов в случае, если оно не будет обращено под какое-нибудь благотворительное заведение. Желая предупредить профанацию синагоги и сохранить здание до лучших времен, община переместила туда свое ремесленное училище для еврейских детей, учрежденное в память Александра II. Юдофобская московская администрация усмотрела в этом злой умысел. Генерал-губернатор снесся по этому поводу с министрами внутренних дел и просвещения, и 27 мая 1896 г. правлению еврейской общины был об'явлен приказ: прекратить прием учеников в ремесленное училище, а по окончании курса наличным составом учащихся — училище закрыть. Тогда евреи прибегли к другому средству для спасения синагоги: община

[1]) Архив Еврейского Историко-Этнографического Общества, коллекция союза полноправия евреев № 134, I[16]. Записка губернаторского совещания при Плеве в январе 1904 г. (в моем архиве).

[2]) Журнал „Былое", 1907 г., кн. IX, стр. 162; „Евр. Старина", 1909 г., т. I, стр. 183..

перенесла туда свое училище-приют для бедных детей и сирот — „Талмуд-тору“. На это московские Гаманы ответили новою репрессией: 28 октября 1897 г. генерал-губернатор об'явил, что по соглашению с министром внутренних дел решено закрыть еврейское училище-приют, где воспитывалось около 100 бедных детей, под предлогом, что эти дети могут учиться в русских учебных заведениях. Цель приказа была обнаружена во второй его половине: если в течение двух месяцев здание синагоги не будет перестроено и приспособлено для помещения в нем больницы или другого благотворительного заведения, оно будет продано с публичных торгов. Опять началась борьба общины за сохранение своей святыни, которую враги во что бы ни стало хотели разрушить. Стали перестраивать здание под больницу и приют; генерал-губернатор назначил комиссию для осмотра переделок, и комиссия нашла, что они слишком незначительны и что нужно так перестроить внутренность здания, чтобы оно никогда больше не могло быть обращено в синагогу. Эта борьба за перестройку длилась еще 8 лет. до революции 1905 года и убийства свирепого Сергея Александровича. когда удалось возвратить жизнь приговоренной к смерти синагоге [1]).

Заветною мыслью гонителей было искоренить в Москве остаток еврейской общины, довести евреев религиозными и полицейскими преследованиями до необходимости бежать из столицы православия. Рост еврейской колонии в Москве предупреждался самыми жестокими мерами. Ремесленники были изгнаны в 1891 г., но оставалось еще еврейское купечество, покупавшее право жительства в столице ежегодною уплатою тысячи рублей за каждое свидетельство на звание купца первой гильдии. Крупнейший промышленный центр России, Москва привлекала к себе также массу еврейских купцов, приезжавших туда временно по делам. С этими „пришельцами“ обращались хуже, чем с подданными неприятельских стран во время войны: на улицах и вокзалах сновали полицейские надзиратели, ловили прохожих с „семитической“ физиономией и уводили в полицейский участок „для проверки их права жительства в Москве“; те, у которых документы оказывались не в порядке, немедленно изгонялись. В „Ведомостях Московской Полиции“ об'являлось о назначении наград за поимку бесправных евреев. В октябре 1897 г. обер-полицеймейстер установил одина-

[1]) См. источники, указанные в предыдущем примечании.

ковое вознаграждение за поимку одного еврея и двух грабителей. Только в те дни 1897 года, когда в Москве заседал международный медицинский с'езд, полиции приказано было прекратить эту уличную охоту на евреев, чтобы не скандализировать России перед Европой, так как среди участников конгресса могли попадаться медицинские знаменитости с семитической физиономией. В январе 1899 г. был нанесен новый удар росту еврейского населения Москвы: царским указом было запрещено евреям-купцам первой гильдии вновь селиться в Москве без особого разрешения министра финансов и московского генерал-губернатора, причем конечно заранее установилось соглашение таких разрешений не давать. Тем же указом установлен был ряд обидных стеснений для ранее поселившихся в Москве купцов (лишение их избирательных прав в купеческие собрания и т. п.), что потом и откровенно мотивировалось стремлением „к возможному освобождению Московской губернии от евреев, уже на законном основании в ней проживающих“ [1]).

Спокойно и методически проводило свою антиеврейскую политику центральное правительство в Петербурге, видя в ней одну из важнейших задач государственного управления. На страже священного института „черты оседлости“ и прочих ограничительных законов стояли такие верные слуги репрессии, как последовательно сменявшиеся министры внутренних дел Дурново (до осени 1895 г.,) Горемыкин (1896—99), Сипягин (1899—1902), Плеве (1902—1904). Если при двух последних министрах температура юдофобии поднялась выше нормы, то это об'яснялось общим напряжением полицейской репрессии в виду усилившегося тогда в России революционного брожения. Само по себе применение ограничительных законов порождало тяжелые трагедии в жизни, произвол же местной администрации еще усугублял зло и приводил к катастрофам. Внутри черты оседлости продолжался процесс сдавливания еврейского населения в поясе городов путем усиленной охраны деревень от проникновения туда евреев. Со времени издания „временных правил“ 1882 г. в Петербурге мечтали о постепенном вымирании тех еврейских старожилов деревни, которые в силу этих правил были в ней оставлены, и о том времени, когда русский крестьянин нигде не увидит рядом с собою еврея. Но заветная мечта осущест-

[1]) „Восход“ 1898 г., кн. I, 48 и сл. („За прошлый год“); „Былое“ 1907 г., кн. IX, 157—159; „Хроника Восхода“, 1899 г. № 12, ст. 351; Записка Плеве (см. выше, прим. 1 на стр. 8).

влялась слишком медленно. Некоторые губернаторы предлагали просто изгнать из деревень всех евреев, хотя бы и давно поселившихся, но это показалось в Петербурге уже черезчур жестоким. Министр финансов Витте доказывал царю, что введением казенной питейной монополии можно автоматически выжить еврея из деревни, так как питейная торговля составляла одно из главных занятий деревенских евреев [1]). Предположение Витте до известной степени оправдалось: еврейское сельское население в конце 90-х годов значительно сократилось, но не сократились аппетиты администрации. Губернаторы и губернские правления придумывали хитроумные способы для вытеснения евреев из деревень и станций железных дорог, расположенных вне городской черты. Землевладельцы-христиане часто жаловались на эти выселения и просили губернаторов разрешать жительство на станциях хлебопромышленникам, покупающим и экспедирующим зерно из помещичьих складов. Сенату постоянно приходилось рассматривать жалобы незаконно выселенных и входить в такие, например, казуистические тонкости толкования закона: подлежит-ли изгнанию из деревни еврей-старожил, возвратившийся домой после некоторой отлучки и как бы „вновь поселившийся“? Может-ли еврей, живущий в одном имении, расположенном в двух соседних деревнях, переезжать из одной деревни в другую? Местная администрация обыкновенно разрешала эти вопросы отрицательно, но сенат большею частью отменял наиболее возмутительные меры такого рода. В связи с запретом селиться вне городов, возникло новое зло еврейской жизни—„дачный вопрос“. Власти часто запрещали еврейским семействам селиться на летнее время в окрестностях городов, если только данная лесная дача находилась не в полосе городской земли. Тысячи семейств лишались права отдыхать в летнее время, дышать свежим воздухом полей и лесов, потому только, что они евреи, крепостные городов [2]).

Закон был беспощаден и к больным: на курорты запретных мест больных евреев для лечения не допускали. Особенно строго следили, чтобы они не появлялись в близком к царской даче крымском курорте Ялте, куда умирающий Александр III велел не пускать евреев. Чахоточных евреев, „незаконно“ туда прони-

[1]) „Евр. Старина“, VIII (1915), 407.

[2]) „За прошлый год“ — в январских книжках „Восхода“ 1896—1899 гг. Ср. „Хроника Восхода“ 1900—1902 гг. (Оглавление), s. v. „Распоряжения Правительства“.

кавших, безжалостно изгоняли. „Жена врача (еврея) приехала в Ялту поправлять расстроенное здоровье. Во время сильного кровохарканья, один из чинов полиции силою проникает в спальню больной и требует от нее подписки о выезде в 24 часа. Больная сильно испугалась. Высылка на следующий же день была приостановлена на основании свидетельства врачей, удостоверивших опасность от малейшего передвижения больной, но испуг и беспокойство усилили кровохарканье, молодая женщина стала хиреть и вскоре скончалась". Выяснилось, что эта жертва полицейской жестокости имела даже по закону право жительства, как жена врача. Другой легочный больной, студент-еврей, посланный врачами в Ялту для лечения, был зимою выслан оттуда в Севастополь по этапу, среди партии арестантов, несмотря на то, что он находился в лихорадочном состоянии. „На всем пути следования партии от пристани до тюрьмы (в Севастополе) — рассказывает корреспондент местной газеты — прохожие останавливались, пораженные необычайностью картины". Пострадавший подал жалобу в сенат, но сенат решил, что распоряжение полиции „ничего противозаконного в себе не заключает" [1]). Высшее судилище империи спокойно признало, что студент-еврей за желание лечить свои легкия теплым южным воздухом подлежит аресту и этапному шествию наряду с уголовными преступниками.

Геенною огненною для евреев по-прежнему оставался город Киев, окруженный цепью густо населенных еврейских городов и местечек, но охраняемый от нашествия „иноплеменников" армией полицейских церберов. Сюда поневоле допускали приезд евреев по делам на несколько дней (сверх „привилегированных" постоянных жителей), но для того, чтобы приезжие не засиживались слишком долго, полиция устраивала на них „облавы", как на бродячих собак. „Примерно раз в неделю полиция ночью производит в известных, излюбленных пришлыми евреями, местах облаву, арестовывает пойманных и высылает за пределы города". В виду этой тяжелой ночной работы, на усиление полиции была ассигнована ежегодная сумма в 15 тысяч рублей из еврейского коробочного сбора. Взимаемый с евреев мясной налог, предназначенный на содержание благотворительных и просветительных учреждений

---

[1]) Левинг. Сборник ограничительных законов о евреях. Спб. 1902, стр. 151—154; „Восход", 1897 г. кн. I, 41, и 1898 г. кн. I, 51 („За прошлый год").

еврейских общин, должен был оплачивать также труды полицейских агентов, которые ловили плательщиков налога и бесчеловечно их изгоняли. Так заставили приговоренного к повешению покупать на свои средства веревку. Практика российской инквизиции явно совершенствовалась. Даже юдофобский официоз „Киевлянин“ должен был однажды признаться, что „в Киеве в течение июля месяца (1901 г.) творились трудно вообразимые дела“ [1]).

Вообще, все пространство России вне черты оседлости, открытое для иностранцев всего мира, было по-прежнему закрыто для русских евреев, причем граница охранялась еще более строго, чем в предыдущее царствование. В последовательном проведении этого принципа правительство не останавливалось перед самыми вопиющими крайностями. В 1896 г. закон запретил евреям-солдатам жить вне черты оседлости даже в короткий промежуток отпуска в годы службы в армии. Еврейский солдат из полка, стоявшего, например, в Сибири, должен был на время своего месячного отпуска непременно удалиться в черту оседлости, не имея права оставаться даже в том городе, где он отбывал военную службу. Во многих местах произвол администрации в толковании законов о жительстве доходил до полного глумления над евреями. В Сибири власти изобрели такое правило: еврей-купец или ремесленник, приписанный к одному из сибирских городов, может жить только в этом городе. Так как очень многие евреи жили не в местах своей случайной приписки, а в других, то началось великое переселение. Приписанные к Томску евреи, жившие даже со дня рождения в Иркутске, высылались целыми партиями в Томск, а навстречу им шли партии высланных из Томска, имевших несчастье числиться в метрических книгах Иркутска. Людей перетасовывали, как колоду карт. Эту практику сибирской администрации санкционировал сенат в своем решении от 1897 года [2]).

Полная *экономическая* разруха была следствием этих гонений. Экономический строй еврейской жизни вообще претерпел значительные потрясения в первые годы царствования Николая II. Все более суживалась и без того ограниченная сфера хозяйственной деятельности еврейского населения. В 1894 г. министр финансов

---

[1]) „За прошлый год“—в январских книжках „Восхода“, 1897, 1898 и 1899 гг.; „Хрон. Восх.“ 1902 г., № 1, стр. 3.

[2]) „Евр. Стар.“, 1915 г., 381 и сл.; Войтинский, Евреи в Иркутске (1915), 30, 264.

Витте провел закон о казенной монополии питейного промысла. Приспособляясь ко вкусам высших сфер, Витте доказывал еще Александру III, что казенная монополия питей подорвет в корне „еврейскую эксплоатацию“, которая связана преимущественно с шинкарством в городах и деревнях. В силу этого соображения монополия вводилась особенно энергично в западных губерниях, где в 1896—1898 г., уже при Николае II, все частные питейные дома уступили место казенным винным лавкам, „царским кабакам“. Вследствие этой реформы, лишилось заработка несколько десятков тысяч еврейских семейств, кормившихся либо непосредственно от питейного промысла, либо от связанных с ним занятий (содержание корчем, постоялых дворов и т. п.). С точки зрения моральной все лучшие элементы еврейского общества могли приветствовать реформу, которая сняла с народа безобразное пятно—шинкарство, наследие старой Польши. Самый трезвый в мире народ, евреи были поставлены в такое трагическое положение, что тысячи из них должны были для добывания куска хлеба служить орудием распространения губительного русского пьянства. Еще свежи были в памяти те дни, когда еврейский кабак служил очагом, где зарождался антиеврейский погром, когда русские крестьяне и мещане напивались еврейской водки, чтобы с большей энергией громить потом еврейские дома. С радостью уступил бы еврей-шинкарь монополию торговли водкою имевшему к ней внутреннее влечение русскому кабатчику и самому правительству, если бы ему были предоставлены более почетные пути заработка. Но, закрыв винный промысел для двухсот тысяч евреев, правительство не подумало о снятии тех специальных ограничений, которые заграждали им путь к другим профессиям. Лишившись куска хлеба в сельских корчмах, тысячи жертв монополии бросились в города, а тут они встретились с массою городских жертв той же реформы, оставшихся без средств к существованию. Торговый и ремесленный пролетариат в черте возрос до крайних пределов. Исследователи экономической жизни черты оседлости (известный русский экономист Субботин и др.) отмечали устрашающий рост пауперизма. С 1894 по 1898 г. число нуждающихся еврейских семейств возросло на 27% против прежних лет. В 1897 г. число евреев, не имеющих определенных занятий, доходило в некоторых городах до 50 и больше процентов, а число бедных, обращавшихся за помощью на Пасху, дошло до небывалых размеров (от 40 до 50% всего еврейского населения

в Одессе, Вильне, Минске, Ковне и др.). Неурожаи 1899—1900 гг. на юге России вызвали голод среди бедных масс. Пострадавшим от бедствия крестьянам пришло на помощь правительство, евреи же спасались самопомощью—повсеместным сбором пожертвований, в котором лишь местами участвовало и либеральное христианское общество [1]).

Многие из этих пролетариев готовы были заняться земледелием, но „временные правила" 1882 года преграждали им доступ в деревню, запрещали покупать или даже арендовать кусок земли. Еврейские общественные деятели в Петербурге (барон Гинцбург и др.) хлопотали перед правительством о дозволении евреям покупать небольшие участки земли для личной обработки, но после долгих размышлений правительство в этом отказало. В конце XIX века правители Российской империи оказались более юдофобскими, чем в начале века, когда правительства Александра I и даже Николая I поощряли распространение земледелия среди евреев и вызвали к жизни земледельческие колонии на юге России [2]). Ярость репрессий доходила до того, что евреям часто не разрешали покупать или арендовать участки земли, принадлежавшие городам, но расположенные вне черты городского поселения. Богач Поляк в Минске просил городскую управу продать ему участок загородной земли для устройства там еврейской земледельческой фермы, но получил отказ (1897). Впрочем, учить евреев земледелию было излишне при запрещении им владеть землею. Правительство не нашло возможным отменить этот запрет даже для лиц, окончивших курс в школе Еврейской Земледельческой Фермы близ Одессы. Такими же способами тормозилось и дело усовершенствования ремесленного труда, который был очень распространен среди евреев, но стоял на низком техническом уровне. Мешали даже делу организации взаимопомощи трудящихся классов. Киевский миллионер Бродский, желая прийти на помощь трудовому люду, без различия испове-

[1]) „Евр. Стар." 1915, стр. 405 и сл.; „Восход" 1898 г., кн. III, стр. 35—36 второго отдела; Сборник материалов об экономическом положении евреев в России, т. II, 231–235 (издание ЕКО, Спб. 1904); Субботин. Положение еврейского вопроса в 1897 г. (Архив Евр. Истор. О-ва № 133).

[2]) По статистике 1898—1901 г. сельско-хозяйственным трудом занималось в России до 150 тысяч евреев, из них 51.539 занимались хлебопашеством в колониях, 64.563 — специальными отраслями сельского хозяйства, 19.390 — землевладением и арендою, а 12.901 — временными полевыми работами.

дания, решил устроить в Киеве ремесленный банк и пожертвовал на это 120 тысяч рублей. Когда он представил на утверждение устав проектируемого банка, местное начальство ему заявило требование — включить в устав правило, что директора и председатель совета банка должны быть непременно из христиан, а в числе кандитатов к членам совета может быть только один еврей. На это наглое требование Бродский ответил: „Будучи сам евреем, я никоим образом не могу согласиться, чтобы в уставе учреждения, основываемого на жертвуемые мною деньги и имеющего носить мое имя, были включены ограничения для моих единоверцев“ (1895). Он взял свой проект назад. Киев лишился ремесленного банка, пострадали и христианские ремесленники, но зато евреям был причинен материальный ущерб и нанесено нравственное оскорбление,—а этого только и нужно было властвующей юдофобии [1]).

От свободных профессий, куда особенно стремилась еврейская интеллигенция, лишенная права поступать на государственную службу, закон всеми способами отгонял евреев. В адвокатуру молодых юристов не допускали на основании закона 1889 года. Пользуясь этим законом, министр юстиции почти никогда не допускал зачисления в сословие присяжных поверенных евреев, окончивших стаж помощников присяжного поверенного (в течение десяти лет министр нашел возможным допустить в сословие только одного еврея, прослужившего 25 лет в должности члена суда, как „пережиток“ либеральной эпохи Александра II). Вследствие этого число евреев в сословии присяжных поверенных понизилось до 9,8% (до запрета было 14—22%). В 1897 г. правительственная комиссия рассматривала вопрос о закреплении репрессий путем установления 10% нормы для евреев адвокатов. В своем проекте комиссия мотивировала такое ограничение доводами чисто средневековыми: „Поведение адвоката определяется побуждениями его воли, его совести, т. е. той области его внутренней жизни, которая находит свое выражение в *религии*; при приеме же евреев следует опасаться противных *христианской нравственности* воззрений, свойственных еврейскому племени“. Потом апостолы христианской нравственности из министерства юстиции решили, что еще лучше и благороднее совсем не принимать вновь евреев в адвокатское

[1]) Сборник Материалов изд. ЕКО, I, 10; „За прошлый год“ в „Восходе“ 1896 г., кн. V, 51; 1897 г. II, 39 и сл.; 1898 г. кн. II, 47.

сословие, — и проект нормировки заглох. Многие сотни окончивших университет молодых юристов теряли надежду на возможность легально заниматься своей профессией.

Евреи-врачи вынуждены были ограничиваться частною практикою, лишенные права занимать академическую, государственную или общественную должность. Даже автономные земства все чаще отказывались принимать на службу евреев, и часто в об'явлениях земств, приглашавших врачей, печаталась оговорка: „кроме евреев“ [1]).

Железными тисками сдавливалось еврейское школьное образование. Позорная учебная норма, введенная в 1887 г., все свирепее совершала свою миссию избиения младенцев, стучавшихся в двери гимназий и университетов. В начале 1898 года пост министра народного просвещения, вместо Делянова, занял московский профессор Боголепов. Делянов еще иногда смягчал жестокость учебной нормы (говорили, что он не мог устоять против женских слез, и мольбы матерей непринятых детей заставляли его допускать в школы некоторое количество сверх нормы), но его преемник, профессор, превратившийся в жандарма просвещения, не знал никакой жалости. В его трехлетнее управление министерством не только не допускались отступления от нормы, но делались еще попытки сократить ее. Было приказано исчислять процентную норму допускаемых в университет евреев не по общему числу поступающих ежегодно, а по каждому факультету в отдельности (1898—1899); этим хотели стеснить еврейских юношей, которые поступали преимущественно на медицинский и юридический факультеты, так как прочие факультеты (историко-филологический и физико-математический) не обеспечивали им по окончании даже гадательного куска хлеба, вследствие недопущения евреев к учительским и академическим должностям. Озлобление министерства просвещения против еврейской молодежи официально об'яснялось участием некоторых элементов ее в усилившемся тогда студенческом революционном движении: „происходившие в конце 90-х годов в высших учебных заведениях беспорядки свидетельствовали, что виновниками таких беспорядков в значительной мере являлись лица нерусского происхождения“ (циркуляр 26 мая 1901 г.). Жертвою студенческих волне-

---

[1]) Евр. Библиотека т. IX, 467 и сл. (Спб. 1901, изд. Ландау); „Восход“ 1898 г. кн. III, 2—34 (2-го отд.).

ний сделался и реакционный министр Боголепов, павший однако от пули террориста чисто-русского происхождения. Его преемник, генерал Ванновский (1901—1902), стремившийся успокоить университетские волнения путем „сердечного попечения“, сохранил бессердечную политику только по отношению к евреям. В виду фактического превышения еврейской процентной нормы во всех университетах, он приказал временно сократить норму приема евреев в следующем размере: 2% для столиц (вместо прежних 3%), 3% для провинциальных университетов вне черты оседлости (вместо 5%) и 7% для черты (вместо 10%). Были усилены ограничения и при приеме в гимназии; окончившим прогимназию разрешали продолжать образование в старших классах гимназии только в случае совершения чуда: если окажется свободная еврейская вакансия в пределах нормы. В коммерческие училища, содержавшиеся на средства купеческого сословия при небольшем участии купцов-евреев, дети последних допускались в количестве, пропорциональном взносам еврейских купцов на содержание училища; в уставах же частных коммерческих училищ фиксировались различные нормы для еврейских учеников — от 10 до 50%. Таким образом еврейские родители были заинтересованы в том, чтобы как можно больше русских мальчиков поступало в училище, ибо тогда возрастало и число еврейских вакансий. Иногда, для создания вакансии своему сыну, купец-еврей склонял бедного христианина отдать своего мальчика в коммерческое училище (куда русские неохотно поступали), принимая на себя расходы по его обучению. Но и после всех этих унижений многие оставались за порогом средней школы. Характерно, что в деле избиения младенцев средних учебных заведений русский закон соблюдал фараоновское правило: „Всякого мальчика топите, а девочку оставьте в живых“. В женские правительственные гимназии еврейские дети принимались без процентного ограничения, и только неофициально юдофобское начальство той или другой гимназии сдерживало наплыв евреек, направляя поток в сторону частных школ. Однако в доступе к высшему образованию еврейские девушки были ограничены наравне с юношами. На Высшие Женские Курсы и в Педагогический Институт в Петербурге принималось 5% евреек; устав Женского Медицинского Института сначала совершенно закрывал доступ еврейкам (1895), и только в 1897 г. был смягчен в смысле допущения 3% этого опального элемента [1]).

[1]) Познер. Евреи в общей школе, стр. 89—92, 105, 119—120, 127—129.

Еврейская молодежь, остававшаяся за дверьми школы, не могла, конечно, питать добрые чувства к режиму, разрушавшему ее жизнь, унижавшему, коверкавшему ее душу. Отогнанный от дверей гимназии юноша превращался в раздраженного „экстерна", вынужденного обучаться дома и держать экзамены при школе из года в год. Огромная рать юношей и девушек, не попавших в высшую школу, отправлялась за границу, наполняла там университеты и специальные высшие школы и научалась ценить режим, отказавший ей на родине в том, в чем ей не отказывали на чужбине. Значительная часть этой молодежи возвращалась домой достаточно революционизированной, и в этом была заслуга того правительства, которое смысл своего существования видело в борьбе с революционными идеями.

Русская реакционная пресса, поощряемая официальной юдофобией, усилила свою травлю евреев. Прославившаяся своей свирепостью цензура, душившая печатное слово и трепетавшая перед призраком „возбуждения вражды к правительству", допускала полную свободу проповеди вражды к еврейству, т.-е. преступное „возбуждение одной части населения против другой". Наиболее распространенной полу-официозной газете „Новое Время" и ее сателлитам в провинции все дозволялось: клеветать на еврейскую религию, на весь еврейский народ в целом, на еврейские общины. Когда во Франции началось дело Дрейфуса, „Новое Время" — этот оракул русских правящих сфер — стало на сторону юдофобов из парижского генерального штаба и повело самую ожесточенную кампанию против евреев всего земного шара. Многие статьи юдофобских газет мало чем отличались от прокламаций, призывающих чернь к погромам. Впрочем, наилучшею пропагандою погрома — даже без намерения вызывать его — служила анти-еврейская политика самого правительства: видя это непрерывное третирование евреев, как преступников, выселения „незаконно проживающих" и „облавы" на них, глумление над еврейскими детьми, отгоняемыми от дверей учебных заведений, бесчисленное множество других унизительных ограничений. — темное русское население проникалось убеждением, что истребление еврейства есть дело высоко-патриотическое. В связи с обычными экономическими и национальными столкновениями, такой ход мыслей должен был вылиться в погромные действия.

В конце 90-х годов на российском горизонте снова мелькнула зловещая тень начала 80-х годов. На первых порах погромы имели

спорадический характер. 18 и 19 февраля 1897 года произошел погром в местечке Шполе (Киевской губернии). Вот картина этого события в смягченном полицейском описании „Нового Времени". „В 3 часа пополудни громадная толпа крестьян нахлынула на наше местечко и разгромила в пух и прах магазины, дома и товарные склады, исключительно принадлежащие евреям. Множество богатых магазинов, мелких лавочек и сотни домов опустошены толпою, которая действовала с какою-то стихийною силою, предавая разорению все, что попадалось на ее пути. Шпола, славящаяся своей цветущею торговлею и относительным благоустройством, представляет теперь картину опустошенного неприятелем города. Вереницы баб и детей то и дело тянутся, чтобы таскать оттуда к себе домой „жидивское" добро. Существенно важно то обстоятельство, что беспорядки были несомненно подготовлены заранее. Местные евреи знали о предстоящей беде за четыре дня, и говорили об этом становому приставу, который однако успокоил их, уверяя их, что ничего не будет".

Спустя два месяца (16 — 17 апреля) такую же расправу с евреями совершили христиане местечка Кантакузенка, Херсонской губернии: „Произошел жестокий погром—гласит полу-официальное известие.—Почти все местечко разгромлено рассвирепевшею толпою. Все еврейские лавки разнесены и все товары разбросаны. Часть товаров расхищена толпою. Уцелела синагога, которую совсем не тронули". И здесь жители заранее знали о готовящемся погроме, евреи просили полицию о предупреждении катастрофы, но местных полицейских сил оказалось для этого слишком мало. В обоих разгромленных городах появились губернаторы с отрядами солдат уже по окончании позорного спектакля, арестовали многих, привлекли к суду. Суд по обоим делам приговорил свыше 60 человек к тюремному заключению от 8 до 14 месяцев. Характерно заявление одного из обвиняемых, малорусского мужика, выразившего свое недоумение по поводу своего ареста в следующих словах: „Казалы, що можно бить жидив, алы-же воно брехня" [1]).

Большой „пасхальный" погром, длившийся три дня (19 — 21 апреля 1899 г.), был допущен в портовом южном городе Николаеве. Толпы буянов в несколько тысяч человек, среди которых было много пришлых великорусских чернорабочих и несколько „интел-

[1]) „Восход" 1898 г. кн. 43 — 44 (отд. II); „Хрон. Восх." №№ за февраль — апрель 1897 г.

лигентных" подстрекателей, громили еврейские магазины и квартиры, уничтожали и грабили имущество, — вообще исполняли в точности погромный ритуал, а полиция и казаки оказывались „бессильными". На третий день из окрестных деревень, куда донесся слух о свободе разбоя и грабежа в Николаеве, двинулась в город десятитысячная крестьянская армия — мужиков и баб — на телегах с целью забрать еврейское имущество, но уже было поздно: казакам и солдатам был отдан приказ прекратить и разогнать буянов; крестьян погнали обратно в деревни с пустыми телегами. Раздраженные неудачею, крестьяне выместили свою злобу на еврейском кладбище за городом, где разрушили много могильных памятников, а затем, рассеявшись по уезду, устраивали погромы в соседних селах. В еврейской земледельческой колонии Нагартаве были разрушены и разграблены все дворы и лавки, уничтожены земледельческие орудия и пр. Русский крестьянин бессовестно разорял и грабил крестьянина еврейского. В соседних колониях физически сильные евреи отстояли себя. По поводу этой новой вспышки варварства, одна русская либеральная газета („Сын Отечества") воскликнула: „Когда же наконец, окончится этот ужасный пережиток мрачной эпохи средневековья, когда наступит конец этому битью окон, битью людей, разгрому домов и лавок?" [1]). На этот раз из Петербурга дана была директива: не допускать дальнейшего развития погромного движения. Дело в том, что, спустя две недели после николаевского вандализма, открылась первая международная конференция в Гааге (6 — 18 мая), созванная по известному почину Николая II для обсуждения вопроса о сокращении вооружений. Естественно было подумать приэтом о разоружении погромщиков в самой России, но отсюда не сделан был более решительный вывод — о необходимости прекратить или хотя бы сократить вооружение самого русского правительства против евреев, вернуть в средневековый арсенал оружие угнетения и репрессий, убийственных для целого народа; но так далеко не мог идти царь, надевший маску миротворца...

Что власти при доброй воле могли не допустить трехдневного погрома по образцу николаевского, видно из той быстроты, с какою был прекращен позже погром в польском Ченстохове (19 августа 1902 г.). В этом гнезде мрачного польского клерикализма, куда

[1]) „Хроника Восхода" 1899 г., № 18 — 25, 28.

тысячи католиков стекались для поклонения Божьей матери на „Ясной горе“, базарная драка между торговцем-евреем и польской бабой выросла, под влиянием подстрекателей из католического духовенства, до размеров нападения пятнадцатитысячной толпы поляков на еврейские дома и лавки. И здесь раздались крики: „Бей жидов—нам ничего не будет!“ Ченстоховские погромщики ошиблись в расчете: на них, политически неблагонадежных, одинаково враждебных и „жидам“, и „москалям“, покровительство администрации не простиралось. Утром погром начался, а вечером он уже был прекращен залпом войск, обратившим огромную толпу в бегство. На суде прокурор требовал строгого наказания, суд приговорил виновных поляков к арестантским отделениям и тюрьме и даже удовлетворил отчасти гражданские иски потерпевших евреев, что в подобных процессах допускалось судом крайне редко [1]).

От соединения польской юдофобии с русской родилось в Вильне чудовище—ритуальный процесс. Польская служанка парикмахерской Давида Блондеса, пропитанная грубым суеверием и ставшая орудием в руках фанатичных ксендзов, выбежала в мартовскую ночь 1900 года на двор с криками, что хозяин причинил ей раны с целью выпедить из нее кровь для пасхальной „мацы“. Сбежавшаяся толпа христиан, увидев царапины на шее и руке служанки, избила Блондеса; „преступника“ ввергли в тюрьму, а следственная власть придала значение „гласу народа“ и долго доискивалась нитей преступления. Юдофобская пресса повела агитацию с целью воздействия на решение суда. Суд в первой инстанции признал наличность поранения без намерения лишить жизни, оставляя в стороне ритуальный мотив, и приговорил Блондеса к тюремному заключению на год и четыре месяца. Защита Блондеса (известный адвокат Грузенберг и др.), опасаясь, что приговор будет истолкован врагами в смысле подтверждения ритуальной легенды, подала кассационную жалобу — и победила: решением сената дело было возвращено в виленский окружный суд для вторичного разбора. Суд присяжных, выслушав авторитетных экспертов и блестящие речи защиты, вынес Блондесу оправдательный вердикт (1 февр. 1902). Узник был освобожден, и кошмар „ритуальной дрейфусиады“ на время рассеялся [2]).

---

[1]) Ibid. 1902 г. №№ 51—52; Judenpogromen in Russland I, 162—165 (Köln, 1910)

[2]) „Восход“ (недельный), 1900 г., №№ 20, 100; 1901 г., № 27; 1902 г., № 6 „Будущность“ (еженед.), 1902г., №№ 5—6; „Евр. Энциклоп.“ т. IV, 661—664.

Орудием антиеврейской агитации сделался и театр. Какой-то крещеный еврей Эфрон-Литвин, вступивший в антисемитскую компанию „Нового Времени“, сочинил пьесу-памфлет под названием „Сыны Израиля“ или „Контрабандисты“, полную гнусной клеветы на еврейский народ и иудаизм. Пьеса была поставлена сначала в Петербурге в театре издателя „Нового времени“ Суворина, а затем в течение 1901—1902 гг. обошла все провинциальные театры. Юдофобы везде приветствовали эту бездарную драму, где евреи выставлялись мошенниками и преступниками, а еврейская религия и мораль — источником ненависти к христианам, которые, конечно, к евреям питали только добрые евангельские чувства. Евреи же и лучшая часть русской интеллигенции, видя в постановке такой пьесы орудие погромной пропаганды, неоднократно обращались к полиции с просьбою не разрешать постановки пьесы, разжигающей национальную и религиозную вражду, но полиция считалась с желаниями не евреев, а их врагов. Тогда в целом ряде городов (Смоленск, Орел, Кишинев, Тифлис и др.) произошли бурные демонстрации в театрах при постановке пьесы. Зрители-евреи и многие из русской публики, преимущественно студенческая молодежь, свистали, шумели и требовали прекращения издевательства со сцены над еврейским народом; антисемиты кричали „долой жидов“ и лезли в драку с демонстрантами, а полиция била последних и таскала их в участок. В результате возник ряд судебных процессов против евреев о „нарушении тишины“ [1]). При разборе одного из таких дел в Орле защитник говорил: „Пьеса разжигает национальные страсти, предает осмеянию и утрирует национальные черты, и притом такой нации, которая не пользуется равноправием и не может выразить своего протеста. Не нужно было разрешать к постановке такую пьесу, тем более, что полиции было известно брожение в публике“. Защитник притворился наивным: ведь он хорошо знал, что в России закон, запрещающий „возбуждение одной части населения против другой“, теряет свою силу, если эта „другая часть“—евреи.

---

[1]) „Книжки Восхода“ 1899 г., III, 28 и сл.(отд. II); „Восход“ (нед.) 1900 г., №№ 89—91; 901 г. №№ 9, 11, 20, 32, 34, 38; 1902 г., №№ 7, 9, 20.

ГЛАВА II.

Национальное пробуждение (1897—1902).

В течение двух десятилетий молот российской реакции бил по организму пятимиллионного народа, но к концу оказалось, что тяжелый молот не дробил, а ковал еврейский национальный организм в его неистребимом духовном существе. Еврейство обнаружило свою железную природу, и те, кто мнили сокрушить его ударами своего молота, должны были убедиться, что они играли только роль кузнецов. Сначала казалось, что еврейство под этими ударами превращается в бесформенную массу: были моменты уныния и отчаяния, когда не видно было путей среди надвинувшегося хаоса; потом в обществе возникали только смутные настроения, неясные порывы к возрождению, на деле бессильные, лишенные творческой энергии. Но мало-по-малу из хаоса смутных общественных настроений стали выделяться очертания определенных национально-политических систем и организаций, стали прокладываться пути в направлениях различных, но об'единенных общим стремлением—извнутри возродить еврейский народ в национальном и социальном отношениях. Поворотным пунктом является здесь 1897-й год. В этот год первого всемирного конгресса сионистов, одновременно с системою политического сионизма, стали определяться и другие течения еврейской национально-политической мысли. Послышалась целая гамма общественных лозунгов, свидетельствовавшая об одном: что настал конец периоду общественной прострации, что смутный порыв к освобождению и возрождению превратился в сознательное стремление, идущее по определенным путям. Было ясно видно, как под молотом истории бесформенная масса выковывается в оформленное орудие большой силы. Начался период *организации* еврейства.

Среди этих общественных движений конца XIX века одни шумно выступали на поверхность еврейской жизни, привлекая к себе внимание масс и даже внешнего мира, другие же сначала таились в сознании интеллигенции в форме определенной идеологии и только позднее проявились в жизни. На вековечную проблему „еврейского горя“ (Judennoth) в диаспоре одни давали радикальный ответ: нужно сократить диаспору путем территориальной концентрации еврейства, а другие стремились к реорганизации диаспоры на началах национальной автономии. К движениям первого рода относятся *политической сионизм* и *территориализм*, ко второму разряду—*духовный сионизм* и *национально-культурный автономизм*. Параллельно обоим родам национальных движений, нередко соприкасаясь с ними, идет еврейское *социалистическое движение*, в различной степени окрашенное национальным элементом.

15 лет развивалось в России „палестинофильство“ (Chibat Zion) без заметного результата для той всенародной цели, которую поставили себе первые его идеологи, Лилиенблюм и Пинскер. Между 1882 и 1897 годом возникли в Палестине полтора десятка еврейских земледельческих колоний, еврейское население страны увеличилось на пару десятков тысяч человек, намечалась тенденция к созданию образцовой национальной школы и возрождению древнего национального языка — ко все это, конечно, не могло разрешить жгучий вопрос миллионов русских евреев, искавших выхода из своего невыносимого положения. При таком ходе дела не могло быть и речи о перемещении значительной части российского центра в Палестину, где вдобавок турецкое правительство ставило препятствия даже микроскопическому росту еврейской колонизации. В этот момент прогремел в Европе клич *Теодора Герцля* о создании „еврейского государства“. С Запада пришел этот лозунг, из тех кругов, где ассимиляция пустила глубокие корни и где на горе „восточных братьев“ смотрели раньше только с филантропической точки зрения. Лозунг исходил от молодого венского журналиста, пораженного одновременным разгулом антисемитизма в столице Австрии (бургомистр Люгер и др.) и в Париже, где он жил в качестве корреспондента „Neue Freie Presse“ в первые годы „дрейфусиады“. Герцль сразу почувствовал всю остроту еврейского горя; он видел, что антисемитизм Западной Европы идет навстречу юдофобии Восточной, что идеал ассимиляции рушится, и он решил поднять национальное знамя, не имея ясного представления о том,

что оно уже поднято на Востоке [1]). Опубликованная им в начале 1896 г. книга „Der Judenstaat“ („Еврейское Государство“) была в своих исходных пунктах повторением старого призыва Пинскера; Герцль также видел избавление от „еврейского горя“ в сосредоточении народа на отдельной территории, не предрешая вопроса, будет ли это Палестина, или Аргентина; но в отличие от своего предшественника он не ограничился теорией проблемы, а выдвинул план политической и хозяйственной организации дела: создание союзов для переговоров с государями и правительствами об уступке евреям территории под международным протекторатом, а также для добывания крупных капиталов на дело переселения и устройства больших еврейских масс. Смесь идейного энтузиазма и практических утопий, „Еврейское Государство“ Герцля оживило заглохшие политические чаяния палестинофильских кругов в России. Стонавшие под гнетом египетского рабства потянулись к новому Моисею, явившемуся с благою вестью освобождения. Герцль же, видя перед собою уже готовые кадры в прежних кружках палестинофилов, быстро приспособил свою идею территориализма к палестинизму [2]).

Так возникла организация „политических сионистов“, орудием которых сделались всемирные партийные конгрессы, происходившие преимущественно в швейцарском Базеле. Первый всемирный конгресс сионистов в Базеле (август 1897) был внушительной демонстрацией национального пробуждения еврейства. Впервые об'единенные представители восточного и западного еврейства провозгласили перед лицом мира, что рассеянные части еврейского народа признают себя единым национальным существом, стремящимся к национальному возрождению. В центре западной ассимиляции, спустя 90 лет после официального заявления парижского синедриона о том, что еврейство перестало быть нацией, был произнесен лозунг существования еврейской национальности, хотя и *условный* — при условии создания для нее особого территориального центра, „обеспеченного международным правом“. Из четырех пунктов принятой конгрессом „базельской программы“ три посвящены основной задаче партии — политической и финансовой работе с целью массовой колонизации

[1]) После опубликования своего „Judenstaat“ Герцль признался, что он не знал во время писания этой книги о существовании „Autoemancipation“ Пинскера.

[2]) Herzl's Zionistische Schriften Bd. I, Berlin, 1905; Friedemann, Das Leben Th. Herzl's, Berlin, 1914; R. Gottheil, Zionism, Philadelphia, 1914.

Палестины, и только один обязывал к деятельности для „укрепления еврейского национального чувства и самосознания“; но в дальнейшем ходе работ сионистской организации эти два начала — политическое и культурное — постоянно боролись между собою за первенство, причем западные сионисты тянули преимущественно в сторону политической деятельности и дипломатических переговоров, а восточные придавали большое значение внутренней национально-культурной работе, как предварительной стадии политического возрождения. Эта борьба двух начал продолжалась на следующих ежегодных конгрессах (2-й и 3-й в Базеле в 1898 и 1899 гг., 4-й в Лондоне 1900 г., 5-й в Базеле 1901 г.). С одной стороны шла лихорадочная работа по внешней организации дела: об'единение кружков плательщиков сионистской подати — „шекеля“, создание Еврейского Колониального Банка и Национального Фонда, введение дипломатических переговоров с турецким правительством и политическими представителями других стран относительно получения гарантированного „чартера“ на массовую колонизацию Палестины, — а с другой стороны развивалась деятельность, направленная к национализации еврейской интеллигенции, распространению еврейского языка, созданию национальной школы и „завоеванию общин“ сионистами, т. е. усилению партии в общинном управлении. Минский с'езд российских сионистов (1902 г.) уделил особое внимание культурным задачам партии и принял решение об образовании двух комиссий—ортодоксальной и прогрессивной — для работ в направлении национализации воспитания. На этом с'езде выяснилось, что за первые пять лет своего существования сионистская организация в России приобрела около 70 тысяч членов-плательщиков шекеля, сгруппированных приблизительно в 500 кружках [1]).

Политические и финансовые успехи сионизма в эту пору его идейного расцвета были незначительны: все дипломатические переговоры вождя партии, Герцля, с турецким султаном и различными государственными деятелями Запада не привели к желанному результату—получению от Турции чартера на широкую колонизацию Палестины. Финансовое учреждение партии—Колониальный Банк—не могло еще собрать скромного для такого дела фонда в 20 миллионов рублей. Колонизация шла по-прежнему медленно,

[1]) Protokolle der Zionisten-Congresse 1897—1901; „Die Welt“ (еженед. журн. сионист. организаций), Wien, 1897—1902; „Восход“, 1897—1902 (отчеты о сионист. конгрессах).

в крошечных размерах, совершенно не соответствовавших грандиозной мечте о создании национального автономного центра в Палестине. И тем не менее сионизм в этот короткий промежуток сыграл очень важную роль в деле национального оживления еврейства. Сила его была не в политических целях организации, недостижимых при тогдашних условиях, а в самом факте *организованности* десятков тысяч людей для достижения общенародной цели, в той текущей национально-культурной работе (Gegenwartsarbeit), которая по необходимости превращалась из средства в цель. На Западе значение сионизма заключалось в том, что он противопоставил себя господствующей ассимиляции (лозунг Герцля гласил: „Сионизм стремится создать обеспеченный международным правом приют для тех евреев, которые в нынешних местах жительства не могут или не хотят ассимилироваться"); в России же, где имелись более глубокие национализирующие факторы, главное значение политического сионизма заключалось в самом процессе пропаганды идеи возрождения там, где царящая юдофобия стремилась путем тяжкого гнета довести евреев до вырождения. После общественной апатии и запуганности 80-х и первой половины 90-х годов, пошел ряд лет шумного движения, организационной работы, высокого общественного под'ема. „Черта оседлости" шумела сотнями сионистских кружков, речами партийных агитаторов в собраниях и синагогах, оживленной агитацией перед выборами на каждый конгресс, горячими программными спорами между „политиками" и „культуристами", „мизрахистами" (ортодоксальными сионистами) и прогрессистами. Речи главных вождей—Герцля и Макса Нордау—комментировались на все лады. Особенно волновали публику ежегодные конгрессные речи Нордау „об общем положении евреев", в которых ярко освещалась трагедия „голуса", безысходное „еврейское горе"—материальное в странах бесправия, моральное в эманисипированных группах Запада. Нордау со свойственной ему резкостью и парадоксальностью проводил мысль, что без Сиона не будет еврейства. Его девиз: „Еврейство будет сионистическим, или его не будет!"—различно толковался в различных кругах интеллигенции. Из российских лидеров сионисткой партии лишь меньшинство всецело разделяло крайние политические воззрения западных вождей (д-р Мандельштам и др.), большинство же старых деятелей палестинофильства (Усышкин, Членов и др.) стремилось совместить политические задачи с культурными и дипломатические переговоры о „чартере"

с поддержкою существующей мелкой колонизации Палестины, к которой чистые „политики“ относились пренебрежительно. Вся эта разноголосица внутри сионистской организации ослабляла ее, как орудие для достижения определенной практической цели, но вносила оживление в ряды адептов движения. Свист бичей египетских надзирателей на еврейской улице заглушался шумом идейных споров, гордыми лозунгами освобождения [1]).

А между тем политический сионизм, как доктрина, не давал полного ответа на великую национальную проблему во всей ее исторической сложности. Будучи по рождению продуктом реакции против антисемитизма, стремясь до известной степени утолить боль оскорбленного еврейского сердца, он обладал всеми достоинствами и недостатками доктрины, по существу мессианской, рассчитанной на чисто суб'ективные силы—веру и волю. „Если вы захотите, это не будет сказкою“, говорил о конечной цели политического сионизма сам вождь движения, веривший, что путем чрезвычайного напряжения народной воли можно превратить сказку „еврейского государства“ в действительность. На вопрос, что будет с еврейской нацией, если вне нас лежащие причины не будут преодолены силою воли и „сказка“ не осуществится, политический сионизм либо не давал ответа, либо давал ответ полемический, явно противоречащий истории: без Сиона еврейство погибнет; но с таким приговором народная совесть мириться не могла. Более или менее полный ответ на проблему еврейства мог быть плодом не внешней реакции против юдофобии, а глубокого раздумья над историческим процессом развития нации в диаспоре. В этом отношении первым коррективом к политическому сионизму является „духовный сионизм“, учение публициста-философа *Ахад-Гаама* (псевдоним Ашера Гинцберга). Еще до появления политического сионизма или „герцлизма“, Ахад-Гаам внес существенный корректив в палестинофильскую доктрину Лилиенблюма и Пинскера. В программе учрежденного им в Одессе полу-масонского ордена „Бне Моше“ (существовал с 1889 до 1897 г.) он установил принцип, что прежде чем приготовлять страну для народа, нужно превратить самый народ в крепкую

---

[1]) Max Nordau, Zionistische Schriften, Köln, 1909 (русс. перевод некоторых речей и статей, Екатеринослав, 1898); Членов, Второй конгресс сионистов, Москва, 1899; Сапир, Сионизм, Вильно, 1903; Gottheil, Zionism; Дубнов, Письма о старом и новом еврействе, Спб., 1907, стр. 164 и сл., 181 и сл., 230 и сл.

национальную организацию: „нужно распространить национальную идею и превратить ее в возвышенный нравственный идеал“. Став практическим деятелем палестинской колонизации, как член одесского „Палестинского Общества“, учрежденного в 1890 г., Ахад-Гаам не переставал твердить, что смысл этой маленькой колонизации не в экономических, а в духовно-культурных ее результатах, в создании на исторической родине еврейства питомника чистой национальной культуры, без чуждых примесей, без неизбежного культурного синкретизма диаспоры. Этот принцип „нео-палестинства“ был шире развит автором и превратился в доктрину „духовного сионизма“ после шумного выступления на сцену политического сионизма. После первого базельского конгресса, Ахад-Гаам заявил, что „еврейское государство“ Герцля неосуществимо, ибо при нынешних условиях невозможно перемещение значительной части диаспоры в Палестину; палестинская колонизация не может устранить материальное „еврейское горе“, но постепенно складывающийся в Палестине небольшой центр может при надлежащей организации разрешить культурную проблему еврейства. Образование „духовного центра“ на исторической родине нации, насаждение там национальной школы, возрождение древне-еврейского языка в обиходе жизни, свободное развитие еврейской культуры без давления чужой среды—вот истинная цель палестинской идеи. Такое „гарантированное убежище для еврейского духа“ могло бы иметь непрерывное национализирующее влияние на диаспору, как живой притягательный центр самобытной культуры, как световой фокус, распространяющий свои лучи по обширной периферии.

Сионистская доктрина Ахад-Гаама, как оппозиция официальному сионизму, освященному базельской программой, вызывала бесконечные споры в кружках молодежи. Этой доктрине не удалось создать особую партию или общественную организацию, но элементы ее в большей или меньшей степени примешивались к воззрениям политических сионистов в России и проявлялись в выступлениях „культуристов“ против крайних „политиков“ на партийных конгрессах. Упомянутый выше минский с'езд сионистов принес частичное торжество идее Ахад-Гаама, выступившего там с докладом о „духовном возрождении“: с'езд принял решение об усилении культурной работы в программе деятельности партии, но отверг предложение докладчика о создании всемирной национальной организации для возрождения

еврейской культуры, ибо это нарушило бы „политическое равновесие“ сионизма [1]).

Обе формы сионизма—политическая и духовная—имели одну общую почву—„отрицание голуса“, т. е. убеждение, что в мировой диаспоре еврейский народ не может дольше развиваться, как нормальная нация. Внимание политических и духовных сионистов было одинаково приковано к Сиону, как к якорю спасения еврейства в том или другом смысле. Представители обоих течений не отдавали себе ясного отчета о судьбе внутренне отрицаемой ими диаспоры, т. е. всего еврейства без палестинской его части. „Политики“ не задавались вопросом, что будет в случае неудачи их мечты, и, верные вышеуказанному девизу Нордау, как будто обрекали всю диаспору на исчезновение или прозябание в случае неполучения „чартера“ на Палестину. Духовные сионисты не мирились с таким упрощенным решением национальной проблемы и заявляли, что диаспора может сохранить свою национальную жизненность при гораздо более достижимом условии—связи ее с культурным центром в Палестине. Но как организовать всю громаду диаспоры для национальной жизни на местах, для освобождения ее и от политического, и от культурного гнета окружающей среды? На этот вопрос сионизм в обоих своих видах не давал ответа. Ответа нужно было искать не в последней только эпохе еврейской истории, а в синтезе всех ее эпох, начиная с древнейшей греко-римской диаспоры. Этот исторический или синтетический ответ попыталась дать доктрина „духовного национализма“ или точнее—„национально-культурного автономизма“, основы которой изложены в „Письмах о старом и новом еврействе“ автора настоящей книги (1897—1902 г.).

Автономизм исходит из того исторического факта, что во все времена—кроме отдельных моментов частичного уклонения—еврейская диаспора в целом представляла собою национальный организм, в котором отсутствие государственной и территориальной связи возмещалось усилением связей духовно-культурных и дисциплины внутреннего самоуправления. В течение многих веков вся еврейская культура окрашивалась в религиозный цвет, а общинная автономия сосредоточивалась вокруг синагоги,—что дало повод новейшим идеологам ассимиляции считать еврейство только религиозною груп-

[1]) Ахад-Гаам, Ал парашат дерахим (на евр. яз.), т. 1—3, Берлин, 1902; Клаузнер, Духовный сионизм, Одесса, 1950; Дубнов, Письма о еврействе, стр. 162, 197 и след.

ною, распределенною между различными нациями. В этом была коренная ошибка декларации парижского синедриона 1807 года о том, что „еврейство ныне не составляет нации",—ошибка, ставшая догмою западного еврейства XIX века. Новейшее развитие национального движения показало, что еврейство есть не секта между нациями, а нация, распределенная между различными государствами, и что религия есть только одна из ее функций. Секуляризованная национальная идея состоит в том, что все политически рассеянные части еврейского народа составляют единую духовную или культурно-историческую нацию и, подобно всем миноритарным национальным группам в разноплеменных государствах, должны во всех странах отстаивать одновременно и свое гражданское равноправие, и свои *национальные права*—автономию общины, школы и языка. То, что ортодоксия веками охраняла под оболочкою религиозного иудаизма, свободомыслящие и прогрессисты могут отстаивать под знаменем национальной культуры. Судьбу всемирного еврейства нельзя связывать с одним только центром, а необходимо считаться с историческим фактом множественности центров, из которых наиболее крупные и национально-самобытные имеют гегемонию. В странах, где гражданская эмансипация уже достигнута, предстоит борьба за национальную эмансипацию—признание евреев нацией, имеющей право на широкую общинную и культурную автономию. В России борьба должна вестись одновременно за гражданские и национальные права. Временные неудачи в этой борьбе не должны внушать отчаяния народу, пережившему величайшие гонения на протяжении веков и сохранявшему духовную свободу даже в рабстве. Облегчением в бедствиях может служить давний фактор еврейской истории—эмиграция из стран рабства в более свободные страны. При длительных страданиях в одном из еврейских центров, возможно постепенное его перемещение—частичное или полное—в другой центр с более благоприятными условиями борьбы за существование. Так и в последние десятилетия эмиграция из России создала большой еврейский центр в Северной Америке и маленький, но духовно-ценный, центр в Палестине. Последний может сделаться орудием национализации диаспоры лишь в том случае, если диаспора *непосредственно* будет организовываться на началах культурной автономии. Сионизм, сведенный к реально достижимым результатам, является только одним из пунктов общееврейской национальной программы; палестинский центр может усилить национальное развитие диаспоры, но не является

непременным условием ее автономного бытия, ибо нельзя связывать судьбу вечного и вездесущего народа с удачею или неудачею устройства части его в былом историческом гнезде, не могущем ныне вместить всю его разбросанную массу [1]).

Как духовный сионизм, не создав особой партии, играл роль фермента в общесионистском движении, так и автономизм, также не вылившийся вначале в партийную организацию, вошел ингредиентом во все национально-политические движения русского еврейства в первое десятилетие XX века. В годы освободительной борьбы (1905—1906) требование национально-культурной автономии в различных степенях выставлялось почти всеми еврейскими партиями и группами, наряду с требованием гражданского равноправия (см. дальше, гл. IV).

Наряду с *национальной* идеологией, как противовесом западной ассимиляции, стала развиваться идеология *социалистическая*, выдвигавшая на первый план классовый принцип либо против национального, либо в сочетании с ним. Еврейское рабочее движение зародилось в конце 80-х годов в Литве (Вильно и др.) среди рабочих, занятых преимущественно в ремесленном производстве. В 90-х годах оно распространилось в растущих фабричных центрах Литвы и Польши (Белосток, Сморгонь, Варшава, Лодзь). Сначала рабочие кружки образовались с целью экономической борьбы: организации стачек для сокращения рабочего дня или увеличения заработной платы. Вожди кружков из еврейской интеллигентной молодежи, частью получившей высшее образование за границей, старались оформить это движение по образцу европейской социал-демократии. Идеология марксизма применялась – часто слишком поспешно—к примитивному фазису капиталистического производства в „черте оседлости“, где еще очень трудно было провести границу между пролетариями „мелкой буржуазии“—массою бедных ремесленников и торговцев, составлявших большинство народа,—и малочисленным рабочим пролетариатом в ремесленных заведениях и на фабриках. Со второй половины 90-х годов еврейские социалистические кружки постепенно вовлекаются в политическую борьбу и примыкают к российскому революционному движению.

В 1897 г. еврейские рабочие кружки об'единились в „Союз еврейских рабочих Литвы, Польши и России“, известный под сокращен-

[1]) Дубнов. Письма о старом и новом еврействе („Восход“, 1897—1902 гг., а также дополненное отд. изд. СПБ., 1907).

ным именем „Бунд“. Первый тайный с'езд союза состоялся в Вильне в сентябре 1897 года, спустя месяц после первого базельского конгресса сионистов. Были организованы ячейки партии в России (нелегальные, конечно), а заграницею стал выходить партийный орган на народном языке „Arbeiter-Stimme“. Вскоре „Бунд“ вошел в состав образовавшейся тогда „Российской социал демократической партии“, как автономная группа в делах, касающихся еврейского пролетариата. В то же время среди вождей российской партии видное место занимали еврейские социал-демократы, стоявшие на точке зрения ассимиляции или космополитизма. На следующих своих с'ездах Бунд пытался установить свою национальную программу. Сначала преобладала тенденция ограничить национальный элемент в программе партии только употреблением еврейского языка, как орудия агитации среди масс. На третьем с'езде Бунда (в Ковне 1899 г.) было отвергнуто требование национального равноправия для евреев, чтобы не отвлечь внимания рабочих от классовых интересов в сторону национальных. 4-й с'езд партии (1901) признал преждевременным выставление при нынешних условиях требования национальной автономии для евреев, хотя об'явил, что „понятие *национальность* применимо и к еврейскому народу“. И только после долгой дискуссии в партийной литературе и после резкого конфликта с централизмом Российской социал-демократической партии, с'езд Бунда в 1905 г. принял резолюцию о требовании ограниченной „национально-культурной автономии“ в области народного образования и публичных прав еврейского языка [1]).

Таким образом, мало-по-малу национализировалась и та идеология, которая по существу всегда была враждебна национальному принципу и противопоставляла ему интернациональное классовое начало. С другой стороны была сделана попытка внести элемент социализма в сионизм. С 1901 г. возникают кружки „Poale Zion“ („Рабочие-сионисты“) признающие территориальный принцип сионизма единственным способом разрешения еврейского социально-экономического вопроса, так как, по их мнению, в странах диаспоры еврейские массы всегда будут вытесняться из области крупной

[1]) Медем, Национальность и пролетариат, в сборнике Кастелянского „Формы национального движения в соврем. государствах“, Спб., 1910; Материалы для истории евр. рабочего движения. Спб., 1906.

индустрии [1]). В следующие годы появлялись другие гибридные партии того же типа (сионисты-социалисты и др.).

Национальное пробуждение еврейского общества отразилось и в литературе. Значительно оживилась периодическая печать, в особенности на еврейском языке, и появились крупные таланты в различных областях литературного творчества. Еще в конце 80-х годов еженедельные еврейские газеты преобразовались в ежедневные („Гамелиц" в Петербурге и „Гацефира" в Варшаве). Научно-литературные ежегодники и случайные сборники статей уступили место более живому, откликавшемуся на вопросы дня, ежемесячнику „Гашилоах" (издавался в 1896—1902 г. в Берлине, но редактировался Ахад-Гаамом в Одессе; с 1903 г. выходил под редакцией д-ра I. Клаузнера в Одессе). Этот журнал, стоявший на уровне лучших европейских изданий такого рода, имел большое влияние на миросозерцание национальной молодежи на рубеже XIX и XX века. Стала развиваться и литература на живом языке народных масс—„жаргоне" или „идиш". Прежде скромная, ютившаяся в ежегодниках („Гаузфрейнд" Спектора, „Идише фолксбиблиотек" Шалом Алейхема, „Идише библиотек" Переца), она получила свой еженедельник („Дер Юд", Варшава 1899—1902 г.) и наконец свою первую ежедневную газету („Фрайнд" в Петербурге, с 1903 года), за которой последовал ряд новых бойких газет в Варшаве, Вильне и других городах. Старый боевой орган эмансипации „Восход" (еженедельник и ежемесячник) все более приближался к национальному направлению, а еженедельник „Будущность" (1899—1902)—к сионизму. Но гегемония явно переходила от интеллигентской литературы на русском языке к литературе на национальном и народном языках.

В идейной публицистике царил в те годы дух Ахад-Гаама, откликавшегося в своих статьях и на волнующие вопросы дня, и на вечные вопросы иудаизма. Его философско-публицистические „фрагменты" („Перурим") служили путеводною нитью для тех, кто искал синтеза „еврея" и „человека" в современной национальной идее. В серии статей, об'единенной заглавием „Путь духа", он бичует „рабство в свободе"—ассимиляцию эмансипированных евреев Запада, критикует теорию национализма без Сиона и попытки еврейского ницшеанства с его отрицанием этики иудаизма, устанавливает

---

[1]) Борохов. Классовые моменты национального вопроса. Одесса, 1906.

основы „возрождения духа“ в смысле национализации еврейской школы и литературы. Собранные в томах „Ал-парашат дерахим“ (первые три тома, 1895—1903 г.), статьи Ахад-Гаама носят печать строго продуманной системы, основанной на философско-исторических предпосылках. В практической публицистике выдвинулся талантливый журналист Нахум Соколов, редактор варшавской газеты „Гацефира“, примкнувший после некоторых колебаний к политическому сионизму. На границе публицистики и литературной критики заняли видное место Д. Фришман и И. М. Бердичевский. Первый в своих талантливых критических статьях развивал начало „европеизации“ еврейства, а второй проводил идеи ницшеанства и бунтовал против подавления „человека“ в еврее, против господства спиритуального над материальным в еврейской культуре. Перу Бердичевского принадлежит также ряд рассказов, рисующих, в противовес раздвоенности души еврейского интеллигента, примитивную цельность старого хасидского мира.

Первоклассным мастером в области художественной литературы оставался писатель „эпохи реформ“—С. М. Абрамович (Менделе Мохер Сефорим). Творчество этого бытописателя, мастерски писавшего на обоих языках, национальном и народном, еще углубилось на склоне его жизни. Его повесть „Волшебное кольцо“ (Виншфингерл), разросшаяся в большое произведение (1897—1907), представляет собою бытовую эпопею еврейства в темное царствование Николая I и последовавшую за ним „эпоху просвещения“. Серия рассказов, исполненных глубокого юмора, рисует потрясение старого быта под влиянием новейших погромов и вызванного ими эмиграционного движения („Биемей гараам“ и др.). В своих автобиографических рассказах („Беямим гагейм“ и незаконченный „Шлойме реб-Хаимс“) автор обнаружил редкую психологическую глубину. Полувековая творческая работа стяжала Абрамовичу титул „дедушки новоеврейской литературы“ („дер Зейде“). Он мог видеть уже блестящий успех своих „детей“ и „внуков“, выдвинувшихся в особенности в жаргонной литературе. Его младший современник Л. Перец в первый период своей деятельности писал талантливые рассказы, изображавшие быт еврейских масс в Польше с большою силою реализма, часто с примесью сатиры (серия „Рейзебилдер“). Позже он все более склонялся к модному символистическому жанру и черпал свое вдохновение главным образом в мистических легендах хасидизма (серия „Хасидиш“, впоследствии расширившаяся до двух-

томной коллекции „Народных сказаний"). К концу века расцвел и талант еврейского юмориста Шалом-Алейхема (С. Рабинович), который особенно мастерски изобразил тип „луфтменша" черты оседлости, мечущегося в погоне за заработком, хватающегося за все профессии и постоянно живущего фантазиями („Менахем Мендел"). На фоне народного языка, особенно богатого остроумными оборотами, Шалом-Алейхейм рисует быт „Маленьких людей" российского гетто, горе и радость их детей, а в уста простодушного философа гетто—Тевии Молочника—влагает повесть о современных потрясениях в этом замкнутом мирке. Более непосредственно, чем оба эти писателя, постиг эпическую красоту патриархального быта младший их современник Шалом Аш, выступивший уже в первое десятилетие XX века. Его „Местечко („А Штетель", 1904 г.) остается непревзойденным поэтическим описанием еврейского местечка в Польше, еще нетронутого веяниями нового времени.

Литературный ренесанс обнаружился с особенною силою в области стихотворной поэзии. К началу 90-х годов уже умолкла муза поэта „эпохи реформ" Л. Гордона (умер в 1892 г.). Певец национальной скорби Фруг стал петь на русском языке свои „Сиониды", но здесь не было уже поэтической прелести его первоначальных национальных элегий. Новые звезды заблистали на литературном горизонте. С середины 90-х годов созрел мощный талант Х. Н. Бялика, доведшего поэтические формы древнееврейской речи до небывалого совершенства. Великолепию формы соответствовало в его стихах и богатство содержания. Наиболее сильный элемент творчества Бялика составляют его национальные мотивы. Питомец раввинской „ешивы" и „бетгамидраша", он воспевает те духовные красоты, которые таятся в этих ветхих стенах, внешне столь непривлекательных, в этой устарелой цитадели еврейского духа, где царил культ умственного рыцарства, где ковался духовный щит, сохранивший нацию овец среди наций волков („На пороге бет-гамидраша", „Подвижник науки" и другие). Современное горе и униженне еврейства приводят поэта в отчаяние, ибо старый щит снят, а новый не изобретен; его возмущает равнодушие народных масс к зову возрождения, исходящему из Сиона („Мой народ, что трава" и др.). Позже, с момента кишиневского погрома (1903), муза Бялика становится еще более пессимистической и изливается в гневных укорах и пророческих обличениях. В отличие

от этого певца национальной скорби, другой современный поэт, Саул Черниховский вносил в свое творчество жизнерадостные общечеловеческие мотивы. Он демонстративно преклоняется „перед статуей Аполлона“ (название одного стихотворения на древне-еврейском языке) и приносит ему покаянную молитву иудея, отрицавшего внешнюю красоту. Он бредит „эллинизмом“, культом радости и света, отрекаясь от односторонней духовности и ригоризма старого еврейства. Эротика, картины природы, баллады и сельские идиллии — вот содержание поэзии Черниховского, составляющей прямое общечеловеческое дополнение к национальной поэзии Бялика. Оба поэта оживили еврейское поэтическое творчество. С начала XX века по их стопам идет значительная группа более или менее талантливых стихотворцев, пишущих преимущественно на древнем национальном языке в его обновленной форме [1]).

Менее быстрым темпом развивалась еврейская *научная* литература. Но и тут с 80-х годов идет непрерывная работа, составляющая продолжение научной деятельности Запада. С 90-х годов систематически разрабатывается история евреев в Польше и России. Появляется ряд исследований, монографий и общих курсов по еврейской истории (преимущественно на русском языке). Характерными представляются попытки проложить новые пути еврейской историографии, примыкающие к новой национальной концепции еврейства. Западные историки XIX века, находившиеся — хотя в различной степени — под влиянием идей ассимиляции, рассматривали еврейскую историю преимущественно под аспектом теологическим или спиритуалистическим; в русско-еврейской науке начали искать путей социального развития диаспоры, как внутренне-автономной нации, которая во все века отстаивала не только свои религиозные ценности, но и самостоятельный уклад всей своей общественной жизни.

[1]) Клаузнер, Ново-еврейская литература, изд. 2-е, Одесса 1912; Pines, Histoire de la litterature judeo-allemande, Paris. 1910 (в русск. переводе с дополн. С. Вермеля: История еврейской литературы на евр.-нем. яз. Москва. 1913).

ГЛАВА III.

Кишиневская резня и японская война (1903—1904).

Двадцатилетний разгул политической реакции вскормил революцию. Оглушенная ударом начала 80-х годов, русская революция очнулась к началу XX века, после окончательного крушения надежд на перемену политического курса со стороны правительства Николая II. Усилились студенческое и рабочее движения, „беспорядки“ в университетах и забастовки на фабриках, революционная пропаганда в подпольной и заграничной печати. В 1898—1900 г. вновь сформировались две большие российские партии: социал-демократическая и социал-революционная. Партия социалистов-революционеров допускала и террор, как орудие борьбы с правительством, которое подавляло всякое свободное движение мерами полицейского террора. Полицейская инквизиция свирепствовала: ночные обыски, аресты, переполнение тюрем, мест каторги и ссылки „политическими преступниками“ — большею частью юношами и молодыми девушками, — все это должно было искоренить „гидру революции“, даже в виде умеренных конституционных стремлений. Революционеры мстили, и жертвою их террора сделался реакционный министр внутренних дел Сипягин, убитый Балмашовым в здании Государственного Совета (апрель 1902.) Раздраженный царь ответил на это назначением на тот же пост В. К. Плеве, одного из опытнейших агентов российской политической инквизиции, который задолго до того усовершенствовал ее механизм в качестве директора департамента полиции. Ему суждено было сыграть роковую роль и в мартирологе русского еврейства.

Можно было заранее предвидеть, что в русское революционное движение втянется значительная часть еврейской молодежи. Если бы какую-нибудь другую культурную нацию мучили и унижали так упорно, как евреев, эта нация выделила бы массу отчаянных террористов. Евреи действительно дали революционной армии бойцов в пропорции, превышавшей их численное отношение к прочему

населению, но все еще небольшой при тех издевательствах, которые совершались над ними. Еврейская учащаяся молодежь примыкала преимущественно к социал-демократической организации, относившейся отрицательно к политическим убийствам; особенно много „марксистов“ было среди молодежи, выброшенной из русской высшей школы в западную и усвоившей там приемы германской социал-демократии. Выдающиеся еврейские деятели были также в партии социалистов-революционеров (Гершуни, Гоц и др.), но в актах террора евреи непосредственно редко участвовали. Был один такой акт, совершенный рабочим из „Бунда“, Гершом Леккертом, в Вильне. Возмущенный дикою расправою виленского губернатора фон-Валя над еврейскими рабочими, устроившими демонстрацию 1 мая 1902 г. (губернатор приказал высечь их), Леккерт стрелял в него: губернатор остался цел, а Леккерта повесили. В общем революционная деятельность евреев выражалась в участившихся забастовках и политических демонстрациях рабочих, организованных „Бундом“, и в организаторской роли некоторой части еврейской интеллигенции, примкнувшей к обеим российским социалистическим партиям.

Если бы правительство не было ослеплено юдофобией, то процесс революционизирования евреев путем систематического гнета заставил бы его смягчить эту систему, доводившую миллионы людей до отчаяния. Но именовавшая себя правительством каста бюрократов, цеплявшаяся за самодержавие для сохранения своих личных карьер, совершенно потеряла рассудок перед разразившейся революционной бурей. В еврейских участниках революции бюрократия видела своих личных врагов, за которых надо мстить всему еврейскому народу. Тут в уме главного инквизитора Плеве созрел дьявольский план: повести борьбу с русской революцией путем борьбы с еврейством, отвлечь в сторону „инородцев“ внимание общества, взволнованного революционным движением, скомпрометировать все русское освободительное движение, как „дело еврейских рук“, дело антинациональное, чуждое русскому народу. Для этой цели имелось в виду инсценировать где-нибудь жестокий анти-еврейский погром, который бы запугал евреев и демонстрировал протест русского народа против еврейской революции. „Утопить революцию в еврейской крови“—таков был зародыш страшной идеи, которая с 1903 года неоднократно проводилась жандармами Николая II в моменты сильных пароксизмов русского освободительного движения.

В горючем материале для юдофобского поджога недостатка не было. Одно из таких преступных гнезд поджигателей находилось тогда в Кишиневе, столице молдаво-русской Бессарабии. Здесь 50-тысячное еврейское население до конца XIX века мирно уживалось с своими христианскими соседями (христиан в городе было около 60 тысяч), но к началу нового века отношения испортились вследствие открытой юдофобской агитации местного уличного журналиста, бывшего акцизного чиновника Крушевана. С 1897 года Крушеван издавал в Кишиневе областную газету под названием „Бессарабец“. Сначала орган умеренно-либерального направления, эта газета потом продалась местным реакционерам-юдофобам из дворян и чиновников и стала получать субсидию от правительства. В течение ряда лет в листке Крушевана велась разнузданная юдофобская агитация. Евреев одновременно обвиняли в экономической „эксплоатации“ и в социализме, в религиозной ненависти к христианам, выражавшейся в ритуальных убийствах, и в подготовлении безбожной революции. Покровительствуемой газете все позволялось. Цензором ее был кишиневский вице-губернатор Устругов, который в своей административной деятельности был виртуозом по части преследования евреев и ограничения их жалких прав. При таком цензоре, который состоял и сотрудником газеты, в ней можно было безнаказанно печатать даже прокламации, призывающие к погромам. Агитация была тем опаснее, что „Бессарабец“ был единственною газетою для всей Бессарабии, ибо других газет правительство не разрешало. Влияние „Бессарабца“ скоро сказалось на деле: русская общественная совесть была отравлена этими ежедневными дозами яда, разгорелись темные инстинкты, в атмосфере запахло грозою. В начале 1903 года Крушеван нашел повод усилить свою погромную пропаганду. В местечке Дубоссары был найден искалеченный труп русского крестьянского мальчика, Рыбаленко, который, как выяснило позже судебное следствие, был убит своим дядей с целью получения его доли наследства. „Бессарабец“ немедленно открыл кампанию, обвинив евреев в ритуальном убийстве. „Смерть жидам, — всех жидов следует перерезать“, — такие призывы повторялись чуть-ли не ежедневно в газете, читавшейся во всех кабаках и трактирах Бессарабии. У темных русских людей и молдаван чесались руки. Была попытка погрома в Дубоссарах, отраженная таможенными евреями. Перед Пасхою 1903 г. в Кишиневе распу-

скались таинственные слухи об убийстве евреями русской служанки, которая на самом деле отравилась и умерла, несмотря на старания хозяина-еврея спасти жизнь самоубийцы [1]).

То, что творилось в Кишиневе перед Пасхою, носило следы кипучей работы тайной организации, подготовлявшей какой-то сложный, адский план. Преступная организация гнездилась в местном русском клубе, где собирались преимущественно губернские чиновники. Незадолго до праздников в городе вдруг появился назначенный из Петербурга агент департамента полиции, жандармский офицер Левендаль, который после Пасхи—когда кровавое дело было сделано—также внезапно уехал. Триумвират Крушеван-Устругов-Левендаль, повидимому, был душою страшного юдофобского заговора. По городу разбрасывались печатные листки, в которых говорилось, что по царскому указу разрешено учинить кровавую расправу над евреями в течение трех дней христианской Пасхи. Полиция не мешала распространению этих листков, ибо, как выяснилось впоследствии, она была посвящена в заговор. Некоторые полицейские агенты даже намекали на предстоящие события в разговорах с знакомыми евреями. В трактирах, чайных и пивных о предстоящем погроме говорили откровенно. Евреи чувствовали приближение грозы, но едва-ли догадывались, что на этот раз предстоит не ординарный погром, а резня. Накануне Пасхи представители общины обратились с просьбою о защите к губернатору и полицеймейстеру и получили холодный ответ, что инструкции даны и меры охраны будут приняты. Местный православный епископ, которому представился раввин, спросил последнего: правда-ли, что среди евреев есть секта, употребляющая христианскую кровь для своих обрядов?

Пожар, открыто подготовленный поджигателями, вспыхнул в условленный момент—в воскресенье 6-го апреля, первый день христианской Пасхи и предпоследний день еврейской. В полдень, когда зазвонили церковные колокола, многочисленные банды мещан и мастеровых, как бы по сигналу, рассыпались по городу и набросились на еврейские дома и лавки. Впереди шли уличные мальчишки и разбивали окна камнями. Видя, что полиция этому не препятствует, банды, пополненные новыми „бойцами“, стали врываться внутрь домов и магазинов и выбрасывать оттуда имущество, которое на улице

[1]) Материалы для истории анти-еврейских погромов в России, т. I: Дубоссарское и кишиневское дела 1903 г., Петроград, 1919 г; Judenpogromen etc., Bd. II. 5—24.

уничтожалось и расхищалось гуляющею праздничной толпою. Но и тут полиция и расставленные на улицах войсковые части оставались в бездействии, никого из громил не арестовывая. Это окончательно убедило толпу в верности слухов о „разрешении бить жидов“. По улицам разлилась огромная волна черни, опьяненной водкою; раздались крики: „Смерть жидам, бейте жидов!“ С вечера пошла полоса зверских убийств. Разбойники, вооруженные дубинами, топорами и ножами, набрасывались на евреев в вагонах трамваев, на улицах и в домах, и наносили им тяжкие, часто смертельные побои. И тут полиция и войска молчали, но когда в одном месте группа евреев, вооружившись палками, попыталась отогнать разбойников, полиция вмешалась и обезоружила защитников. В 10 часов вечера погром и убийства остановились; говорили, что в главном штабе погромщиков совещались тогда о дальнейшем плане военных действий и было решено приступить к сплошной резне.

Такой сигнал был дан по „армии“ — и в течение всего дня 7 апреля, с рассвета до 8 часов вечера, в Кишиневе совершались зверства, каких не бывало в прежних погромах. Видя себя беззащитными, отданными на произвол дикой толпы, многие еврейские семейства прятались в погребах, на чердаках домов, а иногда искали спасения в домах соседей-христиан, но везде настигала несчастных рука убийц. Евреев избивали самыми варварскими способами: многих не добивали, но оставляли мучиться в предсмертных судорогах; некоторым вбивали гвозди в голову или выкалывали глаза; малых детей сбрасывали с чердаков на мостовую и разбивали им головки о камни, женщинам распарывали живот или отрезывали груди. Многие женщины подверглись зверскому насилию. Один гимназист, на глазах которого хотели изнасиловать его мать, вступил в борьбу с негодяями и своею жизнью спас честь матери: его убили, а матери выкололи глаза. Пьяные банды врывались в синагоги и рвали в куски, топтали и грязнили пергаментные свитки Торы. В одной синагоге старый „шамос“ (служитель), одетый в молитвенную ризу, своею грудью заслонил от осквернителей ковчег со священными свитками и был убит на пороге святыни. В течение всего дня по улицам тянулись возы с ранеными и убитыми евреями по направлению к больницам, превращенным в полевые перевязочные пункты, но и это зрелище не заставило полицию остановить резню. Русское общество, за единичными исключениями, нигде не вступалось за избиваемых; „интеллигентная“ публика — чиновники с женами и детьми, уча-

щиеся, адвокаты, врачи,— спокойно гуляла по улицам и равнодушно, а порою и сочувственно, наблюдала за ужасной „работой“.

Бессарабский губернатор фон-Раабен, к которому в утро второго дня погрома еврейская депутация обратилась с мольбою о защите, ответил, что он ничего не может сделать, так как еще не получил приказа из Петербурга. Только в пять часов дня получилась телеграмма Плеве, и в 6 часов на центральных улицах появились большие отряды войск в полном вооружении. Толпа увидела, что войско намерено действовать, и тотчас же без единого выстрела рассеялась. Только на окраинах, куда войска еще не поспели, грабеж и резня продолжались до поздней ночи. Если бы эта готовность полиции и войск к исполнению своего долга была проявлена в самом начале погрома, то в Кишиневе не было бы ни одного убитого или раненого еврея и ни одного разрушенного дома. А после двухдневной свободы убийств и насилий в городе оказалось: 45 убитых евреев, 86 тяжело раненых или изувеченных, до 500 сравнительно легко раненых, причем не установлено точно число изнасилованных женщин; 1.500 домов и магазинов были разрушены и разграблены. Пострадала больше всего бедная часть еврейского населения, так как многие богатые семьи крупным подкупом добились защиты полиции, которая не допускала громил к их домам. На все количество еврейских жертв насчитывалось всего двое убитых христиан, из перепившихся громил. Смертельно запуганные кишиневские евреи не решились даже в последнюю минуту оказать сопротивление убийцам и дорого продать свою жизнь [1]).

Крик ужаса раздался в России и в более цивилизованных странах, когда пришла весть о кишиневской резне. В России этот крик был заглушен жестокими ударами цензуры Плеве [2]). Если частица

[1]) Кроме названных выше источников, здесь использованы рукописные материалы, не прошедшие через тогдашнюю цензуру. Ср. еще „Восход“, 1903 г. и Записки губернатора, Урусова, Петроград, 1907 г.

[2]) Вся либеральная русская пресса высказала свое возмущение по поводу кишиневских зверств. Лучшие русские писатели выражали свое сочувствие жертвам в письмах и телеграммах. Лев Толстой откликнулся в письме, которое по цензурным условиям нельзя было опубликовать, так что его пришлось распространять в рукописных копиях. Вот извлечение из него, свидетельствующее, что великий писатель глубоко постиг причину кишиневского злодейства: „Мое мнение относительно кишиневского преступления вытекает также из моих религиозных убеждений. После первых же сведений, опубликованных в газетах, не зная еще всех ужасающих подробностей, которые

страшной правды прорывалась сквозь цензурные заграждения, Плеве об'являл предостережения газетам „за вредное направление“ и грозил закрытием (русско-еврейский „Восход“ в Петербурге, юридический журнал „Право“ и др.). Всей русской прессе правительство навязывало лживую версию своих официальных сообщений, в которых организованная резня выдавалась за результат случайной драки между евреями и христианами, возникшей на каруселях в первый день праздника, а бездействие войск об'яснялось то их малочисленностью (в городе было несколько батальонов), то нерасторопительностью полиции, причем об убитых и раненых говорилось глухо, как будто пострадавшими в „драке“ были обе стороны. Но в заграничной прессе появились разоблачения, от которых содрогнулись сердца в Европе и Америке. Корреспондент лондонского „Times“ опубликовал копию секретного письма Плеве на имя бессарабского губернатора, где за две недели до погрома губернатору предписывалось, в случае возникновения анти-еврейских „беспорядков“, не прибегать к оружию против погромщиков, дабы не возбудить „враждебных правительству чувств в населении, еще не затронутом революционной пропагандой“. Если даже признать апокрифичным это письмо с данным адресатом, то нет никакого сомнения, что инструкция в таком именно смысле—скорее устная, чем письменная (вероятно, через тайного агента Левендаля)—была дана властям в Кишиневе. Всем было ясно, что если губернатор

были сообщены позже, я понял весь ужас того, что произошло, и испытал одновременно острое чувство жалости к невинным жертвам жестокости населения, изумление перед зверством всех этих так называемых христиан, отвращение к этим так называемым культурным людям, которые подстрекали толпу и сочувствовали ее действиям. В особенности я почувствовал ужас перед главным виновником—нашим правительством с его духовенством, которое будит в народе зверские чувства и фанатизм, с его бандой чиновников-разбойников. Кишиневское преступление—это только прямое следствие той пропаганды лжи и насилия, которую русское правительство ведет с такой энергией. Положение, которое заняло русское правительство по отношению к этому вопросу, служит только новым доказательством грубого эгоизма этого правительства, которое не отступает ни перед какою жестокостью там, где нужно остановить движения, кажущиеся ему опасными. Подобно турецкому правительству во время армянской резни, оно остается совершенно индиферентным к самым ужасным актам жестокости, когда эти акты не затрагивают его интересов“.—Русский писатель-гуманист Короленко изобразил ужасы Кишинева в потрясающем рассказе „Дом № 13“, по личным наблюдениям. Рассказ распространялся в нелегальном издании.

на второй день погрома ждал разрешения из Петербурга на прекращение резни, то раньше был дан свыше приказ о ее допущении до известного срока. Европейская печать указывала, что ужасы армянской резни в Турции, против которых не раз протестовала и русская дипломатия, бледнеют перед массовыми убийствами в Кишиневе. Европа и Америка волновались, западное еврейство собирало миллионные пожертвования в пользу своих несчастных восточных братьев, но дальше сочувствия и филантропии дело не пошло [1]).

Болезненно восприняло катастрофу русское еврейство. Смешанное чувство гнева и стыда овладело еврейским обществом: гнев на организаторов и попустителей страшного преступления, стыд за замученных и поруганных братьев, которые, не имея возможности спасти свою жизнь, не спасли хоть своей чести простым сопротивлением натиску людей-зверей, уверенных в своей безопасности. Поэт Фруг в стихотворении на народном языке излил свою скорбь по поводу физического бессилия нации и взывал только к доброму еврейскому сердцу:

Братья, сестры, пожелейте: горе страшно велико.
Дайте саван мертвецам, дайте хлеб живым!

Несколько позже молодой поэт Бялик выразил чувство гнева и стыда с необычайною силою в своем „Сказании о Немирове“ или „В городе резни“. Это—сплошной вопль против народа-смиренника:

Огромна скорбь, но и позор велик,
И что из них огромней, человек,
Реши ты сам...

Изображая траурные панихиды в синагогах, поэт гневно восклицает от имени Бога:

Вы бьете в грудь, и плачете, и громко
И жалобно кричите Мне: грешны...
Да крикни им, чтоб грянули угрозы
Против Меня, и неба, и земли,
Чтобы за муки поколений
Проклятья взвились к горней сени
И бурею престол мой потрясли!..

---

[1]) Материалы etc. стр., 220 и сл.; Judenpogromen I, 259; „Восход“, 1903 г. № 20, стр. 9—10.

Ни погромы начала 80-х годов, ни московская расправа 1891 г. не вызвали такого потрясения народной души, как кишиневская резня. Проснулось жгучее чувство мученичества, но с ним—и чувство героизма. Всех охватил один порыв — к организации *самообороны*: если правительство не защищает нашей жизни и чести, мы сами должны себя защищать. Погромная паника, охватившая весь юг после дней 6—7 апреля, привела к организации кружков самообороны в ряде городов (Одесса и др.). Плеве узнал об этих приготовлениях и смутился: с одной стороны затрудняется устройство погромов, безопасных для убийц и грабителей, а с другой—в кружках еврейской самообороны могут угнездиться революционеры и подготовлять политические демонстрации. И вот в своем циркуляре от конца апреля министр уведомляет губернаторов, во-первых, что „никакие кружки самообороны терпимы быть не должны“, а во-вторых, что власти обязаны принимать меры к „предупреждению насилий“ и „подавлению бесчинств“ [1]). Как показали позднейшие события, второй пункт нигде не исполнялся, но зато первый исполнялся с неумолимою жестокостью, и при дальнейших погромах войска прежде всего расстреливали еврейскую самооборону.

При таком настроении еврейского общества, был встречен с полным равнодушием указ 10 мая 1903 г. о допущении „свободного жительства“ евреев в 101 селении в разных губерниях черты оседлости, где им раньше запрещалось селиться в силу „временных правил“. Многие из открытых для евреев деревень и поселков принадлежали некогда к числу местечек, которые по злой воле администрации были переименованы в „села“ для того, чтобы преградить доступ туда евреям; теперь ограбленное было возвращено с некоторым придатком. Дар данайцев, как будто поднесенный в вознаграждение за ужасы Кишинева, мог внушать только отвращение. Впрочем, само правительство тут же компенсировало свой „акт милости“ новым репрессивным актом; в тот же день был опубликован другой указ—о запрещении привилегированным евреям, имевшим право жительства вне черты оседлости, приобретать там недвижимое имущество в селах и деревнях [2]). Петлю бесправия, чуть-чуть ослабленную на одном конце, туго затянули на другом.

---

[1]) „Восход“, 1903 г. № 18.

[2]) Там же, № 22.

Боль и стыд за „дни Кишинева“ вооружили руку юноши-идеалиста, Ицхака Дашевского, против ближайшего виновника резни—Крушевана. Сын военного врача, студент киевского политехникума, Дашевский приехал в Петербург с целью отомстить мерзкому наемнику юдофобии, который своей агитацией в погромных листках зажег кишиневский пожар. 4 июня 1903 г. он в центре столицы, на Невском проспекте, напал на Крушевана и ножом нанес ему, рану в шею. Рана оказалась настолько легкою, что „пострадавший“, отказавшись от скорой помощи в ближайшей еврейской аптеке, отправился домой, но Дашевского задержали и предали суду. На предварительном следствии он прямо заявил, что хотел убить Крушевана, чтобы отомстить за кишиневскую резню. Еще более озверевший Крушеван в своей газете „Знамя“ и прочая юдофобская пресса требовали для еврея-мстителя военного суда и смертной казни. Дело разбиралось в окружном суде при закрытых дверях: правительство Плеве боялось появления кровавых теней Кишинева перед гласным судом. Со стороны Крушевана выступил адвокат-юдофоб Шмаков (впоследствии участник процесса Бейлиса); защитник Дашевского доказывал, что в основе его покушения лежало намерение не убить, а выразить протест против безнаказанной преступной деятельности Крушевана. Суд приговорил обвиняемого к заключению в арестантские роты на пять лет (26 августа). Кассационную жалобу защиты (Грузенберга) сенат оставил без последствий [1]). Юноша, выразивший в безумном порыве священный гнев народа-мученика, пошел в оковах в среду разбойников, а наемный подстрекатель, виновник гибели жертв Кишинева, оставался спокойным и на казенные деньги продолжал свое преступное дело разжигания юдофобских страстей.

Полицейский ум Плеве быстро сделал вывод из дела Дашевского. Он сообразил, что кишиневская резня должна воспламенить национальное чувство еврейства и склонить национальное или сионистское движение в сторону революции. И вот Плеве рассылает губернаторам через департамент полиции „совершенно секретный“ циркуляр (24 июня), в котором предписывается принять решительные меры против „пропаганды идей сионизма“, который отклонился от своей первоначальной цели—переселения евреев в Палестину—

---

[1]) Там-же, № 24, 25; брошюра „Чему нас учит покушение Дашевского“, Лондон, 1903; Материалы etc. (1919), стр. 308—315.

и „направил свою деятельность на укрепление еврейской национальной идеи", проповедуя „сплочение евреев в замкнутые организации в местах их нынешнего пребывания". На основании этого циркуляра полиция воздвигала в разных местах гонения на сионистов: запрещала продажу акций Палестинского Колониального Банка, сборы в пользу Национального Фонда, собрания и с'езды сионистских кружков [1]). Тогда, с целью ходатайствовать о прекращении этих репрессий, приехал в Петербург западный вождь сионистов, д-р Герцль (25 июля). Кроме этой ближайшей цели, у Герцля была еще более важная миссия: побудить русское правительство к дипломатическому воздействию на Турцию в целях допущения широкой колонизации евреев в Палестине. Предупредительно принятый министром Плеве в четырех аудиенциях, Герцль старался убедить его в том, что „содействие сионистскому движению совпадает с интересами русского правительства"; Плеве ответил,—и затем подтвердил свой ответ письменно,—что русское правительство готово содействовать сионизму лишь постольку, поскольку его политическая деятельность будет направлена к достижению целей вне России—к созданию еврейского центра в Палестине и к эмиграции евреев из России, но если движение будет направлено внутрь—на пропаганду еврейской национальной идеи и организацию еврейства в самой России, оно не может быть терпимо, ибо это противоречит национально-русской политике. Вождь сионистов уверил Плеве, что чистый политический сионизм имеет в виду только создание центра вне диаспоры. Оба собеседника, повидимому, остались довольны результатом бесед. Герцль посетил еще министра финансов Витте и министра иностранных дел Ламсдорфа—и уехал из Петербурга с какими-то надеждами. Сопровождаемый в пути (особенно в Вильне) бурными овациями сионистов, Герцль встретил однако суровое осуждение со стороны политических деятелей других групп, которые считали национальным унижением вести переговоры о спасении еврейства с тем человеком, на челе которого горела каинова печать Кишинева [2]).

Тяжелый кризис политического сионизма—упадок надежд на получение „чартера" от султана—заставлял Герцля хвататься за соломинку, за переговоры с русским правительством. Ему казалось, что фараоны, допустившие кишиневские приемы сокращения еврейского населения в России, захотят сократить его путем дипло-

[1]) „Евр. Старина" 1915 г. стр. 412 и сл.

[2]) Friedemann, Das Leben Herzl's, 76—81; „Евр. Стар.", 1915 г., стр. 121—125.

тического содействия колонизации Палестины. Герцль даже получил обещание в этом смысле, но он слишком доверял обещаниям сановников, смотревших на него, как на благородного фантазера. Через две недели после его петербургской поездки, кризис сионизма обнаружился во всей своей остроте на 6-м базельском конгрессе (11—16 августа). Здесь Герцль об'явил о новом проекте: колонизации Уганды в восточной Африке, на основании чартера, предложенного английским правительством; он об'яснил, что тут имеется определенная цель—улучшить ужасное положение русских евреев, которые не могут дожидаться султанского чартера на Сион. Заявление Герцля раскололо конгресс на две партии: одна восторженно ухватилась за проект Уганды, за устройство в Африке хотя бы „ночлега" или временного приюта для части измученной нации; другие бурно протестовали против этой попытки создать „сионизм без Сиона", против отречения от Палестины. После бурных, трагических сцен, большинство конгресса приняло решение отправить в Уганду экспедицию с целью исследовать пригодность страны для колонизации. Тогда анти-угандисты, преимущественно российские сионисты, демонстративно покинули зал заседаний [1]). В партии начался тяжелый раскол, вызванный борьбою двух принципов, издавна переплетавшихся в идеологии движения: *палестинизма* и *территориализма*. Позже совершился открытый разрыв между этими двумя принципами; наряду с организацией сионистов становится организация территориалистов, стремящихся к созданию еврейского автономного центра в любом пункте земного шара.

Об исходе из нового Египта вопияла кровь Кишинева. Предвиделось огромное усиление эмиграции в Северную Америку, где узники России в течение 20 лет, с 1881 года, образовали более чем миллионный еврейский центр. Еврейская публицистика стала указывать на необходимость „упорядочить американскую эмиграцию не только как социально-экономический, но и как *национальный* фактор". Указывалось, что значительная часть исторического национального центра силою вещей перемещается из России и Польши в Северную Америку, и что задача еврейской реальной политики состоит в организации этого великого центра будущего еврейства [2]).

[1]) Protokolle des VI Zionisten-Congresses, 1903; Членов, Сион и Африка на VI конгрессе. М. 1905.

[2]) Дубнов. Исторический момент. „Восх." 1903. №№ 21—22 с дополн. в отд. изд. „Писем о еврействе", стр. 281 и сл. (1907).

Едва окончился в мирной Швейцарии сионистский конгресс, где сквозь горячие споры о спасении еврейства прорывался плач о мучениках Кишинева, в царстве Николая II и Плеве произошла новая катастрофа: погром в Гомеле. В этом торговом городе Белоруссии, где евреи составляли большинство населения (20.000), существовали значительные организации сионистов и социалистов, выделившие из своей среды отряды самообороны,—и наперед можно было сказать, что здесь не повторится позор Кишинева, что в случае нападения евреи сумеют постоять за себя. 29 августа на базарной площади началась драка между толпою евреев и христиан из-за того, что один крестьянин хотел силою взять боченок с селедками из еврейской лавки, по цене, за которую хозяин лавки не соглашался уступить свой товар. Буйного покупателя вытолкнули из лавки, за него заступились крестьяне, находившиеся на базаре, и в завязавшейся между ними и евреями драке был убит один крестьянин. Толпа крестьян в страхе разбежалась, а среди евреев полиция произвела аресты. Гомельские евреи могли бы успокоиться на том, что энергичным отпором им удалось предотвратить погром, еслибы они не опасались мести за случайно убитого христианина. Два дня прошли в напряженной тревоге. На третий день, 1 сентября, из железнодорожных мастерских вышла толпа русских рабочих, около 200 человек, и стала громить еврейские дома и синагоги. К громилам присоединилась толпа каменщиков, чернорабочих и босяков; кое-где толпу подстрекали к буйству „интеллигенты“: купец, студент, учитель. На Конной площади буянов встретила большая группа (в несколько сот человек) еврейской самообороны. Погромщики несомненно отступили бы перед отпором обороняющихся, но в этот момент появились солдаты и дали ружейный залп в сторону евреев: трое защитников пало на месте, а несколько было ранено. Встретив поддержку со стороны войска, погромщики ободрились и с большим рвением продолжали дело разрушения. Везде цепь солдат отделяла их от еврейских групп самообороны, которые напрасно старались прорвать эту цепь; оборонявшихся солдаты отгоняли ружейными прикладами и штыками, а нападавшим не мешали громить и бить. К вечеру погром прекратился, дав следующие результаты: 12 убитых и тяжело раненых евреев, 8 убитых и раненых христиан, много евреев избитых и легко раненых, свыше 250 разграбленных еврейских квартир и лавок. Арестовано было полицией гораздо больше защищавшихся евреев, чем нападавших христиан.

*

Спустя два дня в Гомель приехал могилевский губернатор, созвал евреев в городскую думу и сказал им такую речь: „Мне жаль несчастных жертв. Но откуда могло произойти такое озлобление? В России веротерпимость полная (?). Причины последних событий лежат глубже. Евреи теперь стали руководителями, зачинщиками во всех анти-правительственных движениях. Весь этот Бунд и социал-демократия—все евреи. Вы сами виноваты во всем случившемся. Вы нехорошо воспитываете ваших детей, не имеете на них влияния, но ведь вы можете их обнаружить, указывая на них правительству, а вы укрываете их. Вы пропагандируете среди нецивилизованного населения непокорность, борьбу с правительством, но масса русская этого не хочет и обращается против вас самих“. Устами губернатора как бы говорил сам Плеве. В этой речи наивно и грубо выражена затаенная мысль великого инквизитора—казнить отцов за революционное настроение детей (с требованием выдачи их полиции!) и выставить русское освободительное движение еврейским делом. В появившемся после погрома „правительственном сообщении“ все случившееся в Гомеле было представлено, как результат нападения евреев на жителей-христиан и на войско, вследствие чего „обороняющиеся“ солдаты вынуждены были стрелять. Вывод гласил: „причина беспорядков—крайне враждебное и вызывающее отношение к христианам со стороны местных евреев“[1]). Так извращалась действительность в официальном акте, так превращали мучеников—правда, раздраженных и готовых дать отпор—в мучителей.

Гомельский погром, по размерам уступавший кишиневскому, был также менее тяжел для нравственного сознания еврея: здесь евреи не давали себя бить и резать, а самоотверженно боролись с разбойниками. Если бы войско не обратилось против самообороны, погрома не было бы: трусливые погромщики разбежались бы пред смелыми защитниками своей народной чести. Плеве еще весною предвидел организацию самозащиты со стороны евреев, и в своем вышеупомянутом циркуляре заранее об‘явил „недопустимым“ это элементарнейшее право людей обороняться против нападения. В Гомеле за нарушение этого министерского циркуляра было убито несколько еврейских героев. Это предвещало новый мартиролог, но это же революционизировало до крайности еврейскую молодежь

[1]) „Восход“, 1903 г. №№ 37—43; Judenpogromen, II. 37—44.

и внушало всем ненависть к режиму, который позволял одним убивать, а другим запрещал защищаться против убийц.

Осенью 1903 года было закончено судебное следствие по делу о пасхальном кишиневском погроме. Следствие велось так, чтобы замести все следы предварительной организации погрома; были тщательно из'яты из следствия все представители власти и христианского общества, участие которых с очевидностью выяснилось на допросах, и суду преданы были только наемные убийцы и грабители из простонародья в числе 400 человек. Боясь, что на суде откроется страшная истина, министерство юстиции распорядилось, чтобы дело слушалось при закрытых дверях. Этим актом запятнанное кровью русское правительство уже наперед отказалось от своей реабилитации перед всем цивилизованным миром, считавшим его виновником катастрофы. Во время судебных прений, отголоски которых проникали за стены закрытого зала суда, гражданским истцам из лучших представителей адвокатуры (русские Карабчевский, Соколов и др., еврей — Грузенберг, Кальманович и др.) удалось доказать, что на скамье подсудимых сидят только слепые орудия преступления, между тем как организаторы его и подстрекатели толпы не привлечены к ответственности [1]). На этом основании они требовали направить дело к доследованию. Суд отказал им в этом. Тогда адвокаты, после мотивированных заявлений, стали один за другим покидать зал заседания [2]); остались только юдофобы Шмаков и другие искренние защитники кишиневской резни, считавшие ее делом чести и совести русского народа. В результате суд приговорил пару десятков убийц и грабителей из первой группы к каторжным работам или арестантским ротам, но гражданские иски потерпевших остались без удовлетворения. Когда спустя полгода потерпевшие пред'явили в сенате гражданские иски к уволенному после погрома

---

[1]) Один из подстрекателей, нотариус Писаревский, еще до суда застрелился; другие фигурировали на суде лишь как свидетели.

[2]) Особенно была сильна речь Карабчевского, мотивировавшего свой уход. Он прямо заявил, что погром был только „исполнением преступного приказа, данного свыше". „Весь Кишинев — говорил он — был превращен во время эксцессов в громадный цирк древности, где пред глазами любопытных зрителей из рядов администрации и армии, перед празднично одетой толпой, разыгрывалась в глубине арены страшная драма, сгонялись на арену с одной стороны безоружные жертвы, а с другой на них напускались раз'ярепные звери, пока не последовал сигнал: „Конец!" — и ужасающее зрелище сразу прекратилось".

губернатору фон-Раабену, вице-губернатору Устругову и полицей-мейстеру, как виновникам их разорения, ответчики цинично заявили, что „убытки евреев в несколько раз покрыты пожертвованиями из России, Западной Европы и Америки“. Все красноречие известного политического деятеля, адвоката Винавера, не убедило судей-сенаторов, и в гражданских исках было отказано [1]). Правительство не хотело создать прецедент возмещения потерпевшим убытков от погрома на счет администрации, ибо „это поставило бы представителей администрации в безвыходное положение“, как с наивною откровенностью заявил фон-Раабен: пришлось бы увеличить государственный бюджет на миллионы рублей...

Посреди этих кошмарных впечатлений правительство Плеве вздумало заняться „упорядочением законодательства о евреях“. В августе 1903 г. был разослан губернаторам циркуляр, в котором предлагалось, в виду крайней сложности и запутанности законодательства по еврейскому вопросу, указать способы „приведения этих законоположений в надлежащий порядок и возможно стройную систему“. В ответ на это предложение, от одного из губернаторов, виленского графа Палена, поступила обширная записка, где указывалось, что все ограничительные законы в пределах „черты оседлости“ должны быть отменены, как вредные в политическом отношении, толкающие евреев в пауперизм или революцию; предлагалось сохранить меры репрессий только „против проявления вредных сторон еврейства отдельными личностями“, а также удалить еврейскую молодежь из христианских школ и учредить для нее особые начальные и средние школы под руководством учителей-христиан. Другие губернаторы также высказались за смягчение репрессивной политики по отношению к евреям (новый бессарабский губернатор Урусов). В январе 1904 г. в Петербурге заседала комиссия из губернаторов и высших чиновников министерства внутренних дел для обсуждения еврейского вопроса. С самого начала выяснилось, что „в высших сферах“ не хотят думать о каком бы то ни было облегчении положения евреев. Один из участников комиссии, единственный либеральный губернатор, Урусов, впоследствии сообщил, что после кишиневского погрома и поднятого им шума „вернее почувствовалось недоброжелательное отношение высших сфер к евреям“,

---

[1]) Judenpogromen, II, 24—37; „Книжки Восхода“, 1904 г. V, 227 и сл.
[2]) Архивные материалы; „Записки Губернатора“ Урусова, 1907 г.

т.-е. что ненависть к евреям питали лично царь и камарилья. Комиссия стала обсуждать проект не реформы, а строгой систематизации анти-еврейского кодекса, но работа ее была прервана: началась *японская война* (27 января 1904 г.).

На другой день по об'явлении войны орган русских евреев „Восход" писал: „Не время теперь растравлять старые раны. Постараемся, поскольку это в наших силах, забыть и недавнее изгнание из Порт-Артура [1]), и кишневский и гомельский погромы, и многое, многое другое... Пусть родители еврейские не задумываются теперь над горькою участью оставленных за бортом (учебных заведений) детей их. Простыми солдатами пойдут евреи в бой, без надежды на офицерские чины, погоны, на оклады, но кровь наших сыновей будет так же обильно литься, как и русская"... Евреи пошли на Дальний Восток с целью присоединить Манчжурию к Сибири, где они не имели права жительства. Число евреев на фронте было очень велико (до 30 тысяч) вследствие того, что по военным правилам рекруты-евреи из западных губерний посылались преимущественно на службу в Сибирь, и они таким образом оказались близкими к театру войны. Несоразмерно велик был процент еврейских врачей запаса, которых мобилизовали в первую очередь потому, что они были вольнопрактикующими и не занимали никаких государственных и общественных должностей, между тем как русских врачей реже брали на войну, чтобы не отвлечь их от административной, городской или земской службы. Под убийственным огнем японцев должны были работать и часто гибнуть сотни еврейских врачей за то, что неправедный закон лишал их прав государственной службы в мирное время [2]).

В то время как десятки тысяч бесправных сражались за престиж России на Дальнем Востоке, правительственный пресс не переставал давить их братьев в тылу. Из ряда мест вне черты оседлости администрация стала выселять семейства ушедших на войну запасных солдат и врачей на том основании, что с от'ездом главы семьи жена и дети лишаются права жительства, обусловливаемого профессией мужа или отца. Но вскоре чудовищность такой политики

---

[1]) За два месяца до войны русский наместник на Дальнем Востоке воспретил евреям жительство в Порт-Артуре и на всем Квантунском полуострове.

[2]) „Восход" 1904 г. №№ 4—16; „Книжки Восхода", 1904 г. кн. V, 172 и сл.; VII, 185 и сл.

бросилась в глаза в Петербурге, и Плеве распорядился, чтобы семьи мобилизованных были оставлены на местах жительства „впредь до окончания войны“ [1]).

Если правительство на время ослабило гнет над евреями, то общественная юдофобия, усиленная шовинизмом военного времени, разгорелась теперь с особенной силою. Раздраженная первыми неудачами русской армии и неожиданным военным превосходством японцев, реакционная пресса („Новое Время“ и др.) распускала нелепые слухи, будто евреи тайно помогают „родственным им по расе“ (?) японцам, чтобы отомстить России за кишиневскую резню. Из столичной прессы сказка о еврейско-японском союзе пошла гулять по провинции, и тут с каждым днем росли слухи один нелепее другого: евреи вывозят золото заграницу, закупают лошадей для Японии, собирают на броненосцы для микадо, натравливают Англию и Америку на Россию и т. п. Было ясно, что тут действовала шайка бессовестных агитаторов из породы Крушевана, желавшая вызвать анти-еврейские погромы на модном основании в связи с наветом об „измене“. Это явствовало еще из того, что зажигательные слухи особенно распространились в феврале и марте, перед Пасхою—сезоном погромов, подобно тому как годом раньше в эти же месяцы муссировалась дубоссарская ритуальная ложь. „Поджигатели принялись уже за свое дело“—предостерегал своих читателей еврейский журнал („Восход“, 11 марта). Через неделю ему уже пришлось сообщить о панике среди еврейского населения, особенно на юге. В Кишеневе опасались повторения погрома, что вызвало усиленную эмиграцию в Америку; в Одессе зловещие слухи волновали евреев, которые стали готовиться к самообороне. Тревога проникла и в заграничную прессу. Говорили, будто посол Соединенных Штатов в Петербурге получил инструкцию сделать по этому поводу представление русскому правительству,—что потом официально опровергалось. Правительство, однако, само сообразило, что военное время неудобно для устройства погромов. Губернатором были разосланы циркуляры о принятии решительных мер для предупреждения всяких пасхальных эксцессов. Бессарабский губернатор Урусов и одесский градоначальник обратились к русскому населению с серьезным предостережением. Это подействовало. Как только полиция и население убедились, что погромы запрещены свыше,

[1]) Там же.

агитация прекратилась,—и в апреле газеты могли уже сообщить, что „Пасха везде прошла спокойно". В своих мемуарах Урусов рассказывает, что в те тревожные предпасхальные дни он в Кишиневе вырабатывал вместе с полицеймейстером проект охраны порядка в городе, но во время работы заметил, что полицеймейстер как-то колеблется и недоумевает. Это недоумение продолжалось до получения губернатором от Плеве шифрованной телеграммы с приказом не допустить погрома. Как только Урусов показал полицеймейстеру расшифрованную телеграмму, тот воскликнул: „Будьте спокойны,— теперь беспорядков в Кишиневе не будет" [1]). Так вымуштровали провинциальную администрацию: без приказа из Петербурга она не решалась даже принимать меры для предупреждения погрома.

Утром, 15 июля 1904 г. на площади у Варшавского вокзала в Петербурге лежал окровавленный труп министра Плеве, убитого бомбою русского террориста Сазонова в тот момент, когда он ехал с докладом к царю в Петергоф. Это означало, что революция вновь подняла голову. После двух лет бешеного полицейского террора, после попыток отвлечь внимание общества от реформ сначала погромами, а потом японскою войною (Плеве стоял за об'явление войны, надеясь заглушить революцию шовинизмом), призрак революции опять встал над страною. Мученики царской инквизиции, евреи, почуяли и в бедствиях войны, и в гибели Плеве какой-то перст Божий. В феврале 1904 г. цензурой был конфискован нумер „Восхода", в котором юная еврейская сивилла из курсисток, в стихотворении, озаглавленном „Гаману", напомнила о библейском „Мене, текель, фарсин" и предсказывала позорный конец новому Гаману, в котором цензура легко узнала фигуру Плеве [2]). В воздухе чувствовалась какая-то очищающая гроза. Даже реакционное правительство смутилось перед надвигающейся бурей; оно не ответило полицейским террором на революционный, а напротив—пошло на смягчение режима рабства.

В августе, по случаю рождения наследника-цесаревича Алексея, был издан царский манифест о разных „милостях" и льготах для населения, из которых главная льгота состояла в отмене телесного наказания для крестьян и солдат. В тот же день (11 авг.) по-

[1]) „Восход" (нед.) за март-апрель 1904 г.; „Записки Губернатора", Урусова.

[2]) № 7 „Восхода" (еженед.) 1904 г. со стихотворением „Гаману", конфискованный экземпляр.

явился указ, в котором царь „признал справедливым ввести, впредь до общего пересмотра законодательства о евреях, некоторые изменения в действующие постановления о правах их жительства". Изменения были ничтожны: евреям с высшим образованием разрешалось жить в деревнях и приобретать там недвижимость, а также вести повсеместно торговлю, участникам японской войны, отличившимся в ней или вообще служившим беспорочно, обещано право повсеместного жительства: женам и несовершеннолетним детям евреев с высшим образованием дано право жительства, даже после смерти мужей и отцов [1]). Только это было „признано справедливым" даровать евреям, пославшим десятки тысяч человек в действующую армию, на поля Манчжурии. Еврейское общество холодно приняло этот скудный дар и устремило свои взоры к более широким горизонтам, которые тогда открывались перед Россией. Близилась политическая „весна".

26 августа на пост министра внутренних дел был назначен Святополк-Мирский, который раньше, на посту виленского генерал-губернатора, проявлял сравнительную административную мягкость. Новый руководитель внутренней политики обещал, что будет стремиться к установлению „взаимного доверия" между правительством и обществом, к согласованию своих действий с „истинным прогрессом"; еврейской депутации в Вильне и представителям иностранной прессы он заявил, что в еврейском вопросе он будет руководствоваться справедливостью и „добротой". Однако, на первых же порах он оказался бессильным перед вновь вспыхнувшим погромным движением. В конце августа кое-где на юге произошли „ординарные" погромы, начинавшиеся с драки в еврейской лавке и кончавшиеся разрушением многих лавок и домов (в Смеле, Киевской губернии, 22 августа; попытки в гор. Ровно в тот же день). Вскоре новая погромная полоса приняла определенную окраску: пошла серия погромов мобилизационных. Мобилизуемые русские запасные, раздраженные предстоящею отправкою на поля смерти в Манчжурию, где русская армия терпела страшные поражения, направляли свой гнев по линии наименьшего сопротивления — против евреев. Солдаты напивались для храбрости водки и вместе с городскою чернью шли разрушать еврейские дома, бить жильцов и грабить имущество. Кровавый погром произошел в Александрии (Херс. губ.) в дни

[1]) „Книж. Восх.", 1904 г. кн. IX, 134 и сл.

6 и 7 сентября. Толпа пьяных разбойников ворвалась в синагогу, переполненную молящимися по случаю святого дня Иом-Кипура, и зверски избила там 20 человек; среди тяжело раненых, вскоре умерших от ран, было несколько гимназистов и студентов. Полиция не противодействовала избиению и погрому, и только на другой день, когда буйства возобновились, из соседнего города были вызваны казаки, которые восстановили порядок. Через месяц мобилизованные запасные стали производить сплошные погромы на севере — в Могилевской губернии. В Могилеве буйство солдат и местных хулиганов приняло огромное размеры (10 октября): пострадали самые бедные кварталы; жертвою грабежа сделались также семейства запасных евреев, ушедших на войну. Из губернского города эпидемия погромов разлилась по губернии (Быхов, Горки, Мстиславль): везде пьяные „крестоносцы“, прежде чем уйти на фронт, разрушали, грабили, поджигали. Местами (в Витебской губернии) они, впрочем, громили без различия национальности и даже нападали на полицию, но в центре все-таки стояли евреи. Правительство, очевидно, не решалось принимать энергичные меры против „защитников отечества“, боясь раздражить их еще больше и испортить непрерывные мобилизации. Только к концу октября мобилизационные погромы затихли [1]).

В те же октябрьские дни 1904 года в сессии киевской палаты, заседавшей в Гомеле, начался разбор дела о гомельском погроме предыдущего года. Целый год понадобился судебному ведомству не столько для того, чтобы расследовать дело, сколько для того, чтобы запутать его и представить в гласный суд в тенденциозном политическом освещении правительства (следствие велось еще при жизни Плеве и под давлением реакционного министра юстиции Муравьева). Обвинительный акт по гомельскому делу поражал своей грубой тенденциозностью. Все дело было представлено там, как анти-русский погром, устроенный евреями: желая отомстить за кишиневскую резню, гомельские евреи будто бы вооружились и напали на христиан в день 29 августа, что вызвало со стороны русских рабочих контр-погром 1-го сентября, где опять-таки вооруженная еврейская самооборона заняла аггрессивную позицию и тем заставила солдат стрелять в нее. На этом основании к суду было привлечено около 60 обвиняемых, среди которых было 36 евреев, т. е. предста-

---

[1]) „Восход“ 1904 г., №№ 17—33; „Кн. Восхода“, 1904 г., IX, 140 и сл.

вителей той части населения, чьи дома были разрушены. Евреи, дерзнувшие оказать сопротивление разбойникам, сидели рядом с последними на скамье подсудимых. Под давлением общественного мнения, правительство вынуждено было допустить разбор гомельского дела при открытых дверях, но председателю суда дана была инструкция не допускать в судебных прениях никаких политических разоблачений, неудобных для правительства. В Гомеле собрался цвет еврейской и русской адвокатуры для защиты обвиняемых евреев и пред'явления гражданских исков со стороны потерпевших (Винавер, Слозберг, Кальманович, Ратнер, Соколов, Куперник, Зарудный). Почти три месяца длился этот процесс — дуэль между адвокатурой, желавшей раскрыть правду, и коронным судом, стремившимся ее затемнить. Свидетельскими показаниями и вопросами еврейских защитников все здание обвинительного акта было разрушено, но когда дело доходило до раскрытия истинных виновников погрома и отношения к нему власти, председатель деспотически останавливал защитников и лишал их слова. Грубый произвол председателя суда вывел, наконец, защитников и гражданских истцов из терпения, и 21 декабря, после бурной сцены, все они отказались от участия в деле и демонстративно покинули зал заседания. Это вызвало в стране взрыв негодования против официальной юстиции, бесчисленные выражения сочувствия по адресу мужественной защиты; сами подсудимые-евреи присоединились к благородной демонстрации своих защитников, которая сама по себе была красноречивою защитою правого дела. Процесс закончился в январе 1905 г. оправданием половины подсудимых евреев и христиан и присуждением другой половины из обеих групп к сравнительно легким наказаниям — тюремному заключению на небольшие сроки, причем суд постановил ходатайствовать пред царем о смягчении и этих наказаний. И в этом приговоре проявилась иезуитская политика: заведомых убийц и грабителей из русской группы либо оправдали, либо приговорили к ничтожному наказанию, уравняв их в виновности с пострадавшими евреями, которые защищали свою жизнь, честь и достояние. Русский юридический журнал „Право", орган прогрессивной интеллигенции, опубликовал по этому поводу горячую статью, которая кончается словами: „Правда отчетливо выступает даже в этом приговоре, выступает против воли его авторов. Если, согласно этому приговору, и евреи, и христиане в убийстве, насилиях и грабежах

виновны лишь в самой малой мере (иначе как обя'снить крайнюю мягкость наказания?), то у всякого неминуемо должен возникнуть вопрос: кто истиный виновник всех ужасов, творившихся в Гомеле? У того, кто внимательно следил за ходом судебного следствия, ответ может быть только один: кроме христиан и евреев, есть еще третий виновник — политиканствующая бюрократия. Этого виновника не было на скамье подсудимых, но он осужден... Лучшая часть русского общества и, в особенности, евреи жаждали справедливости и раскрытия правды, но именно он, этот третий виновник, убоялся справедливости и прикрыл ее общей амнистией" [1]).

Так кончились эти роковые два года русско-еврейской истории — 1903 и 1904, годы внутренней войны с евреями и внешней войны с Японией, годы „побед" правительства в Кишиневе и Гомеле и поражений армии в Порт-Артуре, Ляояне и Мукдене. Эти страшные годы реакционного террора, рост которого остановился только к концу 1904 г., выгнали из России в Америку больше 125 тысяч еврейских эмигрантов, охваченных паникою и отчаянием [2]). К концу двухлетнего кошмара политический горизонт стал проясняться: нахлынула волна освободительного движения, и казалось, что для измученного еврейства наступит новая заря. Но шестимиллионному народу суждено было пережить еще два бурных года в самом огне борьбы между царским деспотизмом и революцией, в состоянии мучительного томления между инквизицией и эмансипацией.

---

[1]) Гомельский процесс (полный отчет), Спб. 1907; „Восход" 1904 г. №№ 21–23 и 1905 г., №№ 1—7.

[2]) Форнберг, Еврейская эмиграция, Киев, 1908, стр. 19.

ГЛАВА IV.

Революция и погромы (1905—1906 г.).

„Политическая весна“—в виде попытки правительства Святополка-Мирского примириться с либеральным обществом—дала первый толчок открытому освободительному движению. Либеральные „заговорщики“, мечтавшие о конституции, провозгласили свой запретный лозунг. В ноябре 1904 г. с'езд земских деятелей в Петербурге вынес резолюцию о „ненормальности государственного управления“, покоящегося на самодержавии, и о необходимости участия народных представителей в законодательстве. В то же время многолюдный митинг, под видом банкета адвокатов и литераторов, провозгласил однородную резолюцию с требованием „отмены всех национальных и вероисповедных ограничений“. Пользуясь временным ослаблением полицейских строгостей, печать заговорила свободнее, а общество стало организовываться в политические союзы. Правительство туго шло на уступки. Оно резко осудило „шумные сборища“, требующие изменения „незыблемых начал нашего государственного строя“, но в то же время—в царском указе 12 декабря 1904 г.—оно обещало ряд частичных реформ: улучшение правового положения крестьян, расширение деятельности земства, государственное страхование рабочих, смягчение полицейских и цензурных строгостей, а также „пересмотр законов, ограничивающих права инородцев“, с сохранением лишь тех, „которые вызываются насущными интересами государства и явною пользою русского народа“. Последняя оговорка, конечно, очень мало сулила евреям, бесправие которых всегда объяснялось „насущными интересами“ полицейского государства. Проведение возвещенных полу-реформ было поручено органу бюрократии—комитету министров: услуги народных представителей были отвергнуты.

Начавшееся освободительное движение толкало бюрократию на новые уступки, которые вырывались у нее каждый раз малыми

дозами, после отчаянного сопротивления. „Кровавое воскресенье“ 9-го января 1905 года было началом открытой революции, в которой переплелись социально-экономические и политические требования. Попытка забастовавших петербургских рабочих, направившихся огромною массою к Зимнему дворцу с петицией к царю об экономических и политических улучшениях, окончилась катастрофою: петиционеры, шедшие с крестами и хоругвями в руках, под предводительством священника-демагога Гапона, были встречены ружейными залпами солдат. Пало много жертв из участников манифестации и из публики,—средп них и несколько евреев: фельдшерица, зубной врач, аптекарский ученик и журналист. Это гнусное поведение царя, ответившего пулями на мольбу о реформах, вызвало ряд манифестаций, фабричных забастовок и террористических актов в провинции. Революционное движение в западных губерниях и Царстве Польском не обошлось без видного участия евреев, среди которых было много организованных рабочих из Бунда и других социалистических партий. В Одессе рабочий еврей Штильман стрелял в полицеймейстера и причинил ему рану (19 янв.). В Могилеве еврейский юноша стрелял без результата в полицеймейстера, которого считали виновником бывшего там осенью 1904 года погрома. Такие случаи давали повод реакционному правительству Булыгина (после 9-го января Святополк-Мирский был уволен за излишнее снисхождение к либерализму) оправдывать угнетение евреев, как „виновников революции“. Только председатель комитета министров, Витте, замечал эту ложь бюрократии, выдававшей следствие за причину. В заседании комитета 11 февраля он об‘яснил, что „замечаемое ныне среди евреев враждебное отношение к правительству вызывается тяжелыми материальными условиями, в которых живет большинство русских евреев под гнетом ограничительных законов“. Витте предсказывал, что при таких условиях полицейской власти придется „с повышенною энергией вести борьбу с анти-правительственной деятельностью евреев, пока не осуществится возвещенное указом 12 декабря облегчение участи инородцев“ [1]).

Но правительство медлило осуществлением даже умеренных реформ, намеченных в указе, и еврейские общественные деятели решили пред‘явить ему свои, более смелые требования. В фе-

---

[1]) „Восход“ 1905, №№ 3—7.

врале были посланы на имя Витте несколько массовых петиций о равноправии евреев. Петиция от 32 еврейских общин (Петербург, Вильна, Ковна, Гомель, Кишинев, Бердичев и др.) начиналась словами: „Мероприятия последней четверти века по отношению к русским евреям прямо направлены были к тому, чтобы превратить их в нищенскую массу, лишенную средств существования, света образования и человеческого достоинства. Была последовательная и законченная система гнета и насилия, искусно придуманная и правильно осуществленная... Вся государственная машина была направлена к тому, чтобы сделать жизнь евреев в России невозможной". Петиция отвергает мысль указа 12 декабря 1904 года *о постепенном* улучшении положения евреев и некоторых „облегчениях", ибо „оскорбленное человеческое достоинство не может успокоиться на полумерах". „Все евреи в России проникнуты в настоящую минуту одною мыслью, что жестокая система бесконечных ограничений и стеснений подрывает самую основу их существования, что так дольше жить нельзя. Измученные всем пережитым, серьезно озабоченные своею судьбою в будущем, евреи ждут наконец, своего полного раскрепощения, ждут решительной отмены всех исключительных законов, чтобы, свободные и равные со всеми, они могли, рука об руку с прочими гражданами великой страны, работать для ее блага и преуспеяния".

Более резкая записка была послана от 26 еврейских общин (Москва, Одесса и др.) и от радикальных групп в общинах, подписавших первую петицию. „Мы заявляем,—говорилось там,—что считаем бесплодною всякую попытку удовлетворить и успокоить еврейское население какими-либо частичными улучшениями. Мы ждем равноправия, как люди, в которых живо чувство собственного достоинства, как сознательные граждане в современном государстве". В записке группы виленской общины к последнему пункту было прибавлено: „Как культурная нация, мы требуем тех прав национально-культурного самоопределения, которые должны быть предоставлены всем народам, входящим в состав русского государства". Записки и телеграммы на имя председателя комитета министров с требованием равноправия поступили еще от многих отдельных еврейских общин [1]).

Между тем общее революционное движение в России росло. Образовались профессиональные союзы железнодорожников, инже-

[1]) Там-же, №№ 7—11.

неров, адвокатов, кое-где начались грозные забастовки на железных дорогах, волновалось и бастовало студенчество. В ответ слышались выстрелы солдат и свист казацкой нагайки при разгоне демонстрантов. На крайнем крыле социалистической партии совершались террористические акты. Из них наибольшее впечатление произвело убийство великого князя Сергея, генерал-губернатора Москвы, одного из худших членов дома Романовых (4 февраля). Великий князь, имя которого было связано с изгнанием десятков тысяч евреев из Москвы в 1891 г. и с жестоким угнетением оставшейся там колонии, пал от бомбы *русского* социалиста-революционера Каляева. Под'ем революционной волны испугал Николая II—и он сделал еще одну уступку. В день 18 февраля 1905 года были опубликованы три акта: царский манифест, осуждавший революционную „смуту“ в момент кровопролитной войны на Дальнем Востоке и призывавший всех „благомыслящих людей“ к борьбе с „внутренней крамолой“; затем рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина, возвещавший о решимости царя „привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в обсуждении законодательных предположений“, т. е. создать народное представительство с *совещательными* правами; наконец, указ сенату о дозволении частным лицам и учреждениям заявлять правительству о своих „видах и предположениях касающихся усовершенствования государственного благоустройства“. Русское прогрессивное общество не было удовлетворено ни двойственностью этих актов, в которых чередовались угроза и уступка, ни малыми размерами самой уступки, - но оно широко воспользовалось данною ему свободою „заявлений“. Полился неудержимый поток резолюций и деклараций, с требованиями замены существующего самодержавного строя парламентской конституцией. Еврейские учреждения также примкнули к этой декларационной кампании. Старейшее „Общество просвещения евреев“ в Петербурге приняло (в собрании 27 февраля) следующую резолюцию: „Правильная, соответствующая бытовым и культурным особенностям еврейского народа, постановка образования евреев возможна только при условии полного уравнения их в правах с остальным населением России. Как прочная гарантия свободного культурного развития и полного равенства национальностей, необходимо участие в законодательной власти и контроле над управлением страной народных представителей, избираемых на началах всеобщей, прямой и тай-

ной подачи голосов всеми гражданами страны без различия национальности, исповедания и состояния“ [1]).

Чувствовалась потребность в создании внепартийной политической организации, которая регулировала бы борьбу за еврейское равноправие во всех классах общества, кроме той небольшой части, которая уже была об'единена в рабочую партию „Бунд“. Такая организация и была образована еврейскими общественными деятелями на с'езде, состоявшемся в Вильне в конце марта 1905 г. Она называлась „Союз для достижения полноправия еврейского народа в России“ и ставила себе целью „осуществление в полной мере *гражданских, политических и национальных прав* еврейского народа в России“. Полное уравнение евреев в гражданских правах, обеспечение равного участия в народном представительстве и всех его органах, „свобода национально-культурного самоопределения во всех его проявлениях, в форме широкой автономии общин, свободы языка и школьного обучения“—вот тройственная программа союза. То была первая в новейшей истории программа еврейской организации, которая поставила на своем знамени не только гражданско-политическое, но и *национальное* равноправие,—первая попытка освободительной борьбы внутренне-автономной *нации*, а не религиозной группы, причисленной к господствующей нации, как было в XIX веке на Западе. Центральное бюро Союза находилось в Петербурге; в состав его были избраны 22 члена, из коих половина в столице (М. Винавер, Г. Слиозберг, Л. Брамсон и др.), а половина в провинции (д-р Ш. Левин, С. Дубнов, М. Ратнер и др.). Первые резолюции союза гласили: требовать всеобщего избирательного права при выборах в будущий парламент, с обеспечением представительства национального меньшинства; воздействовать на русское общество в том смысле, чтобы в общих резолюциях о равенстве граждан определенно говорилось о равноправии евреев; предложить всем еврейским гласным в городских думах отказаться от своего звания в виду того, что эти гласные по закону 1892 года, лишившему евреев муниципальных избирательных прав, не избирались еврейским населением, а назначались администрацией, что признано унизительным для гражданского и национального достоинства еврейского народа. Эта резолюция первого с'езда союза подействовала: в большинстве городов евреи-гласные городских дум

[1]) Там-же, №№ 9—11.

стали демонстративно отказываться от своего звания, в виде протеста против лишения евреев муниципальных прав. Администрация сначала смутилась и пыталась назначать новых евреев на места отказавшихся, но видя, что бойкот продолжается, власти „примирились“ с полным отсутствием еврейских представителей в городском управлении. Протест заглох в общем шуме протестов и демонстраций революционного года [1]).

Порабощенный, измученный народ устремился к свободе, но темные силы реакции готовили узнику страшную месть за стремление вырваться из тюрьмы. Навстречу революционной волне, увлекшей все лучшие элементы русского общества, шла грязная волна „черных сотен“, поднятая со дна, из некультурных низов русского народа, полицейскими агентами абсолютизма. „Я подниму Ахерон“— эту угрозу стало систематически осуществлять правительство Николая II в борьбе с освободительным движением. Выпуская толпы темной черни против либеральной интеллигенции и „жидов“, реакция достигала трех целей: непосредственно устрашала либералов и социалистов, демонстрировала нежелание „народа“ упразднить самодержавие ради конституции, и старалась скомпрометировать все освободительное движение, как „дело жидовских рук“: видите, мол, что только враги Христа являются врагами царя. Началась открытая юдофобская агитация. Повсюду распространялись прокламации „черной сотни“ с возгласами: „Бейте студентов и жидов! Помните Кишинев и Гомель!“ В прокламации „Общества националистов“ Киева, Одессы, Кишинева и других городов говорилось: „Крики «долой самодержавие» суть крики тех кровопийц, которые называются жидами, армянами поляками... Берегитесь жидов! Все зло, все горе нашей жизни—жиды. Скоро, скоро настанет чудное время, когда жидов в России не будет. Долой изменников, долой конституцию!“ Погромы готовились открыто к пасхальному сезону. Из многих городов телеграфировали в газеты: „ждут погромов“. Кое-где губернаторы приняли меры против эксцессов дикой толпы, но в ряде мест погромы были намеренно допущены или даже непосредственно организованы полицией. В фабричном городе Белостоке, центре еврейского рабочего движения, казаки нападали на прохожих евреев на улицах, врывались в синагоги и еврейские дома и жестоко избивали находившихся там, часто обыскивая их

---

[1]) Архивные документы; ср. „Восх.“, 1905 г. №№ 14, 17.

*

и отнимая деньги (9—10 апреля). В дни Пасхи крестьяне громили евреев в местечке Дусяты (Ковенской губернии), имущество грабили, а сопротивлявшихся избивали. На юге, в городе Мелитополе, пьяная толпа разрушала и поджигала еврейские магазины, а затем начала громить и русские дома, но самооборона, состоявшая из еврейской и русской молодежи, остановила погром (18—19 апр.). В Симферополе „черные“ распустили слух что еврейский мальчик, сын аптекаря, осквернил христианскую икону; начался погром, встретивший отпор сначала со стороны вооруженной еврейской молодежи, а затем со стороны войск (22 апр. [1]).

Но самое страшное произошло в Житомире. В этом тихом центре Волыни прогрессивное общество, еврейское и русское, переживало медовый месяц освободительного движения. Как в других больших городах, и здесь после январского „кровавого воскресенья“ происходили политические забастовки рабочих, демонстрации учащейся молодежи, издавались революционные прокламации. Так как во главе движения стояла еврейская молодежь, то черная сотня принялась за свою преступную работу: распространяла слухи, будто евреи за городом, на поле, стреляли в портрет царя, что они готовятся „резать христиан“ и т. п. Перед Пасхой организаторы погрома вызвали из Москвы на помощь группу „кацапов“—великороссов. Евреи, предвидя близость катастрофы, стали вооружаться для самообороны и готовились к защите совершенно открыто. Сражение между „черными“ и „красными“ было неизбежно. Оно разыгралось в дни 23—26 апреля в кровавых формах, напоминавших гомельский погром, но в гораздо большем масштабе. В течение трех дней город был во власти черных банд, которые грабили, убивали и увечили евреев, воодушевленные выпитою водкою и убеждением, что они борются за царя против „социалистов“, желающих свободы и республики. Еврейская самооборона проявляла чудеса храбрости там, где ей не мешали полиция и войска, и мужественно умирала там, где власть поддерживала буйство диких орд погромщиков. За эти три дня было убито 15 евреев и около 100 ранено, частью тяжело. Среди погибших преобладали молодые рабочие и ремесленники; были и студенты, среди которых оказался один русский—Блинов, выступивший в защиту избиваемых евреев. Черные звери набросились на Блинова с криком: „Хоть ты и русский,

---

[1]) „Восход“ 1905 г. №№ 7, 10—13, 16, 17.

но сицилист и хуже жидов, пришел на защиту их!“ Благородного юношу избили до смерти, причем в убийстве участвовали также солдаты и полицейские [1]).

В один из этих дней, 25 апреля, разыгралась потрясающая трагедия в близком к Житомиру местечке Трояновe. Узнав о резне в Житомире, 14 смелых еврейских юношей из соседнего городка Чуднова вооружились плохими револьверами и отправились на помощь своим житомирским братьям. По дороге, в Трояновe, их поджидала толпа крестьян и рабочих, возбужденная слухами, что идут евреи-„резуны“ с целью убивать русских. Возбужденная толпа напала на юношей и зверски убила десять человек на глазах местных евреев, а прочих жестоко избила. Вот рассказ одного из спасшихся юношей об этом кошмарном происшествии: „Нас было 14 товарищей. Ехали мы из Чуднова в Житомир. В Трояновe нас окружили кацапы, стали обыскивать, все забрали и стали бить топорами и дубинами. Я видел, как мои товарищи один за другим падают мертвыми. Пока явился урядник, остались в живых четверо: я и еще три человека. Урядник приказал везти нас в житомирскую больницу, но по дороге нас кацапы вырвали у стражников и стали опять истязать... Меня связали и втащили к священнику. Он просил не трогать меня, кацапы его осмеяли, опять поволокли и опять стали бить. Тогда стражники стали говорить, что они будут за меня отвечать, так как урядник приказал доставить меня в Житомир. „Ну, если так, сказали кацапы, то мы отпустим, но прежде эта собака должна посмотреть на своих товарищей“... И меня в бесчувственном состоянии поволокли к товарищам. Я очутился в луже воды: меня обливали, чтобы привести в сознание. И вот я увидел десять трупов моих товарищей... Никогда, сколько жить буду, не забуду этой картины... Кто лежал с отрубленной головой, у кого живот распоротый... отрезанные руки.. Я впал в беспамятство и очнулся здесь, на этой постели“ [2])... На кладбище Трояновa до сих пор можно видеть десять могил юных мучеников, самоотверженно устремившихся на помощь своим братьям против людей-зверей и еще в пути растерзанных этими зверями,—десять могил, которые должны стать священными для всего еврейства...

---

[1]) Там же, №№ 17—18; Judenpogromen, II, 44—58.
[2]) „Восход“ 1905 г. №№ 18, стр. 23—24; ср. № 22.

Правительство откликнулось на житомирскую резню официальным сообщением, тенденциозно составленным с целью доказать, что евреи своим поведением вызвали погром: они будто бы в лесу, упражняясь в стрельбе из револьверов, стреляли в портрет царя, произносили оскорбительные слова по адресу полицейского конвоя, ведшего политических арестантов, и выпустили прокламацию „преступной партии социалистов-революционеров“ о том, что житомирская администрация подготовляет погром. Практическая цель официального сообщения выражена в его заключительной части, где губернаторам предписывается „раз'яснить благоразумной части еврейского населения, что она обязана, в интересах безопасности еврейских масс, внушить вовлеченным в политическую борьбу единоверцам своим сознание полной необходимости не возбуждать своим поведением вражды к себе в населении христианском“ [1]). Это значило: если не хотите погромов и резни, то не участвуйте в освободительном движении, а если будете участвовать, то „христианское население“ с вами расправится, как с врагами отечества.

Охваченные общим пожаром русской революции, разгоревшимся с особенною силою летом 1905 г., после гибели русского флота в войне с японцами близ Цусимы,—евреи отвечали на погромы усилением революционной энергии и умножением кружков самообороны. Еврейский элемент был активен на всех флангах освободительной армии: конституционно-демократическом, социал-демократическом и социал-революционном. Большая часть этих активных сил увлекалась общерусскими лозунгами, порою до полного забвения национальных интересов еврейства, но это не мешало царским агентам мстить за революцию именно еврейским массам. Получился заколдованный круг: жертвы старого деспотизма, евреи не могли не броситься в освободительное движение, а за это черная Россия мстила им погромами, которые еще больше толкали их в революцию.

В летние месяцы 1905 года пошла новая полоса погромов—военных. Возбужденные поражениями русской армии в Манчжурии и прокламациями черносотенцев, где евреи выставлялись „внутренними врагами“, солдаты и казаки мстили этим „внутренним врагам“. Они избивали евреев на улицах в Минске (26 мая), Брест-Литовске (29 — 31 мая), Седлеце и Лодзи (9 июня). В первых трех городах солдаты грабили и убивали только евреев: в Лодзи стреляли

---

[1]) Там же, № 18, ст. 20—21.

в участников смешанной польско-еврейской рабочей манифестации. Настоящую кровавую баню устроила солдатчина в Белостоке (30 июня). В течение целого дня по городу гремели выстрелы озверевших солдат, направленные на мирные толпы евреев и давшие в результате полсотни убитых и еще больше раненых. Через месяц полиция устроила организованный погром на южной окраине России—в г. Керчи. Здесь 27 июля состоялась обычная в те дни мирная политическая манифестация, в которой участвовала и еврейская молодежь. В ответ на это, градоначальник и жандармский полковник устроили 31 июля контр-манифестацию, которую назвали „патриотическою". С портретом царя на знамени и пением гимна „Боже царя храни", толпы „патриотов", среди которых преобладали известные в городе воры и хулиганы, громили еврейские дома и лавки, во имя любви к отечеству расхищая имущество (в последнем акте участвовала и приличная публика). Когда же вооруженная еврейская самооборона стала действовать против громил, она была рассеяна выстрелами со стороны солдат, уложившими на месте десяток героев. Позднейшее расследование выяснило полную подготовленность погрома со стороны полицейско-жандармской власти, которая по этому делу заранее сносилась по телеграфу с департаментом полиции в Петербурге [1]). То были репетиции последовавших через несколько месяцев чудовищных октябрьских погромов.

Под шум революции с одной стороны и погромов с другой решался в высших сферах вопрос о народном представительстве, обещанном 18 февраля. В комиссии, заседавшей под председательством министра Булыгина, был выработан проект совещательного народного собрания, причем евреев предполагалось вовсе лишить избирательных прав, которые были бы несовместимы с их гражданским бесправием. Это намерение было последовательно в духе реакции, но оно вызвало бурю протестов во всех кругах еврейского общества. В июне появились резолюции протеста против проекта лишения евреев избирательных прав от еврейских общин Петербурга, Риги, Кишинева, Бобруйска, Житомира, Николаева, Минска, Витебска, Вильны и многих др. городов. Многие резолюции отличались крайнею резкостью тона, свидетельствовавшею о раздражении

---

[1]) Judenpogromen, II, 60 — 79; „Восх". 1905 г. №№ 23 — 26, 32, 33, 35; 1906 г., № 9, стр. 49.

народа [1]). Профессор Трубецкой, явившийся к царю во главе земской и городской депутации (6 июня), упомянул в своей знаменитой речи, что не следует никого исключать из народного представительства: „нужно, чтобы не было бесправных и обездоленных". Правительство поколебалось. Совет министров исключил из проекта Булыгина пункт о недопущении евреев к выборам, мотивируя это нежеланием еще более раздражить евреев. В июльских совещаниях о проекте Государственной Думы, происходивших в Петергофе под председательством царя, коснулись и еврейского вопроса. Царедворец Нарышкин требовал недопущения „вредной еврейской нации" в Думу, но ряд других сановников (министр финансов Коковцов, товарищ министра внутренних дел Трепов, члены Государственного Совета Оболенский и Чихачев) стояли за допущение, и царь закончил прения коротким замечанием: „оставить проект (с поправкою в пользу евреев) без изменения" [2]). Таким образом правительство совершило резкую непоследовательность: оно предоставило евреям высшее политическое право выборов в народное представительство, оставляя их в состоянии группы, лишенной элементарнейших гражданских прав и даже свободы передвижения. Только месяцем раньше (8 июня) царь утвердил мнение комитета министров, рассматривавшего еврейский вопрос на основании указа 12 декабря 1904 г., что обсуждение вопроса об улучшении участи евреев следует отложить до созыва народных представителей. Лично царю его юдофобская совесть не позволяла облегчить положение тех, которые из париев превратились в революционеров.

---

[1]) Вот, например, отрывки из виленской резолюции: „В проекте народного представительства ставят нас, шестимиллионную культурную нацию, ниже полудиких инородцев Восточной России. Политика умиротворения по отношению к другим угнетенным нациям сменяется политикою терроризирования по отношению к евреям. Безумная система, состоящая в том, чтобы раздражать и озлоблять евреев средневековыми гонениями и затем мстить им за проявление этого раздражения, достигла ныне своего апогея... Мы апеллируем к русскому обществу, призванному ныне обновить обветшалый государственный строй родины... Мы надеемся, что не осуществится злобная месть евреям со стороны уходящей бюрократии, желающей перенести ферменты гниения в здоровую атмосферу будущего народного представительства".

[2]) Петергофское совещание о проекте Госуд. Думы. Секретные протоколы. Berlin 1905, стр. 112, 162 и сл.; „Восход" 1905 г. №№ 22—24 (резолюции протеста).

Вскоре, 6 августа, была опубликована „булыгинская конституция"—положение о Государственной Думе, цензовой по составу и совещательной по деятельности, но без ограничений для избирательных прав евреев. „Теперь—писал „Восход"—еврей имеет право быть народным представителем, но не имеет права жительства в месте нахождения Государственной Думы— в столице". Еврейское общество, кроме левого его крыла, стало уже готовиться к выборам в плохую Думу с целью провести через нее более совершенную конституцию,—но бурный ход событий выдвинул на очередь новые грозные вопросы. Суррогат народного представительства не удовлетворил демократию, и борьба с правительством возобновилась с небывалою силою. Бурные политические митинги собирались в университетах и других высших учебных заведениях, которые по указу 27 августа получили академическую автономию. Автономные советы профессоров стали принимать в школу студентов-евреев без процентных ограничений,—и волна возбужденной еврейской молодежи влилась в бурное море российского студенчества. Пошла новая полоса забастовок—студенческих, рабочих, железнодорожных. Тщательно подготовлялась всероссийская генеральная забастовка, как последнее средство в борьбе за демократическую конституцию. Временная остановка железнодорожного движения во всей стране должна была вырвать у самодержавия акт самоотречения и провозглашение гражданских свобод. Сентябрь и начало октября прошли в этих лихорадочных приготовлениях. Но в то же время черная армия абсолютизма также готовилась к кровавой контр-революции, к варфоломеевским ночам против сторонников освободительного движения и главным образом евреев. О планах освободительной армии все знали, но о страшных замыслах черной армии реакции никто не догадывался, и только после того, как кровавое дело совершилось, были раскрыты нити преступной погромной организации, тянувшиеся от дворцов царя и сановников через полицейские канцелярии до трущоб разбойников и хулиганов [1]).

---

[1]) Разоблачения Львова в записке на имя председателя совета министров Витте (ноябрь 1905) точно указывают имена близких к Николаю II сановников, организовавших октябрьские погромы: черный „патриотический" генерал Богданович в Петербурге, действовавший с благословения митрополита Владимира и при поддержке камарильи, и много губернаторов и генерал-губернаторов в провинции. В сентябре были всюду организованы „боевые дружины" черносотенцев, состав которых определялся в 100.000 чело-

При таких условиях наступил памятный *октябрь* 1905 года. В первых числах месяца началась железнодорожная забастовка, а в середине месяца она уже охватила всю страну, сопровождаясь в промышленных центрах общею забастовкою во всех производствах. Во многих городах происходили столкновения революционеров с войсками. Правительство пробовало прибегнуть к угрозам, и на всю Россию раздался кровожадный клич шефа полиции Трепова: „патронов не жалеть!“ Но в последнюю минуту самодержавие дрогнуло перед революционной грозой и уступило: 17 октября вышел царский манифест, торжественно обещавший народу все гражданские свободы (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов) и законодательную Думу с привлечением в нее представителей всех классов населения. О *равенстве* граждан перед законом и о равноправии национальностей в манифесте не было ни слова, а в приложенной к нему докладной записке министра-президента Витте, творца акта 17 октября, об этом упоминалось в очень туманных фразах. Однако, и в этой неопределенной форме манифест произвел огромное впечатление. Казалось, что армия свободы победила и Россия, наконец, превратится из полицейского в правовое государство. Но на другой же день все надежды были жестоко обмануты.

18 октября в сотнях городов, как будто по данному сигналу, из-под земли выползла заранее спрятанная черная армия контр-революции,—и началась самая страшная кровавая оргия, длившаяся целую неделю (18—25 октября). Главными жертвами этой долгой Варфоломеевской ночи были новые гугеноты освободительного движения—евреи: им мстили за то, что при их участии у деспотизма был насильственно вырван манифест о свободах. В течение

век (так хвастал Богданович в высших сферах). Роли администраторов полиции и наемных погромщиков из местной черни были распределены во всех городах. Погромные прокламации печатались открыто, а главная их фабрика находилась в типографии департамента полиции, как потом разоблачил в Государственной Думе депутат, бывший товарищ министра внутренних дел, Урусов. (См. „Восх.,“ 1905 г. № 47, стр. 10 и 43; 1906 г. №№ 10 14, 18—21; Judenpogromen I, 267 и сл.). Нет сомнения, что царь знал, если не обо всех этих приготовлениях, то об общем плане устройства контр-революции при помощи варфоломеевских ночей, главными жертвами которых намечены были евреи. Миллионы рублей на организацию погромных банд давались, повидимому, из секретного фонда, находившегося в личном распоряжении царя.

одной недели были совершены около 50 кровавых анти-еврейских погромов (Одесса, Киев, Кишинев, Калараш, Симферополь, Ромны, Кременчуг, Чернигов, Николаев, Екатеринослав, Каменец-Подольск, Елисаветград, Орша и др.) и *несколько сот* ординарных с разрушением имущества, грабежами и поджогами. Погромов, направленных против русских участников освободительного движения, интеллигенции и студенчества, насчитывалось в эти дни лишь несколько десятков (Тверь, Томск и др.) Уже эта пропорция показывала, куда больше всего метила организованная реакция. Всех поражали строгое однообразие и планомерность в исполнении контр-революционного заговора. Обыкновенно наблюдалась такая картина: по поводу манифеста 17 октября прогрессивная часть общества устраивает по улицам шествие, часто с красными флагами левых групп, с соответствующими возгласами и речами во славу свободы; одновременно из каких-то темных углов выходят участники „патриотической манифестации“ — большею частью люди из подонков общества, сыщики, хулиганы, переодетые полицейские — с портретом царя под сенью национального флага, с пением царского гимна и криками: „Ура, бей жидов; жиды свободы захотели, против царя нашего идут, чтобы на его место жида посадить!“ Этих манифестантов-патриотов сопровождали полиция и казаки (или солдаты), как будто для охранения порядка, а на самом деле для того, чтобы дать возможность хулиганам громить и избивать евреев и мешать жертвам обороняться. Стоило кучке евреев занять где-либо пост для самообороны, как полиция и войска принимались стрелять в нее. Затем черные манифестанты и примыкавшие к ним по пути товарищи разбивались на мелкие банды, рассыпались по всему городу, врывались в дома и магазины, разрушали, грабили, били, убивали, вырезывая иногда целые семейства. Самый страшный погром произошел в Одессе: он продолжался четыре дня, при открытом участии полиции и войска, при содействии градоначальника Нейдгарта и бездействии командующего войсками Каульбарса. Проявленный здесь героизм еврейской самообороны, достаточный для отражения хулиганов, оказался бессильным против войск и полиции. Свыше 300 убитых, тысячи раненых или изувеченных евреев (в том числе и сошедших с ума от ужасов), 140 вдов, 593 сироты, больше 40.000 материально разоренных — таков был итог сражения, данного евреям в Одессе в дни 18—21 октября. Приблизительно по такому же плану велась погромная кампания и в де-

сятках других городов, с некоторыми вариациями в отдельных местах (например, в Нежине погромщики заставили еврейскую общину с раввином во главе, под угрозою смерти, принести публично присягу в верности царю). В большинстве же городов, местечек и сел погромы ограничивались разрушением и грабежом имущества. Даже в некоторых городах вне черты оседлости были жестоко разгромлены небольшие еврейские общины (Саратов, Воронеж и др.[1]).

Черная контр-революция, разразившаяся на другой день после манифеста 17 октября, толкала революцию в бездну анархии. Все были глубоко возмущены предательскою византийскою политикою Николая II, который одною рукою подал сигнал примирения с прогрессивным обществом, а другою воткнул ему нож в спину—нож, больше всего изранивший еврейство. Теперь не только крайние левые партии, но и демократические группы, готовые помириться на обещаниях манифеста 17 октября, не верили в их исполнение. И вот начался хаос: левые партии стремились к демократической или даже к социальной республике: политические забастовки и рабочие стачки, в том числе и еврейские, организованные „Бундом“, приняли анархический характер; разгорелось крестьянское или аграрное движение с поджогами помещичьих имений и усадеб; в Польше и Прибалтийском крае господствовал террор; в Москве вспыхнуло декабрьское вооруженное восстание. Правительство подавило московское восстание и пошло решительно по пути репрессий; аресты, казни, карательные военные отряды наполняли всю программу кабинета Витте-Дурново. Вокруг царя орудовала реакционная камарилья, разжигая юдофобское настроение. 23 декабря царю представилась депутация главарей черной сотни, об'единившихся в „Союз русского народа“. Среди речей, призывавших царя к сохранению самодержавия, одна речь была посвящена еврейскому вопросу: депутация просила „не давать евреям равноправия“. На это царь ответил лаконически: „Я подумаю“ [2]). Было ясно, что октябрьская „конституция“ есть лишь клочок бумаги.

С необыкновенным мужеством перенесло еврейство страшные октябрьские удары. Оно было одиноко в своем горе. Русское про-

---

[1]) Материалы для истории контр-революции т. I, Спб. 1908; Judenpogromen I, 187 -223, 267—327, 383—400; II, 18—536; „Восх.“, 1905 г. №№ 42—50.

[2]) „Восх.“, 1906 г. № 3, стр. 5 и 31.

грессивное общество слабо откликнулось на горе народа, ставшего главною жертвою контр-революции. Тем сильнее заговорило в лучшей части еврейства национальное чувство. Спустя месяц после погромной вакханалии, в Петербурге с'ехались делегаты „Союза полноправия еврейского народа". На этом втором с'езде, заседавшем четыре дня (22—25 ноября), проявилась сила глубокого национального возмущения. С'езд отверг предложение о посылке депутации к графу Витте с просьбою о немедленном предоставлении евреям равноправия, причем в своей мотивированной резолюции дал следующую оценку политики правительства: „В виду фактов, неопровержимо доказывающих, что последние, ужасающие по размерам и количеству жертв, погромы произведены при явном попустительстве, а во многих случаях при прямом участии и даже руководительстве полиции и местной высшей администрации; что правительство, не смущаясь чудовищными преступлениями своих органов — местных представителей власти, не устранило от должности ни одного из тех, на кого падает обвинение, и не приняло мер к преданию их суду; в виду того, что граф Витте неоднократно высказывал, что правительство не находит возможным в настоящее время провозгласить равноправие евреев, будто бы в интересах самих евреев, против которых такая мера могла бы усилить возбуждение народных масс, тогда как в действительности погромы вызваны именно бесправием евреев, сознаваемым народными массами и так называемой черной сотней,—с'езд постановил: что посылка депутации к графу Витте и ведение переговоров с ним были бы бесцельны, а следует обратить все усилия на то, чтобы организовать русское еврейство для борьбы за его полноправие, примыкая к общему освободительному движению". Проникнутый настроением мученичества, с'езд вспомнил о герое-мученике Дашевском, мстителе за кишиневскую резню, и постановил передать свой „восторженный привет" юноше-страдальцу, томившемуся тогда в арестантских ротах. Порыв национального чувства продиктовал с'езду следующее смелое решение: „В целях осуществления во всей полноте гражданских, политических и национальных прав еврейского народа в России, с'езд постановил: „безотлагательно приступить к созыву на началах всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права, с прямым и тайным голосованием, всероссийского *Еврейского Национального Собрания*, для установления, согласно воле всего еврейского населения, форм и принципов его национального самоопре-

деления и основ внутренней его организации“ [1]). Тут впервые была провозглашена идея еврейского учредительного собрания, как органа автономной нации.

Третий делегатский с'езд „Союза полноправия“ (10—13 февраля 1906 г.) проходил уже во время избирательной кампании перед созывом первой Государственной Думы. Было отвергнуто предложение левого крыла союза—бойкотировать Думу, которая „будет оплотом реакции“ (что потом совершенно не оправдалось), и не принимать участия в выборах. Было решено принимать самое деятельное участие в выборах, проводить везде кандидатов-евреев, а где это невозможно—подавать голоса за не-еврея, при обязательстве поддерживать в Думе гражданские, политические и национальные права еврейского народа. Резолюция гласила еще: „Настаивать на разрешении еврейского вопроса в Думе непременно в связи с основными статьями конституции и вопросами об элементарных общегражданских свободах“ [2]).

Началась избирательная кампания, протекавшая при тяжелых условиях. Полицейские власти пользовались введенным во многих местах военным положением для того, чтобы препятствовать свободной предвыборной агитации, а с другой стороны—черные сотни пугали евреев погромами к приближавшейся Пасхе. В Польше шовинисты-юдофобы грозили евреям всякими преследованиями за „дерзкое намерение“—выдвигать своих собственных кандидатов в Думу наряду с польско-христианскими кандидатурами. В то же время левые еврейские группы (Бунд и другие) проводили тактику бойкота Думы и часто мешали выборам. Тем не менее опасения не сбылись: пасхальные и предвыборные погромы не состоялись, еврейское общество проявило на выборах большую активность, и в результате в Думу были избраны 12 депутатов-евреев. Наиболее активными из них были: *М. Винавер* (один из лидеров общерусской конституционно-демократической партии и председатель еврейского „Союза полноправия), д-р *Шемария Левин* (сионист), *Л. Брамсон* (член демократической русской группы „Трудовиков“). Все евреи-депутаты стояли на национальной платформе „Союза полноправия“. Решением 4-го с'езда союза (9—12 мая) они обязывались

[1]) Отчет о с'езде в „Восходе“ 1905 г. №№ 47—49.

[2]) Архивные документы; протоколы 3-го с'езда Союза полноправия евреев, Спб., 1906; „Восх.“, 1906 г. №№ 7—10.

совещаться и координировать свои действия по вопросам еврейского полноправия, не образуя однако особой парламентской фракции с обязательной дисциплиною, как того требовали сионисты и националисты [1]).

27 апреля собралась первая Дума, а 8 июля она была распущена или „разогнана“ царем за чрезмерную оппозиционность. В ней господствовало то конституционно-демократическое большинство, к которому по своим политическим симпатиям примыкало большинство еврейского общества и 10 из 12 его представителей в Думе (двое стояли несколько левее). Естественно было ожидать, что такой парламент без труда разрешит вопрос о еврейском равноправии, как один из элементарных вопросов гражданской свободы. К несчастью, Дума не дожила до этого. Вся короткая сессия ее прошла в непрерывной борьбе опозиции с правительством, во главе которого стал тогда старый реакционер Горемыкин. В ответ на тронную речь Дума указала, что „ни свобода, ни порядок не могут быть прочно укреплены без равенства всех граждан перед законом“. Но в декларации правительства (13 мая) не было ни слова о гражданском равенстве. Депутат Винавер в сильной речи, произнесенной по этому поводу, сказал: „С этой кафедры, с которой говорилось так много о политических свободах, мы, евреи, представители одной из самых истерзанных национальностей в стране, ни разу не сказали о себе ни слова, потому что нам казалось уже несоответствующим говорить здесь о гражданском неравенстве... Теперь нам становится ясным, что правительство и дальше собирается идти по тому же пути, по которому шло и до сих пор, и мы должны об‘явить: доколе вы будете попустителями гражданского рабства, не будет умиротворения в стране“. Ошибка еврейских депутатов была именно в том, что они не сказали о себе „ни слова“ еще раньше, в ответ на тронную речь, где также не было „ни слова“ о гражданском равноправии (что фактически касалось больше всего евреев), и не сказали этого слова с тем чувством возмущения, с каким должны говорить представители „самой истерзанной национальности“. В дальнейшем прения по еврейскому вопросу силою событий отвлекались в сторону погромной политики правительства. 8 мая был внесен запрос правительству об участии Департамента Государственной Полиции

---

[1]) „Восход“, 1906 г. №№ 4, 6, 7, 11, 16.

в подстрекательстве к погромам 1905 года; министр внутренних дел Столыпин обещал дать ответ на этот документально обоснованный запрос через месяц. Но еще до истечения этого срока разыгрался новый кровавый погром в Белостоке.

В этом центре еврейского рабочего и революционного движения, где в 1905 г. полиция и войска уже дважды устроили избиение евреев, готовился новый полицейско-военный заговор против них. Случайный террористический акт,—убийство полицеймейстера,—неизвестно кем совершенный, дал повод черносотенным заговорщикам осуществить свое страшное дело. 1 июня, когда по улицам двигалась церковная процессия, откуда-то раздался провокаторский выстрел, и в толпе пущен был слух, что „анархисты-евреи стреляют в христиан". Тотчас разразился погром. В течение двух дней чернь грабила еврейские дома и лавки, избивала прохожих, а полиция и солдаты систематически стреляли в евреев на улицах и в домах, где несчастные укрывались. Повторились зверства Кишинева: целые семьи вырезывались, людей мучили, разрубали на кусочки, вырезывали члены тела, вбивали гвозди в голову... 80 убитых и сотни раненых евреев были жертвами российской дикости и реакционной ярости. 2-го июня Государственная Дума получила потрясающую весть о белостокской резне, и тут же, после горячих речей д-ра Левина, Родичева и других депутатов, решила пред'явить правительству срочный запрос и поручить парламентской комиссии расследовать дело на месте. В Белосток немедленно выехали три думских депутата и по возвращении представили Думе правдивый отчет, неопровержимо установивший, что белостокское злодейство было тщательно подготовлено, как контр-революционный акт, и что мирное еврейское население беспощадно растреливалось полицией и войском [1]).

Спустя три дня после того, как в Думе мелькнул кровавый призрак Белостока, в ней обсуждался законопроект о гражданском равноправии (5 июня). Слишком холодно трактовался в депутатских речах жгучий вопрос бесправия шести миллионов, поставленный в ряду с вопросом об отмене мелких сословных ограничений и отдаленным вопросом женского равноправия. Только в речи еврейского депутата Левина вспыхнула искра негодования, когда он

---

[1]) Стенографические отчеты заседаний 1-й Госуд. Думы; „Восх.", 1906 г. №№ за июнь—июль.

напомнил собранию, что он сам в обычное время лишен, как еврей, права жительства в столице, а если Дума будет распущена, он, народный избранник и бывший законодатель, будет изгнан полицией из Петербурга. Законопроект был передан в комиссию для окончательной обработки [1]).

Трехдневный промежуток—и снова в Думе речи о погромных делах. Министр Столыпин отвечает на запрос 8-го мая об участии правительства в погромах 1905 г. На его слабую защиту возражает бывший член правительства—прежний товарищ министра внутренних дел, депутат Урусов—в речи, полной смелых разоблачений (8 июня). Он документально доказывает существование тайной типографии в департаменте полиции, печатавшей „патриотические" прокламации с призывом к истреблению евреев, цитирует слова заведывавшего этим делом жандармского офицера: „Погром можно устроить какой угодно: и на 10 человек, и на 10 тысяч",—и кончает свою речь словами: „Опасность не исчезнет, пока на дела управления и на судьбы страны будут влиять люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждениям погромщики". Эти слова вызвали бурные аплодисменты, а по адресу правительства крики: „В отставку, погромщики!" Дума приняла формулу перехода к очередным делам, в которой нашли себе выражение эти негодующие возгласы [2]).

Более страстный характер носили прения в Думе по поводу доклада парламентской комиссии о белостокском погроме (23—26 июня.) Правительство возмутило Думу своим лживым официальным сообщением, в котором евреи выставлялись виновниками погрома, и военным приказом, в котором об'являлась благодарность войскам белостокского гарнизона „за славную службу во время погрома". Речи еврейских депутатов Якубсона (ездившего в составе парламентской делегации в Белосток), Винавера и Левина дали исход накипевшему национальному гневу. Думский Мирабо, Родичев, пригвоздил к позорному столбу сановных виновников белостокской кровавой бани. 7-го июля была принята Думою формула перехода, резко осуждавшая политику правительства, политику угнетения, устрашения и истребления, которая создала „беспримерное в истории

---

[1]) Стенограф. отчеты, под указанными датами. Винавер, Евр. вопрос в Гос. Думе, „Свобода и Равенство" 1907 г. №№ 2—3.

[2]) Стенограф. отчеты (8 июня 1906 г.)

культурных стран положение"; резолюция требовала немедленного выхода реакционного министерства в отставку. Но царь решил дать отставку самой Думе. Через два дня, когда депутаты явились к зданию Думы, они нашли его запертым, а на дверях красовался манифест о роспуске Думы, которая „уклонилась в непринадлежащую ей область и занялась расследованием действий от нас (царя) поставленных властей". Следствием внезапного роспуска Думы было „Выборгское воззвание" всей парламентской оппозиции, призывавшее народ не платить податей и не давать солдат правительству, разогнавшему народных представителей. Под этим воззванием подписались также все еврейские депутаты, за что впоследствии поплатились тюремным заключением и лишением избирательных прав [1]).

Революционный террор, затихший во время заседаний Думы, возобновился после ее разгона. Покушения на жизнь административных лиц (самым ужасным был взрыв бомбы на даче министра Столыпина, назначенного, при роспуске Думы, премьером), „экспроприации" или грабежи казенных и частных денег для целей революции, анархические рабочие стачки—стали обычными явлениями. На это правительство ответило чудовищными репрессиями: был учрежден „военно-полевой суд" для политических преступников. Этот кровавый трибунал в течение пяти месяцев (сентябрь 1906—январь 1907) подверг смертной казни свыше 1000 человек, среди которых было много невинных или несовершеннолетних, с значительным еврейским элементом. Но для борьбы с революционизмом еврейского населения правительство не довольствовалось отдельными „судебными" казнями, а прибегло еще к испытанному средству—к массовой казни, погрому. Начальник охранной полиции в городе Седлеце, Тиханович, устроил там кровавый военный погром (27—28 августа), жертвами которого сделались 30 убитых и более 150 раненых евреев. Поводом послужили провокаторские выстрелы, направленные на военный караул, после чего войска открыли беспорядочную стрельбу на улицах и бомбардировали еврейские дома гранатами; перепившиеся водкою солдаты совершали ужасные зверства и грабили имущество. Несмотря на оффициальный рапорт другого агента местной охранной полиции, ротмистра Пету-

---

[1]) „Еврейская Жизнь", 1906 г. №№ 25—28 (еженедельник сионистов, в Петербурге).

хова, что для резни не было никакого повода со стороны евреев и что это была только подготовленная военно-полицейская экзекуция, виновник ее Тиханович не только не был наказан, но еще получил от варшавского генерал-губернатора Скалона благодарность за „энергию и распорядительность“ [1]).

При таком настроении правящих сфер не могло быть и речи об инициативе с их стороны в деле разрешения еврейского вопроса. Правительство Столыпина обещало „безотлагательно рассмотреть, какие ограничения, как вселяющие раздражение и ясно отжившие, могут быть отменены немедленно, и какие, касающиеся существа отношений еврейской народности к коренному населению, являются делом народной совести (?) и должны быть переданы в законодательные учреждения“ (циркуляр 24 августа 1906). Совет министров представил царю проект умеренных реформ в еврейском вопросе, указав на необходимость успокоить этим евреев, которых тяжелые ограничения „заставляют вести отчаянную борьбу против существующего строя“; но это представление не имело успеха [2]). В то же время особенно усилилось так называемое „второе правительство“—гнусная царская камарилья, которая опиралась на „черные сотни“, организовавшиеся в реакционный „Союз русского народа“. Эти террористы реакции знали только один способ решения еврейского вопроса—истребление евреев. (В то время произошло в Финляндии организованное черносотенцами убийство депутата 1-й Думы Герценштейна, речь которого об аграрных реформах возмущала помещиков).

Осталась только надежда на новую Думу, которая должна была собраться в феврале 1907 г. Избирательная кампания велась под давлением правительства, при репрессиях и угрозах погромами со стороны „черных“. Состав второй Думы получился ненормальный, усилились два крайних фланга—социалистов и правых, а конституционно-демократический центр ослабел. От евреев попали в Думу только три депутата (не считая одного социал-демократа еврея, бывшего кандидатом своей партии), люди мало известные, среди которых не было никого из депутатов первой Думы, привлеченных

---

[1]) Материалы для ист. контр.-революции, 405—416; „Евр. Жизнь“, 1906 г., №№ 28–32.

[2]) Николай II, говорят, ответил: „Пока я царствую, не бывать в России равноправию евреев“. Ср. „Былое“, 1918 г., март: письмо Столыпина к Николаю II.

к суду за „Выборгское воззвание“. Вся деятельность нового парламента протекала в борьбе левого и правого его крыльев. Еврейскому вопросу уделялось внимание только в „Комиссии о свободе совести“. Правительство внесло законопроект об отмене всех вероисповедных ограничений, „кроме еврейских“, а комиссия постановила исключить это из'ятие для евреев и таким образом провести еврейское равноправие под флагом „свободы совести“ [1]). Но и тут надежда не оправдалась: Дума скоро была распущена, под предлогом раскрытого будто бы революционного заговора ее социалистических депутатов. Совершился государственный переворот 3-го июня 1907 года; прежний избирательный закон, дававший возможность проникнуть в Думу представителям демократии и угнетенных национальностей, был самовольно изменен царем так, чтобы в парламенте было обеспечено консервативное большинство из дворян и духовенства. Началась эпоха черной реакции.

---

[1]) „Свобода и Рав.“ 1907 г. №№ 1—30; L. W o l f, The legal sufferings of the Jews in Russia, Lond. 1912, 49—50.

ГЛАВА V.

Черная реакция. Внешние удары и внутрениий рост (1907 — 1914).

Страшное четырехлетие (1903 — 1906) сильно изощрило национально-политическую мысль еврейского общества и народных масс. Год Кишинева и Гомеля, когда бесправные были объявлены также беззащитными; год японской войны, когда эти бесправные и беззащитные должны были защищать свое отечество против внешнего врага; год революции, когда после кровавой борьбы за свободу евреи получили „хартию конституции, завернутую в погром"; наконец первый год Думы, когда негодующая речь еврейского депутата с парламентской трибуны аккомпанировалась стонами убиваемых в Белостоке,—все эти бурные годы были бы фатальны для народа, если бы в нем, в предшествовавший период, не выработалось определенное *национальное* отношение к окружающему миру. Различны были формы этой национально-политической концепции: на одном полюсе стоял сионизм с его теорией „исхода из Египта", а на другом—социал-демократическая партия с ее афоризмом, что „еврейская кровь должна служить смазочным маслом на колеса русской революции". Но и полюсы несколько сблизились в момент великой опасности, примыкая—при всех различиях в программах и тактике — к центральной линии, над которою развевался флаг с надписью: „борьба за гражданские, политические и национальные права еврейского народа". Лишенные прав, разгромленные, жертвы царской тираннии, евреи никогда не унижались до вымаливания равноправия „по кусочкам"; они требовали прав в полном об'еме, требовали не как „еврейское *население*", а как еврейский народ, как культурно-автономная нация среди других наций. Доктрина культурно-национальнаго автономизма претворялась в определенные лозунги. Эти лозунги провозглашал, как мы видели, „Союз полноправия еврейского народа", об'единивший в своем составе все политические группы, кроме партийных социал-демократов.

Бурные годы сдвинули с прежней позиции и политический сионизм, который раньше отрицал возможность национальной борьбы в диаспоре и для нее. В ноябре 1906 г. российские сионисты собрались в Гельсингфорсе и здесь приняли программу „синтетического сионизма“, т. е. совмещения палестинской идеи с борьбою за национально-культурную автономию в диаспоре. Общая резолюция с'езда гласила: „Российская сионистическая организация санкционирует присоединение сионистов к освободительному движению среди территориальных народов России и считает необходимым об'единение российского еврейства на началах признания еврейской национальности и ее самоуправления во всех делах еврейского национального быта“. Этот лозунг „национальных прав“ сионисты отстаивали при выборах депутатов в Государственную Думу. В меньшей степени этот лозунг поддерживался и двумя социалистическими группами, примыкавшими к сионизму: „Поале Цион“ и „сионисты-социалисты“ (С. С.); обе группы требовали только *минимальной* культурной автономии в диаспоре, ибо всю свою энергию направляли в сторону эмиграции — первая в Палестину, а вторая на любую территорию. В 1905 — 1906 г. г. образовалась новая национально-социалистическая партия, поставившая на своем знамени борьбу за максимум национальной автономии в диаспоре, до требования еврейского сейма, как центрального органа самоуправления („Сеймовцы“ или „Еврейская социалистическая рабочая партия“ [1]).

Между всеми этими партийными программами стоял на равнодействующей линии внепартийный и внеклассовый „Союз полноправия еврейского народа“. В годы революции эта организация пыталась об'единить еврейских общественных деятелей в общей и национальной освободительной борьбе. Но по мере упадка освободительного движения, внутри союза начали усиливаться разногласия. Различие взглядов и тактик вошедших в состав союза групп взяло верх над общностью ближайшей цели, которая при наступлении политической реакции стала более отдаленною. Таким образом, к началу 1907 года „Союз полноправия“ распался на свои составные части. Из него выступила прежде всего сионистская партия, которая предпочла вести и свою внепалестинскую работу под своим особым партийным флагом. Гельсингфорсская программа

[1]) Сборник „Формы национального движения“ изд. Кастелянского. Спб. 1910 (статьи Дубнова и Медема).

„синтетического сионизма“, порожденная освободительным движением, суживалась по мере того, как слабели надежды на эмансипацию в России. Из „Союза полноправия“ выделилась также „Еврейская народная группа“, принципиальная противница сионизма и вообще эмиграции или искания новых центров вне России. Эта группа, во главе которой стоял известный политический деятель М. Винавер, ставила на первый план борьбу за гражданское равноправие в тесном союзе с прогрессивным русским обществом, а в области национального вопроса признавала лишь принцип „самоопределения“ и свободы еврейской культуры в общих чертах, без конкретного требования автономии. В „Народную группу“ входили многие представители интеллигенции, более или менее отошедшие от ассимиляции и признавшие минимум национальной программы. Всецело на почве национальной политики стояла третья группа, выделившаяся из прежнего союза и получившая название „Фолкспартей“ или „Еврейская национальная партия“. В основе этой организации, не успевшей окрепнуть в годы реакции, лежал тот принцип национально-культурного автономизма (выше, гл. II), который развивался параллельно с сионизмом еще задолго до революции. Одновременная борьба за гражданские и национальные права, создание полноправной национальной общины вместо „религиозной общины“ Запада, автономная школа и права обоих языков, национального и народного (жаргона) — таковы в общих чертах задачи „Фолкспартей“. Вместе с тем эта партия, исходя из исторической идеи перемещения центров диаспоры, признавала эмиграцию в Америку и колонизацию Палестины великими национальными факторами, призванными образовать два новых центра еврейства: большой, количественно сильный—в Северной Америке и малый, но качественно ценный в смысле чистоты национальной культуры, центр в Палестине [1]). Наконец, существовала еще „Еврейская демократическая группа“ — четвертый элемент „Союза полноправия“, отличавшаяся от „Народной группы“ только сильным уклоном в сто-

[1]) С 1905 г. эмиграция в Америку снова приняла огромные размеры. В революционные и погромные 1905 — 1906 годы из России эмигрировало около 230 тысяч евреев; в следующие годы цифра эмиграции понизилась, но все еще держалась на довольно высоком уровне: 50–75 тысяч ежегодно. В Палестине усилилась особенно культурная деятельность: основаны чисто-национальные школы (гимназии в Яффе и Иерусалиме) и другие учреждения.

рону более левых политических партий, общерусских радикалов или социалистов [1]).

После распада Союза, эти четыре группы общественных деятелей обыкновенно соединялись в различные коалиции; все они были представлены в том постоянном петербургском совещании, которое вместе с еврейскими депутатами Государственной Думы обсуждало вопросы еврейской политики текущего момента. Так создалось в сфере общественной деятельности некоторое представительство национально-политических течений, вылившихся в конкретные формы в годы русской революции и контр-революции. Вне этой федерации групп, стоявших на почве общенародной политики, оставалась лишь еврейская социал-демократическая партия „Бунд", связанная своей классовой политикой и не допускавшая совместной работы с „буржуазными" и внеклассовыми организациями даже в области национальных интересов.

Освободительным лозунгам различных партий был нанесен удар государственным переворотом 3 июня 1907 г. Этим грубым актом царского произвола было уничтожено многое из завоеваний революции. Благодаря изменению избирательного закона, конституция стала слугою самодержавия. Власть в России получили „черные сотни" — крайние монархические группы, открыто выступившие во имя реставрации самодержавия и об'единившиеся в „Союз русского народа". Глава Союза Дубровин поздравил царя по случаю переворота 3 июня и получил ответ, что отныне союз русского народа будет „надежною опорою" трона. На деле трон был опорою черного союза холопов самодержавия, получавших за свою службу милионы рублей из царского рептильного фонда. Герои улиц, творцы погромов, стали творить политику русского государства. Началась ликвидация освободительного движения. Ежедневно столбцы газет пестрели известиями об арестах политически ненадежных лиц и о казнях революционеров. Виселица и тюрьма стали эмблемами государственной власти; зрелище ежедневных казней, длившееся больше двух лет (1907 — 1909), исторгло из груди великого старца Льва Толстого отчаянный вопль: „Не могу молчать", а правительство Николая II продолжало вешать. В то время, как провинившиеся в революционных увлечениях юноши и девушки

[1]) Дубнов, Письма о стар. и нов. евр. (Спб. 1907), предисловие и стр. 294 и сл.; Формы национ. движения, указ. место.

(между ними немало евреев) всходили на эшафот, погромщики и убийцы из черной сотни, разорившие в одни только октябрьские дни 1905 г. сотни еврейских общин, оставались ненаказанными. Большая часть их вовсе не была предана суду местными властями, так как на суде могло бы выясниться участие самих этих властей в организации погрома; но даже те, которые попадали на скамью подсудимых и осуждались за убийство и грабеж, освобождались от наказания предписаниями из Петербурга. Обыкновенно местный отдел „Союза русского народа“ посылал на имя царя прошение о помиловании лиц, осужденных за участие в „патриотических манифестациях“, как назывались погромы на официальном языке, и почти всегда такая амнистия давалась, о чем демонстративно публиковалось в газетах [1]).

Зато еврейскую оборону, которая осмелилась сопротивляться убийцам, не щадили. В Одессе военно-окружный суд приговорил к продолжительным каторжным работам шесть молодых евреев „за участие в отряде самообороны“ во время октябрьских погромов, причем квалифицировал это преступление следующим образом: за участие в сообществе, поставившем себе целью ниспровержение существующего строя путем вооружения еврейского пролетариата для нападения на полицию и войска“. Люди, защищавшие жизнь своих братьев и сестер против банд убийц, к которым, как доказало повсеместно судебное следствие, примыкали полиция и войска, естественно казались преступниками против „существующего строя“, опиравшегося на эти банды. Аппелляция в главный военный суд не помогла, и приговор остался в силе (август 1907): для евреев, защищавших свою жизнь и достояние, не было ни смягчения, ни помилования. Такие яркие параллели помилования погромщиков и осуждения разгромленных или их защитников производили впечатление прямых вызовов еврейскому народу со стороны Николая II и озлобленных правящих сфер [2]).

[1]) Представления царю о помиловании осужденных погромщиков шли обыкновенно из комитетов союза русского народа через министра юстиции Щегловитова, ставшего ярым реакционером. Для всех было ясно, что эта амнистия давалась в силу предварительного договора между царским правительством и вождями черных банд об индемнитете для участников анти-еврейских погромов.

[2]) „Своб. и Рав“. 1907. №№ 30—32, 39, 40, 43—45.

Черная сотня почувствовала, что теперь на ее улице праздник. Она знала, что главари союза русского народа составляют в стране „второе правительство“, как говорилось в прессе, более сильное, чем официальное, мнимо-конституционное правительство Столыпина, и подонки общества дали волю своим грубым инстинктам. В Одессе банды союзников стали ежедневно избивать евреев на улицах резиновыми палками, а при сопротивлении стреляли из револьверов. Градоначальник Григорьев, один из немногих честных администраторов, пытавшийся обуздать черный террор, был уволен (авг. 1917 [1]), после чего избиение евреев на улицах приняло еще более кровавый характер. На все жалобы общества власти отвечали: „Это за то, что евреи больше всех участвовали в революции“. Правительство Столыпина, желавшее сохранить хоть видимость конституционного режима, должно было часто подчиняться негласному правительству черного „союза“. По требованию союзников, Столыпин приказал, чтобы в Киеве были исключены из политехникума 100 студентов-евреев, выдержавших конкурсный экзамен, и чтобы на их место было принято сколько же русских, получивших меньше баллов. Директор и декан протестовали против этого грубого нарушения академической автономии, но протест не помог, и они вышли в отставку (сент. 1907). Тогда же под давлением „второго правительства“, министерство народного просвещения восстановило ту позорную процентную норму приема евреев в высшие школы, которая в предыдущие два года не применялась автономными советами профессоров. Сенат признал „нелегальною“ много лет существовавшую сионистскую организацию и открыл путь к полицейским репрессиям против сионистов в России [2]).

При таких обстоятельствах происходили осенью 1907 г. выборы в III Государственную Думу. Избирательный закон 3 июня преградил доступ в парламент наиболее прогрессивным и демократическим элементам, а правительство, путем дробления избирательных собраний на сословные и национальные курии, закрыло туда доступ значительному числу еврейских депутатов. Выборы происходили

---

[1]) Этот градоначальник, явившись к царю с докладом о безобразиях „союзников“ в Одессе, был поражен, когда царь вышел к нему со значком союза русского народа на груди, тем самым значком, который носили одесские погромщики. Он понял, что царь сделал это демонстративно, чтобы доказать свою солидарность с черными сотнями.

[2]) „Своб. и Рав“, 1907 г. №№ 38—41, 44—46.

под жестоким давлением администрации; многие из „опасных“ левых кандидатов произвольно арестовывались по обвинению в принадлежности к нелегальной партии и временно, до окончания следствия, устаранялись от выборов. Местами черносотенцы грозили евреям погромом, если они посмеют выставить своих кандидатов. Таким образом в Думу попали только два депутата-еврея (Фридман от Ковенской губернии и Нисселович от Курляндской), раньше совершенно неизвестные в рядах политических деятелей.

В ноябре 1907 г. собралась „черная Дума“, в которой подавляющее большинство составляли реакционеры и юдофобы. Правое большинство образовалось путем сближения консервативного центра в лице партии „октябристов“ с крайним правым крылом—русскими „националистами“ и черносотенцами. В еврейским вопросе это правое большинство всегда заглушало голос малочисленной оппозиции—партии „кадетов“ (конституционных демократов), трудовиков и горсти социалистов. Свое отношение к еврейскому вопросу реакционная Дума обнаружила в первые же сессии, при обсуждении законопроекта о неприкосновенности личности. Оппозиция требовала установления полной свободы передвижения, как необходимейшего условия неприкосновенности личности, но правому большинству удалось включить в законопроект такую оговорку: „никто не может быть ограничен в праве избрания места пребывания и передвижения, за исключением случаев, в законе указанных, и евреев, прибывших в места вне черты оседлости“ (1908). Так умудрились российские законодатели совместить принцип неприкосновенности личности с пожизненным заключением миллионов людей в большой тюрьме-гетто. Они так ревностно оберегали институт „черты оседлости“, что обвиняли даже правительство Столыпина в недостаточном уважении к этому священному институту. Дело в том, что в мае 1907 г. Столыпин издал циркуляр, предписывавший губернаторам не выселять из внутренних губерний тех евреев, которые там поселились до августа 1906 года, имеют „семью и домообзаводство“, признаны „невредными для общественного порядка и не вызывают неудовольствия со стороны населения“ (русского). Так как в силу этого циркуляра несколько сот или тысяч еврейских семейств не подвергались изгнанию, то правая фракция Думы внесла запрос: на каком основании правительство осмелилось издать такую „хартию вольностей“ для евреев? Это, конечно, подействовало, и правительство постаралось, чтобы действие льготного циркуляра фактически сводилось к нулю. Жесто-

кость юдофобской Думы выразилась, между прочим, в том, что было отвергнуто предположение оппозиции о предоставлении больным евреям права пользоваться лечебными местами в районах, где они не имели права постоянного жительства (1908 [1]).

Самое удручающее впечатление производило то наглое глумление над еврейством, которое систематически позволяли себе на правом крыле Думы. Сторонники автократизма, крайние правые являлись в парламент с целью издеваться и над конституцией, и над парламентаризмом. Как дикари, эти наемники и лакеи самодержавия весело плясали над трупом освободительного движения, пели гимны рабству и деспотизму; Пуришкевичи и Марковы заливали грязью трибуну Государственной Думы, а с евреями они тут делали то же, что делали их единомышленники из черни на улицах разгромленных городов. Слова „жид“ и „жидовский“, наряду с другими бранными эпитетами, были самыми употребительными в их лексиконе. Они вносили формулы и поправки к различным законопроектам специально с целью оскорбить евреев. Они предлагали военному министерству внести законопроект об исключении евреев из армии в виду того, что евреи-солдаты оказались элементом, „растлевающим армию в мирное время и крайне ненадежным во время войны“ (1908). Они поддерживали закон о недопущении евреев в военно-медицинскую академию, так как евреи-врачи будто бы вели „революционную пропаганду“ в армии во время японской войны (1910). Октябристы требовали недопущения евреев-юристов на должности мировых судей, так как это противно началам „христианского государства“ (1909). Когда депутат оппозиции Караулов воскликнул по этому поводу: „Где нет равенства, где есть народы-парии, там нет конституционного строя!“,—ему с правых скамей кричали: „И слава Богу, и не надо!“ Таким же циничным смехом встретили слуги деспотизма предостережения Родичева: „Без разрушения еврейских ограничений в храм свободы доступа нет“. Два еврейских депутата Думы выбивались из сил, чтобы быть услышанными: черные обыкновенно прерывали их речи оскорбительными возгласами. В 1910 г. депутату Нисселовичу удалось собрать 166 подписей членов Думы под законодательным предположением об отмене черты оседлости; оно было внесено в Думу, но кроме бес-

[1]) Стенограф. Отчеты Гос. Думы за 1908—1909 гг.; „Еврейский Мир“, 1909 г., внутр. обозр.; „Еврейский Мир“ (еженед.) 1910 г. № 1 и сл.

плодных прений ни к чему не привело: переданный для обсуждения в думскую комиссию проект облегчения еврейского бесправия был там похоронен [1]).

Под влиянием рекационной Думы, правительство шло все дальше по пути ограничений прав евреев. Премьер Столыпин, все более передвигавшийся вправо, забыл о своем обещании в 1906 г. немедленно устранить все „явно отжившие ограничения, вселяющие раздражение“, и его министерство систематически занималось изобретением самых тягостных репрессий. Еврейский депутат Фридман имел полное основание заявить в своей речи (февраль 1910), что даже „в самое тяжелое время, которое евреи переживали при министерстве Плеве, не было таких жестокостей, дикостей, какие практикуются в настоящее время“. Массовые высылки евреев из городов вне черты оседлости и из деревень внутри черты приняли эпидемический характер. Весною 1910 г. правительство решилось принести Молоху юдофобии целую гекатомбу: выселить из Киева 1200 семейств,— факт, вызвавший крик негодования во всем еврейском мире. Жестокость гонений доходила до утонченности: выселяли малых детей, больных, престарелых, с особенным усердием гнали евреев, селившихся на летнее время в дачных местах вне городской черты, с преступной целью подышать чистым воздухом. Сенат раз'яснил, что евреи-солдаты, участвовавшие в защите осажденной крепости Порт-Артур во время японской войны, не пользуются льготою по праву жительства, предоставленною участникам войны.

Избиением еврейских младенцев школьного возраста занимался черный министр просвещения Шварц, который и по имени вполне подходил к черному стану. Существовавшую до революции „школьную норму“, которая практиковалась на основании правительственного распоряжения без законодательной санкции, Шварц превратил в закон, утвержденный царем помимо Государственной Думы (сентябрь 1908 г.). Отныне во всех высших учебных заведениях империи евреи могли обучаться только в количестве, не превышающем 3% общего числа учащихся для столиц, 5% для учебных заведений вне черты, 10%— в черте оседлости. В виду того, что в годы освободительного движения наплыв евреев в высшую школу был очень велик и число их теперь превышало процентную норму, пришлось бы совершенно закрыть высшую школу для новых канди-

[1]) Стенограф. Отчеты Гос. Думы 1910 г.; „Евр. Мир“ (еженед.) 1911 г

датов до тех пор, пока число еврейских студентов не войдет в пределы нормы. Перед этою жестокостью министерство временно отступило; оно разрешило в ближайшие годы принимать евреев по процентной норме, исчисляя ее по отношению к общей массе вновь поступающих в данном году. Но впоследствии многие учебные заведения совершенно перестали принимать евреев, ссылаясь на заполнение нормы прежними учащимися. И снова вереницы „мучеников науки“ потянулись в заграничные университеты. Процентная норма была закреплена в законодательном порядке и для средней школы (в размере 5—15%, т.-е, несколько выше старой нормы), причем нормировка распространялась и на частные учебные заведения, пользующиеся правами (1909). Этим законом были обречены на гибель многие гимназии, коммерческие училища, содержимые христианами фактически на еврейские деньги, ибо там обучалось до 80% евреев. Еврейским же гимназиям министерство (за редким исключением) отказывалось дать права казенных учебных заведений. Фараоны просвещения пошли еще дальше, и в марте 1911 г. добились царского указа о распространении нормы на экстернов, а именно—чтобы к экзаменам на получение аттестата зрелости или вообще свидетельства о прохождении части учебного курса отныне допускались евреи только в размере нескольких процентов по отношению к числу экстернов-христиан. А так как экстернов-христиан почти нигде не было, ибо только оставшися вне школы евреи вынуждались держать экзамен в качестве экстернов, то фактически огромная масса внешкольных еврейских детей лишалась права получать аттестаты средней школы. Этот закон был также издан без предварительного обсуждения в Думе, во время короткого перерыва в ее сессии, что побудило депутатов оппозиции внести запрос в Думу, но черный парламент отверг срочность интерпелляции, и незаконный закон вошел в силу [1]).

Увлекаясь все более идеями аггресивного русского национализма, правительство Столыпина принялось искоренять национально-культурные учреждения поляков, украинцев (Матица, Просвита и т. п.) и евреев. В 1910 г. Столыпин издал циркуляр, в котором внушал администрации, что культурно-просветительные общества инородцев содействуют пробуждению в них „узкого национально-политического

---

[1]) Познер. Еврей в общей школе. Спб., 1913; „Евр. Мир“, 1920 г. № 8 (речи в Гос. Думе).

самосознания“ и ведут к „усилению национальной обособленности“, а потому всякие общества украинцев и евреев, учрежденные с целью укрепления сепаратной национальной культуры, должны быть запрещены [1]). Этот удар враждебной руки был направлен в самое сердце еврейства. Дело в том, что после революции, когда политическая борьба затихла, еврейская интеллигенция направила всю свою энергию в область национально-культурной работы. Всюду, на основании закона 1906 года об обществах и собраниях, учреждались культурные, просветительные и экономические (кооперативные и кредитные) еврейские общества. В 1908 г. в Петербурге было учреждено Еврейское Литературное Общество, которое вскоре разветвилось на сотню отделений в провинциальных городах. Одновременно возникло еврейское Историко-Этнографическое Общество с научным трехмесячником „Еврейская Старина“. Старейшее „Общество просвещения евреев“ расширило свою деятельность в области насаждения национальной школы. Множество других культурных обществ и кружков легализовалось на всем пространстве черты оседлости. Везде читались лекции, рефераты, велись горячие прения по национально-культурным вопросам. В особенности страстно дебатировался вопрос о роли древне-еврейского и разговорного языков в публичной жизни, школе и литературе, причем образовались две партии—„гебраистов“ и „идишистов“. Самые рефераты, лекции и прения часто велись на „идиш“. При всех крайностях этих партийных споров, в них проявлялся несомненный под'ем национального сознания, порыв к строительству самобытной жизни на конкретных началах автономии. Этому внутреннему возрождению не могло, конечно, сочувствовать юдофобское правительство, и оно, как во времена Плеве, направило свой удар в сторону еврейских национальных организаций. Кое-где этот удар произвел разрушения: в 1911 г. было закрыто Еврейское Литературное Общество со всеми его 120 отделениями, которые развивали особенно интенсивную деятельность по устройству библиотек и публичных лекций. Однако погром, направленный против еврейской духовной культуры, было гораздо труднее осуществить, чем разгром имущества. Культурная работа продолжалась, несмотря на все стеснения и преследования, извне.

Продолжался и тот *литературный* ренесанс, который начался в 90-е годы и был лишь временно прерван бурею революционной

---

[1]) „Новый Восход“ 1910—1911 г.; „Евр. Мир“, 1910 г. № 8, стр. 27.

эпохи. Параллельно шло возрождение обоих языков—национального и народного—в широко разветвившейся еврейской литературе. Наряду с журналистикой на древне-еврейском и русском языках (газеты „Гацефира“ в Варшаве и „Газман“ в Вильне, журнал „Гашилоах“ в Одессе, еженедельники „Восход“, „Рассвет“, „Еврейский Мир“ в Петербурге и др.)—вырастает пресса народная, на „жаргоне“, имеющая сотни тысяч читателей (ежедневные газеты „Фрайнд“ с 1903 г. в Петербурге, „Гайнт“, „Момент“ и другие в Варшаве). В области высшего литературного творчества рядом с прежними силами появляются новые. Рядом с признанным национальным поэтом Бяликом становятся даровитые поэты: *Шнеур*, певец „грозы и бури“, сомнения и отрицания; романтики: *Яков Коган*, *Фихман*, *Рейзен*, *Давид Эйнгорн* и много других юных, еще не развернувшихся талантов. С Перецом соперничает в успехе растущий талант *Шалома Аша*, этого Гомера патриархального польско-еврейского местечка (см. выше, гл. II), автора прелестных бытовых новелл, а также драм, имевших шумный успех не только на еврейской, но и на русской сцене. Ему сопутствуют в жаргонной литературе молодые силы—*Беркович*, *Гиршбейн*, *Бергельсон* и другие. В беллетристике на древне еврейском языке выдвигаются *Бреннер*, *Бен-Цион* (Гутман) и группа бытописателей, печатавших свои произведения преимущественно в одесском журнале „Гашилоах“. Новый редактор этого журнала после Ахад-Гаама, *Иосиф Клаузнер*, занимал видное место в еврейской литературе, как публицист, критик и отчасти историк. В области научной также замечалось оживление: с 1908 года выходила многотомная „Еврейская Энциклопедия“ на русском языке, а с 1909 года Еврейское Историко-Этнографическое Общество издавало трехмесячник „Еврейская Старина“ и различные сборники актов и регест.

Российская юдофобия не могла ослабить национальную сплоченность еврейства и развитие его духовной культуры, а притеснения и гонения не могли помешать тому росту его экономического благосостояния, который обусловливался общим ростом промышленности и торговли в России в десятилетний промежуток между японской и мировой войнами. Новых фараонов, как и библейских их предков, бесило это „усиление Израиля вопреки угнетению его“. Газеты бюрократии и „союза русского народа“—„Новое время“, „Русское Знамя“, „Земщина“—ежедневно изливали на евреев потоки ядовитой клеветы, а фракции правых в Государственной Думе делали

то же с парламентской трибуны. Исчерпав все средства юдофобской пропаганды, „союзники“ решили инсценировать средневековый ритуальный процесс. В 1911 г. черносотенные организации при помощи своих членов в Думе и правительстве создали чудовищное „дело Бейлиса“. Убийство русского мальчика Ющинского из семьи, входившей в состав воровской шайки в Киеве, и обнаружение трупа близ еврейского завода дали повод юдобофам выдвинуть против евреев обвинение в ритуальном убийстве, совершенном будто бы служащим при заводе Менделем Бейлисом. Сначала правительство еще колебалось в квалификации загадочного киевского преступления, но одно политическое событие вывело его из нерешительности. В сентябре 1911 г. в киевском театре, в присутствии царя и министров, был убит премьер Столыпин. Убийцей оказался сын адвоката еврейского происхождения и внук известного писателя Дмитрий Богров, полуанархист, некоторое время состоявший для каких-то революционных целей агентом охранного отделения в Киеве. Этого факта было достаточно, чтобы вызвать пароксизм ярости в лагере реакционеров, потерявших в лице Столыпина своего высокого покровителя. В Киеве открыто готовилась резня евреев, но правительство сочло неудобным допустить эту массовую казнь за преступление Богрова в торжественные дни пребывания царя в Киеве; оно объявило, что царь не желает эксцессов. Кровавого уличного погрома не было, но вместо него начался двухлетний бескровный погром на почве дела Бейлиса.

Министр юстиции Щегловитов, некогда либерал, превратившийся в черносотенца, решил придать процессу Бейлиса ритуальную окраску. Так как первоначальное судебное следствие не обнаружило никаких следов причастности евреев к темному воровскому преступлению, то министр юстиции назначил новое чрезвычайное следствие и затем непрерывно менял состав следователей и прокуратуры, пока не добился обвинительного акта, в котором все дело изображалось в виде ритуального преступления, совершенного евреем Бейлисом при участии „необнаруженных лиц“. Два года на почве „дела Бейлиса“ велась яростная юдофобская кампания в обществе, на улицах, в прессе и в Государственной Думе. Разбор дела в киевском суде, в октябре 1913 г., должен был увенчать успехом преступный замысел министра юстиции и черной сотни, но ожидания правительства не оправдались .Несмотря на специально подобранный состав суда, состоявший из коронных судей-юдо-

фобов и присяжных заседателей—невежественных крестьян и мещан, склонных верить в ритуальную легенду,—виновность евреев была отвергнута, и Бейлис был оправдан. Раздраженное неудачею правительство мстило всем тем либеральным кружкам и деятелям прессы, которые своей агитацией против гнусного навета вырвали добычу из рук черносотенцев: были затеяны десятки судебных процессов против редакторов и сотрудников газет, а также петербургского совета присяжных поверенных, вынесшего резолюцию протеста против юстиции Щегловитова в деле Бейлиса. Громкий процесс адвокатов разбирался в июне 1914 г., за месяц до начала мировой войны, и кончился осуждением 25 адвокатов за „возбуждение против правительства".

В трехлетие, предшествовавшее великой европейской войне, выросла еще одна грозная опасность для еврейства в одной части русской империи: в Польше. Беспримерный в истории национально-религиозный фанатизм поляков, вскормленный воинствующим католицизмом и российским гнетом, избрал в последнее время своим об'ектом еврейский народ. Усиление экономических позиций еврейства в двух промышленных центрах русской Польши, Варшаве и Лодзи, вызвало агитацию „бойкотистов". Польские антисемиты выпустили лозунг: „Не покупайте у евреев!", направленный главным образом против „литваков", т. е. тех сотен тысяч русских евреев, которые в последние десятилетия наиболее содействовали расцвету промышленности Польши, связав ее с русскими рынками. Мотив выставлялся противоречивый: русские евреи с одной стороны „руссифицируют Польшу", а с другой—выступают как члены особой еврейской нации, культивирующей в публичной жизни свой язык—„жаргон", имеющей свою прессу, свои школы и общественные организации, и не желающей ассимилироваться с польским народом. Начавшееся еще после революции 1905 года, польское антисемитское движение чрезвычайно обострилось в 1910—1911 г., когда бойкот перешел в экономический погром, и достигло своей крайней точки в 1912 г., во время выборов депутатов в 4-ю Государственную Думу. Евреи-выборщики в Варшаве составляли большинство и могли, следовательно, послать в Думу депутата-еврея; но, уступая национальному чувству поляков, желавших послать от своей столицы непременно „своего", христианина, евреи согласились на польскую кандидатуру с условием, чтобы она не была антисемитскою. Так как польский избирательный

комитет, несмотря на это, выставил кандидата-антисемита (Кухаржевского), евреи провели на выборах в Думу поляка-социалиста (Ягелло). Это вызвало взрыв негодования в высшем польском обществе и темной массе. Началась злобная травля евреев, которых в прессе и на улице называли „Бейлисами“ (проснулась „ритуальная“ бацилла, наделавшая столько ужасов в старой католической Польше). Экономический бойкот проводился с небывалым ожесточением, а местами бывали случаи коварных нападений на евреев: ночью поджигались в деревнях и местечках еврейские дома и в огне погибали целые семейства. Анти-еврейское движение принимало все более опасные формы, и к началу европейской войны 1914 года почти все польское общество—от „прогрессивных антисемитов“ до клерикалов—стояло в полном вооружении против еврейского народа. Из этого вооруженного лагеря раздался боевой лозунг: „Не может быть двух наций над Вислою“—смертный приговор двухмиллионному польскому еврейству, считающему себя (за исключением кучки ассимиляторов) частью еврейской, а не польской нации. Оттуда выползла в самом начале мировой войны змея „военного навета“—о союзе евреев с немцами против России.

Юдофобия стала таким основным догматом русской внутренней политики, что царское правительство не допускало никакого посягательства извне на этот пункт своего символа веры. Оно не остановилось перед расторжением своего торгового договора с Соединенными Штатами Америки, лишь бы только не удовлетворить требование республики о допущении американских евреев в Россию наравне с американскими гражданами других национальностей. После многолетней дипломатической переписки между обоими государствами и сильной политической агитации в Америке, конгресс Соединенных Штатов постановил расторгнуть торговый договор со страной, которая делит у себя американских граждан на полноправных и бесправных (1911 г.). Для России это расстройство торговых сношений с великой заатлантической республикой имело тяжелые экономические последствия, но зато „честь“ была спасена: юдофобская стойкость русского правительства была еще раз продемонстрирована перед всем цивилизованным миром.

—

В таком положении находился крупнейший в мире еврейский центр, в тот момент, когда Россия очутилась в огне мировой

войны. Грозная внешняя война, предвестница гибели империи, не изменила отношений к евреям. Напротив, во многом положение их изменилось к худшему. Их теперь преследовали два правительства: гражданское правительство царя внутри страны и военное правительство главнокомандующего армией на западном фронте, в гуще „черты еврейской оседлости“. Воюя бесславно с германской коалицией, вожди русской армии одерживали победы на „еврейском фронте“: военные погромы в населенных евреями городах стали обычным явлением; одним почерком пера главнокомандующего были изгнаны из Литвы, Лифляндии и Курляндии около двухсот тысяч евреев с женами и детьми и заброшены в восточные губернии России (весна 1915 г.). Давивший всю страну кошмар внутренней политики, направляемой Распутиными и Штюрмерами, особенно давил евреев, сжатых между враждебными элементами сверху и снизу.

Светлая весна 1917 года, избавившая Россию от царизма, принесла избавление одновременно и русскому, и еврейскому народам. Мартовская революция дала шести миллионам бесправных полную гражданскую эмансипацию (акт 21 марта). Вместе со всеми народами России еврейский народ стал уже готовиться к обновлению, к строительству своей жизни на новых началах в новой, свободной Росссийской Республике. Но скоро начался хаос гражданской войны. Еврейский центр оказался разбитым на кусочки. Половина его очутилась в новообразованных окраинных государствах—Польше, Литве, Латвии; два миллиона евреев на Украине стали жертвами трехлетней гражданской войны и были растерты в порошок между жерновами белых и красных армий... Разрушенный центр стоит теперь, как сфинкс, на распутьи всемирной истории. Разгадает его тайну будущая историческая эпоха...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
Глава	I. Политический гнет и гражданское бесправие (1894 — 1902 г.).	5
„	II. Национальное пробуждение (1897 — 1902 г.)	24
„	III. Кишиневская резня и Японская война (1903 — 1904 г.)	39
„	IV. Революция и погромы (1905 — 1906 г.)	62
„	V. Черная реакция. Внешние удары и внутренний рост (1907 – 1914 г.)	85
Заключение	. . . . .	99

КНИГА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В ЭПОХУ АНТИСЕМИТСКОЙ РЕАКЦИИ

(1881—1914).

ГЛАВА I.

Антисемитизм в Германии (1881—1900 гг.).

§ 1. Новая юдофобская реакция и ее причины.

Когда после бессмысленной драки двух культурнейших наций, именуемой франко-прусской войной, подписывался в 1871 году мир между победителями и побежденными, Европа еще не знала. что вместе с тем предрешалась на полвека ее политическая судьба. В этот момент, закрепивший торжество грубой силы, родилась глубокая политическая реакция, более опасная, чем реакция, последовавшая за Венским конгрессом 1815 года. Тогда, после французской революции и Наполеоновской империи, был создан „Священный союз“ монархов против народов, против либерально-конституционных стремлений века; но через три десятилетия вешние воды 1848 года снесли эту плотину, и в средней Европе установился—хоть и плохой—конституционный порядок, принесший гражданскую эмансипацию и евреям. Более злокачественною оказалась о б щ е с т в е н н а я реакция, зародившаяся после франко-прусской войны и вполне созревшая к 80-м годам XIX века. Она коренилась в международной вражде, приведшей к образованию двух европейских коалиций—тройственного и двойственного союзов, вооруженных с головы до ног и готовых в любой момент броситься друг на друга. В Европе процвел культ милитаризма. Государства стремились превзойти друг друга в умножении своих армий, в изобретении и фабрикации орудий взаимоистребления. Это оправдывалось желанием предупредить новые войны и называлось состоянием „вооруженного мира“. Культ Марса рядился в маску пацифизма, но трудно было под этой маской скрыть лик кровожадного бога. Родным братом милитаризма был империализм. Охваченные жаждой колониального могущества, „великие державы“ наперерыв гнались

за захватом внеевропейских территорий и расширением своей „сферы влияния“. Борьба за мировую гегемонию возбуждала взаимную ненависть и готовила кровавую жатву будущего...

Внешней борьбе вполне соответствовала внутренняя, также основанная на праве силы. Внутри милитаризованных стран „державные“ нации боролись с меньшими народностями во имя ложно понятого национального единства государства. *Государственный* национализм стремился к слиянию инородцев с господствующею нацией, навязывая им язык, школу и культуру последней, как некогда навязывали иноверцам господствующую религию. Здоровое национальное чувство вырождалось в шовинизм. К этой внутренней войне народностей присоединялась борьба классов, борьба между капиталом и трудом, все более обострявшаяся потому, что милитаризм и национальные раздоры отвлекали внимание правительств от широких социальных реформ, которые могли бы спасти государства от страшных потрясений. Так подготовлялись одновременно те взрывчатые вещества, которые вызвали в 1914 году катастрофу мировой войны, а затем взрыв социальной и гражданской войны, последствия которой еще трудно предугадать.

Очагом второй реакции была Германия. Победа 1870 года была губительным ядом для страны высшей умственной культуры, увлекшейся культом „бронированного кулака“. Об'единение разрозненных германских государств в большую военную империю под главенством Пруссии усилило здесь до крайности принцип национально-государственного единства. Сама идея „государственности“ превратилась в какой-то фетиш. Оффициальный историограф Пруссии Трейчке развивал (в своей книге „Политика“) мысль о том, что государство есть „личность“, для которой забота о своем могуществе есть высший нравственный закон; отрицание этого закона есть „хула на Духа Святого“. Прежнее обожествление монарха превратилось при конституционном строе в обожествление государства, монархический абсолютизм—в государственный. Всякая общественная группа должна жертвовать своей индивидуальностью ради индивидуальности государственной. Германизм, германская культура, даже „германский дух“ обязательны для всех населяющих империю народностей. На этой почве германское правительство, в лице канцлера Бисмарка, затеяло „культурную борьбу“ (Kulturkampf)

с космополитической силою католицизма, исповедуемого значительной частью населения (баварцы, поляки и др.). Церковный абсолютизм „непогрешимого" папы Пия IX, ставший на пути имперского абсолютизма, был сокрушен рукой железного канцлера. Католикам в Германии пришлось мириться с ограничением своей автономии в церковно-гражданских делах (майские законы 1873 г.). Немецкие либералы, и евреи в том числе, сочувствовали „культуркампфу", как торжеству светского начала над церковным, над клерикализмом. Евреи не предвидели, что железный молот, ковавший государственное единство, больно ударит и по ним, как ни старались они приспособляться к национальному культу об'единенной Германии.

Создание военной империи совпало с окончательным бумажным признанием равноправия евреев, и они считали своим патриотическим долгом поддерживать новый строй. Они старались не уступать коренным немцам в ультра-патриотизме, в служении идолу великодержавия. Многолетний процесс ассимиляции давно уже вытравил из их душ еврейское национальное самосознание, заменив его суррогатом религиозного единства, которое, в свою очередь, ослабело после раскола между ортодоксами и реформистами в общинах. Бесформенное и раздробленное внутри, германское еврейство всегда демонстрировало свое национально-политическое единство с немецким народом. С трудом добившись звания Staatsbürger, евреи всех рангов силились доказать, что они достойны этого звания. Вместе с тем они, конечно, старались воспользоваться плодами долгождáнной эмансипации. С отменою правовых ограничений они стали проникать в ранее закрытые для них области хозяйственной и общественной деятельности. Для торговой буржуазии открылось широкое поприще деятельности в начале 70-х годов, когда разбогатевшая от французской контрибуции страна была охвачена горячкою „грюндерства", коммерческого предпринимательства. Учреждались всевозможные акционерные общества, строились железные дороги, продавались и скупались акции, развилась бешеная биржевая игра,— но в конце концов эта пляска миллионов привела к финансовому краху (1873), разорившему огромную массу владельцев акций в среднем и бедном классе. Тогда стали сваливать вину на евреев, которые в этой спекуляции бросались в глаза лишь потому, что они вообще были пропорционально больше представ-

лены в торговом классе; на самом деле среди видных дельцов биржи и грюндерства фигурировало много христианских имен, даже титулованных. В обществе и консервативной прессе поднялись крики о „золотом интернационале", о мнимом союзе еврейских капиталистов всех стран, представляющем такую же опасность для Германии, как интернационалы черный и красный—католическая церковь и социал-демократия. Действительною причиной недовольства были быстрые успехи евреев на более видных поприщах государственной и общественной деятельности. Образованные евреи, устремившиеся в различные области государственной службы и свободных профессий, часто выдвигались там, благодаря своим дарованиям. Особенно бросались они в глаза в политической прессе: наиболее влиятельные либеральные газеты, где часто задевались больные места германской жизни, издавались евреями и имели талантливых сотрудников еврейского происхождения, хотя и совершенно чуждых еврейским интересам („Berliner Tageblatt", „Frankfurter Zeitung" и др.). Все это возбуждало недовольство и беспокойство в различных классах немецкого общества. Аграрии и юнкерство презирали новую денежную аристократию, в которой видное место занимали евреи. Бюрократы были недовольны вторжением еврейских чиновников в их канцелярии, хотя никогда германские правительства не пускали евреев дальше средних ступеней служебной иерархии. Лица же свободных интеллигентных профессий—адвокаты, врачи, профессора, журналисты—испугались конкурренции. В той области, где личная конкурренция переплеталась с партийной политической борьбой, анти-еврейское настроение было особенно сильно. „Евреи захватили всю прессу"—вопили консерваторы всех оттенков, раздраженные популярностью либеральных газет. Реакционные и консервативные газеты („Kreuzzeitung", „Germania" и др.) старались опорочить либеральную прессу, как „еврейскую", ненациональную, хотя и еврейские либеральные журналисты писали в архи-патриотическом духе.

Общественная юдофобия вполне совпадала с тенденциями германского правительства. После разрыва Бисмарка с либеральной партией, помогавшей ему в деле об'единения Германии, парламентская борьба с либералами и прогрессистами велась с крайним ожесточением. Склоняясь все более в сторону консервативных партий, опорою которых был император Вильгельм I,

Бисмарк не мог не воспользоваться их тактикою в борьбе с либерализмом и демократизмом, как течениями, „чуждыми германскому духу“. Ему легче было бороться с лидерами либеральной оппозиции в рейхстаге, Рихтером и Риккертом, когда рядом с ними сидели еврей Ласкер и Бамбергер, столь же непримиримые враги железного канцлера на парламентской трибуне. Правительству при этом не было надобности непосредственно выступать против евреев, как это практиковалось в деспотической России или Румынии: достаточно было не мешать юдофобской пропаганде. Этим прикрывались и частые нарушения гражданского равноправия со стороны министров, которые старались не назначать евреев на ответственные государственные должности; в таких случаях было готовое оправдание: народ не доверяет еврею-чиновнику или судье. Общественная война с евреями оказывала правительству еще одну услугу: она отвлекала внимание мелко-буржуазной и части рабочей демократии от социал-демократического движения, с которым Бисмарк боролся путем жестоких репрессий (законы 1878 года).

В этой атмосфере, насыщенной ядом милитаризма и шовинизма, развилась новая разновидность вековечной германской юдофобии, получившая название антисемитизма [1]).

Связанная с европейской „второй реакцией“, новая вспышка юдофобии проявлялась в формах, сходных с анти-еврейским движением 1815—1819 годов, в начале первой реакции [2]). Тогда юдофобы выступали под лозунгом—„христианского государства“, то-есть истинно-немецкого, в котором христианская культура выставлялась существенным аттрибутом. Не случайностью было то, что зачинщиком новой юдофобской кампании явился придворный пастор Адольф Штеккер, начавший свою агитацию под

---

[1]) Этот термин впервые стал употребляться с 1879 года, когда Марр опубликовал свою книжку против „семитизма“ и основал „Антисемитскую лигу“, как будет изложено дальше. Не все вожди анти-еврейского движения сразу приняли этот термин, но он сам собою привился, как удобное название для движения, направленного не столько против еврейской религии, сколько против расы, национальности и культуры евреев. Весьма распространенное применение термина „антисемитизм“ к юдофобии более ранних эпох является анахронизмом, так как представление о евреях, как отрасли семитской расы, отличной от арийцев, есть продукт новейшего времени.

[2]) См. Дубнов, Новейшая история еврейского народа, Петр. 1914 и 1919 гг., § 55.

знаменем религии. Основанная им в 1878 г. в Берлине „Христианско-социальная рабочая партия“ (Christlich-Sociale Arbeiterpartei) имела сначала целью борьбу с социал-демократами. Вдохновляемый высшими консервативными кругами, придворный пастор противопоставлял опасному для них социальному движению свой „христианский социализм“, вытекающий из Евангелия и совместимый со страхом Божиим, преданностью кесарю и политическим смирением. Но рабочие не шли в штеккеровскую партию, и ей пришлось вскоре снять с своей вывески слово „Arbeiter“ и назваться просто „Христианско-социальной партией“. В это название вкладывался теперь новый смысл: необходимо строить социальную жизнь на христианских началах, которые слабеют в обществе под вредным влиянием либерального и демократического еврейства, а потому нужно вести борьбу с еврейством. Эта проповедь привлекла к Штеккеру совсем иную публику, чем та, на которую он расчитывал раньше; в новую организацию шли ремесленники, торговцы, приказчики, содержатели ресторанов и пивных лавок, вообще те элементы мещанства, которые унаследовали неприязнь к евреям от средневекового бюргерства с его цехами и гильдиями. Перед этой публикой Штеккер говорил в церквах и народных собраниях о том, что евреи зазнались после получения гражданского равноправия, что они пробираются в верхи общества, приобретают все больше влияния на ход государственной жизни,—а это таит в себе великую опасность для германизма. Когда берлинские либеральные газеты осмеяли агитацию придворного пастора, он стал яростно нападать на „еврейскую прессу, развращающую немецкий народ“. Еврей, говорил он, в силу своих национальных заветов гонятся за материальными благами, семитическая раса по своей натуре враждебна арийской, и, в частности, германскому народу. В других своих речах и писаниях он отрекался от расовой и религиозной постановки еврейского вопроса и выдвигал только „социально-этическую“ его сторону. Вообще, как идеолог, Штеккер не отличался ни ясностью, ни последовательностью, так как он всегда приспособлялся к настроению и вкусам своих слушателей. Хитрый политик, эмиссар придворных реакционеров, он не мог компрометировать своих высоких покровителей вульгарной агитацией, а потому выражался неопределенно, стараясь только пробудить атавизм юдофобии в восприимчивых душах. Так вел

он себя в собраниях членов „Христианско-социальной партии“, в прусском ландтаге и позже в рейхстаге (он был избран депутатом в ландтаг в 1879 г, а в рейхстаг—в 1881 г.). Старый император Вильгельм I и канцлер Бисмарк несомненно поощряли агитацию гоф-предигера и следили только за тем, чтобы он не доводил дела до общественного скандала.

Скандальные проявления антисемитизма предоставлялись вольным людям, не связанным с оффициальными сферами. В 1879 г. на сцену выступил темный агитатор Вильгельм Марр, крещеный сын еврея-актера, ранее принадлежавший к кругу радикальных журналистов, но изгнанный оттуда за неблаговидные поступки. Он опубликовал резкий памфлет под заглавием „Победа еврейства над германством“, с эпиграфом на заглавном листе: „Горе побежденным!“. Удрученный горем „побежденных“ германцев, Марр в своей брошюре вопил о помощи против евреев-„победителей“. Он предупреждал, что рассматривает еврейский вопрос не с религиозной точки зрения: для него это исключительно вопрос расовый на исторической почве. Целое семитское племя, ненавидимое на Востоке,—говорит он,—было оторвано рукой древнего Рима от Палестины и брошено в Европу, где оно стало систематически покорять туземцев. Материалисты по натуре, ненавидящие иноплеменников по своим религиозным заветам, евреи развили промышленность и торговлю в Европе с единственной целью—захвата богатств и власти. Освободившись от состояния бесправия, они прежде всего набросились на Германию и „ожидовили“ ее. В их руках капитал и огромная сила прессы, управляющей общественным мнением; им подчинена немецкая либеральная партия, они влияют на законодательные учреждения и скоро будут направлять деятельность правительства. Евреи покорили Германию, как некогда монголы покорили Китай, но монголы слились с китайцами, между тем как евреи, неспособные ассимилироваться с кем бы то ни было, стремятся об'еврейть немцев. Семитизм поработил германство, и если немцы не об'единятся для борьбы с этой „социально-политической опасностью“, то наступит конец Германии (finis Germaniae). Этот социально-политический бред, исходивший от человека, не столько одураченного, сколько морочившего других, произвел впечатление на малообразованную публику, которая принимает крикливость за признак искреннего убеждения. Памфлет читался

и разошелся в нескольких изданиях [1]). На обложке своей брошюры Марр призывал читателей собирать деньги для издания анти-еврейского журнала, предпринятого им вместе с другими писателями. Этот сбор денег был, повидимому, наиболее существенным мотивом в агитации разорившегося журналиста, выброшенного из рядов деятелей „ожидовленной“ прессы. На собранные деньги Марр стал издавать „антисемитские“ книжки (Zwanglose antisemitische Hefte, 1880). Он организовал в Берлине „Антисемитскую лигу“, члены которой обязывались не иметь никаких дел с евреями, не продавать им и не покупать у них. Вскоре он для рекламы переименовал лигу в „Немецкий реформаторский союз“, который, конечно, был в такой же мере реформаторским, в какой „Христианско-социальная партия“ Штеккера была социалистической. В Берлине и других городах возникали антисемитские кружки, печатались листки и брошюры в марровском духе; в пивных заведениях раздавались нетрезвые антисемитские речи.

Шум улицы проник в кабинеты ученых, которые умудрились расслышать в нем „глас народа“. Первым откликнулся упомянутый выше берлинский профессор Трейчке, идеолог новой Германии, пропитанной идеей государственного национализма. Ему не нравились грубые приемы пропаганды антисемитов, но по существу он одобрял новое движение, как демонстрацию против „засилья“ евреев. В конце 1879 г. Трейчке опубликовал две статьи (в редактируемых им „Preussische Jahrbücher“), в которых высказал в „научной форме“ то, что Марр излил в форме пасквиля. Еврейство, по мнению оффициального прусского историка, представляет несомненную опасность для Германии. „Через нашу восточную границу—говорит он с злобной иронией—ежегодно пробирается к нам из неистощимого еврейского гнезда в Польше толпа молодых и предприимчивых продавцов брюк, потомки которых некогда будут хозяевами немецкой биржи и немецких газет. И все серьезнее становится вопрос, сможет ли эта чуждая народность слиться с нашим народом“. В дальнейшем выясняется, что если пришлые евреи не могут, то коренные не хотят сделаться немцами, „просто и прямо почувствовать себя немцами“, а считают себя избранной расой, стоящею выше „немецких гоев“.

---

[1]) В России его поспешила опубликовать в переводе газета „Новое Время“, пустившая тогда в оборот клич: „Жид идет!“.

Доказательство тому—непочтительные отзывы еврейского историка Греца о христианстве и о великих людях Германии от Лютера до Гете и Фихте (по поводу юдофобских выходок этих великих людей). Наиболее удручает ученого прусского шовиниста то, что „евреи забрали в свои руки" ежедневные газеты и таким образом стали руководителями общественного мнения. Либеральные и радикальные еврейские журналисты идут по стопам своего родоначальника Берне, который „впервые ввел в нашу журналистику бесстыдную манеру говорить об отечестве без всякого благоговения, как бы вне стоящий, не принадлежащий к этому отечеству". После эмансипации евреи дерзко пробираются на первые места, „требуют равенства в буквальном смысле, забывая, что немцы—христианский народ, а евреи среди них составляют меньшинство". Отсюда „естественная реакция германского народного чувства против чуждого элемента, занявшего слишком широкое место в нашей жизни". Анти-еврейское движение охватывает самые разнообразные слои немецкого общества. Все эти голоса протеста сливаются в один крик: „евреи—наше несчастье" (Die Juden sind unser Unglück). Об отмене равноправия, конечно, не может быть речи, но евреи должны одуматься и решиться стать настоящими немцами, вместо того, чтобы „твердые немецкие головы обращать в еврейские". Во второй своей статье Трейчке выражается более откровенно. Цитируя отрывки из „Истории евреев" Греца и усматривая в них притязания на признание еврейской национальности внутри немецкой, он восклицает: „На такое притязание всякий немец, для которого христианство и народность—святыни, коротко ответит: никогда! Наше государство всегда видело в евреях только религиозное сообщество и дало им гражданское равноправие в предположении, что они сравнятся (сольются национально) со своими согражданами. Если же еврейство потребует признания своей национальности, то рушится правовая основа эмансипации. Для исполнения такого желания остается только один путь: выселиться и основать еврейское государство где-нибудь заграницей. На германской земле нет места для двойной национальности"...

Вся трагическая сущность еврейской проблемы выражена была в этих жестких словах. Ведь формально Грейчке был прав: если бы евреи действительно потребовали признания своей национальности в Германии, они должны были бы лишиться граждан-

ских прав, которые даны им под условием полного отказа от своей национальности. Несправедливо было новое юдофобское нападение, поскольку ассимилированные германские евреи искренно считали себя принадлежащими не к еврейской, а к немецкой нации, и всеми силами старались это доказать. Такие чисто духовные националисты, как Грец, составляли редкое исключение среди представителей немецкого еврейства, да и сам великий историк никогда не решался пред'являть требования о государственном признании еврейской нации. Трагизм положения был именно в той роковой лжи века, которою обусловливалась эмансипация, в том деспотизме господствующей нации, который считался законным и в новом конституционном государстве, который допускал насильственное онемечение польской Познани, а евреям запрещал даже считать себя нацией под угрозой лишения гражданских прав.

Достойного ответа идеолог этого национального деспотизма не получил ни от евреев, ни от более прогрессивных христиан. Один из лучших евреев Германии, идеалист и восторженный поклонник этического иудаизма, М. Лацарус, откликнулся на первые антисемитские выступления заявлением, что германские евреи и по языку, и по самосознанию являются немцами, исповедующими иудейскую веру, наряду с немцами-католиками среди протестантов [1]),—на что Трейчке возразил, что протестантство и католичество, как ветви христианской религии, могут уживаться в германизме, между тем, как иудейство ему органически чуждо. С другой стороны, либеральный историк Момзен [2]), упрекая своего коллегу по берлинскому университету Трейчке за разжигание национальных страстей в об'единенной Германии, вменял евреям в священную обязанность полное растворение в немецком народе. Он находил, что немецкие евреи честно исполняют договор об ассимиляции, и возлагал большие надежды на участившиеся браки между евреями и христианами: „в сплаве, из которого формируется германский металл, очень полезна примесь нескольких процентов Израиля". Момзен только недоумевает, почему не переходят в христианство те свободомыслящие евреи, которые не признают и своей религии: ведь христианство—убе-

---

[1]) См. „Нов. ист. евр. народа", изд. 1914 г. § 89.

[2]) В брошюре «Auch ein Wort uber unser Judentum». Берлин, 1830.

ждает он—обозначает теперь не то, что прежде; это лишь термин для обозначения европейской цивилизации, и приобщающийся к ней должен хотя бы формально приобщиться к христианству, если не желает занимать двусмысленное положение. „Вступление в великую нацию стоит жертв"; эту жертву приносят и ганноверцы, и гессенцы, и шлезвиг-голштинцы, сливаясь в единую нацию: так должны поступать и евреи, если они не хотят быть „элементом разложения". Иначе не мог говорить историк древнего Рима, который в своем классическом труде осуждал героическую Иудею, бившуюся в когтях римского орла, за то, что она не дала себя поглотить мировому хищнику по примеру других наций Востока.

Наиболее ярким и последовательным идеологом антисемитизма был философ Дюринг, даровитый слепец с болезненным, страстным, наименее „философским" темпераментом. Озлобленный против всего еврейства за то, что некоторые из его еврейских коллег в совете профессоров берлинского университета содействовали исключению его из состава преподавателей, Дюринг не раз высказывался в духе крайней „органической юдофобии". В 1880 г. он написал книгу „Еврейский вопрос, как вопрос расы, нравственности и культуры". Еврейское племя, по мнению Дюринга, есть худшая отрасль семитской расы, заклейменная еще римским историком Тацитом, который расхвалил древних германцев. Эта скверная порода людей ничего не дала миру, а все забирала у других народов. Ее цель—власть над миром, эксплоатация всех народов, использование всяких политических обстоятельств для своих выгод. Религиозно-нравственное миросозерцание Библии ниже не только эллинизма, но и древнегерманской мифологии. Никуда негодно и творчество еврейских умов нового времени, за исключением отчасти Спинозы. Евреи в немецкой литературе—скандалисты и циники: таковы Берне, Гейне, Маркс; даже юдофил Лессинг есть литературное ничтожество и прославился лишь потому, что евреи шумно рекламировали его „Натана Мудрого"—идеализацию еврея. Анти-социальные особенности еврейства приносят особый вред в политической деятельности и в прессе. Вот почему ближайшая задача государства должна состоять в том, чтобы вытеснить евреев из государственных учреждений, прессы, школы, хозяйственной жизни; нужно даже противодействовать смешанным бракам, во избежание

„ожидовления крови“, и вообще создать непроходимый барьер между еврейством и германством. Таким образом, этот явный маниак, возведший в философскую доктрину манию преследования со стороны евреев, довел до уродливых крайностей предпосылки Штеккера, Марра и Трейчке и поэтому пришел к сугубо-юдофобскому выводу: что евреев не спасет и полная ассимиляция, ибо растворение их в германском народе только вгонит болезнь внутрь и превратит тевтонов в полуеврейскую расу. Единственный выход в том, чтобы создать для этой „низшей расы“ новое египетское рабство, низвести евреев до степени париев.

Так повторилось в Германии конца XIX века движение, ознаменовавшее его первые десятилетия, повторилось в худшем виде и стало более интенсивным. Рюс, Фрис и Паулус воскресли в образах Штеккера, Марра и Трейчке, а бешеная юдофобия Дюринга не имела даже своей параллели в прошлом (если не считать теории памфлетиста Гунта-Радовского [1]). Вскоре повторилось и погромное „hep-hep“ 1819 года в событиях 1881 года, который является роковой датой в истории обеих частей европейского еврейства—западной и восточной.

§ 2. Антисемитская петиция и травля евреев (1880—81 г.г).

В эпоху первой реакции главным орудием анти-еврейской пропаганды служила литература, в виде книг или брошюр; газетная пресса тогда была еще мало развита, не было свободы политических союзов и собраний, не было и парламентского аппарата. Теперь, в конституционной Германии, пути борьбы расширились: можно было агитировать и во время парламентских выборов, и в самих законодательных учреждениях—имперском рейхстаге и ландтагах отдельных стран, в обществах, союзах и народных собраниях, наконец, в разросшейся ежедневной прессе, приобревшей значение „великой державы“. Всеми этими орудиями агитации пользовались юдофобы новой фармации, антисемиты. Работа Штеккеров и Марров принесла свои плоды. За Штеккером шли более степенные люди, добивавшиеся ограничения гражданских прав евреев путем воздействия на парламент и правительство. За Марром и его антисемитской лигой шла улица—мелкое мещанство и чиновничество, которым нравилась

[1]) „Новейшая История“, § 55.

проповедь бойкота евреев. Этот люд шумел в антисемитских собраниях, скандалил в харчевнях и ресторанах, оскорбляя и выталкивая оттуда посетителей еврейского типа; доходило и до столкновений на улицах и в вагонах городских железных дорог. Модным движением увлеклась и значительная часть немецкого студенчества—те буйные бурши, которые в шумных забавах, попойках и дуэлях видели главный смысл студенческой жизни. В Берлине образовался „Союз немецких студентов", члены которого обязывались не иметь никаких сношений с товарищами-евреями и нередко оскорбляли их в стенах университета. Оскорбленные иногда вызывали противников на дуэль и дело кончалось кровавой развязкой. Даже среди гимназистов появились маленькие антисемиты, поощряемые явным сочувствием учительского персонала. Какой-то учитель гимназии в Берлине, Генрици, выступал в народных собраниях с яростными юдофобскими речами. Либеральная городская дума нашла, что такой педагог не может воспитывать честных граждан, и уволила его от должности, но это только увеличило популярность Генрици среди антисемитов и усилило его агитаторский пыл. Все эти скандалы творились под флагом патриотизма, во имя любви к Богу, кайзеру и фатерланду. Антисемитские собрания часто посылали приветственные телеграммы в патриотическом духе канцлеру Бисмарку и получали от него весьма любезные ответы. Источник этих взаимных любезностей таился в том „рептильном фонде", из которого ведомство канцлера выдавало негласные субсидии газетам „патриотического" направления. На эти деньги издавались, повидимому, вновь появившиеся антисемитские листки и брошюры, которые без поддержки извне не могли бы распространяться.

Первым политическим актом антисемитов была подача коллективной петиции имперскому канцлеру. Этот акт, исходивший из кружка Штеккера, имел целью с одной стороны поддержать прусское правительство в его реакционной политике, а с другой—развить широкую агитацию при собирании подписей под петицией. Эта петиционная кампания длилась почти целый год (1880 и начало 1881). Во вступительной части петиции были ясно формулированы ее мотивы: „Преобладание еврейского элемента заключает в себе серьезную опасность для нашей нации. Везде, где еврей и христианин вступают в какие-либо обществен-

ные отношения, мы видим, что еврей является господином, а коренное христианское население находится в полной зависимости от него. Значительная часть капитала, управляющего национальным производством, находится в руках евреев. Одновременно с увеличением движимого капитала растет и количество недвижимого богатства у евреев. Не только самые великолепные здания столицы (Берлина) принадлежат евреям, отцы и деды которых пришли к нам как коробейники и барышники, но и поземельная собственность, эта важнейшая консервативная опора нашего государственного строя, все более переходит в руки евреев. В виду этих обстоятельств и значительного проникновения семитических элементов в такие места, с которыми связаны власть и влияние, мы вправе задаться вопросом: какая будущность ожидает наше отечество, если семитам еще дальше дозволено будет делать там такие же завоевания, какие сделаны ими в последние двадцать лет?.. Опасность, угрожающая нашей народности, должна возрастать в той мере, в какой евреям удастся затемнять наше религиозное и национальное самосознание путем печати или захвата должностей в государственных учреждениях, влияющих на духовный строй нашего отечества. Мы имеем в виду прежде всего должности учителей и судей. И те, и другие были раньше недоступны евреям и должны быть опять закрыты для них. Мы далеки от желания вновь угнетать евреев, а стремимся только к эмансипации немецкого народа от чужеземного ига“ [1]). На основании этих мотивов, явно изобличающих руку Штеккера или Трейчке, петиционеры пред‘явили правительству следующие требования: 1) ограничить переселение евреев в Германию из других стран, 2) удалить евреев от всех ответственных государственных должностей и не допускать их в судебное ведомство в качестве единоличных судей, 3) для сохранения христианского характера низшей народной школы, допускать туда только учителей-христиан даже в том случае, если школа посещается и еврейскими детьми; в средних же и высших учебных заведениях учителя-евреи могут быть допущены к преподаванию только в исключительных, особо мотивирован-

---

[1]) Надо иметь в виду, что в то время на 45 миллионов христианского населения Германии приходилось только около полумиллиона евреев, которые сосредоточивались преимущественно в больших городах (в Берлине—54.000).

ных случаях; 4) восстановить ведение особой оффициальной статистики евреев в Германии.

Содержание этой петиции должно было доставить удовольствие прусскому правительству: ведь оно и без того на практике нарушало конституционный акт равноправия в той именно области государственной службы, на которую указывали петиционеры. Реакционный министр исповеданий Путткаммер запрещал назначать евреев учителями в гимназиях; в других министерствах еврейские кандидаты, даже наиболее даровитые, допускались обыкновенно только на низшие должности. Иммиграция евреев из Польши и России всегда встречала препятствия со стороны прусских властей, и петиция могла подать повод только к усилению этих репрессий, что и сделано было Бисмарком спустя несколько лет, когда из Германии были беспощадно изгнаны массы польско-русских евреев, давно там поселившихся. Зная настроение правительства, инициаторы петиции убеждали более крайних антисемитов ограничиваться пока этими „скромными“ требованиями, которые могут быть удовлетворены „в порядке управления“, т. е. без обсуждения их в парламенте, где либеральное большинство провалило бы такие предложения. Текст петиции был разослан в десятках тысяч экземпляров по всем городам Германии. Везде деятельно собирались подписи под нею, и в связи с этим велась разнузданная юдофобская агитация. В сопроводительной записке при петиции говорилось, что Бисмарк и прусское правительство одобряют такое из'явление народных желаний. Поэтому местные власти, чтобы угодить начальству, не только не препятствовали распространению петиции, но сами часто подписывались под нею и склоняли к тому же подчиненных. Беспощадно строгая к политической пропаганде либералов, а тем более социалистов, прусская полиция относилась с явным сочувствием к патриотическим манифестациям, которыми сопровождалось распространение антисемитской петиции, направленной против основных законов. Этот подкоп под конституцию и проповедь гражданской войны вызвали протест со стороны либералов. Группа видных представителей берлинского общества опубликовала в газетах (12 ноября 1880 г.) горячо написанную декларацию, в которой новое анти-еврейское движение было названо „национальным позором“ Германии. В этом воззвании говорилось, что антисемитская агитация грозит разру-

шить с таким трудом достигнутое национальное единство Германии, ибо оно направлено против таких сограждан, „которые честно и усердно старались в единении со всей нацией отбросить свою обособленность“. На Германию надвигается тьма средневековья, волна расовой ненависти и фанатизма. „Заветы Лессинга колеблются теми, которые должны были бы с амвона и кафедры раз'яснять, что наша культура преодолела уже былое обособление племени, некогда давшего миру идею единого Бога“. Декларация кончается призывом к обществу: „воспрепятствовать смуте и отвратить национальный позор, усмирить искусственно возбужденные страсти“ и восстановить гражданский мир в стране. Под декларацией были подписаны 76 имен ученых и общественных деятелей (Момзен, Дройзен, Г'нейст, Вирхов, астроном Ферстер, берлинский обер-бургомистр Форкенбек,[1] старшины берлинского купечества, члены академии наук, депутаты парламента и члены городской думы).

Через неделю после опубликования этой декларации, в прусской палате депутатов (ландтаг) произошли горячие прения по еврейскому вопросу в связи с странствовавшей тогда по Германии антисемитской петицией. Депутат-прогрессист профессор Генель обратился в палате с запросом к правительству по поводу агитации, которая ведется в Пруссии против еврейских граждан и местами приводит к эксцессам; так как агитация связана с распространением петиции на имя канцлера, то депутат спрашивал, как относится прусское правительство к этим требованиям нарушения основных законов. Запрос Генеля обсуждался в двух заседаниях палаты (20 и 22 ноября). Вице-президент прусского совета министров граф Штольберг ответил, что петиция еще не поступила к канцлеру, но что правительство не намерено отступить от основного закона о равноправии граждан. Оффициально-холодный тон ответа, в котором даже не упоминалось о евреях, не мог успокоить авторов запроса, а последовавшая затем речь одного консервативного депутата (Рейхеншпергера) раскрыла политику правительства. Одобряя стремления антисемитов, депутат выразил желание услышать от представителя министерства, что оно не намерено изменить свою административную практику по отношению к евреям. Было ясно, что желания антисемитов совпадают с практикой правительства. И вот на трибуну вышли лучшие ораторы либерально-прогрес-

сивной партии. Рудольф Вирхов (знаменитый медик) в своей речи назвал „шарлатанскими“ приемы антисемитов, которые оперируют то расовыми, то религиозными, то экономическими мотивами; он заявил, что правительство, опирающееся на консервативную партию, несомненно солидарно с антисемитами и несет ответственность за их действия. Другие ораторы характеризовали штеккеровский „христианский социализм“, как низкую демагогию, прикрывающую реакционные и юдофобские стремления. Лидер прогрессистов, Евгений Рихтер в блестящей речи сказал, обращаясь к консерваторам: „Вы жалуетесь на биржевую спекуляцию евреев, но забываете, что в ней участвовали немецкие князья и герцоги, которых изобличил в парламенте именно еврей Ласкер. Народные банки—наилучшее орудие против ростовщичества, а во главе берлинского народного банка стоит еврей Штрасман (член берлинской городской думы). Вы жалуетесь на „еврейскую прессу“, но сознайтесь, что вы этим обозначаете либеральную печать вообще. Правительство преследует социал-демократов, выступающих только против имущих классов, и покровительствует социал-христианам, проповедующим вражду к целой расе. Я отлично знаю, что в этом деле замешаны руки и голова германского канцлера; друзья Бисмарка, Трейчке и Буш, участвуют в антисемитском движении. Недаром петиция обращена к князю Бисмарку. Петиционеры уверены, что если соберется миллион подписей, то Бисмарк возьмется за дело. Для выяснения этого мы и внесли запрос, ибо желаем, чтобы было подавлено реакционное движение, позорящее нашу страну“. После громовых речей оппозиции, все ждали об'яснения Штеккера, одного из главных вдохновителей петиции. Он выступил с длинной речью, в которой сквозь маску смиренного пастора проступали черты изворотливого политика. Штеккер уверял, что единственное его желание—водворить социальный мир, нарушенный евреями. „Еврейский вопрос для меня не вопрос религии или расы, а вопрос социально-нравственный. Он заключается в том, что полмиллиона наших сограждан-евреев принадлежат к другому племени, другой религии, имеют другой строй понятий, чувств и стремлений, отличающих их от нас, и в том, что они начинают занимать в нашей нации положение, не соответствующее их численности. Мы живем в государстве, где 80 процентов населения—христиане, и мы вправе требовать, чтобы на это го-

сударство смотрели как на христианское общежитие, управляемое христианской властью и христианским законодательством". Не замечая коренного противоречия между последними словами и вступительным заявлением, что еврейский вопрос не религиозный и не расовый, Штеккер в дальнейшем запутался в грубейших противоречиях, изобличавших неправдивость оратора. Когда ему крикнули слева: „подписали ли вы петицию?", он сначала ответил: нет, но когда ему указали, что его подпись имеется там, он признался, что впоследствии также подписался под петицией. Прения в ландтаге кончились без принятия определенной резолюции. Из самого обмена мнений достаточно выяснилось отношение разных партий к еврейскому вопросу и характер „нейтралитета" правительства в этом деле. В виду оффициального ответа министерства, оставалось только ждать результата петиции после подачи ее канцлеру.

Результат оказался таким, что положение формально не изменилось. В марте 1881 г. антисемитская петиция, под которою имелось около 300.000 подписей, была подана Бисмарку, но ответа на нее не последовало. Эта тактика молчания была, вероятно, заранее условлена между канцлером и организаторами петиции. И в самом деле, что мог ответить им Бисмарк? Что их требования давно уже проводятся на практике „в порядке управления" и впредь будут проводиться? Но эту правду неудобно было сказать, ибо это послужило бы поводом к неприятным парламентским запросам по поводу нарушения конституции. Правительству удобнее было поменьше говорить и побольше делать. Авгуры антисемитизма в обществе и правительстве отлично поняли друг друга. Труд был разделен: власть делала в административном порядке все возможное для утеснения евреев, а вожди антисемитов продолжали свою преступную травлю при гарантии невмешательства со стороны полиции. Оффициозы Бисмарка (газета „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" и журнал „Grenzboten") не скрывали своих симпатий к антисемитизму. После запроса в ландтаге, в газете канцлера говорилось, что в антисемитизме несомненно есть нечто хорошее, если против него выступают прогрессисты.

Между тем словесная травля привела к обычному эпилогу. Депутат Рихтер в вышеупомянутой речи пророчески говорил: „Остерегайтесь вызвать дикие страсти в разнузданной массе

народа. Не будите зверя в человеке: он потом ни перед чем не остановится!". Зажигательные речи антисемитов в собраниях, крикливые клеветнические статьи в газетах, агитация во время выборов в рейхстаг—вызвали в низах народа потребность перейти от слов к делу. Погромное движение началось в глухих городах Бранденбурга и Померании, в колыбели пруссачества. В городе Нейштетине, где находилась небольшая еврейская община, сгорела дотла вновь отстроенная синагога (18 февр 1881 г.). Выяснилось, что за несколько дней перед тем в Нейштетин приезжал ярый антисемитский агитатор Генрици, уволенный за скандалы от учительской должности в Берлине, и произносил там речи, подстрекавшие к насилиям против евреев; возникло поэтому подозрение, что синагогу поджег кто-нибудь из толпы, возбужденной проповедью агитатора (впоследствии подтвердилось, что это было делом местного кузнеца, пьяницы и свирепого антисемита). Спустя несколько месяцев в том же Нейштетине произошел открытый погром. Поводом послужило уличное столкновение между евреем, редактором местной газеты,—и адвокатом-антисемитом, задетым разоблачениями его темных дел в газете. Поколотив редактора и получив от него такой же ответ, адвокат позвал на помощь уличную толпу. Сбежавшаяся толпа христиан в несколько сот человек стала бить стекла в еврейских домах и магазинах, разбивать мебель, а местами грабить имущество (19 июля). Была разгромлена и редакция ненавистной „еврейской", т.-е. либеральной, газеты. Когда на другой день беспорядки возобновились, явился усиленный наряд полиции и войска и прекратил их. Вскоре такие же погромы, тайно подготовленные разветвленной организацией, повторились и в других местах поморской Пруссии (Гаммерштейн, Конитц, Бублитц, Ястров). Власти наконец спохватились и приняли энергичные меры для подавления беспорядков. Из Берлина был дан приказ арестовать и предать суду зачинщиков и подстрекателей, не разрешать антисемитских сходок и предупреждать погромы. Погромная эпидемия была таким образом локализована: она заглохла в гнезде своем—прусской провинции с наиболее отсталым населением, на которое, может быть, имели влияние слухи о погромах в соседней России. События в России могли показать Бисмарку и германским консерваторам, до каких пределов варварства может дойти анти-еврейское движение масс, во-время не остановленное,

а сравниться с своей восточной соседкой культурная Германия не хотела.

Все это происходило в разгар избирательной кампании. Во время выборов в рейхстаг (лето и осень 1881 г.) шла отчаянная борьба между консерваторами и либералами. Сначала антисемиты соединились с консерваторами под общим лозунгом: „Долой либералов и прогрессистов! Не избирайте еврея!“ Но скандальное поведение антисемитских кандидатов, вроде Генрици, на избирательных собраниях, их демагогические приемы и заигрывание с пролетариатом оттолкнули от них консерваторов, а погромы в Пруссии испугали феодалов и юнкеров, опасавшихся, что волна буйства перекинется из города в имения богатых дворян. Вследствие этого и спора из-за кандидатур, избирательный блок между консерваторами и антисемитами расстроился. Обе партии потерпели на выборах поражение. Консерваторы потеряли в рейхстаге много мест, доставшихся либералам и прогрессистам, среди которых было восемь еврейских депутатов (Ласкер, Бамбергер, редактор „Frankfurter Zeitung“ Зоннеман, экономист Макс Гирш, публицист Оппенгеймер, фабрикант Леве). Из антисемитских кандидатов прошел в рейхстаг только Штеккер, поддержанный протестантским духовенством. Бисмарк был крайне удручен исходом выборов и убедился, что антисемитская оппозиция еще слишком слаба для борьбы с либералами и социалистами. Антисемиты были предоставлены самим себе. Отныне все их усилия направлены к тому, чтобы укрепиться вне парламента, пустить корни в обществе и создать международную организацию борьбы с еврейством. В немецком обществе было еще достаточно природной юдофобии для того, чтобы отравлять евреям жизнь и без оффициальных приказов сверху. Администраторы и судьи с антисемитским правосознанием умели отводить законную кару от подстрекателей и погромщиков. Власти толковали закон так, что наказуемо только публичное подстрекательство против каждого еврея в отдельности, а не против всего еврейства, которое не составляет юридического лица. Самые грубые оскорбления еврейской религии не карались, потому что это считалось „свободной критикой“, между тем как насмешка над мнимою „одеждою Господней“ в католической церкви Трира была признана кощунством и повлекла за собой наказание по суду. Берлинский суд оправдал

содержателя гостиницы, выставившего в окнах каррикатуры с оскорбительными надписями против евреев, на том основании, что подсудимый хотел этим только рекламировать свою торговлю. При таких настроениях, общественный антисемитизм мог преуспевать и без правительственной санкции. Вильгельму I и Бисмарку не было надобности, подобно Александру III и русским министрам, марать руки юдофобской политикой, ибо с этим хорошо справлялось само общество.

Что же делало германское еврейство для своей самозащиты в первые годы разгула антисемитизма? Политически ассимилированное, лишенное национальной организации, оно имело только плохой суррогат такой организации в своих „религиозных общинах“ и центральном их союзе (Deutsch-israelitischen Gemeindebund). Каждая община в отдельности в политику вмешиваться не могла, так как являлась только церковным приходом, но союз общин имел в своем уставе пункт, дававший ему возможность реагировать на некоторые политические события. Союз был обязан „следить за всеми делами, касающимися правового и социального положения последователей иудейской религии, и защищать их от нападений“. На этом основании комитет союза (находившийся тогда в Лейпциге и вскоре перемещенный в Берлин) попытался воздействовать на правительство с целью обуздания антисемистской агитации. Еще в 1879 г., когда началась агитация Марра, комитет обратился в саксонское министерство юстиции с просьбой принять меры против распространения антисемистских памфлетов, призывающих к насилиям. В ходатайстве указывалось на возможность применить к агитаторам имперский закон против „обще-опасных стремлений социал-демократов“, так как Марр и его сподвижники натравливают массу на евреев, как капиталистов, и движение может направиться против класса имущих вообще. Ходатайство союза осталось без последствий, так как из всех правительств Германии саксонское было издавна наиболее юдофобским. Ни к чему не привело одновременное обращение союза и к князю Бисмарку. Канцлера просили не об оффициальном воздействии, а только о том, чтобы он „высоким моральным авторитетом своего слова указал путь права и гуманности смятенному и ложно направленному общественному мнению“. Бисмарк не удостоил просителей даже прямым ответом, а только поручил начальнику своей канцелярии сообщить, что их

„письмо касательно агитации против евреев получено“. С явным презрением отнеслось прусское правительство к попыткам берлинских евреев обратить его внимание на антисемистскую опасность. Три раза (1879—80 г. г.) обращался совет еврейской общины в Берлине к министру внутренних дел с письменным заявлением о необходимости принять меры против „гнусной агитации, нарушающей общественное спокойствие“, имея в виду безобразия антисемистов в столице; но министр Эйленбург не отвечал. Тогда председатель совета Магнус отправился к министру для личных об‘яснений, но получил в канцелярии грубый ответ, что министр не может входить с каждым посетителем в об‘яснения. На новое письменное заявление общины министр, наконец, ответил, что берлинская община не уполномочена подавать жалобы от имени всех евреев Пруссии, а государственная власть не может препятствовать публичной „критике“ существующих религиозных обществ, поскольку в ней нет нарушения закона, каковое в выступлениях „Христианско-социалистической партии“ не усматривается (июль 1880).

После таких циничных ответов из круга тайных покровителей Штеккера, берлинские деятели должны были бы понять что не хождением по канцеляриям, а политическим протестом и самопомощью еврейство может добиться уважения к своим правам,—но на это не хватило гражданского мужества. Представители германского еврейства решили воздержаться от всякой контр-агитации против антисемитизма и соблюдать спокойствие, чтобы еще больше не рассердить врагов. В конце 1880 г. комитет союза общин разослал циркуляр: „Как должен еврей держаться по отношению к антисемитскому движению?“ То было пастырское увещание, которое должно было убедить всех, что в еврействе больше евангельского смирения, чем в ратоборцах „христианского государства“. „Как ни больно—говорилось там—всякому мыслящему и чувствующему из наших единоверцев видеть, как распространяется вновь искусственно возбужденная религиозная и расовая ненависть,—пусть однако не ожесточится сердце его против христианских сограждан, пусть не слабеет его рвение в исполнении своих гражданских обязанностей. Это время испытания, которое учит нас ценить истинных друзей и заступников, должно также приучить нас оглянуться на самих себя“. Дальше говорится в дидактическом тоне о любви к труду, необходимости

соблюдать честность в торговле во избежание chilul haschem, о том, что не следует быть слишком чувствительным к обидам, что евреи должны быть верными немцами и вместе с тем преданными сынами синагоги. В этом послании было много трогательного смирения, но не было того, что требовалось для политического момента: сознания, что проповедь непротивления злу вредна, когда речь идет о защите коллектива. До необходимости политической самозащиты немецкое еврейство додумалось только позже, когда увидело, что смирением не унять ярости антисемитов. Пока единственным орудием борьбы оставалась литературная полемика, которая сводилась к апологии. Против идеологов антисемитизма, вроде Трейчке, выступали с доказательствами истинно-немецкого национализма евреев (вышеупомянутая речь Лацаруса) и величия этики иудаизма. Дальше еврейская самооборона не шла. Не возродилось еще сознание, которое дало бы смелость евреям снять с себя немецкую маску, подвергнуться еще большему риску нападения, но с верою в конечное торжество права над силою,—верою, действительно присущей еврейской этике. Тогда еще царила над умами условная ложь века, и нужна была сокрушительная молния истории, чтобы за этой завесой блеснула скрытая правда тридцати веков.

§ 3. Конгрессы антисемитов и усиление партии (1882—90 гг.).

В сентябре 1882 года в Дрездене состоялся „международный“ конгресс антисемитов, в котором участвовали только делегаты двух государств—Германии и Австро-Венгрии, в числе около 300 человек. Явились все вожди германского антисемитизма, а из Австрии прибыли главари венгерских антисемитов, которые перед тем создали в своей стране юдофобский террор в связи с тисса-эсларским ритуальным процессом (см. дальше). В зале заседаний конгресса, сбоку от президентского стола, висел портрет жертвы мнимого ритуального убийства, и под сенью кровавого призрака средневековья совещались воскресшие Капистраны о новых способах истребления еврейства... Заседания конгресса чередовались с общими обедами делегатов, где провозглашались тосты за лидеров движения и, между прочим, за „духовного отца антисемитизма“ князя Бисмарка. Приэтом пелась песня с рефреном: „Bald, Germanen, sei es wieder deutsch im deutschen Va-

terland“ (Скоро, немцы, все пойдет на немецкий лад в немецком отечестве). Штеккер прочел доклад, в котором развил следующие тезисы: 1) необходимо образовать международный союз для противодействия усилению еврейства; 2) еврейский вопрос не исключительно расовый и религиозный, а культурно-исторический, экономический и моральный; 3) влияние евреев держится на нечестных способах приобретения и употребления капитала и на враждебности их к христианскому общественному строю; 4) считая себя особою национальностью и по своим обычаям составляя особую касту, евреи не могут стать органической частью христианского общества, а реформированные среди них еще более опасны, чем староверы; 5) эмансипация евреев противоречит существу христианского государства и есть роковая ошибка; 6) евреи являются одновременно двигателями капитализма и революционного социализма и в обоих отношениях приближают государство к гибели; 7) против роста еврейской торговли нужно бороться законодательным путем, с целью сосредоточения торговли в христианских руках; 8) полная же победа над еврейством будет достигнута путем проведения христианского и национально-государственного духа во всех сферах жизни.

Эту программу Штеккера радикальный антисемит Генрици находил слишком умеренной. Он заявил, что еврейский вопрос может быть разрешен только путем изгнания евреев из страны на основании особого законодательного акта. „Пусть уйдут от нас, а куда—нам дела нет“. В предложенной им резолюции Генрици имел смелость требовать такого бесчеловечного акта „на основании государственного права“. Миссионер Делеруа (De le Roi) предлагал направить евреев в Египет, над которым тогда устанавливался английский протекторат. Штеккер возражал против таких крайностей: нужно решать еврейский вопрос по-христиански, постепенно, не спеша сразу достигнуть конечной цели (т.-е. исчезновения еврейства). „Нам—говорил он—не следует также упускать из виду, что антисемитская партия еще слаба, и если бы сейчас пустили в стране на голосование вопрос, кого изгнать: семитов или антисемитов, результат был бы не в пользу антисемитов“. После прений, тезисы Штеккера были приняты некоторыми поправками.

Другим героем конгресса был лидер венгерских антисемитов, парламентский депутат Истоци. Он прочел проект мани-

феста, обращенного „к правительствам и народам христианских государств, подвергающихся опасности от еврейства“. В каждой стране борьба с этой опасностью должна вестись в парламентах, городских управлениях, в печати и собраниях, а главным образом путем организации анти-еврейских оборонительных союзов. В области международной необходимо прежде всего парализовать тайную деятельность еврейского интернационала в Париже, именуемого „Всемирным Еврейским Союзом“, и противопоставить ему всемирный христианский союз. Единогласно принятый конгрессом манифест решено было напечатать в виде об'явления во „всемирно-еврейской газете“ Times, которая тогда обличала погромную политику в России и была ненавистна антисемитам.

Организованные в политическую партию, антисемиты заботились больше всего об усилении своего представительства в законодательных учреждениях. Тут они на первых порах имели неодинаковый успех на выборах в рейхстаг и в прусский ландтаг, производившихся по двум различным системам: всеобщего и цензо-классового избирательного прав. Выборы 1884 года в рейхстаг дали снова победу либералам и демократам, между которыми было пять депутатов-евреев; антисемиты провели только двух депутатов, из коих один был, конечно, Штеккер. Выборы же следующего года в ландтаг дали победу консерваторам, антисемитам и близким к ним национал-либералам, давно отделившимся от либерально-прогрессивной партии; в ландтаг вошел только один еврей, кандидат прогрессистов. Прогрессисты часто не осмеливались выставлять от своей партии еврейских кандидатов из опасения провала и потери партийного мандата. Только социал-демократы с большей уверенностью в успехе выставляли кандидатов-евреев, проходивших по спискам рабочей партии (Зингер и др). Евреи-депутаты, впрочем, ни в рейхстаге, ни в ландтаге не выступали в защиту своих соплеменников и прятались за спиною адвокатов-христиан; они придерживались прежней тактики Ласкера, который отказывался „быть защитником в собственном деле“ [1]). Этому странному завету следовал по смерти Ласкера (1884) его друг Бамбергер, влиятельный представитель левого крыла либеральной партии, примкнувший к образовавшейся тогда новой партии „свободомыслящих“.

---

[1]) Нов. ист. евр. нар., § 87 (изд. 1914 г.).

Пытливая немецкая мысль, стремящаяся возводить все в систему, снова попыталась подставить фундамент теории под модный идеал антисемитизма. Автор „Философии бессознательного“ Эдуард Гартман издал в 1885 г. трактат „Еврейство в настоящем и будущем“, который по своему научному тону стоит гораздо выше страстного памфлета маниака Дюринга, но все же не поднимается над уровнем социальных заблуждений той эпохи. Философ, призванный распознать духовную болезнь века, до известной степени сам одержим ею. Гартман считает национальную солидарность всемирного еврейства явлением естественным, но признает ее вредною для народов, среди которых евреи живут; поэтому он не стесняется предлагать евреям отрешиться от своей „национальной ограниченности“, как они отказываются от устарелых обычаев. Чтобы оправдать это жестокое требование подавления „естественного чувства“ в коллективном индивиде, Гартман указывает, что иудаизм дает своим адептам обетование „власти над миром“ (Weltherrschaft), делающее их неудобными для других народов. Он еще делает условное различие между национальным и „племенным чувством“ (Stammesgefühl) и требует, чтобы евреи пожертвовали своим племенным чувством ради немецкого национально-государственного. „Национальное государство,—говорит он,—дарующее полную равноправность этнологически и религиозно чуждой ему составной части, может так поступать лишь в предположении, что эта благодарная группа принесет ему все свое сердце. Для этого недостаточно ни чувства родины, привязывающего человека к почве и ландшафту, ни отвлеченного патриотизма, желающего своему отечеству большего процветания, чем другим странам, и готового в случае войны жертвовать добром и кровью для обороны его; нет, безусловно нужно национальное чувство, с любовью и энтузиазмом лелеющее культурные идеалы своей нации, как величайшие духовные блага. Еврейство однако еще не отдало всего своего сердца, ибо сохранившееся в нем чувство племенной солидарности конкуррирует с национальным (государственным) чувством. Еврейство представляет собой интернациональное масонство (следует обычная ссылка на парижский Всемирный Еврейский Союз). Если защитники еврейства хотят быть полезными своим соплеменникам, то они должны проповедывать полное растворение их среди народов и замену племенного чувства „госу-

дарственно-национальным". Таким образом, и в выводах Гартмана звучит тот же грубый возглас древнего варвара: горе побежденным! Национальный эгоизм державного народа вправе требовать подавления естественного „племенного чувства" (т. е. народной индивидуальности) в численно меньшей группе. Философ также не преминул напомнить евреям, что им дали гражданское равноправие под условием отказа их от своей национальности и, следовательно, сделка может быть признана недействительною при нарушении условий.

В какой мере разделялись воззрения Гартмана другими германскими мыслителями той эпохи, видно из произведенной тогда литературной анкеты. Еврейский публицист из Австрии И. Зингер издал в 1883 г. книжку „Должны ли евреи сделаться христианами?" и разослал ее выдающимся людям разных стран с просьбой высказать свое мнение об антисемитизме. Большая часть полученных ответов, опубликованных в особой книге (1885), осуждала антисемитизм. Натуралисты Молешот, Бюхнер, Карл Фохт и Дюбуа-Реймон видели в антисемитском движении результат обостренной борьбы за существование, экономической конкуренции и грубого эгоизма. Фохт повторил мысль, ранее высказанную им в печати: „Центр тяжести еврейского вопроса лежит не в религии, а в инстинктивной ненависти неспособных людей к способным, бездеятельных к бодрым и деятельным", а также в искусственно раздутом национальном антагонизме. Но во многих отзывах, даже благоприятных еврейству, делаются оговорки, ближающие их с воззрениями Гартмана. Это формулировано ясно в ответе популярного историка Іоанна Шерра. Отвергая в качестве свободного мыслителя христианское понимание еврейского вопроса, Шерр говорит: „Если евреи будут считать себя отдельной нацией, то немцы в праве относиться к ним враждебно и будут стремиться выделить этот чуждый элемент из своей среды. Конечно, евреи имеют право быть отдельной нацией, но тогда другие нации могут им сказать: примите себе национальную территорию—в Палестине или где угодно. Принадлежать одновременно к еврейской и немецкой нации по совести и убеждению невозможно". Все эти люди как будто не замечали, что большинство германских евреев давно уже исполнило обязательство, данное при эмансипации, и ревностно ассимилировалось, и тем не менее именно в разгар онемечения их грубо оттолкнули.

Натуралисты оказались проницательнее социологов; антисемитизм был больше продуктом низменных инстинктов, чем идей и высоких эмоций. То был поход национального эгоизма сильных против национального индивидуализма слабых, поход силы против права.

Был момент, когда казалось, что антисемитизм лишится той тайной поддержки свыше, которая ему оказывалась в течение нескольких лет. Смерть императора Вильгельма I освободила трон Гогенцоллернов для единственного либерального представителя этой династии—Фридриха III; но царствование этого тяжко больного человека продолжалось только три месяца (март—июнь 1888 г.). Фридрих уже начал чистить прусское министерство от реакционных элементов, намеревался удалить также от двора пастора Штеккера. Евреи имели основание надеяться, что кронпринц, назвавший антисемитизм „позором века“, будет ему противодействовать, став императором. История Германии вообще получила бы другой вид, если бы этот мирный конституционный монарх жил дольше; но судьбе угодно было заменить его молодым Вильгельмом II, олицетворением всех пороков новой Германии. Идолопоклонник государственности и милитаризма, истинно-германский монарх в прусско-юнкерском духе, молодой император возбуждал в сердцах антисемитов радужные надежды. На первых порах эти надежды не оправдались: по принятому этикету, новый монарх в ответ на поздравления и приветствия уверял, что для него равны все вероисповедания и т. п. Такие заявления могли на время устранить опасение законодательной отмены гражданского равноправия; но и Вильгельм II ничего не сделал для того, чтобы устранить административный произвол, фактически сокращавший равноправие евреев. Все реакционные элементы в правительстве остались на местах или были заменены особями той же породы, а пропаганда самого крайнего антисемитизма не встречала тех полицейских и цензурных препятствий, которыми обуздывалось всякое свободное слово слева. В 1889 г. состоялся с'езд антисемитов в Бохуме, где принимали участие более радикальные элементы партии, не довольствовавшиеся умеренною тактикою Штеккера. Здесь задавали тон представители „чистого антисемитизма“: Либерман фон-Зонненберг и новый кумир партии Отто Беккель, депутат рейхстага, основавший в Гессене „Антисемитскую народную партию“ (Antisemitische Volkspartei). В своих

речах и брошюрах Беккель осуждал правых антисемитов, опиравшихся на аграриев и юнкеров, и требовал, чтобы антисемиты выступали как самостоятельная партия, представляющая интересы крестьян и мелкой буржуазии (за это Беккеля в шутку называли „крестьянским королем“). С'езд в Бохуме решил, что антисемитизм должен стремиться одновременно к усилению германизма и к социальным реформам, а потому дал партии новое название „Немецко-социальная партия“ („Deutsch-Sociale Partei“) От переименования сущность партийной программы изменилась только в смысле большой радикальности требований: с'езд признал нужным добиваться, чтобы евреев лишили права быть избираемыми в парламент и даже городские думы, чтобы их не допускали ни на государственную, ни на муниципальную службу; профессии судей, адвокатов, врачей, техников евреи могут практиковать только среди своих соплеменников; еврейские купцы не могут быть членами торговых палат; евреи, как иностранцы, освобождаются от натуральной воинской повинности и взамен уплачивают определенную поголовную подать. Требовалось еще, чтобы правительство подвергло Талмуд научной экспертизе, с целью обнаружить „опасные для государства“ поучения этой книги. Было признано необходимым немедленно изгнать из Германии всех евреев, еще не получивших натурализации, и не допускать иммиграции из России. Это требование пред'являлось после того, как по жестокому распоряжению прусского правительства были выселены из Пруссии сотни еврейских семейств, давно переселившихся туда, а новые эмигранты безжалостно отгонялись пограничными жандармами обратно к российской границе. Эти требования „радикальных“ антисемитов очень нравились заинтересованным классам городского и сельского населения, желавшим избавиться от конкурренции. Радикалы завоевали все симпатии, и штеккеровцы отступили на задний план. Сам Штеккер в это время уже утратил свое влияние при дворе, так как вследствие разных интриг был уволен от должности придворного проповедника. В 1890 г. победили на выборах в рейхстаг крайние антисемиты; в парламент вошли пять антисемитских депутатов, в том числе Либерман и Беккель.

Против злых духов антисемитизма немецкое еврейство боролось священными заклинаниями. В 1884 г. с'езд раввинов в Берлине опубликовал декларацию о том, что опороченное антисеми-

тами нравственное учение иудаизма отличается идеальной чистотой. „Именем единого Бога“ 120 раввинов торжественно об'являли, что иудаизм основан на заветах любви к ближнему, даже чужому и иноверцу, и на полной веротерпимости, как это видно из библейских текстов, хорошо известных и антисемитам; если же в позднейшей религиозной письменности встречаются изречения, противные этим основным заповедям, то они являются только мнениями отдельных лиц, лишенными обязательной силы. Для той же цели союз немецко-еврейских общин опубликовал в 1889 г. „Основные положения еврейского нравственного учения“, которые, по словам одного наивного еврейского историка, „произвели повсюду прекрасное впечатление“, вероятно на самих евреев, ублажавших себя мыслью, что можно чорта выкурить ладаном.

При полном смирении в области национально-политической, еврейские общины проявляли большую чувствительность там, где затрагивался религиозный быт. В 1886 г. антисемиты изобрели новый способ пакостить евреям: от имени различных „обществ для покровительства животным“ поступила в рейхстаг петиция, требовавшая запрещения еврейского способа убоя скота—„шехиты“, по которому животное зарезывается без общепринятого предварительного оглушения, что будто бы увеличивает его страдания. В виду крайней скрупулезности обряда шехиты, основанного на древних анатомических соображениях и не допускающих никакого отступления, удовлетворение петиции было бы равносильно запрещению ортодоксальным евреям есть мясо. Еврейские общины стали посылать рейхстагу многочисленные контр-петиции; были представлены отзывы 150 христианских анатомов и ветеринаров о том, что „шехита“ при умелом исполнении не более болезненна для животного, чем другие способы убоя, и что мясо при этом способе лучше сохраняется. В 1887 г. вопрос обсуждался в рейхстаге в связи с проектом изменения закона, карающего за нарушение общих правил убоя скота. В защиту евреев выступил известный лидер католического центра Виндгорст, который заявил: „Ради мнимого покровительства животным нельзя допустить насилие над религиозной совестью людей“. Вопрос был решен в духе покровительства людям. В общем законе была сделана оговорка, что он обязателен „при условии возможного сохранения религиозных обычаев“. Это решение не

было однако обязательно для всех союзных государств Германии. В Саксонии антисемиты не успокоились до тех пор, пока не добились от своего правительства запрещения „шехиты“ (1892), вследствие чего ортодоксальные евреи этой страны должны были бы сделаться невольными вегетарианцами; но они обходили закон тем, что привозили „кошерное“ мясо из ближних мест, расположенных по ту сторону саксонской границы.

Не обошлось тогда и без попытки воскресить старую, давно забытую в Германии, легенду о ритуальных убийствах. В той же поморской Пруссии, где в начале 80-х годов происходили погромы, в деревне Скурце был найден в реке, под мостом, труп 14-летнего христианского мальчика, сына портного Цибули, правильно разрезанный по суставам и обескровленный (1884). Местные юдофобы с католиком-мясником Берентом во главе, сразу обвинили евреев в ритуальном убийстве, ссылаясь на расчленение и обескровление тела. Был нанят лжесвидетель-батрак, показавший, что в день исчезновения мальчика видел возле моста еврея Иозефсона, торговца лошадьми. Иозефсон был арестован, а с ним еще два еврея: 73-х летний купец Фосс с сыном, так как в погребе их дома был найден горшок с кровью. Оказалось однако, что кровь эта бычачья, как выяснил химический анализ произведенный в Берлине. Было ясно, что тут кроется преступная махинация со стороны обвинителей. По распоряжению министров юстиции и внутренних дел, в Скурц прибыл особый уголовный комиссар для расследования дела. Комиссару удалось скоро распутать сеть лжи, в которую попались невинные. Обнаружилось, что Берент предлагал разным лицам деньги с тем, чтобы они свидетельствовали против евреев; батрак, указавший на Иозефсона, сознался при вторичном допросе, что видел у моста в день катастрофы не Иозефсона, а Берента. После этих явных улик, Берента предали суду. Дело разбиралось в Данциге судом присяжных, состоявшим из шести католиков и шести протестантов. На суде выяснилось, что Берент—ярый антисемит, старавшийся всячески выжить евреев из деревни. Его участие в убийстве было очевидно, но в последнюю минуту свидетель-батрак опять изменил свое показание, заявив, что не помнит, видел ли он Берента у моста. Голоса присяжных заседателей разделились: шестеро протестантов признали Берента виновным, а шестеро католиков—невиновным. Это было вполне понятно:

сам подсудимый был католик, и католики вообще больше верят в средневековую легенду, чем протестанты. Таким образом Берент, „по правилу о равенстве голосов в уголовных делах", был об'явлен по суду оправданным (1885). Как только этого заведомого преступника выпустили на свободу, он поспешил уехать в Америку.

§ 4. Антисемиты в парламенте.—Ритуальные процессы и Союзы Обороны (1891—1900 гг.).

Общественная реакция росла в Германии, и последнее десятилетие XIX века было моментом ее полного расцвета. Удаление Бисмарка с поста имперского канцлера ничего не изменило в его режиме „железа и крови", возведенном в культ Вильгельмом II. Император признавал только „немецкого Бога, немецкую армию и свою миссию монарха Божией милостью", которую он неоднократно отмечал в оффициальных речах; он набирал министров из среды юнкерства, презрительно относился к либеральному рейхстагу и мирился только с консервативным прусским ландтагом. Немецкое общество, добравшееся до вершин умственной и технической культуры, не сумело подняться над уровнем полуконституционного полицейского государства, сохранившего многие черты монархической и военной деспотии. При таких обстоятельствах имперский парламент, несмотря на всеобщее избирательное право, не мог быть учреждением демократическим. Национал-либералы часто сливались с консерваторами и вместе составляли в рейхстаге сильный тормаз для всякого рода реформ; между этим феодально-буржуазным представительством и социал-демократами, представителями рабочего класса, стояла интеллигентская партия прогрессистов и свободомыслящих, единственная опора евреев, которая могла успешно выполнять свою оппозиционную задачу только при случайной поддержке „католического центра". Антисемиты лавировали между правым и левым сектором рейхстага, прибегая к самым бессовестным приемам агитации с парламентской трибуны. В парламентской истории того времени они заполняют отдел скандальной хроники; ни одна фракция рейхстага не выдвинула столько героев уголовных процессов, как фракция антисемитов. В 1890 г. она состояла из 5 членов, а в 1893 г. уже поднялась до 16,

так как на последних выборах антисемиты развили огромную агитацию в стране и за их кандидатов голосовало около четверти миллиона избирателей. Шум улицы ворвался в парламент вместе с этими героями улицы. Типичным представителем тогдашнего скандального антисемитизма был депутат Альварт, „ректор" народных школ в Берлине. Свою антисемитскую карьеру он начал изданием книжки „Отчаянная борьба арийских народов с евреями" (1890). Открытый призыв к „арийскому" кулаку, к насилиям и захватам заставил прусскую полицию конфисковать книжку. В то же время Альварт за какое-то темное дело (присвоение школьных денег) был уволен от должности ректора, по распоряжению берлинского училищного совета. За это он выругал членов совета в брошюре „Жидовская тактика" и по решению суда попал на пару месяцев в тюрьму. Но и преследования не удержали Альварта от писания пасквилей. Он публикует пасквиль против берлинского банкира Блейхредера, оказавшего большие финансовые услуги германскому правительству, и попутно задевает имперского канцлера Каприви; затем издает брошюру „Еврейские ружья", в которой обвиняет еврея-депутата, оружейного фабриканта Леве, в изготовлении плохих ружей для прусского военного ведомства, по уговору со „Всемирным Еврейским Союзом" в Париже, с целью вызвать поражение Германии в предстоящей войне с Францией. Оффициальное расследование выяснило лживость этого обвинения, и Альварт был приговорен судом к пятимесячному тюремному заключению (конец 1892 г.). В разгар этих подвигов он был избран антисемитами в депутаты рейхстага и постоянный кандидат тюрьмы получил возможность продолжать свою клеветническую деятельность с парламентской трибуны, огражденный депутатской неприкосновенностью. Низкая демагогия проложила Альварту путь в законодательную палату: на выборах он прикидывался другом трудовых масс и требовал конфискации имущества богачей в пользу бедных. Эту тактику он продолжал в парламенте, связывая капитализм с еврейством. Своей демагогией Альварт оттолкнул от себя консерваторов, а скандальными выходками возмущал даже товарищей по антисемитской фракции в рейхстаге, так что впоследствии он очутился вне всяких фракций и занял место среди „диких". Однако среди людей улицы и кабака он еще пользовался большим успехом.

Общественный и уличный антисемитизм свирепствовал больше прежнего. Уже вступила из школы в жизнь та молодежь, которая вышла из антисемитских академических кружков 80-х годов. Обеты юности, данные буршами за кружкой вина, свято исполнялись зрелыми мужами. А тем временем готовились новые кадры учащейся молодежи, пропитанной либо идеалами вильгельмовского германизма, либо ницшеанским (может быть, плохо понятым) культом силы, „воли к власти“, „белокурого зверя“. Эта студенческая молодежь презирала идеалистов прежнего времени, демонстрировала против празднования 70-летнего юбилея гуманиста Вирхова, требовала изгнания из высшей школы иностранных еврейских студентов, которых царский деспотизм загнал из России в германские храмы науки. Немецкие студенты еврейского происхождения, порою даже выкресты, не принимались в „национальные“ студенческие кружки и гимназические ферейны. Став чиновниками, судьями или коммунальными деятелями, эти люди продолжали политику вытеснения еврея из всех сфер гражданской жизни. Вопреки закону, евреи во многих местах не включались в списки присяжных заседателей в суде присяжных или шеффенов. Выслужившиеся евреи-солдаты редко производились в офицеры, а прусское юнкерство совсем не допускало еврея в свое благородное сословие. Купцы и лавочники, разумеется, особенно старались. Плакаты с надписями: „не покупайте у евреев!“ раздавались прохожим на улицах накануне больших праздников. Владельцы гостиниц в курортах часто не пускали еврейских гостей для того, чтобы их отели слыли „judenrein“, очищенными от евреев, и пользовались доброю славою у истинных немцев. Литературная пропаганда также усилилась: „Антисемитский катехизис“ некоего Фрича распространился в десятках тысяч экземпляров, отравляя души догмами религии ненависти.

На этой почве, пропитанной миазмами средневековья, вырос новый ритуальный процесс. В городке Ксантен, в области Нижнего Рейна, был обнаружен труп пропавшего ребенка, пятилетняго сына столяра-католика (июнь 1891). В виду загадочности убийства, пошли слухи, что оно совершено с религиозной целью местным еврейским „шохатом“ или мясоторговцем Бушгофом, несмотря на то, что он пользовался в городе репутацией честного человека и дружил с соседями-христианами. Врачебный

осмотр и первоначальное следствие не давали никаких улик против Бушгофа, но суеверная и частью злостная молва до того волновала население Ксантена и окрестных мест, что сама ксантенская еврейская община ходатайствовала в Берлине о присылке особого комиссара для расследования дела. Сначала Бушгоф и члены его семьи были арестованы, но через два месяца их пришлось освободить, так как чрезвычайное следствие не могло установить никаких признаков причастности их к преступлению. Тогда в антисемитской прессе и партийных собраниях поднялась сильнейшая агитация. Выносились резолюции, требовавшие от министра юстиции возобновления следствия. Против этой агитации выступил с протестом в рейхстаге давний защитник евреев, депутат-прогрессист Риккерт (февр. 1892). Он выразил свое возмущение по поводу давления, оказываемого антисемитами на судопроизводство, рассказал об их попытках устроить погром в Ксантене и требовал, чтобы были приняты меры для прекращения преступной травли. Риккерту ответил „отец антисемитизма“ Штеккер в длинной речи, по обыкновению полной коварных намеков. Он об'явил, что никогда публично не обвинял евреев в ритуальных убийствах и даже отговаривал друзей от этого. „Я не могу себе представить, чтобы еврейский культ требовал убиения людей, употребления крови для каких бы то ни было целей. Но тут спор идет больше о словах. Ведь никто из знающих историю не станет отрицать, что в течение веков христиане, в особенности дети, погибали от рук евреев вследствие суеверия или фанатизма“. Ловко извратив таким образом историческую истину, которая установила *факт* гибели евреев от рук христиан и *навет* обратного свойства,—Штеккер охотно допускает, что евреи употребляют христианскую кровь не по велению закона, а из суеверия; он согласен изменить термин „ритуальное убийство“, лишь бы сохранить его сущность. Свою речь он закончил вызовом по адресу Риккерта, как члена „Союза для борьбы с антисемитизмом“: „Я знаю свой народ и убежден, что в нашем немецком народе три четверти будут на нашей стороне, а не на вашей“. Министр юстиции Шеллинг заявил, что суд честно исполняет свой долг и не поддается давлению с чьей бы то ни было стороны. В действительности однако правительство уступило требованию антисемитов, и в те же дни Бушгоф был вторично арестован. Дело разбиралось судом при-

сяжных в городе Клеве, в течение 11 дней (4—14 июля 1892). Свидетельские показания, научная экспертиза и судебные прения были благоприятны подсудимому. Один из авторитетнейших экспертов, ориенталист Нельдеке, категорически заявил, что в талмудической и раввинской письменности нет указаний на ритуал крови; два государственных прокурора, участвовавших в процессе, превратились в горячих защитников подсудимого, и один из них воскликнул: „Невозможно с большею математическою точностью доказать невиновность подсудимого, чем это сделано в данном случае". Бушгоф был оправдан судом единогласно. Приговор, обрадовавший всех друзей правды, огорчил антисемитов, которых косвенно заклеймил, как клеветников. Агитация в темных низах народа возобновилась. Если виновный не найден, значит евреи еще не очистились от подозрения,—так рассуждала толпа, не догадываясь искать тайну убийства среди тех, которые свое преступление пытались взвалить на евреев, как это было в вышеупомянутом деле Берента в Скурце. Брожение в массах местами грозило вылиться в эксцессы. Настроение в Ксантене было такое тревожное, что оправданный Бушгоф и несколько еврейских семейств были вынуждены покинуть город. Еще долго не могло успокоиться народное возбуждение, вызванное новыми „крестоносцами" в области Рейна, в тех самых местах, где за восемь веков перед тем лились потоки еврейской крови от рук первых крестоносцев средневековья.

„Позор века", являвшийся главным образом позором Германии, боевой антисемитизм вывел, наконец, из пассивного состояния лучших людей немецкого народа. После десятилетней пропаганды расовой ненависти, давшей уже обильные плоды, они поняли, что это движение в такой же мере гибельно для германской культуры, как и для еврейства. Возникла мысль о создании противо-антисемитской лиги, которая вела бы систематическую борьбу с сеятелями ненависти и раздоров между гражданами. В конце 1890 г. был учрежден „Союз для борьбы с антисемитизмом", во главе которого стояли известный юрист Рудольф Гнейст, депутат Генрих Риккерт — вождь рейхстагской опозиции—и другие видные политики и ученые (Гнейст состоял президентом союза до 1895 года, а затем его сменил Риккерт). В начале 1891 года союз опубликовал воззвание от имени 535 выдающихся людей Германии, приглашавшее граждан вступить

в ряды борцов против юдофобской реакции. В течение года в союз вступило около 12.000 членов, а в 1893 г. число их превысило 13.000. В первые годы союз развил широкую пропаганду, устраивал во многих городах публичные собрания, где выступали известные ораторы, издавал брошюры и листки, а также еженедельные „сообщения“ („Mitteilungen“), содержавшие подробную хронику антисемитского движения и борьбы с ним. Большой успех имела изданная союзом полемическая книга „Антисемитское зеркало“ („Antisemitenspiegel“, 1891—92), направленная против „Антисемитского катехизиса“; однако, в то время как „Катехизис“ распространился в сотне тысяч экземпляров, показывавшее его уродство „Зеркало“ едва разошлось в количестве десяти тысяч. Во время кантенского процесса союзом была издана книга берлинского профессора теологии и еврейского языка Германа Штрака о происхождении и развитии „кровавого суеверия“ среди народов и об истории ритуального навета на евреев.

„Союз борьбы“ был общенемецкой организацией для противодействия антисемитизму; в состав его членов входили также евреи, но не играли там активной роли, предпочитая для данной цели немецких деятелей. Вскоре однако для многих выяснилась ошибочность и унизительность тактики отказа от самозащиты и ожидания помощи извне. Послышались новые слова: „Никогда немецкие евреи не забудут, что такие люди, как Гнейст, Момзен, Риккерт и другие, так смело и мужественно вступились за них в годину бедствий. Но освобождают-ли подвиги этих благородных мужей, нас, германских граждан иудейского вероисповедования, от обязанности самим бороться за наши угрожаемые права, вместо того, чтобы в качестве клиентов осторожно прятаться на заднем плане и позволять другим сражаться за нас? Если это недостойное поведение полумиллиона опекаемых граждан будет продолжаться, то у самых благородных защитников наших может поколебаться вера в святое дело эмансипации“. Стало пробуждаться чувство гражданского достоинства в германском еврее, но еще не пробудилось национальное самосознание. В тех ассимилированных кругах, где возникла идея организованной самозащиты, было решено придать ей исключительно политический характер без малейшей национальной окраски. В исходившей из этих кругов брошюре: „Евреи — опекаемые или

полноправные граждане“ [1]) были выставлены следующие тезисы: „Мы—не немецкие евреи, а германские граждане иудейского исповедания. Мы твердо стоим на почве немецкой национальности. С евреями других стран мы имеем столько же общего, сколько имеют немецкие католики и протестанты с католиками и протестантами других стран“. Такая идеология легла в основание учрежденного в 1893 г. в Берлине „Центрального союза германских граждан иудейского вероисповедания“. Председателями союза в первые годы были люди мало известные (приват-доцент Мартин Мендельсон, юрист Макс Горвиц), но тем более типичные для ассимилированной середины немецкого еврейства. Деятельность союза выражалась не столько в теоретической, сколько в деловой юридической защите притесняемых евреев. По части литературной агитации союз ограничился апологетическими статьями в своих небольших ежемесячных книжках „In deutschen Reich“ (с 1895 г.). Главная же его работа сосредоточивалась в „Комиссии правовой защиты“, которою заведывал адвокат Евгений Фукс. Комиссия следила за всеми выходками антисемитов в печати и народных собраниях и, где только замечала признаки клеветы против определенных групп евреев, дававшие повод к судебному преследованию, тянула клеветников в суд. Она организовала защиту в тех судебных процессах, которые возбуждались из юдофобских мотивов. Она подавала жалобы на незаконные действия гражданских и военных властей по отношению к евреям. В отчете о первом трехлетии деятельности центрального союза дан следующий общий итог работы, характеризующий тогдашнее социальное положение евреев: „Союз вступился за еврейских солдат, когда они подверглись при поверке оскорблению со стороны майора-командира. Он вступился за еврейских врачей, когда один провинциальный госпиталь, об'являя о том, что ищет врача, прибавил о необходимости для кандидатов представить свидетельство о крещении. Союз отстоял в некоторых округах Верхней Пруссии чуть ли не утерянное евреями право участвовать в суде в качестве присяжных заседателей и шеффенов. Он выступил защит-

[1]) Автором ее был немецкий еврей Рафаил Левенфельд, знаток русской литературы, подружившийся в России с Л. Толстым, переведший на немецкий язык его сочинения и написавший обширную биографию русского мыслителя.

ником еврейских учительниц, когда их право на занятие должностей в общественных школах нарушалось. Он настоял на том, чтобы была прекращена практиковавшаяся в некоторых школах раздача ученикам в виде наград книг антисемитского содержания. Он добился оффициального раз'яснения, которое помешало попытке антисемитов превратить рикздорфское убийство, совершенное с целью грабежа, в убийство ритуальное. По поводу процесса одного редактора-антисемита, союз добился постановления имперского суда о том, что невыгодное для евреев решение берлинского суда основано на двойной судебной ошибке. Он принес, куда следует, жалобу по поводу оскорбительных для евреев стенных об'явлений. Он с успехом выступил против представителей одной общины, подвергшей сомнению избирательные права евреев", и т. д.

Вообще, центральный союз немецких граждан иудейского вероисповедания делал многое и много хорошего, что необходимо было для защиты гражданских интересов и человеческого достоинства еврея; он не делал только одного: не защищал национального достоинства еврея, и не мог это делать, ибо решительно отвергал существование еврейской национальности. „Союз—повторяется в том же отчете—старался укрепить в германских евреях убеждение, что последователи иудейства имеют между собою связи только религиозные и исторические, но отнюдь не национальные". Новое национальное движение в еврействе—сионизм—об'ясняется здесь только как результат ослабления в еврее „естественного" национального чувства, немецкого, вследствие антисемитской травли. „Но—прибавляет отчет—такие горькие чувства противоречат принципам центрального союза. Рождение, воспитание, язык и чувства сделали нас немцами, и никакое временное течение не в состоянии сделать нас чуждыми нашему дорогому отечеству".

Борьбу с антисемитизмом вела и германская партия социал-демократов, усиливавшаяся с каждым годом и имевшая значительное число депутатов в рейхстаге. Одною из целей антисемитизма было, как известно, отвлечение рабочих и мелкой буржуазии от революционного социализма. Для этой цели Штеккер, Беккель и Альварт пускали в ход различные демагогические средства, притворяясь друзьями пролетариата. Эту маску старалась сорвать с антисемитов социал-демократическая партия. Вождь

ее Август Бебель в своих речах и особой брошюре („Антисемитизм и социал-демократия", 1894) доказывал, что „антисемитизм есть социализм глупцов": реакционеры и шовинисты натравливают немецкую трудовую массу на кучку еврейских капиталистов, чтобы отвлечь пролетариат от борьбы с капитализмом вообще, но такой обман не будет длительным: рабочий, возбужденный против еврейского фабриканта, скоро восстанет и против немецкого его товарища, и в этом смысле антисемиты оказывают услугу социал-демократам.

Международный социалистический конгресс в Брюсселе (1891) вынес порицание „как антисемитским, так и филосемитским тенденциям", признав, что „для рабочего класса не существует соперничества и борьбы рас или национальностей". Столь же безразлично было отношение к еврейству со стороны еврейских членов социал-демократической партии. Один из влиятельных лидеров ее, ассимилированный еврей Павел Зингер, депутат рейхстага, ни словом не обмолвился там о еврейском вопросе, хотя антисемиты часто напоминали ему об участии его в делах берлинской торговой фирмы „Братья Зингер". Трудно сказать, что больше огорчало Зингера в этих нападках: напоминание о бывшем капиталисте или номинальном еврее. Разница была лишь в том, что ранее накопленным денежным капиталом Зингер пользовался для нужд социалистической партии, а духовный капитал своих предков он выбросил, как ненужную ветошь.

Несмотря на все обличения, „социализм глупцов" продолжал развиваться в тесном союзе с откровенным антисемитизмом реакционеров-шовинистов из высших и средних классов. К самому концу XIX века на сцену выступил яркий представитель этих реакционных кругов, попытавшийся воскресить буйный расовый антисемитизм Дюринга в худшей форме. Онемеченный англичанин Густон Чемберлен издал в 1898 г. книгу под громким заглавием „Основные положения XIX века" („Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts"), в которой свел всю историю культуры к борьбе двух противоположных рас—добродетельных арийцев и порочных семитов. Высшим и благороднейшим типом арийской расы являются германцы, а худшими представителями семитизма—евреи; следовательно между этими двумя народами должна быть непримиримая вражда. Семиты в лице евреев разложили древний мир, а нынешний „иудейский человек" портит

„европейского человека". Разобщить эти две враждебные стихии, вытолкнуть еврея, как инородное тело, из европейского общества—необходимо для торжества германского духа. Построенная на мнимо-антропологических началах, но полная смешных противоречий и произвольных умозаключений, книга Чемберлена имела однако успех в той публике, которая привыкла питаться научными суррогатами. Эта невежественная теория оказалась еще ниже своего образца—„доктрины ненависти" Дюринга, сочиненной даровитым писателем в припадке злобы, но именно поэтому она имела шумный успех: ее приветствовали пангерманисты, милитаристы и реакционеры всех рангов, и в 1899 г., когда книга выдержала несколько изданий, о ней говорили во всех салонах, начиная с императорского дворца.

Тесная связь чемберленовской теории рас с прусско-юнкерской реакцией была очевидна и характеризовала упадок немецкого общества на закате века, видевшего на заре иные проявления немецкого духа. Нравственно одичавшая при расцвете умственной культуры, Германия вступила в XX век с клеймом позора на челе—с средневековым ритуальным процессом и попыткою погрома. Перед Пасхой 1900 г. в прусском городке Конице был найден труп немецкого гимназиста Винтера, разрезанный на куски, которые были разбросаны в разных местах Сначала подозрение пало на мясника-немца Гофмана, с дочерью которого распутный юноша имел сношения, но вскоре после ареста подозреваемого дело повернулось так, что в тюрьму попал и еврейский мясник Израэльский, по обвинению в ритуальном убийстве. Этот поворот в следствии был вызван агитацией антисемитов в самом Конице и в Берлине. Берлинская антисемитская газета „Staatsbürgerzeitung" кричала в каждом номере, что в Конице совершилось ритуальное убийство—дело рук еврейских сектантов, употребляющих христианскую кровь для своих религиозных таинств. Однако гнусная клевета не подтвердилась следствием, и через несколько месяцев евреи были освобождены, как был освобожден за недостатком улик и Гофман. Не успев повлиять на ход судебного следствия, агитаторы-антисемиты имели успех в другом направлении: в подстрекательстве толпы к самосуду над евреями. В Конице и соседних городах и селениях поморской Пруссии буйная толпа бросала камни в окна еврейских квартир и оскорбляла встречных евреев на улицах;

были и попытки серьезных погромов, прекращенные вмешательством войск. В связи с коницким делом возник ряд судебных процессов: за ложные показания во время следствия были приговорены к принудительным работам некоторые свидетели-антисемиты, но ради соблюдения равновесия в правосудии был осужден и неповинный еврей Леви, пойманный на слове, будто он вовсе не знал убитого. С другой стороны, суд раскрыл много тайн в той преступной организации, которая орудовала в коницком деле. Выяснилось, .что шайка журналистов из местных и берлинских антисемитских газет опутывала людей доносами и шантажем; некоторые предлагали за деньги свои услуги и евреям, и их врагам. Позже, когда страсти улеглись, берлинский суд приговорил к тюремному заключению редактора газеты „Staatsbürgerzeitung“ Беттихера и сотрудника этой газеты за клевету на судебных деятелей, честно исполнивших свой долг в коницком деле. Прокурор охарактеризовал деятельность подсудимых следующими словами: „Их цель заключалась не в раскрытии истины, а в том, чтобы разжечь ненависть к евреям в христианском населении. Агитация газеты наделала много зла: многие семейства разорены ею в конец“. Так под влиянием антисемитизма выродилось печатное слово в стране сравнительно честной прессы, которая противопоставлялась продажной прессе парижских бульваров.

§ 5. Статистика. Внутренняя жизнь.

Статистика показывает в цифрах результаты, к которым привела динамика еврейской жизни в первые десятилетия эмансипации. В 1871 г. число евреев в Германии было 512 тысяч в круглых цифрах), в 1880 г.—561 тысяча, в 1890 г.—567 тысяч (из них на долю Пруссии приходилось около двух третей). Пропорциональное отношение евреев к общему населению составляло несколько больше одного процента (1,2%—1,1%). В 1895 г. была произведена перепись населения по профессиям, давшая ясную картину социально-экономического положения евреев в империи. Работоспособная половина еврейского населения распределялась по своим занятиям следующим образом: торговля—133.451 человек (около 55% всех работоспособных), промышленность—45.993 (19%), доход с капитала—39.870 (16%), общественная служба и

свободные профессии—14.641 (6%), домашнее услужение—6.371 (2,61%), земледелие и сельское хозяйство—3.371 (1,38%). Таким образом большая половина работоспособных людей занималась торговлей; приблизительно пятая часть их была занята в промышленности фабричной и ремесленно-кустарной; одна шестая часть жила на доходы с капитала (преимущественно вдовы), одна седьмая часть занималась свободными профессиями или состояла на государственной и общественной службе, а несколько тысяч человек состояло в домашнем услужении. Меньше всего евреи занимались сельским хозяйством, так как они были давно оторваны от земледелия, а к землевладению их очень редко допускали аграрии и юнкера, потомки феодалов и монополисты крупного сельского хозяйства. В сущности новое еврейство в Германии сохранило свой старый экономический строй, так как и теперь три четверти его заняты были в торговле и промышленности Ново было только появление значительного числа лиц свободных профессий и чиновников—результат эмансипации. Число лиц последней категории было бы гораздо больше, если бы правительство и немецкое общество не ставили повсюду препятствий евреям, стремившимся к государственной службе.

Евреи жили преимущественно в больших городах, центрах политической жизни и умственной культуры, и свойственный им интеллектуализм тянул их к соответствующим занятиям. Немецкая школа посещалась евреями в числе, значительно превышавшем национальное отношение их к прочему населению. Это об'яснялось прежде всего отсутствием общеобразовательных национальных школ, которых не могли заменить особые „религиозные школы“ в еврейских общинах, составлявшие придаток к синагоге. Масса еврейской молодежи получала свое образование в немецкой школе всех ступеней, и тут замечалось следующее явление: в то время как из ста учащихся христиан в Пруссии 94 довольствовались низшими образованием и только 6 посещали среднюю школу (гимназии и реальные училища), из ста учащихся евреев почти половина посещала средние школы, т.-е. в восемь раз больше, чем христиане. В прусских университетах евреи составляли в 1895 г. десятую часть всех студентов, между тем как в стране они составляли лишь несколько более одной сотой части населения,—следовательно, и здесь они учились в десять раз больше христиан. Немецкая школа была главным

фактором ассимиляции евреев, в ней вытравливались последние остатки национальных традиций и заменялись немецкими идеалами. И насколько от образцовой немецкой школы выигрывал интеллект, настолько же теряло еврейское национальное самосознание.

Второю ступенью ассимиляции были браки между евреями и христианами. Число таких браков сильно увеличилось в рассматриваемую эпоху. До 1880 года смешанные браки в Пруссии составляли десятую часть всех еврейских браков, а в следующем годы они растут и в 1896 году составляют уже пятую часть всех еврейских браков, т. е. на каждые 5 браков приходится 4 чисто-еврейских и 1 еврейско-христианский. Сначала преобладали случаи женитьбы христиан на еврейках, а к концу периода участились случаи женитьбы евреев на христианках. В тех и других случаях дети обыкновенно причислялись к христианам, и таким образом большая часть потомства пропадала для еврейства. Крайняя ступень ассимиляции—крещение—также дает в это время численное повышение: в Пруссии число крещений увеличилось за период 1880—1896 в 4 раза (76 крещений в 1879 г. и 312 в 1896 г.). Совершенно не поддавались учету многочисленные случаи крещения малолетних детей по воле родителей, которые сами оставались в еврействе, а детям обеспечивали хорошую карьеру приобщением к господствующей церкви. Эпидемия крещений в конце XIX века превзошла по своим размерам берлинскую эпидемию начала века [1]). Там еще была некоторая доля наивного идеализма или романтизма; в новом же ренегатстве преобладали трусость и материальный расчет. Религиозная ассимиляция стала орудием осуществления гражданского равноправия, как светская ассимиляция служила раньше орудием его достижения. Только в редких случаях евреи принимали христианство по убеждению, вследствие мистического настроения или крайней идейной последовательности в духе Момзена: если уже ассимилироваться и приобщаться к немецкой культуре, то надо итти до конца, ибо из этой культуры нельзя выделять ее христианский элемент. Впрочем, абсолютное число крещений была незначительно: в среднем около 500 крещений в год на всю Германию, что при слишком полумиллионном еврейском населении составляло небольшую

---

[1]) См. Нов. ист. евр. нар. § 31.

дробь. Только в связи со смешанными браками и с повальной ассимиляцией, как подготовкою к отпадению потомства, это явление приобретало значение грозного симптома.

А между тем и е с т е с т в е н н ы й рост еврейского населения в Германии уменьшался из года в год. Поразительное явление замечалось в быту немецких евреев новой формации: рождаемость сильно понижалась в сравнении с прежнею и значительно уступала рождаемости христиан. В предыдущую эпоху на тысячу евреев приходилось ежегодно в среднем 37 рождений, а с 1879 года эта цифра понижается и падает к 1897 г. до 22, между тем как христианские рождения сохраняют нормальную высоту (38 на тысячу). Это явление вызывалось не понижением уровня материального благосостояния евреев (абсолютно оно поднялось), а быстрым ростом потребностей при более сложной культуре: многие отказывались от брака или сокращали деторождение, ради большего личного удобства. Уменьшение размножения и прямая убыль от смешанных браков и крещения привели к тому, что прирост еврейского населения Германии сильно понизился в сравнении с христианским. В 1880 г. процентное отношение еврейского населения к общему в Пруссии было 1,33%, а в 1900 г.— 1,14%. Эмиграция в этом явлении не играла никакой роли, ибо она была ничтожна, и во всяком случае не превышала размеров общегерманской эмиграции.

Национальных ценностей молодое поколение, прошедшее немецкую школу, почти не знало. Борьба за религиозную реформу утратила свой смысл для людей, незнакомых с иудаизмом и равнодушных к религии вообще. В общинах сохранилось еще прежнее деление на группы ортодоксов и „либералов“, как называли себя прихожане реформированных синагог. Эти группы соперничали в общинных делах, и в больших городах существовали фактически две отдельные общины; но отношение их к национальному вопросу было в общем одинаково. И ортодоксы, и либералы признавали себя немцами иудейского вероисповедания, но так как ортодоксы оставляли в этом исповедании больший балласт обрядов, чем либералы, то они этим отчасти затрудняли ассимиляцию в ее крайних формах, нарушавших грани религии. Печатным органом либералов был старый еженедельник „Allgemeine Zeitung des Judentums“, который после смерти своего основателя Людвига Филиппсона (1889) редактировался историком литературы Г. Карпеле-

сом. Органом умеренных ортодоксов был еженедельник „Judische Presse“, выходивший в Берлине под редакцией раввина Гильдесгеймера. Группа же крайних ортодоксов, стремившаяся сочетать обрядовый фанатизм „Шулхан-Аруха“ с лоском немецкой культуры, вела свою пропаганду в журнале „Israelit“, издававшемся в Майнце М. Леманном.

Много крупных умственных сил и талантов ушло в обще-немецкую науку и литературу. Доживали свой век представители еврейского научного реннесанса. Историограф Грец на седьмом десятке лет продолжал совершенствовать свой энциклопедический труд, дополняя его на основании новых исследований. В тишину его кабинета в Бреславле ворвались первые победные клики антисемитизма: прусский историк Трейчке, как рассказано выше, построил свой обвинительный акт против еврейства на цитатах из „Истории евреев“ Греца, в которых применялся еврейский, а не королевско-прусский критерий при оценке событий. Грец слабо откликнулся на это „обвинение“ в еврейском национализме, которое усилило недовольство против историка в кругах ассимиляторов. В самые последние годы своей жизни Грец углубился в критическое исследование библейского текста и умер посреди этой работы (1891).

В области библейской науки христианские исследователи сделали в эту эпоху гораздо больше, чем еврейские. Школа „библейской критики“ в протестантской теологии, представителями которой в XIX веке были Де-Ветте, Эвальд, Рейсс и Граф, достигла своего совершенства в стройной научной системе Вельгаузена, автора „Введения в историю Израиля“ (1878) и „Израильско-иудейская история“ (1894). Здесь фрагментарная теория составления Библии была разработана с таким мастерством логического анализа, что Вельгаузен стал для одних Дарвином библейской науки, а для других—опасным разрушителем традиций. Эта доктрина действительно заключала в себе здоровое ядро, как попытка представить естественную эволюцию пуданизма от примитивных форм до универсального этического монотеизма пророков. Недостаток ее заключался лишь в смелой претензии установить детали этого эволюционного процесса, в том, что гипотезы, основанные на остроумном анализе библейских текстов, выдавались за факты, из которых делались решительные выводы. Философско-историческая ошибка, свойственная даже свободо-

мыслящим христианским теологам, ярко проявилась и в труде Вельгаузена: он относится положительно к религиозной эволюции иудаизма в ее универсальных элементах и отрицательно в ее национальных проявлениях. Период формирования иудейской нации среди эллино-римского мира представлен Вельгаузеном (как и Ренаном), как период упадка, вырождения религиозного сознания, которое, наконец, возродилось в христианстве. Этот евангелический анти-иудаизм составлял характерную параллель тогдашнему социальному антисемитизму. Более об'ективно была разработана история Иудеи в эпоху возникновения христианства в обширном труде геттингенского профессора Шюрера „История еврейского народа в век Иисуса Христа", три тома (1890—1902). Автор подробно исследовал весь материал, относящийся к политической истории той эпохи, но, как христианский теолог, он все-таки не оценил роли великой национальной борьбы Иудеи, как главного стимула к возникновению христианства, которое представляло собою реакцию религиозного индивидуализма против национализма, против героических усилий иудейского народа отстоять свое самостоятельное существование в греко-римском мире.

После Греца, место творцов заняли усердные работники—собиратели материалов и авторы отдельных исторических очерков. Особая „Историческая Комиссия" издавала „Регесты" и „Источники" для истории евреев в Германии средних веков, а также трехмесячник по истории германских евреев вообще, под редакцией Людвига Гейгера, сына известного реформатора (1887—92). Выходил еще бреславльский научный „Monatsschrift", связанный о именами Франкля и Греца и издававшийся после некоторого перерыва их учениками. Все, что печаталось в этих изданиях, было только строительным материалом, который ждал зодчего. Пока работали компиляторы, Густав Карпелес издал компилятивную историю еврейской литературы, в которой точно копировал Цунца и Греца. Одновременно были опубликованы две обширные монографии по истории евреев в городе Риме А. Берлинера, Фегельштейна и Ригера (1893—95). Рассадниками еврейской науки были три высшие школы: старейшая Теологическая семинария в Бреславле, слава которой потускнела после Греца и Франкля, Высшая школа еврейской науки, основанная А. Гейгером в Берлине в 1872 г. и считавшаяся научной цитаделью ре-

формистов-либералов; наконец, созданный ортодоксами в противовес ей Раввинский Институт Гильдесгеймера. Эти школы давали общинам обоих лагерей раввинов и проповедников, а научной литературе—скромных работников. Популяризации еврейского знания много содействовали основанные Карпелесом „Союзы для изучения еврейской истории и литературы“. С 1892 года такие „ферейны“ возникают во многих городах и вносят оживление в общины устройством лекций, курсов, библиотек и читален.

Рядом с Германией, по ту сторону Немана и Вислы, находился большой резервуар еврейских духовных сил. Из царской России неслись вопли гонимых и разгромленных, но оттуда шли и новые идеи, призывы к национальному возрождению, которые к концу века нашли отклик и на Западе. Развитие нового национального движения, сначала в элементарной форме — сионизма, относится ко второй половине описываемой эпохи, раздельным пунктом которой является 1897 год, год первого конгресса сионистов в Базеле.

ГЛАВА II.

Антисемитизм в Австро-Венгрии (1881—1900 гг.).

§ 6. Немецкая Австрия. Агитация в Вене и процесс Ролинга.

Причины антисемитского движения были невполне одинаковы в Германии и в Австрии, как неодинаковы были государственный строй и национальный состав этих двух империй. В Австрии прежде всего отсутствовал психологический мотив реакции: не было упоения военным счастьем, как в Германии, а потому не было такого культа милитаризма и болезненной гипертрофии государственности. Побежденная во внешних и внутренних войнах, Австрия к военным лаврам не стремилась: вся забота дуалистической монархии сводилась к тому, чтобы удержать в государственном союзе центробежные силы различных национальностей, входивших в его состав. Единый государственный национализм был здесь невозможен. В то время как Германия имела дело только с двумя незначительными инородными группами в своем составе, познанскими поляками и евреями, и поэтому могла возвести германизацию их в государственный принцип, пестрая Австро-Венгрия не имела единой господствующей государственной нации, а имела их несколько в разных частях государства. В немецкой Австрии (Нижней и Верхней) такою державною нацией считали себя немцы, в Богемии и Моравии чехи оспаривали этот титул у немцев, в Галиции господствовали поляки, а в самостоятельной Венгрии— мадьяры. Каждая из этих больших наций стремилась в своей области поглотить, ассимилировать с собою находящиеся в ее среде меньшие национальные группы. В немецкой Австрии их германизировали, в славянской славянизировали, в Венгрии мадьяризировали. Хуже всего в этой распре народов было положение евреев: всякое признанное национальное меньшинство

имело врага только в лице национального большинства данной области; евреи же, которым оффициально отказывали даже в титуле „нация“, имели врагов в лице всех борющихся народностей, из которых каждая требовала, чтобы евреи шли с нею в борьбе против других.

Число евреев в Австро-Венгрии было весьма значительно: в 1880 г. их числилось в Австрии цислейтанской свыше одного миллиона (в 1890 году—1.143.305), а в Венгрии 638.000, что составляло в обеих половинах монархии свыше 4% общего населения. В некоторых же провинциях, как, например, в Галиции и Буковине, евреи составляли около 12% всего населения, а во многих городах—большую половину его. При таком соотношении сил особенно остро чувствовалось соперничество между евреями и окружающими народами в известных отраслях хозяйственной жизни [1]). Сам по себе национальный антагонизм, имевший в Австрии политический, а не только культурный характер, ставил евреев в такое положение, что они почти везде находились меж двух огней. Чехи, поляки и венгерцы в своих областях не могли спокойно смотреть, как евреи в их среде ассимилируются с немцами и тем усиливают общего врага, а немцы возмущались полонизацией и мадьяризацией известных групп еврейства. Между борющимися нациями евреи подвергались давлению с разных сторон. Никто не признавал их особою нацией, так как ни в одной провинции они не составляли большинства населения, хотя другой внешний признак национальности, язык, был налицо в самобытных еврейских массах Галиции, Буковины и отчасти Венгрии. Если бы роковое заблуждение века не заставило вождей еврейства отречься от своего права на титул нации, то евреям приходилось бы повсюду бороться за свое, а не чужое национальное самоопределение, рядом с другими национальными

---

[1]) По профессиям евреи в Австрии (без Венгрии) распределялись к концу XIX века следующим образом: торговлей занималась меньшая половина еврейского населения (по переписи 1900 года из 1.224.000—553.000), промышленностью (ремесло и фабричное производство) около одной трети (351.000), свободными профессиями и государственной службой—около одной шестой части (198.000), сельским хозяйством—свыше одной десятой (139.000). Это распределение было не так односторонне, как в Германии, но все-таки оно резко отличалось от общего распределения занятий, в смысле преобладания христиан в сельском хозяйстве и евреев в торговле. Приблизительно такое же соотношение было и в Венгрии.

группами, а не пассивно толкаться между ними и получать толчки со всех сторон. Международное положение евреев было главным источником их страданий в пестрой „лоскутной империи“. К этому надо еще прибавить культурные и социальные контрасты в самом еврействе Австрии, гораздо более резкие, чем в Германии: онемеченный венский еврей не имел ничего общего с самобытным и часто первобытным галицийским хасидом, а мадьяризованные реформисты Венгрии имели против себя массу ортодоксов-фанатиков. Бросались в глаза полюсы богатства и бедности в еврейской среде: венские банкиры-негоцианты и галицийская беднота, которая нередко появлялась в своих лохмотьях на улицах нарядной столицы. Все эти национальные и социально-экономические противоречия создали почву для антисемитизма, который в каждой из частей Австро-Венгрии имел свои особенности и во многом отличался от своего германского прототипа.

К германскому образцу приближался только антисемитизм немецкой Австрии, в особенности Вены. В столице более всего давал себя чувствовать главный мотив антисемитизма—зависть к социально-экономическому успеху евреев после эмансипации. Со времени конституции (1867 г.), окончательно утвердившей равноправие граждан, евреи в больших городах широко развернули свои ранее скованные бесправием силы и за короткое время значительно поднялись по ступеням социальной лестницы. Многие выдвинулись в роли чиновников, судей, учителей, профессоров, во всех свободных профессиях и даже в армии, где доступ к офицерским чинам не был так затруднен для евреев, как в юнкерской Пруссии. Участие евреев в большой ежедневной прессе было не менее заметно в Вене, чем в Берлине. Конечно, освобожденная энергия проявилась больше всего в главной профессии еврейских масс, торговле. Коммерсанты, устремившиеся из провинции в ранее закрытую для евреев Вену, наполнили столицу торговым шумом, развили горячку акционерных предприятий и всех видов грюндерства, по образцу Берлина. Разразившийся одновременно в обеих столицах финансовый крах (1873) был поставлен в вину евреям. То было одно из проявлений социальной реакции, вызванной быстрым успехом эмансипированных в столице Австрии. Наплыв в Вену евреев из галицийской „полу-Азии“ и других глухих углов раздражал венцев, пом-

нивших еще привилегию столицы—„право недопущения евреев“ [1]). Многие вздыхали об этих счастливых временах, когда купцы, промышленники и лица свободных профессий не боялись еврейской конкурренции, понижающей заработок, удешевляющей цены товаров.

Об „еврейской опасности“ заговорили прежде всего в лагере исконной юдофобии, среди клерикалов, сохранивших и при новом режиме некоторое влияние в католической Австрии. Еще в 1871 году появился в Праге новый Эйзенменгер, профессор местного университета, Август Ролинг, „разоблачивший иудейство“ в своей книге „Еврей по Талмуду“ („Der Talmudjude“). Старый, давно забытый силлогизм был повторен в этой книге: все обидные выражения Талмуда об идолопоклонниках относятся к христианам, которых евреи по заветам своей религии должны будто бы презирать, а потому евреи не могут быть терпимы в христианском государстве. Извлеченное из склада исторической ветоши ржавое оружие юдофобов возбудило, однако, более чем антикварный интерес. Возгорелась полемика. Ролинга обвиняли в плагиате из „Разоблаченного иудейства“ Эйзенменгера, который в свою очередь заимствовал из сомнительных источников средневековья; его уличали в искажении талмудических цитат и просто в непонимании древних текстов. Полемика вызвала еще больший интерес к памфлету Ролинга, и книга перепечатывалась из года в год, распространяясь в массе на немецком и чешском языках при помощи агентов клерикализма. Торжествующий Ролинг имел дерзость об'явить, что он готов уплатить тысячу талеров тому, кто докажет ошибочность хотя бы одной цитаты в его книге. Но он не исполнил своего обязательства и после того, как авторитетные христианские богословы доказали лживость многих его цитат. Престарелый протестантский теолог, известный гебраист, Франц Делич из Лейпцига, в своем разборе книги Ролинга (1880) пришел к заключению, что она полна „ложью и клеветой, неверными переводами, искаженными текстами“, ложными толкованиями, и что автор ничего не понимает в талмудической письменности. Ролинг молчал. Фальсификатора поддерживала влиятельная группа клерикалов в Вене—высшие представители католического духовенства и черная пресса. Ярый

[1]) Число евреев в Вене удвоилось за десятилетие 1869—79. В 1880 г. оно составляло 73.000, а в 1890 дошло до 118.000.

враг протестантов и евреев, Ролинг был орудием этой группы обскурантов, которая хотела вознаградить себя в Австрии за анти-католический „культуркампф", происходивший недавно в Германии не без участия еврейских общественных деятелей.

Появление антисемитских организаций в Германии в начале 80-х годов окрылило австрийских юдофобов. Вена принялась ревностно подражать Берлину. Привезенный из Германии модный товар впервые вынес на политический рынок немецкий шовинист, рыцарь Георг фон-Шенерер, член австрийского парламента и вождь партии пангерманистов. Подобно Штеккеру, он сначала пытался провести антисемитизм в сознание трудовых масс под покровом „христианского социализма", но ему не удалось обмануть венских рабочих, и он выкинул свой настоящий флаг ярого немецкого шовиниста. В агитационных речах и статьях Шенерер развивал мысль, что еврейство в Австрии ослабляет немецкий элемент в угоду другим нациям, а потому должно быть причислено к врагам отечества вместе со славянами и прочими инородцами. Антисемитские филиппики Шенерера не имели успеха в парламенте, где заседали представители всех национальностей Австрии и где пангерманизм считался неосуществимой мечтой. Бо́льший успех выпал на до́лю антисемитов-педагогов, агитировавших на экономической почве среди мелкого христианского мещанства Вены—торговцев, ремесленников, содержателей гостиниц и ресторанов. Основывались антисемитские союзы под названиями „Союз христианских ремесленников" и „Партия реформы", цель которых была на самом деле контр-реформа: отмена или сокращение гражданских прав евреев. На уличную агитацию откликнулись все лично заинтересованные или вообще буйные элементы венского населения. В веселой Вене стали повторяться берлинские скандалы. В населенных евреями кварталах антисемиты оскорбляли прохожих, немецкие студенты-шовинисты задевали товарищей-евреев в стенах высших учебных заведений. В трактирах и пивных заведениях, где обыкновенно устраивали свои собрания антисемиты, шли словесные погромы евреев, причем ораторы ссылались на „ученого" Ролинга и разжигали фантазию толпы поддельными цитатами из еврейских религиозных книг.

Весной 1882 г. один из таких агита́торов, некто Франц Голубек, произнес речь в сообрании „Сою́за христианских ре-

месленников", где председательствовал Шенерер. „Еврей—говорил он—не наш согражданин, он стал нашим господином и притеснителем. Вы знаете, что сказано о вас в Талмуде. Там сказано, что мы все (христиане)—свиньи, псы и ослы". Когда Голубека привлекли к судебной ответственности за натравливание одной части населения на другую, защитник его представил в оправдание подсудимого соответственную талмудическую цитату из книги Ролинга. Сам Голубек заявил на суде, что нельзя считать призывом к насилию „научную" характеристику отношений евреев к иноверцам на основании такой авторитетной книги, как труд Ролинга. Поддавшись этим доводам, суд оправдал Голубека. Приговор суда был прямым вызовом еврейству, которое публично обвинялось в обязательной христианофобии. На следующий день (30 октября 1882 г.) в венских газетах появилось оффициальное заявление совета еврейской общины, за подписями известных ученых раввинов Гидемана и Иелинека, о том, что фигурировавшей на суде цитаты, заимствованной из книги Ролинга, в Талмуде не имеется, и что там вообще нет ничего враждебного христианам. Задетый этим опровержением, Ролинг напечатал в газете, а затем в отдельной брошюре, свой „Ответ раввинам", полный ругательств против венских раввинов, скрывающих те места Талмуда, которые компрометируют еврейство. „Ответ" читался публикою и волновал ее. Многие верили, что Талмуд действительно содержит „предписания" ненавидеть христиан. Отсутствие гражданского мужества у представителей венской общины могло только укрепить такие ложные представления. Указав в своем опровержении, что в Талмуде нет ничего враждебного христианству, раввины должны были оговорить, что речь идет о предписаниях, а не о враждебных иноверию мнениях, которых конечно имеется в Талмуде не меньше, чем в Евангелии, Посланиях апостолов и творениях отцов церкви, наполненных самыми резкими и оскорбительными отзывами об иудействе. Сущность защиты должна была состоять в том, что вообще ни один народ не может отвечать за мнения, высказанные в его древней письменности, составлявшейся под влиянием известных исторических условий.

В это время обе половины монархии Габсбургов были взволнованы известием о мнимом ритуальном убийстве в венгерском селении Тисса-Эслар и судебным процессом, в котором малолет-

ний сын обвиняемого еврея свидетельствовал против отца (дальше, § 9). По этому поводу антисемиты развили в стране бешеную агитацию. Ролинг выступил с новыми разоблачениями в брошюре: „Человеческие жертвоприношения раввинизма“, доказывая основательность гнусного навета. Эта искра, брошенная в горючий материал, могла вызвать страшный взрыв. Молчать долее или ограничиваться газетными опровержениями было невозможно; нужно было на суде уличить клеветника-подстрекателя. За это дело взялся один из немногих смелых людей того робкого поколения, депутат рейхсрата и раввин общины в Флорисдорфе (близ Вены), д-р Иосиф Блох. В конце 1882 и начале 1883 г. он опубликовал в одной из венских газет ряд статей, в которых сорвал ученую маску с Ролинга: доказал полное его невежество в талмудической и раввинской письменности и привел много примеров искаженных им цитат. Блох об‘явил, что Ролинг никогда не читал текста Талмуда в подлиннике и не в состоянии перевести в нем ни одной страницы, причем Блох обязался уплатить штраф в 3000 флоринов, если Ролинг публично прочтет и правильно переведет взятую наугад страницу из Талмуда. Вместо прямого ответа на вызов, Ролинг продолжал лить масло в огонь и заявил печатно, что готов подтвердить присягою верность своих цитат из раввинской письменности, доказывающих существование ритуальных преступлений у евреев. Тогда Блох об‘явил в газетах, что обвиняет Ролинга в готовности дать ложную присягу. Этим имелось в виду вынудить пражского клеветника подать судебную жалобу по поводу оскорбления его в печати и затем на суде выяснить его плутни. И действительно, Ролинг подал в венский суд жалобу на депутата Блоха. Вследствие депутатской неприкосновенности обвиняемого, потребовалось согласие рейхсрата на предание его суду, что последовало в начале 1884 года.

Желая выяснить на суде правду во всей ее полноте, Блох и его талантливый адвокат Иосиф Копп подготовляли для судебной научной экспертизы огромный материал: множество подлинных цитат из раввинской и древне-церковной письменности, всевозможные справки и раз‘яснения. Продолжительная борьба возникла при выборе экспертов для проверки цитат. Желая предоставить выбор экспертов компетентному учреждению, Блох просил суд поручить это германскому „Обществу востоковедов“, которое могло бы выделить таких специалистов из своей среды. Общество ука-

зало нескольких специалистов, но из них одни признали себя недостаточно сведущими, а против других, несомненно компетентных ученых (Делича и пр.) Ролинг пред'явил отвод, так как они уже печатно высказали свое отрицательное мнение о его книге. Из приглашенных ориенталистов согласился участвовать в экспертизе только страсбургский профессор Нельдеке. Ролинг с своей стороны настаивал на приглашении в качестве экспертов двух „специалистов", оказавшихся потом его сотрудниками в подделке цитат: выкреста из евреев Юстуса-Бримана, которого титуловал „бывшим раввином", и малоизвестного преподавателя еврейского языка в мюнстерской академии д-ра Эккера. Вскоре выяснилось, что личность Бримана весьма подозрительна. Выходец из Кракова, шатавшийся по Голландии и Германии, Арон Бриман не был раввином, но будучи уличен в плагиате—перепечатке под своим именем одной раввинской книги,—решил креститься и принял сначала протестантскую, а потом католическую веру. По предложению своих покровителей из кружка Ролинга и прусских католиков, он сочинил и выпустил под именем д-ра Юстуса книгу „Еврейское Зеркало, или сто новооткрытых, ныне еще действующих законов об отношениях евреев к христианам, с очень интересным введением" (Judenspiegel, 1883). Этот-то наемный ренегат, поставлявший Ролингу подложные цитаты, и юдофоб Эккер предлагались в эксперты; но суд, собрав о них справки, отверг это предложение. К Нельдеке был присоединен еще один компетентный эксперт, дрезденский профессор Вюнше, переведший талмудическую агаду на немецкий язык. Оба эксперта дали отзывы, неблагоприятные для Ролинга, подтвердив уже установившееся мнение о его мнимо-научных произведениях, как о продуктах невежества, злобы, обмана и частью самообмана. Ролинг убедился, что не миновать ему клейма судебного приговора, если процесс будет доведен до конца. И он поспешил заявить венскому уголовному суду, что отказывается от своей жалобы на Блоха и просит прекратить дело (1885). Таким образом, до судебного приговора дело не дошло, но самоосуждение Ролинга не уступало такому приговору. В лучших кругах общества уже знали цену памфлетам Ролинга и Юстуса-Бримана, и только темные маниаки юдофобии пользовались ими впоследствии, как орудием агитации в разных странах, между прочим и в России (Шмаков).

§ 7. Антисемиты в венской городской думе.

Австрийское правительство, во главе которого долго стоял граф Таафе (1879—93), ни явно, ни тайно не поощряло антисемитского движения, а по временам даже противодействовало ему, заставляя прокуратуру привлекать к суду наиболее дерзких подстрекателей. Правительство, которому приходилось балансировать между разнородными национально-политическими течениями, не могло, конечно, вести систематическую борьбу с разными видами антисемитизма, но во всяком случае австрийская политика по еврейскому вопросу была честнее прусской. Император Франц-Иосиф, хотя и окруженный консервативными сановниками, не поддавался антисемитским влияниям: в новом движении его отталкивала не столько юдофобия, сколько низкая демагогия, разжигание страстей толпы, и он неоднократно выражал свое неудовольствие по поводу антисемитских скандалов в парламенте и венской городской думе. Однажды император демонстративно покинул театр, когда там запели анти-еврейские куплеты. Еврейским депутациям, представлявшимся ему в разных местах, император заявлял о своей твердой решимости охранять их гражданские права. Поэтому Франц-Иосиф всегда пользовался популярностью в тех еврейских массах, которые в монархе больше всего ценят „доброту сердца“. Отношение императора и его правительства к антисемитизму до некоторой степени обуздывало сторонников этого движения, но не могло конечно остановить его. Агитация принесла свои плоды. Выборы в рейхсрат в 1884 г. сопровождались страстной борьбой между антисемитами и либералами. В парламент прошло несколько антисемитских депутатов, между ними и ярый юдофоб Патай, адвокат Ролинга в упомянутом процессе против Блоха. В 1891 г. антисемитам удалось провести в рейхсрат 13 своих кандидатов; во главе их стояли Шенерер, Патай, князь Лихтенштейн и Шнейдер. Те же лица большею частью состояли депутами и в нижнеавстрийском ландтаге, т.-е. являлись вершителями судеб немецкой Австрии. В этом ландтаге с его реакционным большинством царил самый необузданный антисемитизм: юдофобские речи ораторов, вроде Шнейдера и Грегорика, переходили все границы парламентских приличий. Из этой среды политических буянов выдвинулся Карл Люгер (Lueger), ставший вскоре общепризнанным вождем немецко-австрийских и в особенности венских

антисемитов. Депутат рейхсрата и ландтага и гласный венской городской думы, он везде привлекает внимание своими резкими нападками на еврейство, либералов и крупную буржуазию—разнородные группы, которые он нарочно смешивал в одну кучу с целью компрометировать их в глазах мелкого бюргерства, опоры антисемитизма. В этих кругах венского мещанства Люгер проводит антисемитские идеи под видом „христианского социализма". Любимый оратор венской толпы, он приобретает особенную популярность, как деятель городского самоуправления. В начале 90-х годов антисемиты, под именем „христианских социалистов", приобретают в венской городской думе 35 мест. Эта армия Люгера наполняет думские собрания шумом и скандалами, которые часто переносятся на улицу. Буйствует уличная и трактирная толпа, бесчинствует национально-немецкое студенчество, провоцируя столкновения с товарищами-евреями и их христианскими друзьями.

Полного торжества в городском управлении достигли антисемиты в 1895 году. На сентябрьских выборах этого года они, соединившись с немецкими националистами, прошли в венскую думу в таком числе, что вместе с своими союзниками составили большинство гласных. Это большинство избрало Люгера бургомистром Вены. Антисемиты ликовали: их вождь стал городским головою, первым гражданином, хозяином столицы, и может сделать с евреями что угодно. Но радость их омрачилась одним обстоятельством: император отказался утвердить вождя партии скандала в его почетной должности. Раздраженная этим, фракция антисемитов в рейхсрате внесла запрос правительству о мотивах неутверждения выборов. Министр-президент, граф Бадени, дал совершенно об'ективный и справедливый ответ: „Правительство не могло не убедиться, что управление хозяйством столицы, имеющей население свыше одного с четвертью миллиона, попадает в непризванные руки. По убеждению правительства, нельзя присоединиться к решению большинства там, где нет гарантий, что управление городом будет вестись беспристрастно, деловито, без всякой агитаторской тенденции, на началах равноправия всех граждан. Делать опыты, возлагать на людей надежды, которые не соответствуют их прошлому, правительство считало себя не в праве. Вот почему оно советовало его величеству не дать своей санкции избранию Люгера". Несмотря на протесты анти-

семитов и поток ругательных речей с их стороны, рейхсрат большинством голосов признал об'яснения правительства удовлетворительными (8 ноября). Через несколько дней антисемитская дума демонстративно опять избрала Люгера бургомистром, но в ответ на эту демонстрацию правительственный комиссар огласил тут же приказ наместника Нижней Австрии о роспуске венской городской думы. Скандалисты вышли на улицу, собрали толпу и устроили враждебную манифестацию у императорского дворца, крича: „Да здравствует Люгер! Долой Бадени!“.

Новые выборы гласных в венскую думу, произведенные в марте 1896 г., снова дали большинство антисемитам и их союзникам, и Люгер в третий раз был избран городским головою. Теперь обе стороны—городское управление и правительство—были вынуждены идти на компромисс, чтобы выпутаться из неловкого положения. Люгер лично представился императору, и результатом этой аудиенции было следующее дипломатическое решение: Люгер откажется пока от звания бургомистра с тем, чтобы дума избрала другого на его место из того же большинства; император утвердит нового кандидата, который в сущности будет подставным лицом Люгера, а современем и последний может быть переизбран и утвержден. Эта комедия была проделана. На место бургомистра был избран и утвержден в должности книгопродавец - антисемит Штробах, а Люгер был избран вице-бургомистром. Фактически же Люгер стал хозяином думы, а Штробах служил для него только „соломенным чучелом“, как острили венцы, намекая на фамилию фиктивного бургомистра (ее видоизменили в Strohmann). Скоро и чучело оказалось излишним: когда в 1897 г. венцы снова избрали Люгера в бургомистры, он был уже утвержден без возражений. Новая антисемитская дума показала свои когти. Она не допускала евреев на ответственные должности по городскому управлению, не давала еврейским купцам заказов на товары для городских учреждений; с прежними служащими и контр-агентами из евреев обращались так, что они сами отказывались от своих должностей. Притесняли всячески еврейских торговцев, особенно иногородних, переселявшихся в Вену из Галиции. Евреям, учащимся в городских гимназиях, отказывали в освобождении от платы за учение в случае бедности. Была сделана попытка отделить в городских школах еврейских детей от христианских, но соору-

жению этого школьного гетто помешало правительство. Такие же репрессии проводились во всей Нижней Австрии, так как в земстве или ландтаге этой провинции орудовали те же антисемиты. Догма антисемитизма—вытеснение еврея из гражданской и хозяйственной жизни—осуществлялась теперь областным и городским самоуправлением с тем рвением, с каким в до-конституционное время это исполнялось полицейскими агентами правительства.

Слабым противоядием против антисемитизма была деятельность „Союза борьбы“ (Verein zur Abwehr des Antisemitismus), основанного в Вене в 1891 г. по образцу берлинского союза. Во главе венского союза стояли люди разных классов и партий, преимущественно христиане: барон и баронесса фон-Зутнер (известная гуманистка, писавшая против милитаризма), знаменитый медик профессор Нотнагель и не менее известный геолог и политический деятель Эдуард Зюсс, отказавшийся от звания ректора венского университета после происшедших там антисемитских студенческих скандалов. По временам союз устраивал публичные собрания для протеста против антисемитских безобразий, особенно частых в ландтаге Нижней Австрии. Нотнагель и другие ораторы громили „доктрину, вытекающую из самых низменных побуждений человеческой натуры“. Старые идеалисты были однако бессильны против таких доктрин, которые привлекают к себе толпу именно силою низменных сторон человеческой натуры. Представители демократических и социалистических партий слабо боролись с растущей юдофобией, и меньше всего это делали радикалы из евреев, забывшие о своем народе. Депутат демократической группы, христианин Кронаветер, иногда еще выступал с трибуны рейхсрата против антисемитизма, называя его, подобно Бебелю, „социализмом глупцов“; а вождь австрийских социал-демократов еврей Виктор Адлер даже на своем партийном конгрессе (в Брюсселе, 1891 г.) высказался против осуждения антисемитизма конгрессом по формальным причинам. Позже он неосторожно открыл один из мотивов своего поведения, сказав: анти семитизм в конце концов работает на нас“. Это означало: пусть развивается „социализм глупцов“, пролагающий путь умному социализму, — заявление циничное даже в устах ассимилированного еврея, боящегося напомнить миру о своем происхождении.

§ 8. Славянская Австрия: Галиция и Богемия.

Около двух третей еврейского населения Австрии было сосредоточено в Галиции и примыкающей к ней Буковине, где оно в 1890 г. составляло около 850.000 душ. Здесь еврей, как и в старое время, занимал в социальном отношении среднее место между крупным и мелким землевладельцем, паном и крестьянином, образуя гущу городского торгово-промышленного населения и группу мелких сельских хозяев—„поссесоров“ или арендаторов. В политическом отношении все более дает себя чувствовать в эту конституционную эпоху промежуточное положение евреев между тремя нациями—немцами, поляками и русинами. При развитии политической жизни в стране, евреи должны были решить вопрос, к какой нации они причисляются, ибо их самих, как уже сказано, австрийский закон нацией не признавал. Обиходный язык галицийских евреев—„идиш“ или немецко еврейский „жаргон“—не был включен в число восьми „обиходных языков“, которые законом признавались национальными языками. Евреи вынуждены были записываться говорящими либо по-немецки, либо по-польски, и таким образом произвольно распределялись между чужими нациями, оставаясь фактически, в своей массе, самобытною нацией. Верхи общества и модернизованная интеллигенция, которые до эмансипации тяготели к немецкой культуре, стали с 80-х годов все более ассимилироваться с поляками. Как господствующий в Галиции социально-экономический слой, поляки проявляли чрезвычайное усердие в деле полонизации русинов, с одной стороны, и евреев, с другой. Русинов, составлявших в восточной Галиции (Львовский округ) большинство косного сельского населения, трудно было ополячить; евреи же, которые в городах обеих частей Галиции, особенно в западной Краковской области, были перемешаны с поляками, быстро поддавались ополячению, подчиняясь и политической, и экономической необходимости. Эта ассимиляция имела культурный характер лишь в незначительной степени, среди интеллигенции; в массах же она выражалась только в форме статистики—в причислении себя к говорящим по-польски, а, следовательно — к польской национальности. Для поляков именно эта статистика была важнее всего, ибо от присоединения к ним еврейских масс зависело приобретение десятков лишних голосов в пользу польских кандидатов на выборах парламентских, сеймовых и городских. При поддержке евреев поляки могли

получить тот политический перевес над немцами и русинами в крае, к которому они страстно стремились. Поляки терпели только тех евреев, которые служили их политическим или экономическим интересам, но жестоко преследовали всякое проявление национального сепаратизма и экономической конкурренции со стороны евреев, считая их своими историческими подданными, как во времена „давней Польши“.

На этой почве развилось в начале 80-х годов антисемитское движение и в Галиции. Сначала оно проявилось в галицийском сейме, где первенствовали поляки. Здесь подвизался польский антисемит Мерунович, написавший брошюру об еврейском вопросе. Он предложил сейму исправить зло, причиненное краю гражданским равноправием евреев, и установить для них ряд ограничительных законов. С такою постановкою вопроса сейм не мог согласиться, так как это означало бы пересмотреть основные законы конституционной Австрии, что не входило в компетенцию земского парламента. Сеймовая комиссия, рассматривавшая предложение Меруновича, видоизменила его в том смысле, что требуется ограничение прав еврейских „религиозных общин“, которые должны быть лишены всяких гражданских и политических функций, т. е. последних остатков былой автономии. Еврейские депутаты сейма, из „поляков Моисеева закона“, попавшие туда по милости польских панов и верно служившие их интересам, не возражали против этого предложения, так как меньше всего дорожили „пережитками обособленности“. При обсуждении вопроса в пленуме сейма они только защищались против обвинения, будто еврейская община, следуя „вредным“ законам Талмуда, служит гнездом тайных козней против христиан. Предложение о сокращении общинной автономии евреев было принято сеймом единогласно, т. е. с одобрения и еврейских депутатов, не имевших ничего общего с представляемою ими массою (1882). Такою покорностью поляки могли быть очень довольны: они видели, что в деле полонизации края они не встретят препятствий со стороны еврейских общественных деятелей. Оставалась еще борьба на экономической почве, и тут практиковалась обычная система: евреям всячески затрудняли доступ к свободным профессиям и общественным должностям, учреждали сельские и городские кооперативные союзы с целью подрыва еврейской торговли,—вообще, делали все, чтобы держать еврейские

массы на низком социально-экономическом уровне и не давать им подниматься на верхи общества. Крестьянин-русин в деревне и еврей-торговец или ремесленник в городе, как представители „низшей расы", должны были служить только интересам польской нации, призванной господствовать в крае.

От старой Польши Австрийская Галиция унаследовала еще одно орудие устрашения еврейства. Воскресли былые ритуальные процессы, весьма близкие сердцу темного католического и православного населения, в котором жили еще мрачные предания XVIII века. В марте 1882 г. в одном селе западной Галиции был найден труп христианской девушки Мних, недалеко от дома жившего там среди крестьян арендатора-еврея Риттера. Выяснилось, что девушка была убита в состоянии беременности, так что здесь могло быть либо самоубийство от стыда, либо убийство для сокрытия „греха". Но заинтересованные в сокрытии правды лица повернули обвинение в сторону евреев. Была арестована вся семья Риттер, с которою покойная дружила. Вместе с нею был арестован и дядя покойной, поляк Стохлинский, которого подозревали в интимной связи с племянницей. Сплелись вместе два процесса: ритуальный и романический. Стохлинский свалил вину на Риттера и признал себя только пособником преступления. Суду присяжных в Ржешове был представлен странный по юридическому построению обвинительный акт, в котором наряду с семейным мотивом преступления (мнимая любовная связь Риттера с Мних) фигурировал и мотив религиозный. Приговор вполне соответствовал несообразному обвинению: суд признал виновными и Риттера с женою, и Стохлинского, и приговорил их к смертной казни. Этот приговор был отменен венским кассационным судом; во время нового разбора дела в Кракове прокурор устранил ритуальный мотив и настаивал только на мотиве семейном: Риттер будто бы убил девушку, чтобы скрыть свою связь с нею. Краковский суд также вынес смертный приговор подсудимым, и снова приговор был кассирован „по недостатку доказательств". Дело длилось четыре года; в это время умер в тюрьме Стохлинский, наиболее вероятный виновник преступления, и наконец, супруги Риттеры были оправданы высшим судом в Вене (1886).

К началу 90-х годов национальная и экономическая борьба в Галиции обостряется. Разгорается польско-русинская распря.

Более организованное польское меньшинство восточной Галиции душит русинскую массу, политически и культурно отсталую, а попутно и евреев, поскольку они мешают ополячению края хотя бы пассивно, как нейтральный элемент. Систематически эта борьба велась с тех пор, как в Галиции организовалась „Польская народная партия“, начертавшая на своем знамени: „католичество и народность“. В крае трех национальностей и трех вероисповеданий это был призыв к воскрешению старой польско-украинско-еврейской распри при помощи новых методов—политических и экономических. Народная партия поставила себе целью вытеснить и русина, и еврея из различных сфер хозяйственной жизни и поставить на их место поляка. Учреждались повсеместно, в селах и городах, „сельско-хозяйственные союзы“, которые должны были заботиться о том, чтобы земля и всякие промыслы переходили к полякам. Польский крестьянин, вынужденный по бедности продать свою землю, получал от своего союза денежную помощь, для того, чтобы он мог остаться на земле или передать ее поляку же; с другой стороны, обедневший русинский крестьянин или мелкий еврейский землевладелец доводились участниками союзов до того, что они вынуждены были продавать свои земли полякам. Чтобы подорвать еврейскую торговлю, союзы устраивали для своих членов особые товарные склады и лавки (главные оптовые склады находились в Кракове и Львове). Евреев отстраняли от соляного промысла, издавна находившегося в их руках. Этот коварный заговор полонизаторов должен был бы встретить дружный отпор со стороны об'единенных сил евреев и русинов, но обе эти нации еще не доросли до состояния политической организованности и вдобавок не всегда ладили между собой. Еще не изгладились из памяти страшные предания времен гайдамачины. Тяготевшая к России русинская партия „москвофилов“ не скрывала своего юдофобства и стремления устроить для евреев русский режим в Галиции. Русины же австрийской ориентации или украйнофилы не могли простить евреям, что те оффициально причислялись к польской нации и тем политически усиливали ее, хотя большей частью невольно или бессознательно. Раз'единенных противников полякам было легче давить, и на с'езде делегатов от всех отделов „Сельскохозяйственного Союза“ в Кракове (1893) они могли похвастать крупными успехами в своей экономической борьбе.

В том же году в Кракове состоялся „католический с'езд", в котором участвовали сельские хозяева из высших феодально-клерикальных кругов. Здесь выдвигалась религиозная идея, самая существенная в воинствующем польском национализме, в форме тезиса: „православие и иудейство—наши опасные враги". Этому старому польскому лозунгу XVII и XVIII веков вполне соответствовало заявление, что с'езд не одобряет новомодной антисемитской агитации по немецкому образцу. Докладчик с'езда граф Тарновский говорил с благодушием инквизитора, уничтожавшего евреев „без пролития крови": „Антисемитизм есть великий грех, он противен христианскому учению, ибо он жесток, бесчеловечен и возбуждает низкие инстинкты. Против еврейства нужно бороться христианскими средствами—экономическими мерами. Будем патриотами! Католик, продающий еврею или отдающий ему в аренду клочок земли, дающий еврею возможность заниматься земледелием—такой поляк-католик подкапывается под благосостояние нашей нации". Эта католическая заповедь бойкота, одобренная с'ездом, проводилась на практике при помощи галицийской администрации, состоявшей преимущественно из поляков.

В то время, как высшее польское общество давило галицийских евреев политически и экономически легальными путями, в низших классах велась самая грубая антисемитская агитация, призывавшая к борьбе с евреями вплоть до погромов. Такие призывы имели успех в моменты разгара страстей при парламентских выборах. Во время избирательной кампании 1898 г. кандидат антисемитской „Народной партии", патер-иезуит Стояловский прямо подстрекал крестьян к избиению евреев. Это был фанатик средневекового типа, тем более опасный, что он не останавливался ни перед какими средствами современной демагогии для привлечения бедных масс. Крестьяне считали его своим защитником от гнета магнатов-помещиков, но хитрый патер, следуя обычной тактике христианских социалистов, отводил народное недовольство в сторону евреев и на деле являлся союзником клерикальной польской аристократии, которую на словах ругал. Выставив свою кандидатуру в депутаты рейхсрата в округе Сапока, в западной Галиции, Стояловский повел бешеную агитацию против евреев, которая дала немедленные результаты: антиеврейские погромы произошли в тридцати местечках и деревнях этого округа (июнь). Среди темного люда пущен был фантастический

слух, будто считавшийся умершим сын императора Франца-Иосифа, романтический принц Рудольф, оказался живым в Америке и оттуда прислал приказ бить евреев. Только запоздалое вмешательство галицийского наместника Понинского и присланных им для охраны порядка войск, убедило буянов, что буйство и грабеж еще не разрешены законом. Так как погромы шли под христианско-социалистическим лозунгом борьбы польской бедноты против „евреев-эксплоататоров", то галицийские социал-демократы поспешили отмежеваться от этой псевдо-социалистической агитации иезуита Стояловского. „Бедных поляков натравливают на бедных евреев"—восклицал вождь польских социалистов депутат рейхсрата Дашинский, на собрании в Вене. Он указал, что евреи, составляющие в Галиции 12% всего населения, дают 90% неимущих и бедняков, а последние погромы еще ухудшат их положение. Вытесняемые из всех отраслей труда, сверху и снизу, евреи впадали в такой пауперизм, какого не знала ни одна страна. На 700.000 еврейского населения здесь насчитывалось не менее полумиллиона бедняков, лишенных определенного заработка или живших на счет благотворительности. Против этой нужды оказывались бессильными даже такие крупные филантропические учреждения, как „Фонд барона Гирша", основанный в 1891 г. Учредители фонда поставили себе целью усилить ремесленный и земледельческий труд среди этих масс бедствующих мелких торговцев; для этого устраивались профессиональные школы, ремесленные мастерские и земледельческие фермы. Но польская краевая власть всячески тормозила деятельность „Фонда", направленную к экономическому оздоровлению еврейства. По утвержденному в Вене уставу, гиршевские профессиональные школы для евреев дозволялось открывать лишь под условием преподавания в них на польском языке в Галиции и на немецком в Буковине. Еврея, питомца галицийской профессиональной школы, сначала полонизировали, а когда он, подготовленный к ремеслу или земледелию, хотел заниматься своей профессией, ему преграждали путь польские национальные организации в роде „Сельско-хозяйственных союзов". При таких условиях пауперизм усиливался из года в год, и единственным исходом для голодных масс являлась эмиграция. Десятки тысяч эмигрантов ежегодно отправлялись в Америку вместе с своими бедствующими братьями из России. В дальней республике за

океаном снова воссоединялись братские массы, давно раз'единенные политическими границами вследствие разделов старой Польши между соседними государствами.

В другой части славянской Австрии—Богемии и Моравии—междунациональное положение евреев было столь же ненормально, но имело и свои особенности. Если в Галиции евреи страдали от торжествующего национализма поляков, то в Богемии они чувствовали давление угнетенного национализма чехов. Чешско-немецкая распря запутывалась все больше после утверждения австро-венгерской дуалистической конституции. Чехи претендовали на третье место в монархии и на широкую государственную автономию, а между тем их оставили при скудном земском самоуправлении, а немецкое меньшинство в Чехии так же усердствовало в германизации края, как поляки—в ополячении Галиции. И чехи, и немцы тянули евреев к себе, причисляя их к своему составу на основании оффициального признака—„обиходного языка", каковым раньше был преимущественно немецкий. В период 1880—1900 г. в собственной Богемии числилось около 95 тысяч евреев, а в Моравии—45 тысяч, что в пропорции ко всему населению составляло полтора-два процента. Сначала евреи, более близкие к немцам по языку и культуре, записывались в большинстве говорящими по-немецки и усиливали собою ряды германизаторов, возбуждая тем негодование чехов. Но постепенно, по мере развития немецкого антисемитизма и вследствие естественной необходимости ладить с большинством населения, усилилось тяготение к союзу с чехами, и к концу XIX века большая половина евреев (54%) в собственной Чехии числилась в разряде говорящих по-чешски; только в Моравии сохранилось еще преобладание „евреев-немцев" (77%). В такое переходное время, в атмосфере страстной национальной борьбы, нелегко было для евреев их положение меж двух огней, — наследие ассимиляционной эпохи. Глухая вражда, а иногда и экономический бойкот, давали себя чувствовать то с одной, то с другой стороны. В котле политических страстей—Праге—дело иногда доходило до уличных нападений. Среди чехов-шовинистов была распространена песенка: „Еврею и немцу гореть на одном костре". По части антисемитизма чехи оказались хорошими учениками немцев. Юдофобские памфлеты пражского профессора Ролинга распространялись и на чешском

языке. Против этого напора с двух сторон еврейство Чехии и Моравии было более бессильно, чем галицийское: там давлению извне евреи могли противопоставить пассивное сопротивление густых, культурно обособленных масс, чувствительных только к экономическому гнету, а не к политическому и духовному; в чешских же провинциях евреи были и численно гораздо меньше, и в бытовом отношении менее обособлены, а потому и нравственно гораздо больше страдали от враждебных отношений окружающей среды.

К самому концу XIX века в Богемии разыгрались события, которые могли напомнить старой еврейской Праге о давно прошедших темных временах религиозных войн. В 1897 г. чешско-немецкая распря достигла крайнего напряжения. Министерство Бадени, уступившее чехам в вопросе о равноправности их языка, пало под напором протестов со стороны немцев; обструкция и скандалы в рейхсрате повели к его роспуску. В Праге на этот вызов ответили погромами, направленными против немцев и евреев с немецкими фамилиями. В первые дни декабря чехи разгромили здания немецкого университета, театра и других общественных учреждений; при разгроме же магазинов они не делали различия между немецкими и еврейскими. Из Праги погромы перекинулись в провинциальные города Богемии (Наход, Мельник и др.), где были случаи нападения на синагоги и еврейские школы. Там, где не было немецкого населения, евреи замещали его: их били вместо немцев. Это однако не мешало немцам-антисемитам там, где они были сильны (например, в городе Эгер), устраивать враждебные демонстрации и против чехов, и против евреев.

Прошло два года—и антисемиты обеих враждующих национальностей соединились для общего похода против евреев на почве ритуального процесса, без которого не обходилось тогда ни одно порядочное антисемитское движение. В раннюю весну 1899 г.—сезон ритуальных обвинений—найден был в лесу близ чешского городка Полна труп чешской девушки-швеи Агнессы Груша, с перерезанным горлом. Арестованный по подозрению в убийстве молодой еврей Леопольд Гильзнер, простолюдин весьма сомнительной нравственности, был предан суду, только потому, что некоторые свидетели видели его в день убийства за городом, на опушке леса, еще с двумя необнаруженными ев-

реями. Обвиняемый упорно отрицал свою вину, и суду не удалось даже выяснить мотив преступления: половой аффект или месть. Но уже до суда антисемитские газеты, немецкие и чешские, прокричали на всю страну, что здесь совершено коллективное ритуальное преступление. Ярый чешский антисемит д-р Бакса, выступивший на суде в роли гражданского истца, прямо заявил, что случай в Полне подтверждает существование „еврейского сообщества, убивающего наших христианских сограждан для получения их крови". Защитник подсудимого возразил: „Только постыдной агитации антисемитской прессы можно приписать то, что Гильзнер сидит на скамье подсудимых: благодаря этой агитации, поднято обвинение при отсутствии всяких улик против Гильзнера, только потому, что он еврей". Суд в Куттенберге признал Гильзнера виновным в совершении убийства при участии еще некоторых лиц и приговорил его к повешению (сентябрь 1899). Антисемиты ликовали: они писали в своих листках и брошюрах, что ритуальные преступления евреев уже доказаны судом, хотя на самом деле приговор суда совершенно не указывал на какой-либо религиозный мотив преступления. Темная толпа поверила, и пошла новая полоса антиеврейских погромов — в Праге, Полне, Голешове и других местах.

Против судебного приговора, внушенного антисемитами, выступил с протестом один из лучших политических деятелей Богемии, пражский профессор Масарик. В своей брошюре „Необходимость пересмотра полненского процесса" он, на основании подробного анализа дела, пришел к заключению, что совершена страшная судебная ошибка под влиянием возбужденных общественных страстей. „Настоящим анализом полненского процесса— говорит он—я хочу по мере сил своих искупить позор нашей журналистики, которая лживой и вызывающей передачей дела Дрейфуса (в 1898 и 1899 г.г., как известно, газеты всего мира были наполнены отчетами об этом деле, созданном французскими антисемитами) подготовила собственную чешско-австрийскую дрейфуспаду. В действительности весь полненский процесс разыгрался под тяжелым давлением антисемитизма с его дикой, бессмысленной верой в ритуальное убийство". Правдивая брошюра была конфискована властями, но она получила распространение другим путем. В рейхсрате шли прения по запросу

о полненском процессе, внесенному еврейскими депутатами министру юстиции, и демократический депутат Кронаветтер воспользовался этим, чтобы прочесть с трибуны всю брошюру Масарика, которая таким образом могла быть напечатана в газетах в виде парламентского отчета, свободного от цензуры. Сам Масарик был привлечен к ответственности за оскорбление суда, а развращенные антисемитской ложью чешские студенты устраивали честному профессору враждебные манифестации. В Вене, Праге и других городах устраивались митинги протеста против местной дрейфуснады, которая, подобно французской, имела целью опорочить весь еврейский народ. Трагические ноты послышались в Праге на собрании „Общества чешско-еврейского единения", раньше основанного еврейской интеллигенцией с целью сближения с чехами. Член общества д-р Рейнер констатировал банкротство этого идеала: „Мы одиноки!—воскликнул кающийся ассимилятор.—Моста, соединявшего нас с еврейской массой, давно уже нет, а чехи поворачиваются к нам спиною. Нужно закрыть все наши чешско-еврейские союзы. Более двадцати лет существует наш студенческий союз, пять лет—наше „Чешско-еврейское единение", четыре года—Политический Союз: и чего мы этим достигли? Каких результатов достигли мы путем ассимиляции в области хозяйственной, общественной и политической? В области хозяйственной провозглашено начало: „свой к своему!" и пароль: „покупайте только у христиан!" Ассимиляция политическая привела к признанию нас чужими, людьми другой расы, чуждой национальности. С немцем идти мы не желаем, с чехом не можем". Дело Гильзнера имело еще длительный эпилог. По жалобе защитника осужденного, кассационный суд в Вене отменил приговор куттенбергского суда, так как против правильности его медицинской экспертизы высказался пражский медицинский факультет. Дело вторично разбиралось судом в Пизеке (с октября по декабрь 1900), под тем же давлением антисемитской атмосферы, и снова Гильзнеру был вынесен смертный приговор, хотя прокурор отверг религиозный мотив преступления, как „бессмысленную сказку". Император Франц-Іосиф, вследствие ходатайства о помиловании, заменил осужденному смертную казнь пожизненной каторгой (1901). Таким образом и Богемия заплатила дань призраку средневековья, ставшему черной тенью на грани двух столетий „высшей культуры".

§ 9. Вспышка антисемитизма в Венгрии и тисса-эсларское дело.

Мадьяры, ставшие с 1867 года полными хозяевами разноплеменной Венгрии, были одержимы общей манией ассимилирования меньших народов. Шла бескопечная борьба с национальными стремлениями южных славян—хорватов, сербов, словенцев, словаков. Больше всего мадьяры считали себя в праве распоряжаться нацпональною судьбою еврейского населения, составлявшего больше четырех процентов всего населения Венгрии (в 1880 г.—638.000, в 1890 г.—725.000). До эмансипации к евреям пред'являлось обычное требование отказа от своей национальности, а когда требуемая ассимиляция направилась в сторону культурного слияния с немцами, поднялись крики об онемечении Венгрии евреями. Гражданское равноправие было, как известно, дано евреям под условием мадьяризации, и в Венгрии началось обычное оффициальное перечисление евреев из разряда говорящих по-немецки в разряд туземцев по языку (народный немецко-еврейский язык не принимался во внимание и здесь). То, чего не могли сделать раньше приманки Кошута и либеральных патриотов, сделали угрозы антисемитов. В период 1881—1890 г., время расцвета венгерского антисемитизма, число евреев, записавшихся в венгерскую национальность по языку, возросло на 23%, а к концу века три четверти еврейского населения Венгрии признавали своим языком венгерский и только одна четверть—немецкий (по переписи 1900 г.). Это оффициальное присоединение полумиллиона евреев к венгерской национальности было очень важно для политических целей мадьяр, которые даже в коренных областях страны имели слабое большинство (51%) и страстно стремились к усилению своей державной позиции. Для достижения такой победы потребовалась интенсивная антисемитская агитация, развившаяся до крайних пределов в первой половине 80-х годов.

Антисемитская бацилла обнаружилась в Венгрии одновременно с появлением ее в немецкой Австрии. В венгерском парламенте образовалась сплоченная группа депутатов-юдофобов, вышедших из недр партий либералов и „независимых“ и постепенно передвигавшихся вправо. Истоци, Оноди, Симони были вождями этой группы, действовавшей в парламенте и вне его. Еще в 1880 г. Истоци успел основать около 80 антисемитских круж-

ков в различных комитатах. Кружкам давались инструкции, чтобы они посылали в парламент петиции об отмене гражданского равноправия евреев в виду опасности, грозящей стране от еврейского засилья. По поводу этих петиций антисемитские депутаты произносили зажигательные речи в парламенте и на митингах. Говорилось об „ожидовлении“ Венгрии и в особенности ее столицы Будапешта, которую называли „Judapest“, иудейской заразой; доказывалось, что можно отменить равноправие евреев, не посягая на другие пункты либеральной конституции. В парламенте вся эта агитация успеха не имела. Либеральное министерство Коломана Тиссы и большинство палаты решительно отвергали реакционные домогательства антисемитов. Тогда борьба была вынесена на улицу. Венгерские антисемиты, заимствовавшие свою теорию у немцев, были непрочь присоединить к ней русскую практику, как она проявилась в погромах 1881 года. В различных комитатах начались нападения на евреев, но правительство приняло решительные меры к предупреждению дальнейших беспорядков. Антисемиты попытались связать свою агитацию с „наплывом“ еврейских эмигрантов из России. Прибытие в Венгрию небольших групп беглецов из южно-русских губерний дало повод администрации некоторых комитатов поднять вопрос о недопущении эмигрантов в страну. При обсуждении вопроса в парламенте депутат Оноди совершил словесный разгром еврейства всего мира, требуя освобождения трехсот миллионов христиан от „ига восьми миллионов евреев“. Но парламент в полном согласии с правительством решил, что нельзя отгонять от границ Венгрии преследуемых, ищущих временного приюта (1882). Антисемиты обратились к литературной пропаганде, выпуская брошюры с призывами к насилиям против евреев, но и тут помешало правительство: одна из опаснейших брошюр, предназначенная для рабочего класса и содержавшая обычные юдофобские измышления вплоть до ритуального навета, была конфискована. Это вызвало негодующую речь Истоци в парламенте; оратор прямо заявил, что эмансипация евреев является позором Западной Европы и что только в России понимают, как следует решать еврейский вопрос. Чтобы увлечь Венгрию на путь царской России, антисемиты придумали дьявольский план: создать ритуальный процесс и в связи с судебным следствием повести энергичную агитацию под лозунгом: „еврей — убийца христиан“.

Так был создан чудовищный тисса-эсларский процесс, волновавший Венгрию в течение почти двух лет.

1 апреля 1882 года в селении Тисса-Эслар, близ которого находилось поместье лидера антисемитов Оноди, исчезла 14-летняя христианская служанка Эстер Солимосси, посланная своей хозяйкой за покупками. Поиски пропавшей ни к чему не привели, и в селении, где перед тем велась антисемитская агитация, тотчас заговорили о ритуальном убийстве. Слухи подкреплялись тем, что пропавшая девушка должна была пройти мимо синагоги, где в тот день находились служитель („шамес“) Иосиф Шарф и группа прихожан, собравшихся для назначения нового „шохата“ (резника скота) в местной общине. Говорили, что девушку заманили в синагогу, сутки держали в погребе, а потом зарезали и выцедили кровь для употребления в пасхальной „маце“. Под влиянием этой легенды местныя власти направили следствие в сторону синагоги. Через два месяца после исчезновения девушки был найден в реке разложившийся труп в одежде Эстер Солимосси с обезображенным до неузнаваемости лицом, но без всяких признаков насильственной смерти, т.-е. типичный труп утопленницы. Если бы было установлено, что это труп Эстер Солимосси, то всякое подозрение в ритуальном убийстве отпало бы. Но такой результат не был в интересах тех, кто затеял все это дело. И вот пошла новая молва: утопленница ничего общего не имеет с пропавшей девушкой, а евреи нарочно бросили в реку чужой труп, взятый ими из больницы и одетый в платье Солимосси, чтобы отвести от себя подозрение. Арестованные полицией и допрошенные „с пристрастием“ лодочники, нашедшие труп в реке, давали путанные показания на своем мало понятном инородческом наречии, и это было истолковано в желательном для следователей смысле: что они приняли труп от евреев (на суде рыбаки впоследствии отрицали это показание, как вынужденное побоями и угрозами). Местный врач нашел, что утопленница старше 14 лет, а мать Солимосси не признала своей дочери в трупе, черты лица которого совершенно стерлись от долгого пребывания в воде. В атмосфере, насыщенной дикими слухами, стали пророчествовать и дети, охваченные общим психозом. Христианские мальчики, игравшие с шестилетним сыном „шамеса“ Иосифа Шарфа, слышали от него, что его отец зарезал девушку. Призванный на допрос ребенок ска-

зал, что слышал это от своего старшего брата, 14-летнего Морица. На допросе у судебного следователя Мориц Шарф заявил, что он знал лишь о распространяемых по селу слухах и по их поводу пошутил над маленьким братцем. Это правдивое об'яснение мальчика было истолковано превратно, и он вместе с отцом и матерью были арестованы и посажены в одиночное заключение. В тюрьме, под влиянием обстановки и психических внушений со стороны допрашивавших, у мальчика разыгралась фантазия, и он дал следователю показания, от которых потом, слишком поздно, отрекся: он будто бы видел через щель в дверях синагоги, как там резали девушку его отец и трое приезжих „шохатов" и выпускали кровь в сосуд. На этом основании были арестованы трое оговоренных и несколько прихожан синагоги, так что вместе с прежними под арестом находились 15 человек. Юного Морица Шарфа перевели в соседний уездный город Ньиредьязу, поместили в доме местного начальника и сулили ему всякие блага в случае, если он согласится принять христианство. От богатых христиан получались значительные суммы денег и подарки для еврейского мальчика, оказавшего столь важную услугу врагам своего народа. Следствие затягивалось, а между тем в стране велась бешеная антисемитская агитация. В течение всего лета 1882 года газеты не переставали говорить о страшной драме в Тисса-Эсларе. В своей прессе и на публичных собраниях антисемиты говорили так, что народ не мог откликнуться на это иначе, как погромами. Началось с нападений на евреев в небольших городах, но потом дело дошло до настоящих погромов по рекомендованному Истоци русскому образцу. В старом центре венгерского еврейства, Пресбурге, возбужденная антисемитами толпа бушевала два дня (28—29 сентября 1882 г.). С криками: „Да здравствует Истоци, Оноди, Симони!" толпа двигалась по улицам, разбивала окна в еврейских домах и магазинах, местами врывалась внутрь и грабила имущество. Полиция разгоняла буянов, но не могла справиться с ними во всех частях города, и только подоспевшие войска водворили порядок. Вслед за тем погромы повторились в некоторых местностях пресбургского комитата. Правительство об'явило весь комитат на военном положении и грозило суровыми карами погромщикам и их подстрекателям. Антисемиты-подстрекатели внесли по этому поводу запрос в парламенте и услышали от

министра-президента Тиссы решительный ответ: „Пока я буду на этом посту, я буду защищать личную безопасность не господ разбойников, убийц и поджигателей, а порядочных граждан!“ Оноди и Симони опять заговорили о „владычестве евреев“ и о тисса-эсларском деле и требовали репрессий против „зловредной расы“. Но Тисса ответил, что он не намерен воскресить мрачные предания эпохи абсолютизма, когда евреев угнетали и преследовали, а будет строго охранять равноправие граждан.

За три недели до погрома в Пресбурге, антисемиты прибегли еще к одному способу воздействия на общество и суд, готовившийся тогда к разбору тисса-эсларского дела. Они послали своих делегатов на вышеупомянутый дрезденский конгресс антисемитов с целью добиться там желательной резолюции по поводу судебного процесса, который интересовал всю Европу. Депутат Оноди повез с собой тот портрет Эстер Солимосси, который был повешен, как символ, над президентским столом конгресса, и вызвал экстаз собрания своею речью о тисса-эсларском деле: „Это дело касается всего мира. Нож шохата ударил в сердце всего человечества“. Конгресс принял резолюцию с выражением доверия к „беспристрастию венгерского суда в деле, за которым внимательно следит весь не-еврейский мир“.—Через несколько месяцев антисемиты сделали новую попытку воздействия на парламент. По их наущению группа христианских жителей Тополчского округа, где находилось селение Тисса-Эслар, послала в парламент петицию о пересмотре закона, предоставляющего евреям гражданскую равноправность. Эта петиция вместе с другими однородными заявлениями из антисемитских кругов, была рассмотрена в особой комиссии, которая решила отвергнуть их, как анти-конституционные. В общем собрании парламента возникли по этому поводу горячие прения (январь 1883). Истоци и его товарищи разразились обычными филиппиками о „завоевании Венгрии евреями“. Им горячо возражали либералы, в особенности венгерский писатель Мориц Иокай, напомнивший, что в 1848 году он сам вместе с еврейскими патриотами завоевывал независимость для Венгрии. Тисса снова высказался против реакционной попытки антисемитов, и петиция их была отвергнута. Следствием этого было то, что партия венгерской независимости исключила из своей среды депутатов-антисемитов, поддерживавших петицию. Антисемиты, сидевшие

на левых скамьях парламента, переместились вправо и образовали свою собственную фракцию, которая все больше сближалась со своими естественными союзниками—клерикалами.

Не сбылись и надежды, возлагавшиеся антисемитами на исход судебного процесса по тисса-эсларскому делу. Явно тенденциозное предварительное следствие, веденное местными властями в „ритуальном" направлении, не было одобрено прокурором судебного округа, взглянувшим на дело беспристрастно. Следствие возобновилось, и дело затянулось до лета 1883 года. Оно разбиралось в окружном суде в городе Ньиредьязе, в течение шести недель (19 июня—3 августа). На суде раскрылись все пороки первоначального следствия. Уже в обвинительном акте был совершенно устранен религиозный мотив убийства, и все усилия подосланных антисемитами лжесвидетелей не могли затемнить здравый смысл судей. Главный свидетель обвинения—точнее, жертва обвинителей—мальчик Мориц Шарф, свидетельствовавший против родного отца и на суде, так запутался во внушенных ему показаниях, что они потеряли всякое значение для судей; судебный осмотр синагоги выяснил, что сквозь дверную щель или замочную скважину свидетель не мог видеть всего того, о чем рассказывал. Эксперты доказали, что найденный в реке труп соответствует возрасту Эстер Солимосси. Защиту подсудимых вели лучшие адвокаты Венгрии, христиане и евреи: Карл Этвеш, Фридман, Гейман и другие. Наиболее убедительную речь против ритуального обвинения произнес государственный прокурор, который охарактеризовал весь процесс, как организованное „нападение на евреев". Речь частного обвинителя, антисемита Салая, дышала злобным церковным фанатизмом: он требовал мести евреям во имя Христа, „некогда распятого иудеями и ныне распинаемого в символе ритуальных убийств". „Невинно пролитая христианская кровь—воскликнул он—привлекла внимание Распятого, и он повелел сыну свидетельствовать против родного отца". Один из защитников сказал по этому поводу: „Привидения мрачных веков вторгнулись в идеи 19-го века. Перед нами воскресают страшные призраки религиозного фанатизма: Варфоломеевская ночь и процессы ведьм". В своей блестящей речи Этвеш сказал, что ритуальное обвинение позорит обвинителей, а не обвиняемых. Он упомянул о том, что против тисса-эсларского навета протестовали такие люди, как Виктор Гюго,

Ренан и национальный герой Венгрии—Людвиг Кошут. Предварительное следствие, которое велось под давлением антисемитов, Этвеш назвал „позором венгерского судопроизводства"; ибо „дрессировать ребенка в роли свидетеля против родного отца — это самое возмутительное злоупотребление, какое только может быть совершено под покровом формального следственного производства". Защитник указал, что антисемитизм в Венгрии не местного происхождения: „он привезен к нам из чужих стран — из Германии и России". Суд вынес оправдательный приговор всем 15 подсудимым. Юный Мориц Шарф, освобожденный из антисемитского плена и возвращенный в родительский дом, отрезвился и с чувством глубокого раскаяния рассказал о физическом и душевном давлении, под которым он давал внушенные ему показания. Взбешенные провалом своего адского плана, антисемиты метались в разные стороны, обвиняли суд в подкупленности еврейскими деньгами, грозили народным самосудом и местами пытались устроить погромы. Из малых городов и сел, где полиция была бессильна против буйной толпы, евреи убегали в соседние большие города, под защиту войск. Но центральное правительство скоро положило конец этой смуте. Тисса разослал по всем городам циркуляр с требованием подавлять в зародыше всякую погромную попытку. Против антисемитизма выступили в своих посланиях и высшие иерархи венгерской церкви — католической и реформатской. Сам император и король Венгрии Франц-Иосиф высказался с резким осуждением об эксцессах венгерских антисемитов. Мало-по-малу кошмар кровавого навета и паника погромов рассеялись, и евреи вздохнули свободно.

Боевой антисемитизм как будто исчерпал себя в тиссаэсларском деле, в двухлетних напряженных усилиях вызвать крестовый поход против венгерских евреев. С середины 80-х годов он идет на убыль. В 1884 году, когда угар еще не улегся антисемитам удалось провести на выборах в парламент 17 своих депутатов; но с каждыми новыми выборами число их сокращалось, да и прежний задор реже проявлялся. Левая „партия независимости", наиболее влиятельная в парламенте, крепко стояла за неприкосновенность гражданского равенства, но она помнила также условие, под которым некогда дано было евреям равноправие, и требовала от них полной мадьяризации. В своем манифесте во время выборов 1884 г. партия, помогшая евреям вы-

путаться из сетей тисса-эсларского заговора, требовала компенсации—отречения евреев от своих национальных особенностей; она даже настаивала, как прежде, на коренных религиозных реформах в иудаизме. Слабые элементы еврейства поддавались этим требованиям; чувство страха с одной стороны и рабской благодарности, с другой, гнали многих до пределов крайней ассимиляции. Быстро шла оффициальная приписка к мадьярской нации: десятки тысяч ранее говоривших по-немецки оказывались в статистике венгерцами по языку. Мадьяры в Венгрии следовали здесь тактике поляков в Галиции: они ценили евреев, поскольку те помогали им быть державной нацией. Разница была только в том, что в хасидской Галиции ассимиляция коснулась лишь верхов общества, а в Венгрии она проникла глубже—в средние и частью низшие слои. Сдерживающею в национальном смысле силою являлась здесь многочисленная партия ортодоксов, не столь крайних, как в Галиции, но достаточно инертных для сопротивления процессу ассимиляции.

В первой половине 90-х годов венгерским либералам и независимым удалось завершить акт эмансипации евреев узаконением равноправности иудейской религии. В 1893 г. правительство Векерле внесло в парламент законопроект, по которому иудейство признается равноправным с католичеством, реформатским и православным вероисповеданиями в смысле свободы перехода из одной религии в другую, вследствие чего браки между христианами и евреями признаются законными, по какому бы обряду они ни совершались. Против этого законопроекта долго и упорно боролась консервативно-клерикальная партия, отстаивавшая последние привилегии господствующего католицизма. В обществе и парламенте велась усиленная агитация. Собрание католических епископов в Будапеште обратилось с петициями к папе Льву XIII, императору Францу-Иосифу и венгерскому министерству, доказывая несовместимость законопроекта с достоинством господствующей церкви и ее учением о таинстве брака. Клерикальные газеты грозили взрывом народного негодования против евреев, если „безбожный“ проект станет законом. Все это в связи с интригами Ватикана при дворе набожного Франца-Иосифа долго тормозило прохождение законопроекта о вероисповедном равенстве через парламент. Когда же, наконец, он был поставлен на голосование и принят почти единогласно палатою депутатов, ему

воспротивилась палата магнатов, цитадель консервативных сановников. Сделав уступку либеральному правительству принятием проекта в части, касающейся смешанных браков, верхняя палата отвергла ту часть, которая уравнивала иудейство с католичеством и допускала свободу обращения в иудейство. За вторичным одобрением законопроекта в палате депутатов последовал вторичный отрицательный вотум магнатов. Это повело к министерскому кризису и новой затяжке дела. Только после двухлетней борьбы палата магнатов, в которую правительство ввело много новых членов, уступила и приняла законопроект полностью (1895). Моральное значение этой победы идеи равенства было очень велико для евреев; на практике же значение нового закона сводилось к свободе пропаганды иудейской религии среди иноверцев, которою евреи, чуждые прозелитизму и не имевшие своих миссионеров, совершенно не пользовались. Закон имел значение для смешанных еврейско-христианских семей, давая их членам полную свободу выбора религии и не создавая невольных, фиктивных христиан. Это сокращало религиозную ассимиляцию, но не национальную, которая признавалась обязательною в тех самых либеральных кругах, откуда вышла инициатива закона о вероисповедном равенстве. До идеи национального равенства XIX век еще не додумался.

§ 10. Внутренняя жизнь и литература.

Насколько внутренняя жизнь германских евреев той эпохи отличалась однообразием, настолько же пестра и полна контрастов была жизнь различных групп еврейства в Австро-Венгрии. Близка к германскому культурному типу была группа евреев в Вене и немецкой Австрии, отчасти также в Богемии и Моравии. Еврейские же Галиция и Венгрия представляли собою совершенно особые духовно-культурные типы.

В Вене и немецкой Австрии утихла уже борьба между старой и новой культурой, и в жизни еврейских общин воцарилась та унылая тишина, какая наблюдается в семьях, покинутых молодыми членами. Еврейская молодежь уходила в общую культуру и в окружающую национальную среду, а люди старшего поколения, действительные члены общины, были только прихожанами синагог. По новому общинному уставу, утвержденному в 1890 г., еврейская община, реликвия былой автономии,

признавалась, как и раньше, только религиозно-благотворительной организацией, а ее выборный орган или совет назывался Kultusvorstand, что-то вроде молитвенного правления. Большая венская община импонировала своим внешним благоустройством: красивые реформированные храмы, ученые раввины-проповедники, различные благотворительные учреждения европейского типа, но дух живой отлетел от этой общины; она не могла откликаться на волнующие вопросы дня в области политики и общей национально-культурной борьбы. Суррогатом политической организации был „Австро-Еврейский Союз" („Oesterreich-israelitischer Union"), основанный в 1884 году, в разгар антисемитизма, с целью „поощрять еврейское знание, защищать интересы австрийских евреев, рассеивать распространенные против них предрассудки и бороться со всеми попытками усилить религиозную и расовую вражду к ним". Во главе союза стояли в то время депутат рейхсрата Блох и венский раввин, историк Гидеман. Двоякая цель союза—борьба с антисемитизмом и популяризация еврейского знания—осуществлялась в очень скромных размерах не столько коллективом, сколько отдельными лицами Блох и раньше энергично боролся с антисемитами из компании Ролинга, а Гидеман писал хорошие книги по истории еврейской культуры. До некоторой степени удалось союзу оживить еврейскую общественность: усилилось участие евреев в парламентских и коммунальных выборах, принимались меры к улучшению начальной „религиозной школы", была учреждена в Вене еврейская теологическая семинария для подготовки раввинов. В 1895 г. союз сделал смелую попытку об'единить для тех же целей все австрийские общины и создать центральный орган этого об'единения (Gemeindebund), но австрийское правительство испугалось призрака новой национально-политической организации и отказалось утвердить ее устав. Пришлось переделать устав союза общин и низвести его до степени религиозно-благотворительного органа об'единенных „религиозных общин". Полу-политической и полу-благотворительной организацией был „Венский Еврейский Альянс" („Israelitische Allianz zu Wien"), отделившийся в 1873 г. от Всемирного Еврейского Альянса в Париже, но преследовавший те же задачи: помощь „притесняемым братьям на Востоке". Для Вены „востоком" были соседние Россия и Румыния, где гонения на евреев не прекращались. Деятельность

союза выражалась в оказывании эмигрантам из обеих стран помощи деньгами и руководством для дальнейшего переселения в Америку. Культурная деятельность Альянса развилась в 90-х годах в восточных провинциях самой Австрии—в Галиции и Буковине, где насаждались профессиональные и общеобразовательные школы для евреев на средства барона Гирша, миллионный фонд которого поступил в распоряжение венского Альянса.

Чисто-политическая борьба с антисемитизмом сосредоточивалась в венской еврейской прессе. Антисемиты причисляли к „еврейской прессе“ все либеральные немецкие газеты с влиятельною „Neue Freie Presse“ во главе, где в числе редакторов и сотрудников было немало евреев; но эти газеты боролись с антисемитизмом только как с антилиберальным движением, и ассимилированные сотрудники-евреи менее всего думали при этом о своей „бывшей нации“. Действительным борцом за еврейские интересы был еженедельный орган депутата Блоха „Oesterreichische Wochenschrift“, издававшийся с 1884 года в Вене при содействии вышеупомянутого Австро-Еврейского Союза. Редактор его, уроженец Галиции, энергично защищавший честь еврейства с парламентской трибуны, и такие ученые сотрудники, как Гидеман и Давид Кауфман, гарантировали этот журнал от крайностей ассимиляции и делали его выразителем взглядов более здоровой части австрийского еврейства. Уступал ему в политическом и литературном значении еженедельник проповедника Иелинека „Neue Zeit“ (с 1882 г.). В начале 80-х годов в Вене выходил еще прежний боевой журнал национального направления „Гашахар“ Смоленского, который под влиянием кризиса в России стал органом палестинофилов. Но журнал доживал тогда свои последние годы вместе с талантливым, преждевременно умершим редактором. Из основанного Смоленским в Вене национального студенческого союза „Кадима“ вышел юный публицист Н. Бирнбаум, который издавал с 1885 года журнал „Selbstemancipation“—предтечу сионистской прессы. В области научной литературы еще продолжалась работа, начатая в предыдущую эпоху. Старый Вейс кончал свой капитальный труд по истории раввинизма (томы 3—5 „Dor Wedorschow“ появились в 1883—1891 г.г.). Гидеман под вой антисемитских шакалов дополнял свою „Историю еврейской средневековой культуры“,

куда из атмосферы проникли апологетические тенденции. Другой ученик Греца, преподаватель раввинской семинарии в Будапеште Давид Кауфман, успешно работал по части истории еврейской философии и специально по истории евреев в Австрии. То были остатки прежнего литературного ренесанса. Новые творческие силы не показывались ни в науке, ни в других отраслях еврейской литературы, так как большинство способнейших умов уходило в немецкую литературу и терялось там в общей массе.

Два полюса культуры попрежнему сохранились в Галиции: на одном—ассимилированная на немецкий или польский лад интеллигенция, а на другом—неподвижная хасидская масса, заснувшая в грезах 18-го века. Давно уже исчерпались творческие силы раввинизма и хасидизма, но сила инерции и вековой косности была еще достаточно велика, чтобы тормозить всякое живое национально-культурное движение. Группа онемеченных интеллигентов во Львове и Кракове, об'единенная в союзе „Шомер Израиль", продолжала свою борьбу с обскурантами из союза „Махзике Гадат". Среди ассимиляторов произошел раскол между сторонниками германизации и полонизации. Против союза „Шомер Израиль" действовал возникший в начале 80-х годов полонофильский союз „Агудат ахим" (Братский союз), издававший в Кракове журнал на польском языке „Ойчизна" (Отечество). Опираясь на растущую политическую силу поляков в Галиции, эти пропагандисты полонизма имели большой успех и постепенно оттеснили германофилов на задний план. Политическому, а не культурному давлению польских хозяев края должны были уступить и ортодоксы: экономически зависимые от панов в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, они подавали свои голоса на парламентских, сеймовых и коммунальных выборах за кандидатов польских партий, преимущественно консервативных. В награду за это поляки пропускали в рейхсрат и в галицийский сейм некоторых еврейских депутатов, строго связанных дисциплиной польских фракций. Так попал в рейхсрат в 1880 году глава самых фанатических ортодоксов, краковский раввин Симон Шрейбер, сын венгерского раввина и гонителя просвещения Моисея Софера. Еврейский обскурант числился в польском парламентском клубе и голосовал заодно с его членами, часто не зная, за что голосует, ибо плохо понимал парламентские речи. Обыкновенно поляки проводили в представительные учреждения преданных им интел-

лигентных евреев из ассимилированной группы „поляков Моисеева закона“, которые мало смущались природной, плохо скрываемой юдофобией своих политических союзников.

Между этими двумя полюсами, одинаково непригодными для роста живой национальной культуры, стояла небольшая группа старых „маскилим“, любителей просвещения и хранителей культа древне-еврейского языка. В литературе на национальном языке проявлялась вся деятельность этой группы, духовно связанной с более широким литературным движением в России. Здесь отражались идеи и чаяния переходного поколения, стоявшего на границе старой и новой культуры. Любимым жанром литературы здесь был социальный роман, изображающий борьбу идей. Таким „идейным“ романистом был Рувим Браудес, который волновал умы галицийско-русских „маскилим“ своим большим романом „Религия и жизнь“ („Гадат ве-Гахаим“ 1876—85). Там изображена душевная драма молодого талмудиста, проникшегося новыми идеями и проповедующего реформу иудаизма в национально-прогрессивном духе, облегчение бремени обрядов, очищение религиозных понятий от хасидской мистики и народного суеверия. Другой социальный роман Браудеса „Две крайности“ („Штэ гакцовот“, 1888) касается больного места еврейской жизни в Галиции—ненормальной культурной полярности общества, при которой отсутствует крепкий промежуточный слой между мертвым застоем старины и убийственным устремлением нового поколения в пропасть национального небытия. Старый быт изображался в повестях М. Брандштетера, где выступала жизнь типичного галицийского местечка с его раввинами, цадиками, хасидской массой, богачами и бедняками, фанатиками и искателями света, юдофобами и юдофилами. Еврейский быт в Галиции пытался рисовать и немецкий писатель Захер Мазох, но его наивные идиллические описания отражают в себе только представления сторонних наблюдателей, не понимающих существа своеобразного еврейского быта. Любимая тема его рассказов—любовь между благородным христианином и еврейской красавицей из фанатической хасидской среды.

В Венгрии продолжался общинный раскол между ортодоксами и реформистами или неологами. Ортодоксальные общины не признавали своими раввинами тех, которые получали это звание в будапештской раввинской семинарии, где препода-

вание велось в современном научном духе, и продолжали выбирать себе духовных пастырей из питомцев талмудических иешив. Но старый раввинизм давно уже перестал быть живительной силой, а имел только силу охранительную, удерживавшую от крайностей ассимиляции. Литература на еврейском языке, и раньше не имевшая в Венгрии выдающихся писателей-творцов, теперь лишалась и читателей, так как здесь не было того промежуточного слоя „маскилим“, который в Галиции питал эту литературу. Новая научная литература на немецком языке зарождалась в стенах будапештской семинарии, где преподавали упомянутый выше Давид Кауфман и В. Бахеер, автор многих исследований по истории талмудической агады и еврейского языковедения. В это время стали появляться еврейские книги и периодические издания также на венге́рском языке, но они могли иметь только местное значение. Еще слабее был духовный пульс чешско-моравского еврейства. Давно перестав быть центром раввинизма, Прага не сделалась еще центром новой еврейской культуры. Двойная ассимиляция на немецкий и чешский лад делала свое разрушительное дело.

ГЛАВА III.

Малые центры еврейства в Европе до конца XIX века.

§ 11. Антисемитизм во Франции.

Реакция победителей в Германии, антисемитизм был реакцией побежденных во Франции. Там—торжествующая военная империя, государство-казарма, где слепой культ „отечества“ и армии все подавляет и обезличивает; тут—милитаризованная республика, проникнутая болезненным патриотизмом униженных и страстной жаждой „реванша“, ищущая внутренних врагов, чтобы излить на них злобу, бессильную против врага внешнего. В этот военно-патриотический мундир долго рядились во Франции все, от клерикалов-монархистов, мечтавших о перевороте, до радикалов-республиканцев, пока выросшее на почве шовинизма антисемитское дело Дрейфуса не обнаружило, сколько темных сил старины таится под покровом третьей республики, совмещавшей Париж с Лурдом. Еврейский вопрос не мог возникнуть, как вопрос гражданский или национальный, в стране, где горсть ассимилированных евреев терялась в сорокамиллионном населении, но он мог служить орудием в руках ловких политических дельцов, прикрывавших свои темные цели вновь вошедшей в моду юдофобией.

Из стотысячного еврейского населения Франции 60 тысяч жили в метрополии, а около 40 тысяч в колонии—Алжире [1]). В Париже и других коренных городах Франции туземного еврея мог отличить от француза только зоркий глаз шовиниста-клери-

---

[1]) По статистике 1880 года. В следующие два десятилетия число это увеличилось, вследствие иммиграции евреев из России, и достигло к концу века 150 тысяч.

кала, унаследовавшего инстинкт юдофобии от своих дореволюционных предков. Такие люди со скрежетом зубов говорили о несметных богатствах банкирского дома Ротшильдов и сочиняли легенды о тайном всееврейском правительстве в лице „Всемирного Еврейского Союза“ или „Альянса“ в Париже. Им кололи глаза евреи, выдвинувшиеся на государственной службе: министры (Кремье, Рейналь и др.), префекты, офицеры высших рангов; наконец, лица свободных профессий, в особенности журналисты радикальной прессы, изобличавшие тайные происки врагов республики. Барон Ротшильд стал ненавистен реакционерам после того, как он содействовал краху католического банка „Union générale“—финансового органа клерикально-монархической партии, стремившейся к политическому перевороту (1882). Соперничество двух банков изображалось как борьба еврейского капитала с французским, и чуть ли не иудейства с католичеством. В Алжире были еще другие мотивы юдофобии. Здесь арабы-туземцы завидовали евреям, которых „закон Кремье“ одарил правами французских граждан и таким образом поставил выше мусульман, рядом с нацией завоевателей. Христианское же население Алжира—сброд предприимчивых французов, итальянцев и испанцев, наполнивший страну с целью эксплоатации ее природных богатств,—не любило евреев, как торговых конкуррентов. Экономический строй еврейского населения Алжира был сходен во многом со строем русского и галицийского еврейства: небольшая группа крупных коммерсантов, занимавшихся вывозом колониальных товаров и ввозом фабрикатов из Европы, средний класс торговцев, лавочников, ремесленников и, наконец, масса бедных рабочих или безработных, нуждавшихся в общественной помощи. Сталкиваясь постоянно с разными классами мусульманского и христианского населения, евреи стояли между враждебными стихиями и в моменты политических смут подвергались погромам по классическому русскому образцу. То, что в Париже фабриковалось по модному покрою антисемитизма, обрабатывалось в Алжире грубее, патриархальнее.

В начале 80-х годов антисемитская зараза из Берлина и Вены проникла в Париж. На улицах появились разносчики газет, выкрикивавшие еще непривычные для французского уха названия новых листков: „Анти-жид“ и „Антисемит“ (1882—83). Девизом этих темных изданий было: „Еврей—вот враг!“ Это было

во время вышеупомянутого кризиса католического банка, который боролся с „еврейским банком“ Ротшильда и на бирже, и в печати, одинаково мошенничая здесь и там. Антисемитские листки, издававшиеся при тайной поддержке этих клерикальных дельцов, были еще хуже своих германских образцов: в них фальсифицировались и современность, и история. Эта литература была рассчитана на вкусы улицы, и образованное общество трудно было увлечь такой вульгарной пропагандой. Против расовой теории антисемитизма выступил тогда популярнейший мыслитель Франции—Ренан. В публичной лекции, прочитанной в Париже в начале 1883 года („Еврейство как раса и как религия“), он доказывал, что еврейская диаспора еще в древности восприняла много инородных элементов и утратила свой чистый расовый тип, а современное еврейство представляет собой только религиозную группу, имеющую ту историческую заслугу, что ее древние пророки создали „христианство до Христа“. За историческими комплиментами Ренана скрывалось полное отрицание национального еврейства в современности. Ассимилированные евреи Франции могли искренно аплодировать оратору, выражавшему в научной форме ходячую догму века и вместе с тем разрушавшему расовую основу антисемитизма. В течение нескольких лет французские евреи, наблюдая антисемитскую вакханалию в соседних странах, могли еще утешаться мыслью, что от них отхлынет эта волна реакции, но они ошиблись.

Во второй половине 80-х годов антисемитизмом воспользовались, как политическим орудием, шовинисты из „Лиги патриотов“ Деруледа и монархисты, мечтавшие о перевороте при помощи военного министра Буланже. В литературе передовым бойцом их был Эдуард Дрюмон, ловкий журналист, опубликовавший в 1886 г. обширную книгу „Еврейская Франция“. В этом памфлете, одном из наихудших произведений юдофобской литературы, прошлое и настоящее французских евреев изображено так, чтобы читатель по прочтении книги мог воскликнуть: „Может быть, из нашей среды восстанет мститель“! Украшенное этой латинской цитатой, введение к книге начинается дерзким сравнением: „Тэн писал о якобинском завоевании; я хочу писать о еврейском завоевании“. Невежественный газетчик корчит из себя мыслителя-социолога и психолога, но из-под этой маски выглядывает мелкий пасквилянт. Извращенная Дрюмоном история

рисует евреев, как завоевателей Франции еще в средние века; против этих экономических покорителей страны боролись христианнейшие короли и католическое духовенство путем репрессий, инквизиции, введения позорного желтого кружка на одежде, наконец, путем массовых выселений. Разгромленный вместе с евреями орден Тамплиеров оказывается чем-то в роде космополитической еврейско-масонской организации, которая поэтому была уничтожена королем Филиппом Красивым. После окончательного изгнания евреев в 1394 г., Франция вздохнула свободно, но в нее позже стали проникать тайные и явные евреи, которые к концу XVIII века составили вместе с франк-масонами грозную силу. Эта сила сначала добилась изгнания из Франции иезуитов, „прозорливых людей, олицетворявших французский дух в его наилучших проявлениях“, а потом устроила губительную революцию 1789 года. Революция, давшая евреям гражданское равноправие, является источником всех бедствий, постигших затем страну. Эмансипированные евреи превратили католическую Францию в страну безбожия и масонства; они властвуют в ней силою капиталов Ротшильда; они толкнули ее в последнюю несчастную войну с Пруссией и под главенством Гамбетты (которого Дрюмон кстати уличает в еврейском происхождении) утвердили в стране республиканский строй с лозунгом: „Клерикализм—вот враг“. Против этого лозунга светской республики Дрюмон выставляет свой: „Еврей—вот враг“. Все содержание „Еврейской Франции“ изобличает происхождение этой книги: она вышла из темных недр католической реакции и была издана на средства иезуитского ордена. В ней сказалась вся идеология клерикалов, приправленная скандальной хроникой парижской уличной прессы. Помесь древнего епископа Агобарда с бульварным вралем-репортером конца XIX века—таков Дрюмон. В этом сочетании наихудших элементов старой и новой Франции заключалась его сила. Публика принимала на веру „исторические“ выводы газетного фельетониста, имевшего смелость сравнить себя с Тэном, который был консервативным историком, но не фальсификатором. Памфлет Дрюмона имел колоссальный успех: он перепечатывался в десятках изданий и читался нарасхват: приятно было читать пикантный фельетон с примесью парижской сплетни под видом „очерка современной истории“ (подзаголовок книги). Для многих „Еврейская Франция“ стала евангелием юдофобии.

Успех поощрил автора на новые литературные подвиги в том же роде.

Оставалось претворить слово в дело. Была организована „Национальная антисемитская лига Франции", куда вошли разорившиеся маркизы, обанкротившиеся купцы, буланжисты и реакционеры всех оттенков. Неудача государственного переворота, задуманного буланжистами (1889), на время обезоружила врагов республики; все эти бонапартисты, орлеанисты и клерикалы убедились, что трудно сокрушить республиканский строй при помощи заговоров. Пришлось более серьезно взяться за дело подкопа под устои республики. Все усилия были направлены к тому, чтобы пропитать народ духом воинствующего национализма и реванша, держать его под постоянным страхом германского нашествия и в этой атмосфере тревоги создать призраки „внутренних пруссаков"—евреев и масонов. Ненавидя немцев, патриоты подражали однако немецким антисемитам. В 1891 г. группа депутатов французской палаты внесла дикое предложение о выселении евреев из Франции. Палата не снизошла даже до обсуждения этого средневекового проекта, но антисемиты не смутились неудачею попытки, которая имела для них только значение демонстрации, и продолжали свое дело. В 1892 г. была основана в Париже ежедневная газета „Libre Parole" („Свободное Слово"), выходившая под редакцией Дрюмона, при денежной поддержке иезуитов (во главе администрации газеты стояло лицо, заведывавшее фондом иезуитского ордена). То был яркий образец прессы, развращающей общественное мнение, орган клеветы на целые корпорации и на отдельных представителей общества. Газета пользовалась всяким общественным событием или просто скандальным происшествием для того, чтобы натравливать толпу на евреев и воображаемых масонов—две фикции, которыми антисемиты пугали недалеких людей. Банкротство предприятия по сооружению Панамского канала, скомпрометтировавшее некоторых политических и финансовых деятелей, в том числе и евреев, дало повод газете об'явить всех евреев „панамистами", разорителями Франции. Оклеветание отдельных лиц в газете Дрюмона вызвало судебный процесс, и редактору пришлось посидеть пару месяцев в тюрьме. Статьи „Свободного Слова" против всех еврейских офицеров в армии с намеками на способность их совершить государственную измену, вызвали ряд

дуэлей оскорбленных лиц с сотрудниками лживой газеты. Одна из этих дуэлей—между еврейским офицером Майером и сподвижником Дрюмона маркизом Моресом—кончилась смертью прекрасного молодого офицера. Правительство и большинство депутатов были возмущены этим убийством, и военный министр Фрейсине выразил это общее чувство негодования в своей речи в палате депутатов, в которой резко осудил антисемитскую травлю, как преступление против отечества (1892). Тогда антисемитские заговорщики, подобно изуверам церкви, создававшим процессы о мнимых ритуальных убийствах, создали процесс о мнимой государственной измене одного еврейского офицера, для того, чтобы опозорить все французское еврейство. Так возникло в 1894 г. знаменитое „дело Дрейфуса", которое вызвало страстную политическую борьбу во Франции и в течение ряда лет волновало весь цивилизованный мир.

§ 12. Дело Дрейфуса.

Это дело выросло, как ядовитый гриб, на почве милитаризма и реванша. Установившиеся тогда международные коалиции—тройственный и двойственный союзы, находясь в состоянии „вооруженного мира", зорко следили друг за другом. Военные агенты при посольствах великих держав старались путем шпионства выведывать тайны генерального штаба противной стороны о состоянии ее вооружения и военных планах. Такую секретную разведку имело при себе и германское посольство в Париже. В свою очередь и французский генеральный штаб имел бюро контр-разведки для противодействия этому шпионажу и раскрытия германских планов. Однажды, в сентябре 1894 г., французское разведочное бюро представило военному министру Мерсье анонимное препроводительное письмо или „бордеро", выкраденное из бумаг германского посольства и содержавшее перечень секретных военных документов, одновременно посланных адресату. Было ясно, что среди офицеров французского генерального штаба завелся изменник, который передает военные секреты агентам враждебных государств. Стали искать изменника—и остановились на молодом капитане Дрейфусе, который с недавнего времени состоял на службе в генеральном штабе. Сын еврея-

фабриканта в Эльзасе, Альфред Дрейфус (род. в 1859 г.) учился в парижской Политехнической школе, служил в армии, дошел до чина капитана артиллерии и стремился к более высокому военному посту. С большим трудом добился он того, что перед ним открылись двери французского генерального штаба, гнезда ярых шовинистов и юдофобов, куда до тех пор не допускался ни один еврей. Честолюбие Дрейфуса было удовлетворено: его патриотизм и военные способности были признаны, и он стал жрецом в священном храме милитаризма. Он не знал, что идет в стан врагов. Как только начались розыски автора „бордеро", подозрение пало на Дрейфуса, только как на еврея, ибо об'ективных данных для этого не было: Дрейфус был богат, женившись на дочери миллионера, и не мог прельститься деньгами за предательство; он был горячим патриотом-реваншистом и германофобом, мечтавшим о возвращении своего родного Эльзаса Франции. Его сослуживцы по генеральному штабу—начальник генерал Буадефр и другие офицеры—стремились поскорее очиститься от подозрения и очень желали, чтобы пятно измены легло именно на еврея; один же из них, подполковник Анри (Henri), который, как потом выяснилось, знал имя настоящего изменника (Эстергази), всеми силами старался отыскать улики против Дрейфуса. Произведенное экспертами сличение почерка Дрейфуса с почерком бордеро не дало определенных указаний: мнения экспертов расходились. Тем не менее Дрейфус был арестован. Факт ареста держался в секрете, но Анри, опасаясь, что при недостатке улик Дрейфус будет освобожден, открыл секрет своим приятелям из редакции дрюмоновской газеты, которая тотчас подняла крик о „еврейской измене", имевшей целью погубить Францию. Вслед за „Libre Parole" завопила об этом вся реакционно-шовинистическая пресса, требуя беспощадного суда над изменником. Общество возмущалось нерешительностью военного министра Мерсье, который сомневался в виновности Дрейфуса и медлил преданием его суду. Скоро министру пришлось уступить требованиям антисемитов. Мерсье должен был сделать выбор между судьбою еврейского капитана и своей личной карьерой, и конечно предпочел пожертвовать капитаном. Министр предал Дрейфуса военному суду, сделав вид, что убедился наконец в его виновности. Во время разбора дела, один из чинов генерального штаба (Дю-Пати-де-Клам) показал судьям в совещательной

комнате связку документов („секретное досье"), будто бы уличающих подсудимого; между ними находилась похищенная из германского посольства заметка, где говорилось о получении плана укрепления Ниццы при помощи „капальи Д.", причем судей старались убедить, что этой начальной буквой обозначен Дрейфус. Все было подстроено так, чтобы суд вынес Дрейфусу, упорно отрицавшему свою вину, обвинительный приговор. Признанный виновным в государственной измене, Дрейфус был приговорен к публичному разжалованию и бессрочному заключению (22 декабря 1894). Церемония разжалования совершилась при большем стечении народа на Марсовом поле в Париже. Когда был прочитан приговор суда об исключении „изменника" из армии, Дрейфус воскликнул: „Вы осудили невинного; да здравствует Франция! Да здравствует армия!". Он продолжал выкрикивать эти слова, когда офицер срывал с него эполеты и ломал шпагу над его головой, а раз'яренная толпа кричала, что такой предатель заслуживает смертной казни. В угоду толпе власти делали все возможное, чтобы превратить пожизненное заключение „преступника" в длительную смертную казнь. Дрейфуса отправили за океан, на один из островов французской Гвианы (Кайенна) в Южной Америке, который вследствие своего губительного климата назван „Чортовым Островом".

Жена Дрейфуса хотела последовать за ним в ссылку, но ей, вопреки закону, отказали в этом. Оторванный от мира, подавленный презрением целой нации, у которой он искал славы, Дрейфус был как бы заживо погребен на пустынном скалистом острове посреди океана.

Тяжело было положение французских евреев после осуждения Дрейфуса. Клеймо презрения, наложенное на одного человека, легло на всех его соплеменников. Антисемиты и клерикалы приобрели твердую почву под ногами. Они теперь могли клеветать сколько угодно в своих собраниях, с парламентской трибуны и в печати. Они требовали удаления евреев от государственной службы, готовясь постепенно добиться полной отмены гражданского равноправия. „Изменник Дрейфус" стал в этих кругах общества синонимом еврея вообще. Даже в либеральном обществе замечалась склонность к такому обобщению. Само французское еврейство, национально обезоруженное долгим процессом ассимиляции, не могло противопоставить достаточную

духовную силу этому напору ненависти и презрения. Только реабилитация осужденного могла изменить отношения французов к еврейству, но путь к этому был чрезвычайно труден, ибо восстановить честь невинно пострадавшего значило бы разоблачить махинации генерального штаба и всего военного министерства, т.-е. поколебать престиж Франции. И тем не менее борьба за правду началась, спустя два года после заточения Дрейфуса, в том самом ведомстве, которое погубило его.

Среди офицеров французского генерального штаба нашелся один честный человек, который решился распутать клубок лжи и подделок, опутавший дело Дрейфуса. Назначенный начальником разведочного бюро в 1896 году, полковник Пикар ознакомился с содержанием того „секретного досье“, которое было тайно пред'явлено суду пред осуждением Дрейфуса, и убедился, что там нет никаких подлинных документов, уличающих подсудимого. В то же время Пикару удалось напасть на след действительного преступника. Была перехвачена городская телеграмма, адресованная военным агентом германского посольства на имя французского майора Эстергази и свидетельствовавшая о причастности последнего к делу шпионажа. Вскоре выяснилось, что и „бордеро“ есть дело рук этого офицера, который, нуждаясь в деньгах, продавал агентам иностранных государств секретные документы французского военного министерства. Пикар уже был на пути к выяснению невиновности Дрейфуса, но встретил на этом пути противодействие со стороны своего помощника по бюро разведок, вышеупомянутого подполковника Анри, давнего приятеля Эстергази и сочинителя тех подлогов, которые привели к осуждению Дрейфуса. Выяснение вины Эстергази могло бы погубить самого Анри, и он решился прибегнуть к новой подделке.

В одной газете появилось исходившее от Анри известие, что в главном штабе имеется еще один тайный документ, где фамилия „Дрейфус“ обозначена полностью в связи с актом измены. В ответ на это, еврейский публицист Бернар Лазар, сотрудник парижских прогрессивных журналов, опубликовал брошюру „Правда о деле Дрейфуса“ (1896), в которой доказывал, что никаких подлинных документов, изобличающих Дрейфуса, в генеральном штабе нет и что самое пред'явление подобных апокрифов первому военному суду без ведома подсудимого и его защитника

было преступлением. Тут и многие из политических деятелей стали догадываться, что в деле Дрейфуса что-то неладно. Честные депутаты парламента и публицисты стали доискиваться правды, которая грозила большими неприятностями деятелям военного ведомства и реакционных партий. Началась ожесточенная борьба в парламенте, обществе и печати между шовинистами-антисемитами и ревизионистами или „дрейфусарами", сторонниками пересмотра судебного процесса.

Три года (1897—1899) длилась эта борьба вокруг дела Дрейфуса, ставшего центральным политическим вопросом Франции; борьба между республиканцами и реакционерами, между гуманистами и ложными националистами, видящими торжество своей нации в унижении чужой. Министерства составлялись и падали в связи с перипетиями „дела", особенно часто менялись военные министры. Спасая репутацию своего ведомства, военные министры прибавляли к старым обманам новые. Убежденные в виновности Эстергази, они однако боялись его осуждения, ибо тогда обнаружились бы проделки властей, устроивших осуждение Дрейфуса. И вот анти-дрейфусары пустили слух, что Эстергази — жертва еврейской интриги, что его впутали в дело с целью выгородить еврея. Военные власти вели следствие против Эстергази так, что этот заведомый изменник был оправдан (январь 1898). Против этой позорной политики поднял свой голос популярнейший писатель Франции, изобразитель ее современных нравов, Эмиль Зола. Он опубликовал в газетах резкий протест, в виде письма на имя президента республики Фора, под заглавием „Я обвиняю" (J'accuse). Зола обвинял министров, генералов, военных судей и все правительство в целом в „совершении величайшего преступления против человечности", жертвой которого является невинный узник Чортова Острова. „Я обвиняю— писал Зола—первый военный суд в нарушении закона, в осуждении обвиняемого на основании секретного документа. Я обвиняю второй военный суд в том, что он прикрыл это беззаконие и в свою очередь совершил преступление, оправдав заведомого преступника" (Эстергази). Протест Зола произвел в стране огромное впечатление: на скамью подсудимых было посажено все военное ведомство, идол милитаристической Франции. Поднялись вопли об оскорблении армии и суда. Зола был предан суду присяжных и приговорен к тюремному заключению на год с уплатою

штрафа; кассационный суд утвердил этот приговор и формально не мог иначе поступить: великий романист бросил людям обвинение в подделке документов, не имея возможности это доказать, так как секретные документы находились в руках самих обвиняемых и, как военная тайна, не подлежали оглашению. После приговора суда, Зола бежал в Англию, чтобы не доставить новой радости врагам правды и выжидать вдали от Парижа исполнения своего пророчества: „Правда идет, и ничто ее не остановит".

Скоро произошло событие, которое поколебало анти-дрейфусарскую позицию даже в военных кругах. Главный подделыватель Анри вынужден был сознаться в присутствии своего начальника Буадефра и нового военного министра Кавеньяка, что документ о „шпионе-еврее" им подделан ради патриотической цели—спасения чести армии. Заключенный в тюрьму, Анри, предвидя раскрытие других своих подлогов, перерезал себе горло бритвою и умер (31 августа 1898 г.). В то же время бежал за границу и Эстергази, которому теперь грозила опасность заместить Дрейфуса на Чортовом Острове. Всем стало ясно, что пересмотр дела Дрейфуса неизбежен, но прежде, чем это было достигнуто, французскому еврейству пришлось пережить еще немало тревог.

1898 год был самым печальным в новейшей истории французских евреев. Политические страсти, возбужденые делом Дрейфуса, выливались в анти-еврейские демонстрации. После опубликования письма Зола, вскрывшего язвы больного французского патриотизма, юдофобско-патриотические манифестации приняли буйный характер. В Париже толпа на улицах кричала: „Смерть жидам! Плевать на Зола!" Такие же крики раздавались на митингах, устроенных Дрюмоном, Рошфором и другими анти-дрейфусарами (январь 1898 г.). В провинциальных городах (Бордо, Марсель, Нант, Лион, Нанси и др.) буяны, среди которых выделялись студенты, разбивали окна в квартирах евреев и повторяли „патриотические" возгласы. Под влиянием охватившего страну ярого шовинизма прошли в мае того же года выборы в парламент. От кандидатов требовалось строгое исповедание культа армии и недопущение пересмотра дела Дрейфуса. В палату депутатов было избрано много клерикалов и антисемитов, в том числе и Дрюмон. Они об'единились в парламентскую фракцию „Националистов", которая вела отчаянную борьбу с республиканцами-радикалами и социалистами. Радикальное министерство Бриссона

нало в парламентской борьбе с националистами и уступило место умеренному министерству Дюпюи. Даже новый президент республики, честный Лубэ, заменивший двуличного Фора, подвергался нападкам шовинистов за свое беспристрастное отношение к делу Дрейфуса.

Однако драма дрейфуспады во Франции близилась к концу. После самоубийства Анри и бегства Эстергази, пересмотр рокового процесса был неминуем, и министерство Вальдека-Руссо в согласии с президентом Лубэ решилось на этот шаг. Высший кассационный суд признал наличность беззакония в первоначальном ведении следствия и передал дело на новое рассмотрение военному суду в Ренне. Туда привезли узника с Чортова Острова, измученного пятилетним заключением. Дело разбиралось в августе 1898 года, при страстной борьбе партий в стране. Дрейфусары с волнением ждали торжества правды и развили сильнейшую агитацию в своей прессе. Националисты же кричали, что оправдание Дрейфуса опозорит Францию перед всем миром, ибо это переложит вину на голову шефов армии. Чтобы спасти свою репутацию, эти шефы, бывший военный министр Мерсье и его преемники, упорно доказывали на суде виновность Дрейфуса. Адвокат подсудимого, прославленный Лабори, в блестящих речах разбил все гнилое здание обвинения, построенное из поддельного материала. Судьи понимали, что правда на стороне защитников Дрейфуса, но они находились под давлением националистического террора. Во время самого разбора дела в Ренне, какой-то фанатик покушался убить Лабори на улице; адвокат остался невредим, но преступнику дали возможность скрыться. Было ясно, что Молох военного культа требует новой жертвы, новой судебной лжи. И реннские судьи большинством голосов (5 против 2) вынесли такой двусмысленный приговор: Дрейфус виновен, но заслуживает снисхождения; он присуждается к десятилетнему заключению в крепости, но суд предлагает президенту республики помиловать осужденного. Этот явно неискренний приговор возмутил дрейфусаров, которых больше интересовало торжество правды и справедливости, чем личная судьба еврейского капитана. Адвокат Лабори убеждал Дрейфуса отказаться от помилования, которое не снимает с него позорного пятна, и добиваться нового пересмотра дела. Но измученный узник не мог больше бороться, и, когда президент Лубэ об'явил о помиловании Дрейфуса и осво-

бождении его из тюрьмы, он принял эту милость и успокоился у семейного очага. Чтобы замести следы позорного дела и не компрометировать армию, правительство провело через парламент акт об амнистии для всех, совершивших преступление в связи с делом Дрейфуса (1900).

Совесть лучших людей Франции не могла однако успокоться Клемансо, Жорес и другие искренние республиканцы продолжали работать над разоблачением „патриотических обманов". В 1903 г. Жорес об'явил в палате депутатов о новооткрытых махинациях бывшего генерального штаба. Новый военный министр Андрэ изучил „секретное досье" и пришел к заключению, что необходим вторичный пересмотр дела Дрейфуса. Это побудило и Дрейфуса ходатайствовать перед кассационным судом о пересмотре. Было произведено дополнительное следствие, продолжавшееся два года, и только в 1906 году высший суд окончательно об'явил, что Дрейфус признан невиновным. Пятно было снято не только с одного еврея и французского еврейства, припутанного антисемитами к делу, но также с самой республики. Политическая атмосфера стала очищаться от клерикально-антисемитской грязи. Стоявшее у власти с 1902 года радикальное министерство Комба занялось энергичной чисткой авгиевых конюшен французской республики. Закрытием всех школ католического духовенства и заменою их светскими школами правительство уничтожило змеиные гнезда клерикализма. Уродливому „национализму" Дрюмонов нанесен был непоправимый удар. В парламенте националисты и клерикалы потеряли всякое значение. Дело Дрейфуса оказалось средством подавления шовинистической реакции во Франции.

§ 13. Внутренняя жизнь французских евреев.

Извлекли ли сами евреи полезный урок для себя из тяжких испытаний той эпохи? Антисемитская эпидемия несколько задержала тот процесс ассимиляции и самоотречения, который совершался во французском еврействе с конца XVIII века. Более чуткие люди стремились спасти то, что еще уцелело из обломков национальной идеи: идею солидарности евреев всех стран, в форме культурной миссии западного еврейства среди угнетенных и отсталых восточных соплеменников. В самый канун описываемой эпохи (1880) умер наиболее яркий представитель этой идеи, Адольф

Кремье, президент „Всемирного Еврейского Союза“ или парижского „Альянса“. Вначале союз продолжал итти по начертанному им пути: устраивал школы на Востоке, воспитывая еврейских детей в Турции и Персии в современном европейском—точнее, французском—духе, оказывал помощь в случаях больших катастроф, погромов, ритуальных процессов и всяких гонений в турецких владениях, в Румынии и частью в России (помощь эмигрантам). Но в силу обстоятельств деятельность „Альянса“ все более теряет свой политический характер и сосредоточивается в области культурно-филантропической. К этому вынуждала его та агитация, которая велась в антисемитской прессе всей Европы против мнимого „еврейского интернационала“, „центрального еврейского правительства“ в Париже. Дрюмон, как известно, выставлял „Альянс“ главным пугалом наряду с банкирским домом Ротшильда. Нужно было доказать свою лойяльность и всячески сокращаться, чтобы не быть заметными. Политической деятельности еврейского союза в защиту гонимых русских евреев мешал франко-русский союз, который окреп в 1891 г. и немало содействовал деморализации республики, сблизившейся с гнездом деспотизма. Даже у себя дома „Альянс“ оказался бессильным во время бури дрейфусиады.

Отдельные политические деятели из евреев, а не целые организации, принимали участие в этой борьбе за правду. Жозеф Рейнак, депутат парламента из умеренно-республиканской группы и редактор газеты „République Française“, боролся раньше против буланжизма, а потом против антисемитско-клерикального заговора в деле Дрейфуса; но все это он делал как француз, а не как представитель еврейства, от которого был очень далек по своим воззрениям. Ближе к своему народу стал под конец жизни младший его соратник в деле — вышеупомянутый Бернар Лазар. Талантливый журналист, частью беллетрист и литературный критик, сотрудник больших парижских газет, Бернар Лазар не потонул в тине бульварной прессы: его привлекала глубокая проблема еврейства, и он долго блуждал, ища разрешения ее. Сначала он решал ее в духе века. В статье „Juifs et Israelites“ (1891) он еще защищал евреев против антисемитской лжи старым, этически сомнительным доводом о различии между эмансипированными западными „израелитами“ и порабощенными, культурно отсталыми восточными „жидами“—российскими, польскими, румынскими. Он видел на Западе авангард еврейства, не замечая,

что этот авангард так далеко ушел вперед, что потерял всякую связь с народной массой и с лучшими заветами национальной культуры. В своей книге „Антисемитизм, его история и причины" (1892) Бернар Лазар развил столь же банальную, поверхностную мысль, что расовый или национальный антисемитизм исчезнет с упразднением обособленности евреев, а экономический антисемитизм перестанет пленять пролетарские массы, когда они убедятся, что нужно бороться с капиталом вообще, а не только с еврейским капиталом. От этих ходячих рассуждений Бернар Лазар отказался после того, как дрейфусиада раскрыла перед ним темные глубины еврейской проблемы. Несколько лет боролся он за пересмотр судебного процесса, писал статьи и брошюры, вел переговоры с политическими деятелями, а когда его усилия увенчались успехом, перешел от общей политики к еврейской. На время он увлекся политическим сионизмом и участвовал во втором базельском конгрессе (1898), но потом отошел от движения, недовольный „дипломатией" Герцля. Знакомство с русскими и румынскими евреями заставило Бернар-Лазара отказаться от своего ошибочного мнения о восточном ядре нации. Преждевременная смерть (1903) помешала этому искателю правды найти полный ответ на еврейскую национальную проблему.

Евреи имели не только врагов, но и друзей во французском обществе, людей, прославленных в Европе, но эти друзья понимали каждый по своему интересы еврейства. Ренан, которого исторические работы должны были сроднить с древним еврейством, оставался в науке чуждым национальной концепции еврейской истории. Мы уже видели, как он защищал евреев тем, что отрицал чистоту их расы и право на титул нации. В это время он написал свою обширную „Историю Израильского народа" (пять томов, 1887—93)—одно из самых красивых, но и самых субъективных произведений историографии. Восторженное преклонение перед универсальными идеалами библейских пророков и резко отрицательное отношение к национальному началу в эволюции еврейства—эта антитеза школы Вельгаузена совершенно разрушала ткань еврейской истории, где национальное и универсальное то переплетались, то шли розно, в зависимости от внешнего положения народа. Своими гениальными догадками Ренан часто ярко освещал отдельные темные моменты в истории иудаизма, но какой-то странный в свободном мыслителе церковный атавизм,

сказавшийся еще раньше в его „Происхождении христианства", мешал ему постигнуть общий ход ее, душу творившего ее народа. Вот почему в „Истории Израильского народа" Ренана могли найти для себя доводы и антисемиты, и „юдофилы", такие публицисты-антиподы, как Дрюмон и Леруа-Болье. Академик Анатоль Леруа-Болье, автор книги о России („Империя царей"), разрушал теории антисемитов в своей обширной апологии „Израиль среди народов" (Israel chez les nations, 1893). Автор приходит к обычному выводу гуманистов конца XVIII века: „Своими добродетелями евреи обязаны самим себе, а своими пороками—преследованиям со стороны христианских народов". Он причисляет антисемитизм к „доктринам ненависти", вроде анти-протестантизма в католических странах и анти-клерикализма при режиме свободомыслия (Doctrines de la haine, 1902). Сам добрый католик, либеральнейший Леруа Болье доказывал своим консервативным единоверцам, что их „учение ненависти"—антисемитизм—может обратиться против них самих: ведь и евреев, и клерикалов обвиняют в том, что они образуют „государство в государстве". Конечно, сравнение тут далеко от точности: евреи горячо поддерживали тот самый республиканский режим, под который клерикалы подкапывались, и когда после ликвидации дрейфусиады правительство принялось за упразднение клерикальных конгрегаций, оно действительно разрушило „государство в государстве"—гнездо церковного фанатизма и ненависти к демократии. Глубокий наблюдатель французской жизни, Эмиль Зола, возлагал именно на клерикалов вину за развитие антисемитизма во Франции. Еще до своего самоотверженного выступления в деле Дрейфуса, Зола опубликовал статью „За евреев" (1896), которая начинается следующей характеристикой антисемитизма: „Вот уже несколько лет, как я слежу с возрастающим изумлением и отвращением за походом против евреев во Франции. Мне это представляется чем-то чудовищным, выходящим за пределы здравого смысла, истины и справедливости, чем-то таким, что должно нас отбросить за несколько веков назад или привести к самому худшему из всех ужасов—к религиозному преследованию". Об'ективность Зола доказана тем, что в некоторых своих романах („Деньги", „Нана" и др.) он рисовал типы еврейских банкиров и спекулянтов, справедливо возбуждающих антипатию.

Своих выдающихся публицистов французские евреи в это время, если не считать колеблющегося Бернар-Лазара, не имели. Национальная проблема еще не развернулась перед совершенно ассимилированным поколением. Интересы еврейства сосредоточивались в узкой сфере религиозной общины и синагоги для тех, которые еще придавали значение этим институтам. Интерес к прошлому, к еврейской истории сохранился еще в некоторых кругах еврейского общества. В последние десятилетия XIX века еврейская наука развилась во Франции, как продолжение ренессанса, возникшего раньше в Германии. Не было здесь крупных творцов в роде Греца, не было даже попыток широкой историографии, но появились прилежные собиратели исторических материалов, кропотливые исследователи, дополнявшие работу своих германских предшественников. Все эти силы, к которым примкнули и многие ученые из других стран, группировались вокруг научного трехмесячника „Révue des Etudes Juives“, который издавался с 1880 г. в Париже „Обществом еврейской науки“. Важнейшею заслугою этого журнала была разработка истории евреев во Франции на основании документов, впервые извлеченных из французских архивов. Изидор Лэб (Loeb), главный раввин Франции Цадок-Кан, Израиль-Леви и другие внесли в эту часть еврейской истории много нового, значительно дополняющего соответствующие главы „Истории“ Греца. Теодор Рейнак, брат вышеупомянутого политического деятеля, разрабатывал в своих статьях историю иудео-эллинского периода. Ориенталист Иосиф Галеви дал ряд научных гипотез в своих „Библейских этюдах“, а Иосиф Деренбург дополнял историю талмудической и раввинской литературы.

Во Франции недоставало синтетического ума, который обобщил бы все вновь добытые материалы в новом историческом труде. Только один писатель обнаружил задатки такого синтеза, который однако не успел созреть в его уме. То был Джемс Дармстетер, талантливый ориенталист, прославившийся своими исследованиями по части парсизма и Авесты („Иранские этюды“, 1883). Член еврейской семьи из Лотарингии, переселившейся в Париж, Дармстетер в ранней юности получил библейско-талмудическое образование; французский лицей и высшая школа оторвали его впоследствии от еврейской науки и увлекли в другую область, но еврейская историческая проблема не переставала вол-

новать его. Этот приверженец позитивизма и эволюционизма принадлежал к тем людям, у которых—по его собственному выражению—„в самых глубоких, недоступных тайниках души, где покоятся души предков, поднимается порою звук забытого псалма, приобщая его внезапно к пророкам минувшего“. У Дармстетера было много общего с Сальвадором, блестящую характеристику которого он написал: идейный синкретизм „Иерусалима, Рима и Парижа“ пленял того и другого, хотя и в различных формах. Дармстетер мечтал об Иерусалиме не как о будущем географическом центре новой мировой религии, а только об Иерусалиме духовном, перенесенном в сердце европейской культуры. Восторженным культом библейского профетизма проникнут его лучший очерк „Пророки Израиля“ (1891), где профетизм оценен в духе Ренана, как учение универсальное, а не национальное, но с большею силой веры, чем у французского мыслителя-скептика. Дармстетер искренно убежден, что „религия XX века возникнет из слияния науки с этикою пророков“. Профетизм есть для него религия будущего, в которой „обожествленный категорический императив“ морали сольется с мировоззрением новейшего научного эволюционизма. В этом заключалось то национальное, что роднило Дармстетера духовно с его народом, национальность которого в общественном смысле он, подобно всем западникам, отрицал. Неизвестно, до каких выводов дошел бы этот искренний лирический ум в процессе дальнейшего мышления, в особенности после психологического кризиса времени дрейфуспады, но он умер слишком рано, на 45-м году жизни, в ту самую осень, когда началось роковое „дело“ (19 октября 1894). Брошенные им идейные семена принадлежали к разряду тех, которые со времен Филона Александрийского зреют в умах еврейских мыслителей и, может быть, призваны подготовить переворот в миросозерцании человечества.

§ 14. Англия, Голландия, Бельгия, Италия, Швейцария, Скандинавия, Испания и Португалия.

За исключением Франции, все прочие малые центры еврейства в Западной Европе не знали антисемитизма, как организованного политического движения. Небольшие группы евреев в этих

странах [1]) переживали период полного затишья после бурной эпохи эмансипации. О них можно было бы сказать: „счастливы народы, не имеющие истории“, но не имея внешней истории в виде антисемитизма, гонений и погромов, они лишились и внутренней истории, так как оторвались от национальной эволюции и жили только интересами окружающей среды. Только группы бедствующих переселенцев из России и Румынии, которых судьба ежегодно забрасывала в эти страны, нарушали покой своих туземных ассимилированных соплеменников. Кое-где, вследствие наплыва „чужих“, вспыхивали искорки антисемитизма, но скоро гасли в атмосфере, свободной от горючего материала. Зато общение с подлинными, не обезличенными массами еврейства, хотя и отсталыми в европейском смысле, ослабляло в этих оторванных частицах народа процесс денационализации.

До 80-х годов евреи в Англии принадлежали к наиболее изолированным частям диаспоры. После парламентской реформы 1858 года, завершившей эмансипацию евреев, они как будто обрели свое отечество. Они принимали самое деятельное участие в политической жизни страны, распределяясь на парламентских выборах между двумя большими партиями—либеральной и консервативной. Сначала евреи подавали голоса почти исключительно за либералов, которым они были обязаны своей эмансипацией, но с середины 70-х годов, когда у власти стало консервативное министерство Дизраэли-Биконсфильда, многие стали примыкать к консерваторам. Это об'яснялось и личными симпатиями к полуеврейскому премьеру, и сочувствием его политике во время русско-турецкой войны, когда он не позволил России разгромить Турцию. В России это руссофобство „еврея“ Биконсфильда вызвало первые вспышки юдофобства в прессе; в Англии же на евреев сердились за измену либерализму. Сам лидер либералов Гладстон, постоянный антагонист Дизраэли, заговорил о „недостатке патриотизма“ у евреев. Но эта размолвка с либералами была кратковременна. Когда либеральное министерство Глад-

---

[1]) Во всех названных странах, вместе взятых, было в 1881 году около 200.000 евреев, а именно (в приблизительных круглых цифрах): в Англии—60.000, в Голландии—82.000, в Бельгии—8.000, в Италии—40.000, в Швейцарии—7.000, в Скандинавии—7.000, на Пиренейском полуострове—около 2.000. К началу XX века еврейское население почти везде несколько увеличилось вследствие иммиграции.

стона вновь стало у кормила правления (1880), естественный союз евреев с либералами возобновился. При всем своем руссофильстве, Гладстон не мог препятствовать той агитации против России, которая велась в Англии открыто после южнорусских погромов 1881 года. Когда резолюция лондонского митинга протеста потребовала от английского правительства, чтобы оно сделало надлежащее представление в Петербурге по поводу погромов, Гладстон заявил в парламенте, что насилия над евреями в России „должны внушать чувства сожаления и отвращения", но что он лишен возможности вмешиваться во внутренние дела чужого государства. Трудно сказать, как поступил бы в данном случае на месте Гладстона Биконсфильд, этот романтик иудеохристианства, способный на драматические жесты в политике; но он умер в апреле 1881 года, за несколько дней до начала внутреннего крестового похода в России. И либеральная, и консервативная Англия одинаково резко осуждала антисемитизм даже в его „культурной" германской форме. Осенью 1883 года, когда в протестантских странах праздновалось четырехсотлетие рождения Лютера, в Лондон приехал германский придворный пастор, вождь антисемитов Штеккер, с намерением выступить с речью на митинге, назначенном по случаю этого торжества в городском доме. Узнав об этом, лондонский лорд-мэр отменил данное им ранее разрешение на устройство митинга, об'яснив в письме к устроителям, что „мистер Штеккер принадлежит к тем людям, которым ни один лорд-мэр не мог бы дозволить говорить в городском доме, в Сити, где живет много уважаемых еврейских граждан". Нередко почетный пост лондонского лорд-мэра, хозяина гордой столицы Британии, занимали по выборам лица из высшего еврейского общества. При дворе королевы Виктории оказывалось большое внимание еврейской аристократии, во главе которой стояли Монтефиоре, Ротшильды и другие представители сефардских и ашкеназских родов. В 1885 г. вступил в палату лордов первый еврей, барон Натаниель Ротшильд, возведенный королевой в звание пэра Англии. Позже членами той же палаты состояли барон Вормс, председатель „Англо-Еврейской Ассоциации", бывший министр торговли в кабинете Гладстона, и другие; они прибавляли к своим родовым именам титульные фамилии пэров (Вормс—лорд Pirbright) и повидимому очень гордились этими пустыми званиями, пережитками старой Англии. Число

депутатов-евреев в нижней палате постоянно возрастало: к концу века там заседали 12 таких избранников, которым и коренное английское население вверило представительство своих интересов. Как евреи, эти депутаты ничем себя не проявили в парламенте, где еврейский вопрос лишь изредка затрагивался в связи с наплывом евреев-эмигрантов в страну. Некоторые из этих политических деятелей занимали посты „секретарей“ или министров в разных кабинетах. Евреи назначались иногда и на высокие административные посты. Многие достигли в армии высших, офицерских чинов. Общественное слияние евреев с англичанами сопровождалось нередко и семейным сближением. Случаи смешанных браков участились. В высшем обществе это даже вошло в моду: еврейские бароны и лорды предпочитали родниться с равными им по сословию христианами, чем с соплеменниками низшего ранга; притом вступавшие в брак сохраняли обыкновенно свою религию, но дети их становились христианами. Так было, например, в браке дочери Ротшильда с лордом Розберри, известным политическим деятелем. Этот процесс слияния, проникая в низшие слои общества, привел бы с течением времени к печальным результатам, если бы с 80-х годов в Великобританию не направлялся постоянный поток эмигрантов из России, Польши, Румынии, который приобщал ее маленькую еврейскую колонию к большому еврейскому миру с его волнениями, горестями и рожденными в муках национальными идеалами.

Начиная с лета 1881 года, жители Лондона и больших портовых городов Англии наблюдали ежегодно обычную картину: из далекой России прибывали толпы эмигрантов, гонимых из родины погромами и бесправием. Большая часть их направлялась дальше—в Америку, но значительные группы оставались в Англии, преимущественно в Лондоне. За последние два десятилетия в одном Лондоне поселилось более 50.000 эмигрантов. Они ютились в восточных частях города (Ист-Энд), в кварталах Степной и Уайтчепель, гнездах столичной бедноты. С течением времени здесь образовалась однородная еврейская община, которая отличалась от общины западной части Лондона языком („идиш“), нравами и социально-экономическим положением. То была типичная община российской „черты еврейской оседлости“ с тем же обилием бедняков, нуждавшихся в помощи благотворительных учреждений. Большая часть этой массы состояла из

ремесленников-портных, сапожников и столяров—которые либо заводили собственные мастерские, либо работали в чужих заведениях при очень тяжелых условиях. Эти наемные рабочие жестоко эксплоатировались хозяевами-работодателями, которые произвольно удлиняли рабочий день, давали очень низкую заработную плату и—как тогда выражались—„выжимали пот из своих работников“ (sweating-system). Другая часть эмигрантов занималась мелкою торговлей, но многие с течением времени наживались и основывали большие торговые заведения. Такие эмигрантские колонии образовались в других промышленных городах Англии: Манчестере, Лидсе, Ливерпуле, Гласгове, Бирмингаме; здесь торговля была более развита среди пришельцев, чем ремесло. К началу XX века численность евреев в Англии (без колоний) достигала четверти миллиона, т. е. увеличилась за 20 лет в 4 раза; около половины этого населения сосредоточивалось в Лондоне. Это значительно изменило физиономию английского еврейства. Среди разбросанных, смешанных с христианским обществом групп сефардов и ашкеназов появились сплошные еврейские острова. В Лондоне особенно бросался в глаза этот контраст между Вест-Эндом (западная часть города) и Ист-Эндом или Уайтчепелем: две общины—западного и восточного Лондона—символизировали собою различие между ассимилированным европейским Западом и самобытным Востоком. Сначала между этими двумя общинами установились отношения на почве благотворительности: богатый Вест-Энд заботился о помощи бедствующим поселенцам Ист-Энда, еще не успевшим приискать себе работу или зарабатывавшим слишком мало на жизнь. Этим занимались общинный совет представителей синагог (Board of deputies), совет опекунов (Board of guardians) и особый „Русско-еврейский комитет“. Затем усилилась опека культурная—забота о распространении английской речи среди переселенцев и приспособлении их к местным условиям жизни. Дети пришельцев обучались в устроенных для них народных школах английского типа, а взрослые посещали вечерние курсы для изучения английского языка. Тем не менее в общине Уайтчепеля сохранился старый уклад русско-еврейской жизни: обычным разговорным языком был „идиш“, хотя и с примесью английских слов; еще не перевелись хедеры и талмуд-торы, где учились в ортодоксальном духе; синагоги, религиозные братства, союзы взаимопомощи носили еще

патриархальный характер. И мало-по-малу эта национально-самобытная масса пришельцев стала влиять на ассимилированных коренных соплеменников. Оторванные верхи еврейского общества почувствовали под собою почву—сплоченные народные массы, умеющие приспособиться к внешним условиям без слияния с внешним миром и таящие в себе огромный запас национальной энергии.

Это сожительство людей двух миров изображено в произведениях писателя, который сам принадлежал к обоим. Израиль Зангвиль родился в Лондоне (1864 г.), в семье выходцев из Польши, поселившихся в Англии задолго до великого переселения 80-х годов. Он получил образование в лондонской „свободной еврейской школе“, затем стал в ней учителем и, наконец, бросил учительство ради высшего призвания—писательства. Его талант бытописателя проявился с наибольшей силой в обширном романе „Дети гетто: картины из жизни своеобразного народа“ (1892). Гетто восточного Лондона представлено здесь во всех чертах своего быта; оно описано в том оригинальном английском стиле—смеси юмора и лирики, реализма и романтики—которым Зангвиль владел в совершенстве. Сам автор стоит на грани гетто, овеянный романтическими чарами старого мира, но умом всецело принадлежащий новой европейской культуре. „Наше лондонское гетто—гово, ит он в прологе к роману—представляет такой поэтический уголок, в котором, несмотря на окружающую его грязь, душистые розы отживающего романтизма до сих пор еще цветут в сырой атмосфере лондонской практической жизни. За некрасивой и как бы окаменелой внешностью этого особого мира скрывается другой, внутренний мир, полный фантастических видений, как миражи Востока. Но в этом заколдованном мире встречаются и энергичные личности, которые решаются перешагнуть заповедную черту, отделяющую их от более широкой и полной жизни, несмотря на гневные возгласы и проклятия, раздающиеся им вслед со стороны постепенно уменьшающегося большинства их собратьев. К лучшему или худшему для обеих сторон, гетто в конце концов будет покинуто и превратится в гнездо захудалой бедноты“. Психология пограничного обитателя двух миров влечет Зангвиля к смешанным типам, к тому синкретизму идей и культур, о котором мечтали Дизраэли-Биконсфильд, Сальвадор и Дармстетер. Он находит такие универсальные синкре-

тические типы в „мечтателях гетто“ прежнего времени—в Уриеле Акосте, Спинозе, Соломоне Маймоне, которых он изображает наряду с самобытными мистиками—Саббатаем Цеви и Бештом (в „Dreamers of the Ghetto“ и др., 1898). Это шатание мысли—черта лучших евреев Запада, не унесенных потоком ассимиляции, но не примкнувших вполне к национальному движению,—характеризовало Зангвиля в его политической деятельности среди сионистов (см. дальше).

Рядом с этим романтиком, стремящимся к синтезу Востока и Запада, стоит трезвый западник Клод Монтефиоре (род. в 1858 г.), из аристократии лондонского Вест-Энда, теолог-рационалист и реформист. Возвращение к библейскому иудаизму и отречение от всей позднейшей исторической традиции—таков идеал Клода Монтефиоре, развитый им в ряде лекций и проповедей (Aspects of judaism, 1894) и в форме дидактического комментария к Библии (1896—99). Лишенный национального покрова и сведенный к абстрактному „теизму“, библейский иудаизм позже сочетался в уме Монтефиоре с евангельским учением, и он поднял старый вопрос о слиянии основных идей иудейства и христианства; но по этому пути не могла уже идти за своим богословом консервативная община западного Лондона. Представители различных направлений, еще слабо выраженных в английском еврействе, сходились на нейтральной почве еврейской науки. По примеру парижского „Revue“, в Лондоне стал издаваться с 1889 года такой же научный трехмесячник „Jewish Quarterly Review“. Здесь работали Клод Монтефиоре и Израиль Абрагамс (автор книги о средневековом быте евреев, 1896), как редакторы журнала, Соломон Шехтер, Элькан Адлер, Адольф Нейбауер и ряд германских ученых—как сотрудники. В лондонском трехмесячнике много внимания уделялось ранним эпохам еврейской истории. Литература апокрифов (еврейский оригинал „Мудрости Бен-Сиры“) и темная эпоха гаонов были освещены в ряде этюдов, основанных на документах из „генизы“—клада рукописей, открытого С. Шехтером в Каире в 1896 году. Переработке подверглась и история евреев в Англии. Скудны были научно-литературные силы англизированного еврейства, а новое лондонское гетто еще не успело выдвинуть своих творцов. Публицистика была сосредоточена в двух еженедельниках, издававшихся в Лондоне на английском языке—„Еврейской Хронике“ („Jewish Chronicle“,

с 1841 года) и „Еврейском Мире“ („Jewish World“, с 1873 г.). „Хроника“—большой журнал, дававший самые полные сведения о положении евреев на всем земном шаре—выражала умеренно-консервативные взгляды, преобладавшие в аристократических кругах англо-еврейского общества. „Еврейский Мир“ допускал более смелую критику существующего порядка, а с течением времени примкнул к национальному направлению.

„Восточный ветер“ внес свежую струю в неподвижную атмосферу еврейской жизни в Голландии. Через эту страну также ежегодно проходили партии эмигрантов из восточной Европы, которые по пути в Америку останавливались в Роттердаме и других портах, а иногда оставляли здесь часть своих членов на постоянное жительство. От этого притока переселенцев еврейское население Голландии несколько увеличилось за последние два десятилетия XIX века (в 1881 г. было 82.000, а в 1899 г.—104.000). Половина всех евреев Голландии находилась в Амстердаме, а прочие в Гааге, Роттердаме, Гренингене и многих мелких пунктах. В Амстердаме евреи почти монополизировали старинный местный промысел—шлифовку драгоценных камней и вообще ювелирную торговлю. Изделия амстердамских шлифовщиков находили сбыт во всех странах. Большая часть еврейской массы занималась торговлею, но значительно было и число безработных, нуждавшихся в общественной помощи. Общественная жизнь евреев в Голландии протекала спокойно в те годы, когда в соседней Германии бушевала стихия антисемитизма. Их гражданские права никем не оспаривались, а участие их в политической жизни страны было слишком незаметно, чтобы возбуждать политические страсти на национальной почве. В отличие от прочих групп западного еврейства, голландские евреи также мало поддавались ассимиляции во вторую половину XIX века, как и в первую. Большинство в общинах принадлежало к ортодоксальной партии, во главе которой стоял амстердамский раввин Иосиф-Гирш-Диннер, известный талмудист, ректор раввинской семинарии. Довольно широкая автономия общин давала возможность их духовным пастырям охранять неприкосновенность старых религиозно-воспитательных учреждений. Эти учреждения лишь наружно приспособились к новым порядкам, усвоив государственный язык в делопроизводстве и школьном преподавании. Консервативное направление преобладало и в еврейских перио-

дических изданиях и научно-литературных сборниках на голландском языке. В Голландии были одинаково слабы и сила притяжения, и сила отталкивания между еврейским и христианским обществом: не было частых смешанных браков, но не было и расового антисемитизма. Эта взаимная внутренняя отчужденность при формальном гражданском равенстве уменьшала трения между евреями и христианами и предохраняла обе стороны от конфликтов, причинявших столько горя евреям соседних стран.

Если зараза антисемитизма не могла проникнуть из соседней Германии в Голландию, то бывшая союзница последней—Бельгия—не убереглась от этой модной болезни, занесенной туда из родственной по языку и религии Франции. Проводником заразы был клерикализм, который еще претендовал на политическую роль в католической Бельгии. В тот самый год (1898), когда антисемитизм шумел на улицах Парижа в связи с делом Дрейфуса, горсть бельгийских антисемитов пыталась поднять такое же движение у себя дома. Клерикалы, заседавшие в сенате, требовали отказа в натурализации еврейским переселенцам. При обсуждении в сенате законопроекта о разносном торге антисемиты уверяли, что все евреи в Бельгии занимаются этой профессией в ущерб нормальной торговле. На это сенатор-еврей Гирш возразил, что коробейников в стране насчитывается 17.000, а евреев во всей Бельгии только 9000, считая в том числе жен и детей, т.-е. менее 2000 семейств,—следовательно, они не могли монополизировать разносный торг. В том же году католическое духовенство попыталось воскресить юдофобию при помощи одной из тех средневековых церемоний, о которых Европа давно забыла. В июле заседал в Брюсселе католический конгресс, в котором участвовали высшие сановники церкви различных стран. В воскресенье, 17 июля, члены конгресса устроили торжественный крестный ход по улицам по случаю „чуда“, совершившегося в этот день в 1370 году: евреи тогда будто бы прокололи церковный сакрамент или гостию для оскорбления символа тела Христова, но из хлебного символа потекла кровь, и обнаруженные святотатцы были сожжены на костре во славу Божию. Память этого мнимого чуда праздновалась теперь шествием по улицам Брюсселя десятитысячной толпы, с кардиналами и епископами во главе. Либеральные и радикальные газеты резко протестовали против этой манифестации, ворвавшейся из мрака XIV века

в современность. В некоторых местах либералы и социалисты устраивали контр-демонстрации против поповской затеи. Однако, и среди радикалов нашелся один член сената, адвокат Пикар, который, по примеру Дрюмона, вздумал привить в Бельгии антисемитизм расовый и экономический. Оказалось, что этот адвокат, прикинувшийся социалистом и избранный в сенат от рабочей партии, числился раньше в партии клерикалов, а потом либералов. Вскоре, однако, вся эта кратковременная вспышка антисемитизма совершенно погасла: эпидемия ослабела в своем французском гнезде после ликвидации дрейфуспады, а в Бельгии с ее горстью евреев антисемитизм был более смешным, чем грустным явлением. Маленькая бельгийская колония продолжала мирно жить в своих прежних гнездах—Антверпене, Брюсселе, Льеже, Генте, немного увеличиваясь притоком переселенцев из России, так как Антверпен лежал по пути эмигрантов в Америку. В этом городе евреи фигурировали и среди местного крупного купечества, и в рядах рабочего пролетариата.

Вне сферы влияния антисемитизма оставалась Италия, где 35 тысяч евреев терялись среди 33-х миллионов христиан. Итальянские евреи использовали в полной мере свою гражданскую свободу. Они заседали в качестве избранников народа в палате депутатов (число их колебалось между 6 и 15) и в сенате. Они занимали на государственной службе высокие посты, не исключая и министерских. Вовлеченные в круг гражданской жизни, евреи забыли не только о своем недавнем гетто, но и о том, чему гетто служило только устарелой внешней оболочкой—о своей автономной общине и внутренней национальной организации. Обновление коснулось здесь только формы: на месте старых невзрачных синагог в Риме, Милане, Флоренции, Ливорно, Турине и других городах воздвиглись великолепные „храмы“, часто с реформированным богослужением, музыкальными хорами и органом, — но в этих храмах молились очень немногие. Были раввины — главный в Риме и местные в провинциальных городах, но эти пастыри имели ничтожную паству. Религиозный индиферентизм при отсутствии национального самосознания оказал свое действие. Раввинский институт в Падуе, связанный со славным именем С. Д. Луццато, был перемещен в Рим (1887), но перемена места не содействовала его возрождению. Еврейская наука в Италии заглохла, и только в небольших периодических

изданиях на итальянском языке появлялись статьи по истории евреев и иудаизма. Еврейские умственные силы уходили в итальянскую литературу. Из них особенно прославился антрополог-психиатр Чезаре Ломброзо, наделавший много шуму своей теорией о психо-физических особенностях преступных типов и о родстве гениальности с помешательством.

В Швейцарии вынужденная эмансипация евреев [1]) улучшила их гражданское положение, но отношение к ним христианского общества не изменилось. Тут не было юдофобии или модного антисемитизма, но сохранилась старая взаимная отчужденность, не устраненная наружною ассимиляцией. Патриархальное население кантонов пыталось еще местами установить стеснительные законы для евреев. Нашелся и удобный повод, уже испытанный в Германии: покровительство животным. Некоторые кантоны решили воспретить убой скота по еврейскому обряду, будто бы мучительный для животного, и этим лишили религиозных евреев возможности питаться мясом. Швейцарский Союзный Совет признал это постановление противным принципу свободы совести. Тогда в стране поднялась агитация, приведшая к тому, что Союзное Собрание приняло решение поставить на всенародное голосование вопрос о запрещении иного способа убоя скота, кроме общепринятого. Референдум дал такой результат: 11 кантонов против 10 и 188.668 голосов против 116.952 высказались за запрещение (1892). Таким образом ортодоксальные швейцарские евреи были поставлены в такое положение, как их единоверцы в Саксонии: они вынуждались либо стать вегетарианцами, либо привозить „кошерное“ мясо из-за границы по высокой цене. Число евреев в Швейцарии к концу XIX века дошло до 10.000, из коих свыше 3.000 были уроженцами России. Кроме обычных эмигрантов, шла из России в Швейцарию школьная эмиграция: вытесненная из высшей и средней школы еврейская молодежь ежегодно направлялась сотнями в учебные заведения Цюриха, Берна, Лозанны и Женевы, где условия поступления были не так трудны, как в Германии. Большинство юных странников по окончании образования возвращалось на родину, но часть оставалась в Швейцарии и впоследствии натурализовалась там. В национальном отношении коренные швейцарские евреи

---

[1]) См. Нов. ист. евр. нар. § 103 (изд. 1914 г.).

приближались к точке замерзания, но теплое течение с Востока не позволило им дойти до этой точки. Швейцарский город Базель стал с 1897 года излюбленным местом сионистских конгрессов. Раскаленная национальная атмосфера этих конгрессов и горячие идейные прения учащейся молодежи из России, делившейся на несколько партий, должны были хоть отчасти растопить лед в сердцах туземцев.

Близость России и доносившиеся оттуда вопли гонимых не давали заснуть и евреям Скандинавии. Еврейская колония в III веции, к концу века достигшая 4.000 человек, сосредоточилась преимущественно в Стокгольме, а столь же незначительная колония Дании — в Копенгагене. Обе скандинавские колонии пользовались всеми благами гражданской равноправности, не страдая от змеиных укусов антисемитизма. Малочисленность и незаметность евреев в христианском обществе избавляла их от неприятностей, которые испытывали миллионы их бедных братьев в России и слишком заметные в германском обществе евреи по ту сторону границы.

В то время, как в больших государствах Европы свирепствовал рецидив средневековой юдофобии, классическая родина последней—Испания—почувствовала как бы раскаяние в своем историческом преступлении. Тотчас после весенних погромов 1881 года в России, разнесся слух, что испанское правительство разрешает беглецам из России селиться в Испании. Хотя слух был отчасти подтвержден оффициально в заявлениях испанских министров (Сагасты и др.), еврейские эмигранты боялись переселяться в страну, где в течение четырех веков, по основному закону, не мог жить ни один еврей. Только отдельные лица, преимущественно торговые агенты из других государств, жили там временно. Эта горсть евреев (в 80-х годах их было около 400 человек в Барселоне и Мадриде) должна была скрывать свое происхождение, а в праздники молиться тайно в своих домах, так как по испанской конституции не-католикам запрещались „религиозные манифестации“, т. е. публичное богослужение. В 1886 году либеральный испанский сенатор Лопес Лапуя учредил комитет для привлечения евреев в страну, а ученый иезуит Фидель-Фита, исследователь истории евреев в Испании, заручился поддержкою правительства для осуществления этого плана; но из этих попыток ничего не вышло. Испания продолжала оста-

ваться заклятою страною для евреев до самого конца XIX века. Другая страна Пиренейского полуострова, Португалия, давно уже спявшая с себя клеймо нетерпимости отменою религиозных ограничений, имела небольшую еврейскую колонию еще с начала XIX века. Там селились группы евреев из Гибралтара, находившегося под протекторатом Англии, и из соседних стран Северной Африки — Марокко и Туниса. В Лиссабоне эти мелкие группы сефардов и ашкеназов постепенно об'единились в общину (1890), которая имела несколько молитвенных домов и особое кладбище. В 1902 г. молельни были заменены общею синагогой, которая однако, по требованию властей, не имела вида религиозного храма и была окружена высокою оградою, чтобы не бросаться в глаза прохожим. Формально провозглашенная веротерпимость не пустила еще корней в народе, привыкшем с 16-го века видеть еврея только под маскою маррана. Прочная оседлость в такой стране была невозможна, и число евреев в Лиссабоне к началу XX века не превышало 300 семейств.

ГЛАВА IV.

Западное еврейство в начале XX века до мировой войны.

(Политический обзор).

---

§ 15. Германия (1901—1914).

В последние десятилетия 19-го века западный антисемитизм переживал свою бурную юность, а в начале 20-го века он вступил в полосу степенной зрелости, утратив значительную долю прежнего задора. Уличный антисемитизм уже никого не привлекал. Когда в 1901—1902 г. юдофоб-маниак граф Пюклер выступал на собраниях в Берлине, Дрездене и других городах с призывами бить евреев и выгонять их из страны, он стал только героем скандальной хроники. Его арестовывали, присуждали за скандалы к тюремному заключению, и, наконец, признали его сумасшедшим. С ликвидацией коницкого дела в 1901 г. (выше, § 4) сошла со сцены и позорная ритуальная легенда, как орудие антисемитскоїї борьбы. Это об'яснялось не ослаблением юдофобских чувств в немецком обществе, а только склонностью к более серьезному и целесообразному их проявлению. Антисемитизм ушел с шумной поверхности жизни в глубь ее и там тихо, но упорно, продолжал свое разрушительное дело. В консервативных кругах общества он считался признаком хорошего тона. „В сущности, всякий порядочный человек есть антисемит"—говорил один из лидеров консервативной партии. Консерваторы простили антисемитизму грех его юности—игру в социализм—и сделали его орудием своей сословной политики: юнкерской, феодально-аграрной, капиталистической. По этому пути легальной борьбы с еврейством шли и реакционные правительства Германии, в особенности Пруссии. Открытый союз с консерваторами сокращал успехи антисемитов на парламентских выборах в большинстве

округов, где население отдавало свои голоса либеральной или социалистической оппозиции. В 1903 г. в рейхстаг были избраны только 9 депутатов антисемитской партии (вместо прежних 13), а в 1908 г.—6 депутатов. Но чем больше антисемиты отдалялись от оппозиции, тем охотнее сближалось с ними правительство. Теперь министры не только фактически нарушали обеспеченное конституцией гражданское равноправие евреев, но даже не стеснялись, в ответах на запросы оппозиции, заявлять с парламентской трибуны, что так и должно быть, ибо христианское общество на деле не признает гражданской равноценности евреев.

В заседании прусской палаты депутатов (февр. 1901) министру юстиции Шенштедту был пред'явлен запрос: почему он не назначает евреев-юристов на судейские должности и даже не утверждает в должности нотариусов достойнейших кандидатов из их среды. Министр ответил: „Я не отрицаю превосходных качеств еврейских нотариусов, их честности, добросовестности, сознания долга, но я не могу не принимать в соображение тот факт, что значительная часть христианского населения относится к евреям с недоверием; между тем именно должность нотариуса, к которому обращаются по самым интимным делам, требует особенного доверия. То же приходится сказать о назначении евреев судьями". Министр юстиции утешал депутатов тем, что в других ведомствах евреев вовсе не принимают на службу. Напрасно доказывали министру, что в таком случае конституция является излишней, ибо каждый министр может сказать, что он лучше понимает благо населения, чем авторы основных законов, обязательных для государственного управления. Прусская палата депутатов, состоявшая в большинстве из представителей привилегированных сословий, косвенно одобрила ответ министра в принятой ею резолюции: „На будущее время министерство при утверждении нотариусов будет руководствоваться, как и до сих пор, соображениями об интересах всего населения". Еврейские общины Берлина, Франкфурта, Кенигсберга и других прусских городов обратились к имперскому канцлеру, прусскому министру-президенту Бюлову с протестом по поводу анти-конституционного заявления министра юстиции, но ничего не добились. Устроенное еврейскими гражданами в Берлине „собрание протеста", апеллировавшее к общественному мнению, также не имело никаких последствий.

В том же году евреи великого герцогства Гессен-Дармштадт подали в верхнюю палату ландтага петицию, в которой жаловались, что еврейские кандидаты на должности судей и прокуроров постоянно устраняются, а назначается лишь тот из кандидатов, который соглашается принять крещение. „Как в старое, доконституционное время,—писали петиционеры,—господствует порядок, при котором измена религии поощряется, а верность ей карается". В парламентской комиссии, куда поступила эта петиция, гессенский министр юстиции Дитмар повторил об'яснения своего прусского коллеги: принципиально он верен конституции, но в каждом отдельном случае он должен считаться с настроением населения, которое, например, в деревнях может быть недовольно назначением еврея на должность судьи. И парламентская комиссия удовлетворилась признанием конституции на словах и произвола на практике. То же делалось и в Саксонии, Мекленбурге, Брауншвейге, Вюртемберге. Исключение составляла Бавария, где евреи чаще назначались на должности городских судей, прокуроров и нотариусов, что вызывало ропот среди католиков-клерикалов. Но и здесь, как и в других государствах Германии, евреев в армии не допускали на офицерские должности. Это принималось евреями, как выражение недоверия к их патриотизму, и особенно огорчало тех, которые были несовсем свободны от германского культа милитаризма. Обидно было еврею, дослужившемуся до офицерского чина, продолжать службу в качестве нижнего чина и выйти таковым в запас армии. На неоднократные запросы оппозиции в прусском ландтаге и других парламентах Германии военные министры давали обычный ответ: они не могут влиять на офицерское сословие, которое не выбирает евреев членами своей корпорации, не признает их товарищами. Это было верно и естественно: прусское юнкерство не могло брататься с людьми, предки которых не прославились подвигами кулачного рыцарства. Но евреев вытесняли также из той области, где они, потомки древнейших рыцарей духа, были бы более всего на месте: выдающихся ученых перестали назначать на должности ординарных профессоров в высших учебных заведениях. Тут была вина не только министров просвещения, но и факультетских советов, избегавших ставить еврейские кандидатуры, так как антисемитизм был распространен и в академической среде. В гимназиях, содержимых на счет городских обществ, евреи еще занимали должности учи-

телей, но в низшие народные школы им преграждали доступ. Уже принятым учителям и учительницам из евреев поручали здесь обыкновенно преподавать математику и естественные науки, но не немецкий язык и историю, столь важные для патриотического воспитания.

Эта дружная работа правительственного и общественного антисемитизма снова заставила немецких евреев призадуматься. Основанные раньше „Союз борьбы с антисемитизмом“ и „Союз германских граждан иудейского исповедания“ успеха не имели. Призывы христианских деятелей первого и патриотические клятвы второго не заставили антисемитов покаяться. Было ясно, что нужна более активная самопомощь, не рассчитанная на пробуждение добрых чувств в людях, одержимых злыми инстинктами. К такой самопомощи звал евреев Мартин Филиппсон, историк и деятель берлинской общины, сын известного публициста Людвига Филиппсона. Он предложил созвать с'езд германско-еврейских общественных деятелей (Judentag) для создания постоянного политического органа, который должен завоевать для евреев фактическое равноправие, как раньше было завоевано равноправие бумажное. В своем воззвании к ассимилированному еврейскому обществу Филиппсон, видный представитель этого общества, говорил тоном самообличения: „Мы старались избегать всего, что выставляло нас перед светом в качестве евреев. Мы заботились лишь о том, чтобы не бросаться в глаза, не напоминать никому о нашем самостоятельном существовании. Чего мы добились, всякий знает. Именно на трусов, прятавшихся за кустами, грубый антисемитизм излил всю чашу ненависти, презрения и дикости“. Еврейство в Германии боялось раньше выступить в качестве отдельной политической организации, и теперь такая организация должна быть создана в виде еврейского сейма или периодического с'езда делегатов с постоянным исполнительным комитетом. Задача ее—„бороться против умаления наших гражданских прав всеми законными средствами“: через имперское правительство, рейхстаг, правительства отдельных стран и ландтаги; влиять на прессу, устраивать публичные собрания, при выборах поддерживать только кандидатов, обязывающихся защищать действительное равноправие. Новый орган должен добиться признания со стороны правительства, которое должно считаться с его мнением, как явно выраженною волею еврейского общества.

Проект Филиппсона встретил сочувствие в тех кругах еврейского общества, которые колебались между ассимиляцией и сионизмом. После долгих приготовлений, был учрежден в 1904 г. новый „Союз немецких евреев“ (Verband der deutschen Juden), а в следующем году на с'езд его в Берлине прибыло 400 делегатов из 169 пунктов Германии. На с'езде много говорилось покаянных слов об отречении интеллигенции от народа, о необходимости демонстрировать политическую солидарность евреев. Главными ораторами с'езда были недавние столпы ассимилированного общества—берлинский раввин Майбаум и адвокат Фукс (из „Союза немецких граждан иудейского исповедания“). Понятно, что с'езд не сделал надлежащего вывода из факта банкротства ассимиляции и даже не признал открыто самого факта. Он принял резолюцию только о солидарности в деле защиты гражданских и политических прав в тот самый год русской революции, когда „Союз полноправия“ выставил требование „гражданских, политических и национальных прав еврейского народа“. Слишком слабо было еще национальное самосознание даже в лучших представителях немецкого еврейства, чтобы они решились выступить от имени нации после многолетних уверений, что такой нации нет. На это не отважились даже многие германские сионисты, допускавшие национальную политику лишь в будущем палестинском центре, а не в диаспоре.

На свое экономическое положение евреи в Германии не могли жаловаться. Средний класс у них в общем был богат. В крупных центрах—Берлине, Бреславле, Франкфурте—еврейское население, преимущественно купеческое, платило в среднем больше подоходного налога, чем христианское. Люди интеллигентных профессий—популярные адвокаты, медики, инженеры—имели большие заработки и с этой стороны могли не жалеть о том, что их не пускают на государственную службу, материально менее выгодную. Государственные должности привлекали евреев лишь потому, что в бюрократической Германии пост чиновника считался почетным, и даже прославленные в науке профессора очень гордились своими оффициальными титулами, вроде „тайного советника“. Часто пустое тщеславие и желание попасть в высшее немецкое общество толкали еврейскую молодежь на путь крещения. Число выкрестов росло с ужасающей быстротой. В одном Берлине в 1904 г. приняло крещение около 500 чело-

век, т. е. столько, сколько раньше крестилось за год во всей Германии. Участились и смешанные браки. В период 1905—1909 г.г. они составляли почти четвертую часть всех еврейских браков в Германии, а в Берлине и Гамбурге они иногда достигали почти 50%. Продолжался и процесс обыкновенной ассимиляции, имевший за собою уже столетнюю давность, но теперь, после разлива антисемизма в немецком обществе, он часто сопровождался трагическою раздвоенностью. Многие мирились с этой раздвоенностью и создавали для нее оправдывающие теории. Они рассуждали так: еврейство—наша расовая нация, германский народ—наша культурная нация, а культурное родство важнее кровного.

Этим рабам чужой культуры сказал трезвое слово один немец, свободный от предрассудков своей нации. Известный политико-экопом радикального направления Зомбарт издал в 1912 г. книгу „Будущность евреев", в которой из факта банкротства ассимиляции делается следующий правильный вывод: если старания евреев слиться с окружающими народами привели к обратному результату, выразившемуся в антисемитизме, то еврею остается испытанный исторический путь — оставаться самим собою, быть верным своей нации. Агасфер, ищущий смерти и не находящий ее, должен решиться жить, как вечный еврей. Еврейство должно „употребить всю силу своей воли, чтобы наперекор всему миру сохраниться, как самостоятельный народный организм, как „Judenvolk". „Ведь еврейский народ—говорит Зомбарт—со времен своих пророков внес высокую этическую ноту в хор человечества и делает это поныне через лучших своих сынов. Великий трагический пафос, который должен нравственно облагородить мир стихийных сил, ведет свое начало от иудейства и лишь оттуда перешел в христианство. Противопоставить эллинизму другой великий образец жизни—до сих пор еще остается задачею Израиля". Зомбарт приветствует заметное на Востоке национальное возрождение еврейства и осуждает немецких евреев, которые все силы души напрягают, чтобы проникнуть в немецкое общество, считая для себя честью сделаться чиновниками или офицерами армии. Как ни обидно поведение прусской бюрократии или юнкерства, не желающих иметь евреев в своей среде, но еще обиднее домогательства еврея пробраться в эту среду. „Пусть военная каста пополняется из потомков военных людей"

Бывают случаи, когда люди, имеющие всю полноту гражданских прав, обязаны сами себя ограничивать во имя высших интересов. Новейший антисемитизм есть продукт трений между евреями и окружающей средой, участившихся после взаимного сближения, следовательно, меньше будет трений, если евреи не будут врываться в христианское общество. Впервые немецкий писатель заговорил с евреями тоном об'ективного наблюдателя, признающего полную законность национальной самобытности для типичнейшей исторической нации. Но не поняли Зомбарта верхи немецко-еврейского общества. Они обвинили его в пособничестве антисемитизму, как раньше трусливо обвиняли в этом сионистов. Большие либеральные газеты, избегавшие говорить о еврейском вопросе, чтобы не напомнить миру о еврейском происхождении их издателей или редакторов, больше всего ругали Зомбарта, который отозвался о такой тактике с заслуженным презрением.

„Союз немецких евреев", ежегодно публиковавший резолюции протеста против лишения евреев чести быть чиновниками или офицерами, мог бы многому научиться у этого умного немца, наблюдавшего еврейскую жизнь со стороны. Во время прений по еврейскому вопросу в парламенте еврейские депутаты очень редко выступали, предпочитая более авторитетные выступления лидеров своих партий, но либералы молчали, а среди прогрессистов или свободомыслящих уже не было таких защитников равноправия, как Рихтер и Риккерт. Смелее выступал в таких случаях социал-демократический депутат рейхстага (в сессии 1903—1907 г.г.) Эдуард Бернштейн, выдающийся деятель интернационала, который по-своему защищал гражданское равенство своего народа (он был сын еврея-машиниста в Берлине). Этот „ревизионист", реформатор марксизма, заменивший в нем принцип классовой борьбы идеей „сотрудничества классов", действовал, может быть, бессознательно под влиянием наследия далеких предков, этического социализма пророков.

Во внутренней общинной жизни германских евреев было столь же мало движения, как и в политической. В больших общинах все еще стояли друг против друга партии либералов и ортодоксов, окаменевшие памятники былой реформационной борьбы. С конца XIX-го века замечается некоторое движение в лагере радикальных либералов-реформистов: в Берлине поднялась аги-

тация с целью установить воскресное богослужение в синагогах. Радикалы доказывали, что именно ради укрепления религии необходимо рядом с субботним богослужением установить и воскресное для тех, которые по своей профессии могут отдыхать и посещать синагогу только в воскресные дни. Ортодоксам же и умеренным либералам казалось опасным допустить эту формальную уступку христианству и официально отменить обязательность субботнего отдыха. Возгорелась страстная полемика между сторонниками и противниками „второй субботы". В правление берлинской общины поступила петиция с 4000 подписей о введении воскресного богослужения. Но либеральный раввинат высказался против этой реформы, и общее собрание членов общины отвергло ее значительным большинством голосов (1898). Религиозный либерализм делал все бо́льшие уступки ортодоксизму. Народилась партия нео-ортодоксов, которые соединяли со свободомыслием уважение к религиозно-национальным институтам иудаизма. Ассимилированные же либералы пробавлялись только паллиативами реформ. Образовавшееся в 1908 г. „Об'единение либерального еврейства" поручило комиссии из раввинов и ученых мирян составить перечень основных идей иудаизма („Richtlinien"), совместимых с современным миросозерцанием. Выработанный проект наметил три обязательные догмы: единый чисто-духовный Бог справедливости и любви, богоподобие человека в смысле стремления к духовному совершенству, единое человечество, как совокупность детей Божиих, и приближение его к мессианскому идеалу мира и справедливости на земле. Из практических законов иудаизма проект оставлял в силе обряды обрезания, субботы и праздников, с устранением излишних строгостей праздничного покоя. При богослужении полагалось главные молитвы читать на еврейском, а прочие на немецком языке, Тору же читать публично в подлиннике с немецким переводом. Однако, при всей умеренности этих реформ, с'езд членов „Об'единения", состоявшийся в октябре 1912 г. в Познани, отказался утвердить проект комиссии. Опасались раскола в еврействе, единство которого было дорого всем партиям, и в этом сказалась сила бессознательного национального чувства даже в кругах, формально отвергавших современную национальную идею.

§ 16. Австро-Венгрия (1901—1914 гг.).

В раздираемой национальными распрями пестрой империи Габсбургов двухмиллионное еврейское население [1]) находилось и в начале 20-го века в положении непризнанной нации, которую тянули в свои ряды борющиеся стороны и награждали толчками „друзья“ и враги. В немецкой Австрии, особенно в Вене, пангерманский антисемитизм пожинал плоды многолетнего труда. Под маскою „христианского социализма“ он хозяйничал в городском управлении столицы, при бургомистре Люгере и задавал тон в нижне-австрийском ландтаге. В Галиции царил антисемитизм польский, давивший евреев в области экономической и политической. Пользуясь еврейскими голосами на парламентских и сеймовых выборах в ущерб русинам, польско-галицийский режим сеял рознь между обеими угнетенными нациями. В Богемии и Моравии евреи, памятуя погромы 1897 года, осторожно лавировали между чехами и немцами. Они оффициально причисляли себя к чешской национальности в тех округах, где преобладало чешское население, и держались за немцев лишь в немецких округах. Система „причисления“ к чужой нации вызывалась попрежнему тем, что австрийский закон не признавал евреев особой национальностью и их язык—обиходным народным языком. Этим пользовались поляки, включая сотни тысяч еврейских избирателей в состав своей национальной курии и приобретая таким образом перевес над русинами. Русинские политические деятели и честный чешский политик Масарик поощряли стремление лучших евреев к проникновению своей собственной национальности, но этому стремлению мешало многое: австрийский закон, угрозы господствующих территориальных наций и внутренняя язва — противодействие со стороны ассимиляторов, по убеждению или из выгоды причислявших себя к окружающим нациям.

---

[1]) По переписи 1900 г. в Австрии числилось 1.224.896 евреев, из которых на Галицию и Буковину приходилось свыше 900.000. В Венгрии в том же году числилось 831,160 евреев, а в 1910 г.—911.175. Рост еврейского населения замечается только в Венгрии: в Галиции и Буковине он был незначителен, вследствие постоянной эмиграции бедствовавших масс. В Богемии и Моравии численность евреев даже уменьшилась к началу 20-го века (в 1890 г.—94.479 и 45.321, а в 1900 г.—92.745 и 44.255).

Положение должно было измениться с того момента, когда в Австрии повеяло новым духом и назрела парламентская реформа, тесно связанная с национальными вопросами. В октябре 1905 г. австрийское правительство, напуганное русской революцией, уступило демократическому движению и обещало ввести всеобщее избирательное право вместо прежней сословно-цензовой системы. 1906 год прошел в приготовлениях к этой реформе. Обсуждавшийся в рейхсрате проект ее признавал в Австрии 8 наций по признаку языка (немцы, чехи, поляки, русины, словаки, сербохорваты, итальянцы, румыны) и распределял между их представителями места в имперском парламенте путем сочетания всеобщего избирательного права с очень сложной системой национальных курий. Все национальности были более или менее обеспечены представительством в рейхсрате, и только евреи, занимавшие по своей численности пятое место среди народностей Австрии, не могли иметь своих народных представителей и должны были идти в парламент с чужими национальными мандатами. Тут, наконец, почувствовалось национальное бесправие еврейства. Сионисты, автономисты из Еврейской Народной Партии (Н. Бирнбаум) и еврейские социалисты-сепаратисты, выделившиеся из польской партии социалистов (П. П. С.), агитировали за признание евреев особой нацией и за обеспечение ей национального представительства в парламенте. Около 250 петиций с такими требованиями было послано правительству и депутатам рейхсрата во время обсуждения законопроекта. Русинская фракция в рейхсрате поддерживала эти требования с целью ослабить польское господство в Галиции, но все другие фракции, в особенности польская, противились этому. Поляки решительно заявили, что не допустят „третьей нации“ в Галиции. Они нашли поддержку в ополяченных „поляках Моисеева закона“, ассимилированной части еврейского общества; последние запугали темную хасидскую массу местью со стороны католиков и склонили ее к протесту против выделения евреев в особую национальную группу. В виду такого раскола в самом еврействе, поколебавшееся было правительство решило оставить законопроект без изменения. Были внесены только некоторые поправки в план распределения избирательных округов в Галиции и Буковине, что давало евреям возможность в особенно густо населенных ими местах проводить в рейхсрат своих кандидатов, исключительно своими голосами или при помощи русинов.

Новый закон был опубликован 26 января 1907 года, и вскоре началась избирательная кампания, беспримерная по страстности национально-политической борьбы. Страсти особенно разгорелись в Галиции и Буковине. Поляки предлагали евреям-кандидатам поддержку на выборах под условием, чтобы все еврейские избиратели голосовали за кандидатов польской фракции рейхсрата и чтобы избранные депутаты-евреи подчинялись парламентской дисциплине этой фракции. Ассимиляторы и несознательные массы пошли на эти унизительные условия, но еврейские националисты, связавшись с русинами и социал-демократами, выставляли своих кандидатов под лозунгом борьбы за еврейские национальные права. Они могли расчитывать на успех в 6 — 7 округах, но польские власти производили такое давление на выборы и местами так грубо фальсифицировали их, что избранными оказались только четыре кандидата еврейских национальных партий: от Галиции—сионисты Штанд, Габель и Малер, от Буковины (город Черновицы) — Штраухер, бывший и раньше членом рейхсрата. Кроме того, прошли в парламент десять ассимиляторов, ставленников немецких и польских партий (Куранда и Офнер от Вены, Левинштейн и другие от различных областей Галиции). Общие выборы дали успех двум крайним флангам—клерикалам и христианским социалистам, с одной стороны, и социал-демократам — с другой. Получился „черно-красный“ парламент без сильного либерально-демократического центра. Президентом рейхстага был избран лидер христианско-социальной (т.-е. антисемитской) партии, друг Люгера, Вейскирхнер. Реакционное польское „коло“ заставило своих еврейских членов подать голос за этого антисемита. Ассимиляторы этим не смутились: ведь они и на общих выборах голосовали часто за явных антисемитов из польского шляхетства.

Действительные избранники еврейства, четыре депутата „непризнанной нации“, не примкнули ни к одной из парламентских фракций, а составили свою особую национальную фракцию в рейхстаге—„еврейский клуб“. То была первая в европейском парламенте еврейская национальная фракция. В ее воззвании говорилось: „Еврейский клуб всегда будет отстаивать права, интересы и благо своего народа. Он будет энергично требовать признания еврейской национальности и фактического проведения равноправности и равноценности евреев. Он будет давать реши-

тельный отпор нападкам на еврейство, откуда бы они ни исходили. В согласии с программой Еврейской Народной Партии, он будет вести прогрессивную истинно-народную политику, руководясь основами политического и экономического прогресса, социальной справедливости, индивидуального и национального равноправия. Еврейский клуб будет отстаивать национальную автономию, широкую демократизацию конституции с гарантией прав меньшинства, демократизацию управления, поощрение индустриального и торгового развития Австрии, развитие социального законодательства, охрану труда, свободу союзов и печати. Он будет вести упорную борьбу против всякой реакционной сословной политики". Слишком большая программа для столь маленькой фракции, но некоторые ее пункты еврейские депутаты ревностно осуществляли. Они вносили запросы правительству по поводу всякого нарушения прав евреев и унижения их национального достоинства, а на выпады христианских социалистов давали смелые ответы, к каким не привыкли в рейхсрате. При всей численной слабости еврейской фракции, правительству приходилось считаться с нею, так как она при голосовании могла давать перевес той или другой половине парламента (в рейхсрате немецкие фракции вместе с итальянскою имели 257 депутатов, а все славянские—255).

Иная картина замечалась в галицийском сейме, где хозяйничали поляки, сильные благодаря сохранившемуся здесь сословно-цензовому порядку выборов. Ведя отчаянную борьбу с почти равными по численности русинами (в Восточной Галиции числилось приблизительно по три миллиона человек каждой национальности), поляки получали перевес в сейме лишь при помощи еврейских депутатов, которых они же проводили в сейм при условии полной поддержки польской политики в крае. Эти „домашние евреи" у поляков доходили в своем раболепии до крайностей. Они работали дружно вместе с клерикально-шляхетской „Всепольской Партией" и новой шовинистической партией „Народовых демократов", которая обнаружила свой антисемитизм в Галиции и в русской Польше. В начале 1908 г. всепольская партия выпустила воззвание, в котором один пункт гласил: „Проникнутые глубоким убеждением, что истинный прогресс достигается только мирным сотрудничеством всех классов населения, в громадном большинстве принадлежащего к католической

церкви, мы признаем, что вся публичная жизнь населения должна быть направляема в духе христианскої морали". Под этим воззванием подписались, рядом с рыцарями панполонизма и католицизма, еврейские депутаты сеїма (Левинштейн и др), которые не могли не знать, как „христианская мораль" польских панов и ксендзов отражается на судьбе униженных, бедствующих еврейских масс Галиции. Довольные такими покорными слугами своеї политики, поляки с тем большеї яростью накидывались на тех евреев, которые осмеливались вести свою национальную политику. Во Львове и Кракове народовые демократы так же громко кричали о недопустимости „третьеї нации", как в Варшаве — о том, что они не потерпят „двух нациї над Вислоїї". Бессильные в деле ополячения крестьянских масс русинов, поляки направляли все свое ассимиляторское усердие на экономически зависимое от них еврейское городское население. Признание еврейской национальности не допускалось даже польскими социал-демократами. Еврейские социалисты, требовавшие такого признания, вынуждены были уїти из рядов Польскоїї Социалистической Партии с клеймом „сепаратистов". Лидер польской социалистическої фракции реїхсрата Дашинскиї не признавал ни еврейскоїї нации, ни ее языка и прав на культурную автономию.

А между тем еврейское национальное движение все росло. Студенты в австрийских университетах записывались при регистрации „евреями" по языку и национальности, вопреки нелепому австрийскому закону, споривщему с историеї. Их преследовали, исключали из университетов, требуя, чтобы они приписались к какоїї-либо законом признанноїї нации, но „бунтовщики" не уступали. Большая демонстрация была устроена во время народноїї переписи, в декабре 1910 г. Несмотря на предупреждение правительства, что граждане обязаны обозначать в переписных листах только один из восьми признанных „обиходных языков", к которым еврейскиї язык не причислен, очень многие отмечали в графе об языке именно еврейскиї. К этому призывали в публичных собраниях сионисты, народники и социалисты. Во многих городах Галиции и Буковины еврейские комитеты по переписи облегчали населению процедуру заполнения переписных листков. Успех был значительный. В Черновицах три четверти еврейского населения, а в ополяченном Кракове одна четверть

обозначили своим обиходным языком еврейский. В обеих провинциях около половины еврейского населения прокламировало свой народный язык демонстративно, хотя и знало, что австрийские власти не примут во внимание таких заявлений, а суд может еще наказать за отступление от закона. Многие действительно были оштрафованы. Иные не устояли и заменяли на листках еврейский язык польским. Так составлялась национальная статистика в „государстве национальностей“.

В 1909 г. буковинский ландтаг обсуждал проект нового избирательного закона для этой области, где стотысячное еврейское население занимало видное место рядом с признанными четырьмя нациями: немцами, русинами, румынами и поляками. При обсуждении вопроса о национальных куриях, ландтаг высказался за предоставление евреям отдельной курии. Австрийское правительство, запутавшееся в бесконечных национальных распрях, может быть, одобрило бы это решение, в виде из'ятия из общих правил для одной окраины государства, если бы евреи единодушно настаивали на этом. Но тут вмешались в дело влиятельные ассимиляторы. Два депутата рейхсрата, Куранда из фракции немецких прогрессистов и Левинштейн из польского коло, просили министра-президента Биперта, чтобы правительство не утвердило решения ландтага, которое „стесняет свободу еврея в выборе национальности“. Эти два депутата недаром отстаивали ту свободу торговли национальностью, которая их самих привела в рейхсрат, как „немца“ и „поляка“. Представители еврейской национальной партии ходатайствовали об утверждении буковинского решения, но им пришлось выслушать от министра возражение, что если часть евреев не признает своей национальности, то и правительство не может признать ее, тем более, что „жаргон“ не причислен к официально признанным языкам.

Борьба националистов и ассимиляторов привела к катастрофе во время парламентских выборов 1911 года. В галицийском городе Дрогобич соперничали на выборах в рейхсрат два кандидата: сионист Циппер и упомянутый ставленник поляков Левинштейн. Последний одержал победу при помощи той грубой фальсификации выборов, в которой польские власти достигли виртуозности: избирателей-сионистов часто отгоняли от уря, поданные ими бюллетени браковали по ничтожным поводам, а за Левинштейна принимались даже подложные бюллетени. Воз-

мущенные этим, еврейские националисты бурно выражали свой протест. Группа протестантов, преимущественно рабочие, разрушила бюро Левинштейна, где орудовали агенты-подделыватели, и двинулась к зданию, где подавались бюллетени, чтобы обнаружить подлог. Но по дороге протестанты были остановлены полицией и войсками, которые по приказу начальников-поляков открыли по ним стрельбу. 20 человек было убито, а еще больше ранено (19 июня). Весть об этом злодействе потрясла еврейский мир: в борьбе за национальность пролилась братская кровь, еврей разил еврея рукою заклятого врага народа. В рейхстаге, при обсуждении запроса о катастрофе, разгорелись продолжительные прения. Поляки, разумеется, свалили вину на „мятежников" сионистов и социалистов. Было решено строго расследовать дело и вознаградить пострадавшие семейства. Польские власти в крае повели следствие так, чтобы не обнаружить своих выборных махинаций. Новые выборы принесли поражение еврейской национальной партии: от нее прошел только буковинский депутат Штраухер; от Галиции прошли Левинштейн и еще шесть евреев-поляков, а также несколько социалистов (Диамант и др.); из евреев-немцев были избраны Куранда и Офнер. Еврейская парламентская фракция перестала существовать. Единственным утешением для евреев было крупное поражение антисемитов из партии „христианских социалистов", потерявшей на выборах много мест даже в своей цитадели, Вене, но их место заняли немецкие националисты, среди которых преобладали тоже антисемиты. Польские депутаты в рейхсрате вынуждены были сдерживать свои юдофобские чувства, чтобы не испортить отношений с еврейскими членами своего коло; та же политика сдержанности на словах соблюдалась и в галицийском сейме, но в хозяйственной жизни поляки проводили прежнюю тактику вытеснения евреев из различных профессий.

Экономический национализм поляков был еще хуже политического по своим последствиям для благосостояния народных масс Он был главною причиною той галицко-еврейской нищеты, которая вошла в пословицу. Весь край был покрыт сетью потребительных сельских обществ, устроенных поляками-патриотами главным образом для того, чтобы отнять грошовый заработок у мелкого торговца-еврея. Монополизация соляных копей и питейного промысла в Галиции отняла заработок у тысячи еврей-

ских семейств. Получив в свое ведение винную торговлю (1911), галицийские власти выдавали концессии на содержание шинков в первую очередь полякам и отказывали в этом многим еврейским семьям, которые издавна были вовлечены в шинкарский промысел старым панским режимом „пропинации“. Из 15 тысяч еврейских шинкарей прежнего времени свыше 8.000 кормильцев семей были устранены от этого дела, и около 40 тысяч человек осталось без хлеба. Две тысячи таких бедняков прибыли в Вену и устроили там уличную демонстрацию, требуя помощи от правительства. Министры обещали помочь, но не исполнили обещания. Галицийский сейм обсуждал вопрос об облегчении еврейской нужды и разослал для этого анкеты, но не подумал о корне зла—национальном гнете в экономической области. Впрочем, значительная часть вины падала на самих евреев. Культурная отсталость масс, цепко державшихся за старые промыслы и примитивные способы производства, недостаток общего образования и предприимчивости в сонных хасидских местечках,—все это плодило поколения бедняков. Общественные организации (фонд барона Гирша, Еврейский Союз в Вене и др.) продолжали свою деятельность по учреждению общеобразовательных и профессиональных школ, обществ мелкого кредита и бюро помощи эмигрантам, но все это не устраняло нужды, коренившейся в экономической отсталости края и польском хозяйственном гнете.

Спокойнее с внешней стороны жилось в это время евреям в другой густо населенной ими части империи—в Венгрии (число евреев в Галиции и Венгрии было в ту эпоху почти одинаково: между 800.000 и 900.000). В Будапеште так были заняты борьбою за независимость от Вены и внутренней борьбой с сепаратизмом славянского населения, что некогда было заниматься старым еврейским вопросом. В политических партиях, проникнутых идеей единого мадьярского государства, утвердилось мнение, что евреи наиболее поддаются мадьяризации и более благонадежны в политическом отношении, чем славяне или румыны. И действительно, венгерские евреи, частью ассимилированные, частью запуганные вспышкою антисемитизма 80-х годов прошлого века, не пред'являли правительству никаких национальных требований. Они держались в пределах скромной „религиозной группы“, демонстрируя это мелкими распрями между ортодоксами и реформистами в „вероисповедных общинах“. Раскол

между этими партиями разделял еврейское население каждого города на две общины с отдельными синагогами, духовным персоналом и благотворительными учреждениями для каждой. И друзья, и враги упрекали венгерских евреев в том, что они образуют как бы две конфессиональные группы. Ортодоксы были особенно непримиримы в борьбе против всяких новшеств в религиозном культе и обычаях. Они имели значительный численный перевес: в 1906 г. из 579 главных общин было 308 ортодоксальных и 271 реформистская, а из 1.769 мелких общин было 1.270 ортодоксальных и только 499 реформистских. Древнее благочестие ютилось преимущественно в глухих местечках, как в Польше. У ортодоксов национальная идея тонула в религиозной, а у реформистов-неологов ее вытесняла ассимиляция. Поэтому некому было здесь вести борьбу за государственное признание еврейской национальности. Обе партии добивались не национальной, а конфессиональной автономии общин, самостоятельности каждого толка. Венгерское правительство требовало, чтобы с'езд выборных от всех общин выработал проект устройства и самоуправления их, но враждующие партии не могли сойтись. В начале 1912 г. удалось, наконец, созвать в Будапеште конгресс представителей обеих партий. На конгрессе раздавались пламенные призывы к единению, к созданию центральной организации общин или одной „канцелярии“ вместо прежних двух. Была принята резолюция о „единстве и неделимости еврейства“ в пределах автономных общин. Однако благие намерения не осуществились. Из слишком 2.000 общин на конгрессе были представлены только 243, и в том числе только 26 ортодоксальных. При таком составе с'езда ортодоксы не могли считать себя связанными его решением. Был созван новый с'езд, исключительно из ортодоксов, и об'явил недействительными решения предыдущего конгресса. Мысль об единой организации была отвергнута, и религиозный дуализм в общинах остался столь же прочным, как политический дуализм в общем строе двуединой империи.

Теряя свою энергию на внутренние распри, венгерские евреи не замечали теней недавнего антисемитизма, еще появлявшихся на горизонте. Главная опора мадьяризированной еврейской интеллигенции, патриотическая „партия независимости“, сама не была свободна от антисемитской бациллы. Довольно часто в Венгрии практиковались прусские приемы. Еврейскому

учителю очень трудно было получить место в общей народной школе, а еврейскому ученому—кафедру в университете. Еврейские депутаты венгерского парламента пропускались сквозь фильтр ультра-национальных венгерских партий. 10—15 благонамеренных депутатов смирно сидели в палате, не смея заикнуться о национальных интересах еврейства. Они сами сочли бы такое требование нарушением старого „торгового договора“: ассимиляция за эмансипацию. Только постепенно распространявшийся в стране сионизм вносил свежую струю в некоторые круги венгерско-еврейской интеллигенции, пролагая путь более широкой национальной идеологии.

§ 17. Франция, Англия и Италия.

В политической истории Франции начало 20-го века резко отличается от конца предыдущего. Тогда не окрепший еще республиканский режим должен был обороняться от множества врагов из лагеря роялистов и клерикалов, действовавших под модной маской „националистов“ и антисемитов. Дело Дрейфуса, „афера“ реакции, разоблачило этих заговорщиков против республики, и они предстали пред судом нации, уставшей от непрерывной смены форм правления и жаждавшей успокоения. В первые годы нового века во главе управления стояли честные республиканцы: президент Лубе и премьер-министры Вальдек-Руссо и Комб, которые решились окончательно раздавить многоголовую гидру реакции. Она гнездилась, главным образом, в католических монастырях и конгрегациях, в сети церковных школ, которою духовенство покрыло всю страну, направляя народное образование в средневековом духе. Министр Комб, наиболее решительный в борьбе с клерикализмом, нанес ему сильный удар тем, что с одобрения парламента закрыл все эти рассадники суеверия и водворил в стране единую светскую школу (1902). Затем правительство и обе палаты пошли дальше: в 1905 году издан закон об отделении церкви от государства, в силу которого республика допускает свободу религиозных культов, но не поддерживает ни одного из них и предоставляет попечение о них частным религиозным организациям. Все эти акты ослабили политическое влияние клерикальной реакции и ее спутника—антисемитизма. Дрюмон и его компания потеряли прежнее влия-

ние. В 1900 году партия националистов или антисемитов имела еще большинство в парижском городском управлении, но выборы 1904 года оставили ее в меньшинстве: столица потеряла доверие к политическим дельцам и скандалистам. Общественная атмосфера очистилась.

Запуганное многолетним антисемитским террором, французское еврейство могло бы теперь приняться за обновление своего внутреннего строя, если бы в нем не изсяк источник национальной энергии. Даже акт „сепарации“ (отделение церкви от государства), коснувшийся и еврейской общины, не вызвал той потребности реформ в ней, на которую можно было рассчитывать. В 1808 году Наполеон I ввел еврейскую общину в узду консисториального строя, превратив ее в синагогальный приход, а раввинов — в чиновников, которым стали выдавать казенное жалованье. Теперь опека была снята: евреи могли везде организовывать свои ассоциации не только религиозные, но и национальные, с известной автономией. Но лозунги „национальных прав“, шедшие тогда из революционной России, не находили отклика в основательно ассимилированном ядре французского еврейства. Акт сепарации на первых порах смутил раввинов и прихожан синагог, которые опасались, что при господствующем религиозном индифферентизме общины совсем распадутся после отказа правительства платить жалованье еврейскому духовенству. Скоро однако, выход был найден. Подобно католикам и протестантам, евреи стали устраивать свои религиозные ассоциации вместо прежних консисториальных общин. В 1906 году образовалось свыше 60 таких обществ, и представители их, в лице раввинов Франции и Алжира, учредили „центральный совет“ для попечения о духовных нуждах еврейского населения. Был избран новый главный или „великий“ раввин, Альфред Леви из Лиона, вместо умершего в 1907 г. популярного раввина Цадока Кана. Были проведены некоторые маленькие религиозные реформы; разрешено, например, ездить по улицам в электрических трамваях по субботам и праздникам, для привлечения публики в синагоги, но дальше таких мелочей обновление не пошло. Национально обезличенное еврейство Франции не имело тех импульсов внутреннего обновления, которые вызывали столько шума и движения в больших восточных центрах нации. Только приток эмигрантов из этих центров мешал спокойному сну фран-

цузской группы еврейства и до некоторой степени приобщал ее к общенародному делу.

Еврейские странники из России стали селиться в Париже значительными группами после погромов 1905—1906 годов. Раньше во Францию шла школьная эмиграция: часть молодежи, не допущенной в русские университеты, направлялась в высшие школы Парижа, Нанси, Монпелье. В Латинском квартале Парижа образовалась небольшая колония таких школьных и частью политических эмигрантов. Но позже рядом с нею, в бедных закоулках столицы, выросло новое гетто, заселенное еврейскими ремесленниками и рабочими, бежавшими из России от полицейского гнета и уличных погромов. Пришлые портные, сапожники, столяры продавали свой дешевый труд владельцам роскошных модных магазинов, а сами со своими семьями влачили жалкое полуголодное существование в темных подвалах позади нарядных улиц Парижа. В 1910 г. таких пришельцев насчитывалось в Париже свыше 50.000. Конкурренция пришлого дешевого труда давала себя чувствовать французским рабочим, которые в то время вели упорную борьбу с работодателями за повышение заработной платы. На этой почве возникла антисемитская агитация среди рабочих; от старого клича: „Долой Ротшильдов!“ многие готовы были перейти к новому: „Долой пришлых еврейских рабочих!“ Евреи поняли опасность и во-время предупредили ее. Многие эмигранты стали записываться в члены французских профессиональных союзов и рабочих синдикатов, а также устраивали свои собственные организации взаимопомощи. Лучшее будущее сулили этим беднякам сионисты с одной стороны и социалисты с другой. Лидер сионистов Макс Нордау не раз произносил свои агитационные речи в еврейском народном университете, возникшем в этом гетто. Родная речь Литвы и Волыни звучала в тесных уличках, прилегающих к „Ривелес-Гасс“ (так называли эмигранты большую Rue de Rivoli), еврейские надписи появились на вывесках мастерских и лавок. Здесь культивировалась та национальная самобытность, которая на чужбине предохраняла странников от нравственного одиночества и давала им силу сопротивления давлению окружающей среды.

Будущая амальгама западного и восточного еврейства намечалась в Англии, куда еще раньше стали проникать эмигрантские влияния. Еврейский город в восточной части Лондона,

Ист-Энд с Уайтчепелем в центре, разростался с быстротою, необычною для наиболее густо населенной европейской столицы. В этом квартале пришлое еврейское население стало уже преобладать над коренным. В первое десятилетие 20-го века из 150.000 живших в Лондоне евреев было около ста тысяч пришельцев из Восточной Европы. Росло также пришлое еврейское население в таких провинциальных городах, где его раньше почти не было: в Манчестере (около 25.000 в 1908 г.), Лидсе (15.000), Гласго и Ливерпуле (по 7000). В 1911 г. общее число евреев в Англии определялось приблизительно в четверть миллиона. Этот рост иммиграции в стране, которая вследствие избытка людей сама была страною эмиграции, воскресил здесь тень еврейского вопроса под видом общего вопроса об иностранцах (aliens). Пришельцы—слышались голоса—вытесняют английских рабочих из ряда профессий, в особенности из портняжного ремесла, и вызывают чрезмерную скученность населения в рабочих кварталах городов. Правительство и парламент не могли игнорировать этот экономический вопрос. В течение нескольких лет (1902—1905) особая парламентская комиссия занималась исследованием иммиграции и обсуждала билль об иностранцах (Aliens bill) в смысле запрещения в'езда бедных переселенцев. Билль был направлен против иммиграции вообще, но было ясно, что применение его отразится больше всего на невольных еврейских странниках из России и Румынии. Этим об'яснялись и волнение евреев, и колебание английского правительства, которое не могло легко решиться отказать в приюте гонимым из стран деспотизма и бесправия. Билль был принят парламентом в смягченной форме. Был установлен контроль при высадке переселенцев в английских портах; больные и бедняки, не могущие уплатить 5 фунтов за себя и по 2 фунта за каждого члена своей семьи, не выпускались на берег; но все эти строгости не распространялись на лиц, вынужденных эмигрировать из родины „вследствие религиозных или политических гонений“. Последняя оговорка, имевшая в виду русских и румынских евреев, была внесена по предложению самого английского правительства. Путь эмигрантам в Англию, таким образом, не был отрезан, а только затруднен. Впрочем, обострение рабочего вопроса в Англии в те годы само по себе удерживало многих от переселений туда.

Был момент, когда казалось, что призрак антисемитизма пронесся по стране и что свободной Англии не миновать этой язвы века. В августе 1911 г. в углепромышленном районе Южного Уэльса, с его знаменитым Кардифом в центре, произошли грозные события. В Тредегаре и нескольких других городах в связи с об'явленной забастовкой рабочих, уличная толпа громила еврейские дома и лавки и грабила имущество. В толпе слышались крики, что еврен-домовладельцы поднимают квартирную плату в своих домах, а лавочники взыскивают судом деньги за товар, отпущенный рабочим в кредит. Как выяснилось потом на суде, кучка евреев была в этом повинна не более, чем христианские домовладельцы и лавочники, но чья-то темная агитация направила толпу против иностранных евреев, как раньше двинула ее против китайцев в угольных копях Кардифа. Английское общество и пресса были возмущены этими погромами; вожди рабочих союзов об'явили, что в уличных эксцессах участвовали только хулиганы из местных углекопов; митинг протеста в самом Тредегаре выразил этим буянам свое „глубокое презрение", а „мирным согражданам евреям"—свое сочувствие; суд наказал виновных тюремным заключением и возместил убытки потерпевшим. Тем не менее осадок горечи остался в душе английских евреев: погром в Англии, хотя и без человеческих жертв и без поддержки властей, казался чем-то зловещим. Сначала можно было утешаться тем, что это—антиалленизм, а не антисемитизм; но бывали случаи, свидетельствовавшие о противном. В некоторой части английской прессы велась агитация против двух евреев-министров в кабинете Асквита—Герберта Сэмюэля и Руфуса Айзекса, которые обвинялись вместе с канцлером казначейства Ллойд-Джорджем (позднейшим премьером) в корыстных целях при заключении договора с компанией беспроволочного телеграфа Маркони. Парламентская комиссия расследовала дело и признала обвинение ложным, а премьер Асквит выразил в парламенте свое возмущение по поводу „призыва к расовым и религиозным страстям" (1913). Один идеолог английского антисемитизма. Честертон, счел нужным заявить, что он не столько антисемит, сколько „асемит", не желающий, чтобы евреи, отрекшиеся от своей национальности, вступали в английскую нацию, ибо еврей не может сделаться англичанином и должен занимать особое положение в обществе. Поскольку под „особым положением" не

подразумевалось ограничение гражданских прав, такая агитация была направлена лишь против ассимилированных евреев и носила характер культурной борьбы.

В отличие от ассимилированного лондонского Вест-Энда, эмигрантский Ист-Энд не проявлял никаких стремлений к проникновению в английское общество. Еврейский язык в частной и публичной жизни, еврейские газеты и народный театр, особые трэд-юнионы рабочих-евреев, сеть общинных учреждений и партийных организаций,—все это придавало восточному Лондону вид города российской черты оседлости. Тяжело жилось здесь, в кварталах Уайтчепеля, стотысячной массе давних и новых переселенцев. Практиковалась прежняя „потогонная система“ в портняжных мастерских и на фабриках готового платья, где за 14-часовой рабочий день обыкновенно платили три шиллинга. Патриархальная бедность литовско-польских городов проявлялась здесь в модернизованных формах пролетарского быта. Против этой грубой эксплоатации труда боролись свои же профессиональные союзы рабочих, которые по временам устраивали стачки, требуя сокращения рабочего дня и повышения платы. Иногда еврейские и христианские рабочие действовали солидарно. Когда весною 1912 г. забастовали портные-христиане богатого Вест-Энда, еврейские портные Ист-Энда отказались исполнять заказы, переданные из другой части города, и даже сами забастовали с целью поддержать товарищей. Эта солидарность пролетариата обеих национальностей служила наилучшим предохранительным средством против столкновений, вызываемых конкурренцией пришлого труда с туземным.

Классовая солидарность с туземцами не мешала в общем национальной самобытности еврейского Ист-Энда. Конечно, дети эмигрантов, прошедшие через английскую школу, проявили склонность к европеизации в английском духе и отличались от своих патриархальных отцов, но до полного отчуждения между двумя поколениями не доходило. Напротив, группы эмигрантской молодежи, обучавшейся в английских университетах, образовали свои национальные студенческие союзы—сионистский в Оксфорде и общенациональный в Кембридже. Это небывалое в Англии событие (1909) встревожило образованных „англичан иудейского исповедания“. Их испуг особенно усилился, когда в газетах появилась беседа одного журналиста с видным лондонским сио-

нистом, адвокатом Бентвичем, который заявил, что еврейские студенты должны устраивать свои национальные союзы, ибо люди, не происходящие от родителей-англичан, не могут быть англичанами по национальности или по духу. В ответ на это заявление, 25 представителей лондонского еврейского общества (Клод Монтефиоре, лорд Ротшильд и др.) опубликовали в „Еврейской Хронике“ следующий протест: „Нас глубоко огорчает утверждение, будто евреи не являются всецело англичанами по духу и не могут стать таковыми. Мы отвергаем различие, проводимое между евреями и лицами, происходящими от английских родителей, ибо полагаем, что евреи могут считаться природными англичанами, исповедуя иудейскую религию. Иудаизм не препятствует своим последователям быть англичанами по духу. Мы считаем опасным то, что еврейская учащаяся молодежь проникается взглядами, которые ведут к отчуждению евреев от прочих англичан. Это может возбудить сомнение в патриотизме евреев. Мы не находим, чтобы было логично требовать прав и обязанностей английского гражданства со стороны лиц, которые не могут вполне слиться с английской нацией и быть англичанами по духу“. Рабский страх звучал в этих словах гордых патрициев: они боялись, чтобы кто-либо не счел нарушенными условия, на которых евреям дали равноправие в Англии. Плебеи восточного Лондона не считались с этими унизительными условиями национальной капитуляции, и даже коренной английский народ не требовал от евреев, чтобы они были „англичанами по духу“. Страхи еврейского Вест-Энда не оправдались, и ему предстояло еще многому поучиться у пришельцев Ист-Энда для того, чтобы перейти в фазис синтеза старого и нового еврейства.

Национальная идея проникала постепенно в страну, где гость евреев считалась уже затерянною среди христианских масс — в Италию. Здесь не было и того притока национальной энергии, который приносили с собою в Англию и Францию восточные эмигранты, ибо Италия сама посылала свою бедноту в Америку, по пути странствующего еврейства. Все в строе итальянской общественной жизни благоприятствовало ассимиляции евреев. Политическое и гражданское равенство осуществлялось в полном об'еме. По-прежнему, евреи часто занимали видные посты на государственной и общественной службе. Бывший профессор-юрист, многолетний член парламента Луиджи Луццати был

министром финансов, а в 1910 г. занял пост премьер-министра в либеральном кабинете. То был первый еврей, стоявший во главе правительства великой державы (его предшественник Соннино, сын еврея и христианки, считался христианином). Синдиком или городским головою Рима был избран в 1907 г. популярный муниципальный деятель, член масонского ордена, еврей Эрнесто Натан. Судьбе угодно было поставить во главе нового Рима потомка узников римского гетто после того, как развенчанный глава старого папского Рима сделался узником Ватикана. В качестве представителя итальянской столицы на различных торжествах, Натану нередко приходилось произносить и политические речи. В своей речи по случаю сорокалетия со дня вступления королевских войск в Рим (сентябрь 1910) городской голова сравнивал свободную столицу новой Италии со старой резиденцией пап и кардиналов, мрачным клерикальным гнездом, где существовали инквизиция для еретиков и замкнутое гетто для евреев. Речь Натана произвела сильное впечатление и, конечно, не понравилась клерикалам. Они подняли в своей прессе крик об оскорблении папы евреем-масоном. Сам папа Пий X опубликовал протест против поношения католической церкви со стороны представителя враждебной ей власти. Натан ответил наше открытым письмом в газетах, где доказывал, что не желал оскорблять ничьего религиозного чувства, а только напомнил об исторических фактах и готов отвечать перед судом страны и своими избирателями, если он нарушил долг гражданина или городского синдика. „Если же—писал он—я нарушил закон религии, то я дам ответ только перед Богом, ибо посредников между Ним и людьми не признаю". Искренний и смелый тон этой отповеди, в последних словах которой был вызов папизму, привел в восторг свободомыслящих людей, и только одержимые страхом ассимилированные евреи Германии осудили ее, боясь недовольства немецких католиков.

Конечно, все эти государственные и общественные деятели Италии были еще далеки от национального еврейства. Как либерал, а не только как еврей, Луццати оффициально порицал юдофобскую политику Румынии; как свободомыслящий масон, Натан боролся против клерикализма. Тем не менее агитаторы Ватикана выставляли всю политику итальянского правительства делом евреев, находящихся в союзе с масонами. Агитация имела

некоторый успех во время итальянско-турецкой войны 1911—1912 гг., окончившейся присоединением африканских провинций Триполи и Киренаики к Италии. Война, всегда возбуждающая дурные страсти под маскою патриотизма, сблизила либералов с клерикалами, и на этой почве появились ростки антисемитизма. Когда в немецких и английских либеральных газетах были напечатаны статьи против завоевательной политики Италии, итальянские газеты заговорили о враждебности заграничной „еврейской“ прессы к Италии и преднамеренной ее агитации в пользу Турции. Клерикалы доказывали, что иначе и быть не может, ибо при борьбе христиан с мусульманами евреи всегда стоят на стороне ислама, стремясь искоренить христианство. Вредных последствий эта агитация не имела. Еврейская депутация с Луццати во главе, представившаяся королю Виктору Эммануилу II в марте 1912 г., выслушала от него много хороших успокоительных слов. Король-гражданин демонстративно посетил синагогу в Риме и еще одну в провинции и там, в ответ на приветствие, произнес речь, в которой восхвалял „патриотизм и высокие духовные качества евреев“. С благополучным окончанием африканской войны, потребовавшей жертв и от еврейского населения, антисемитская вспышка в Италии погасла.

Однако, промелькнувшая тень антисемитизма заставила чутких людей призадуматься. Пропаганда сионизма стала больше привлекать внимание; пробуждалось национальное сознание, особенно среди молодежи. Осенью 1911 года во Флоренции, по инициативе раввина С. Маргалиота, состоялся с'езд еврейской молодежи, где говорились пламенные речи о духовном возрождении нации, о воссоздании „динамического иудаизма“ с его высокими социально-этическими идеалами, о национальном воспитании и развитии еврейской культуры. Было решено об'единить ранее существовавшие кружки „Еврейской Культуры“ (Pro cultura Ebraica) для чтения рефератов по еврейской истории и современным проблемам, открывать курсы для изучения еврейского языка и литературы. На с'езде в Риме, в феврале 1914 года, говорилось о положении 30.000 евреев в присоединенных областях Триполи и Киренаики, сразу почти удвоивших численность итальянского еврейства. Из рядов молодежи национальное движение проникло и в среду людей старшего поколения. Возникла мысль о создании союза еврейских общин Италии, как символа национального

единства. Созванный для этой цели в Риме конгресс представителей общин (май 1914) не осмелился сразу образовать центральную организацию общин на автономных началах, но он уже наметил переход от конфессиональной к национальной общине. В принятом уставе общинного союза главною задачею его признана „забота обо всем, что представляет общий интерес для всех общин, особенно же о развитии еврейской культуры". Так началась, за три месяца до мировой войны, организация еврейства в стране, где в то время числилось 74 тысячи евреев (из них в европейской Италии 44.000). Мировая война, в которую скоро втянулась и Италия, прервала этот процесс национального возрождения.

Источники и литература.

§ 1.—Marz, Der Sieg des Judentums über das Germanentum. Bern, 1879; Treitschke, Ein Wort über unser Judentum, Berlin, 1880 (Preussische Jahrbücher, Bd. 44—45); Mommsen, Auch ein Wort über unser Judentum, Berlin, 1880; Stöcker, Das moderne Judentum, Berlin, 1880; Dühring, Die Judenfrage als Racen-Sitten-und Culturfrage, 1881; Auerbach, Das Judentum und seine Bekenner in Preussen, 1—21, 85—93. Berlin, 1890; M. Philippson, Neueste Geschichte des jüdischen Volkes, Bd. II, Leipzig, 1910 (не всегда точные указания).

§ 2.—Allgemeine Zeitung des Judentums, herausg. v. h. Philippson in Bonn, 1880—81; Mitteilungen vom Deutsch-israelitischen Gemeindebunde, 1880—81 (Leipzig); Auerbach l. c. 21—47, „Разсвет", органъ русскихъ евреевъ, Петербургъ, 1880 (№№ 46—52) и 1881 г.; „Восходъ" (ежемесячный журналъ). в отд. „Иностранное обозрение" и „Письма изъ Германии", Петербургъ, 1881.

§ 3.—Allg. Zeit. d. jud. и другие еврейские журналы за 1882—1890 г.г: Auerbach, l. c. 58—64, 93—99, 100—123; Philippson, l. c. II, 30—40. 123—125; Ed. Hartmann. Das Judentum in Gegenwart und Zukunft, Leipzig, 1885 (см. Мстиславский, Эдуард Гартман о еврействе, „Восходъ" 1885 г., кн. 9—10); Singer, Briefe berühmter Christlichen Zeitgenossen über die Judenfrage, Wien, 1885 (см. „Восходъ" 1886, кн. 4), Auerbach, l. c. 58—64, 93—99, 109—111, 117 сл.

§ 4.—Mitteilungen aus dem Verein Zur Abwehr des Antisemitismus, Berlin, 1891—96; Кантонский процессъ, стенографический отчетъ („Восходъ". 1892 г., кн. 7—12); P. Nathan, Der Prozess Buschhof, Berlin, 1892; Конницкий процессъ—„Восходъ" (еженед.) 1900 г. № 29 и 1901 г. №№ 10—12; Левн, Деятельность Союза германскихъ гражданъ іудейскаго исповедания („Восходъ" 1897 г., кн. 1); Chamberlain, Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts, 1899 (имеется русск. перевод изд. Суворина, 1907).

§ 5.—Ruppin. Die Juden der Gegenwart, Berlin. 1904 (русск. перев. изд. „Сафрут", Москва 1907: „Еврей нашего времени"); Руппин. Соціальное положение евреевъ в Германии, статистический очеркъ („Восходъ" 1902 г., кн. 4 и 9); Samter, Judentaufen im XIX Jahrhundert, Berlin, 1906; Philippson II, 129, 139, 175, 256; Дубновъ, Историографъ еврейства Грецъ („Восходъ" 1892 г., со 2-й книжки).

§§ 6 и 7.—Oesterreichische Wochenschrift, herausg. v. Dr. Bloch, Wien, 1884—96; Bloch, Acten und Gutachten in dem Prozesse Rohling. Bd. 1—2, Wien, 1890—91; Auerbach, l. c. 48—49; Philippson, II, 69—76, 81—87.

Die Juden in Oesterreich, herausg. v. Bureau für Statistic d. Juden, Berlin, 1908; ср. Кареев, История Западной Европы, т. VI, ч. 2, глава «Обострение борьбы национальностей в Австро-Венгрии» (Спб. 1014).

§§ 8 и 9.—Кроме названных выше источников, см. Veritas, Письма из Галиции („Восход" ежемесячн. 1883—1891 г.г.); Auerbach, 61—69 (процесс Риттера); Кастелянский (ред.), Формы национального движения в современных государствах, Спб. 1910 (о странах Славянской Австрии); P. Nathan, Der Prozess von Tissa-Eslar, Berlin, 1892 (ср. отчет о тисса-эларском деле в „Хронике Восхода" 1883 г., №№ 24—33 и в книжках „Восхода" 1883 г., кн. 7—12).

§ 10.—Die Juden in Oesterreich, Кар. 5—9; Ландау, Среди еврейского пролетариата (Галиция), Одесса, 1898; Weissberg, Aufklärungsliteratur in Galizien, Kemberg, 1898; Критикус: Еврейский вопрос в романе („Восход" 1885 г., кн. X, Литер. Летопись); Трагизм еврейской жизни в рассказах Франкоза (там же 1886 г., кн. 2); Параллели из жизни (там-же, 1888 г., кн. 5—6: о романе Браудеса); Еврейские идиллии Захер-Мазоха (Там-же, 1889 г., кн. 1).

§§ 11—13.—Levaillant, La genèse de l'antisemitisme sous la troisième republique (Rev. d. et. juiv. 1907); Ромбро, Антисемитизм во Франции („Восход" 1884 г., кн. 1—2); Drumont, La France juive, Paris. 1886, Reinach, Histoire de l'affaire Dreyfuss, vol. 1—6, Paris, 1901—1908; Dreyfus Case (Jewish Encyclopedia, vol. IV); Людвиполь, Бернар Лазар („Восход" 1900, кн. 5); Дармстетер, Les prophètes d'Istraël, Paris, 1892 (ср. „Восход". 1904 г., кн. 7 и 9, ст. „Профетизм").

§ 14.—Jewish Chronicle, London, 1881—1900; Russeland Lewis, The Jew in London, 1901; Рапопорт, Евреи в Лондоне („Восход" 1901 г., кн. 2); Рускин, Евреи современной Италии (там-же, 1894 г., кн. 3—4). Nossig, Jüdische Statistik, Berlin, 1903; Статья „Netherlands" в Jew. Encyclopedia, vol. IX, 232—33; русско-еврейские периодические издания этой эпохи.

§ 15.—Allgem. Zeitung d. Judentums 1901—1914; Der politische Antisemitismus 1903 bis 1907, herausg. v. Verein Zur Abwehr d. Antisemitismus, Berlin, 1907; Philippson, l. c. II, 56—68, 179, 255; Sombart, Die Zukunft der Juden, Leipzig, 1912; Ruppin, Die Judon der Gegenwart, ed. 1911.

§ 16.—Die Juden in Oesterreich (статистика), 1908; Кастелянский, Формы национального движения, стр. 3—68 и 181—189; Бирнбаум, Еврейская политика в Австрии (сборн. „Еврейский Мир" 1910, кн. 3); периодические издания 1901—1914 г.г. (Allg. Zeitung и др).

§ 17.—Jewish Chronicle и. Archives Israelites 1901—1914 г.г. „Новый Восход" и „Рассвет" за те же годы; „Гашилоах" (журн. на евр. языке), томы 26—30, в иностранных обзорах; Philippson, II, 281—284; American Jewich Jear-Booc, 1911—12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

Глава I.—Антисемитизм в Германии (1881—1900 г.г.).

§ 1. Новая юдофобская реакция и ее причины. 5
§ 2. Антисемитская петиция и травля евреев (1880—81 г.г.) 16
§ 3. Конгрессы антисемитов и усиление партии (1882—90 г.г.) 27
§ 4. Антисемиты в парламенте. Ритуальные процессы и союзы обороны (1891—1900 г.г.) 36
§ 5. Статистика. Внутренняя жизнь 46

Глава II.—Антисемитизм в Австро-Венгрии (1881—1900 г.г.).

§ 6. Немецкая Австрия. Агитация в Вене и процесс Ролинга 53
§ 7. Антисемиты в Венской Городской Думе 61
§ 8. Славянская Австрия: Галиция и Богемия 65
§ 9. Вспышка антисемитизма в Венгрии и тисса-эсларское дело . . . 75
§ 10. Внутренняя жизнь и литература 83

Глава III. Малые центры еврейства в Европе до конца XIX века.

§ 11. Антисемитизм во Франции 89
§ 12. Дело Дрейфуса 94
§ 13. Внутренняя жизнь французских евреев 101
§ 14. Англия, Голландия, Бельгия, Италия, Швейцария, Скандинавия, Испания и Португалия 106

Глава IV. Западное еврейство в начале XX века до мировой войны (политический обзор).

§ 15. Германия (1901—1914 г.г.). 119
§ 16. Австро-Венгрия (1901—1914 г.г.) 127
§ 17. Франция, Англия и Италия 136
Источники и литература 146

Этот и один первый.

Автограф издателей

Франкель, Краевского
и сокр. издательства

Автор книги - Судьбо
прибыл в Вильнюсский
детдом в 1991 г.

Boston Athen. Lib. U. S. A.